

ЕСЕНИН

ЕСЕНИН. КАЗНЬ ПОСЛЕ УБИЙСТВА

Виктор КУЗНЕЦОВ

СЕРИЯ «ТАЙНЫ ВЕЛИКИХ»

Виктор Кузнецов

**СЕРГЕЙ ЕСЕНИН.
КАЗНЬ ПОСЛЕ УБИЙСТВА**

Издательский Дом «Нева»
Санкт-Петербург
Москва
2006

ББК 63.3
К 89

Кузнецов В.

К 89   Сергей Есенин. Казнь после убийства. — СПб.:
Издательский Дом «Нева», 2006. — 352 с.

ISBN 5-7654-4497-0

Книга писателя и литературоведа Виктора Кузнецова «Тайна гибели Есенина» (М., «Современник», 1998) вызвала большой интерес в России и за рубежом. В исследовании впервые использовались недавно еще секретные архивно-документальные источники из труднодоступных фондов (ВЧК–ГПУ–НКВД, МВД и др.).

В своей существенно дополненной и переработанной книге В. И. Кузнецов представляет новые факты и аргументы, убедительно доказывающие убийство великого русского поэта. К основному тексту работы прилагаются воспоминания и материалы современников, дополняющие его биографический портрет. Впервые в книге приводятся ссылки на неизвестные и редкие архивные данные. Исследование иллюстрировано уникальными фотографиями и документами.

ББК 63.3

ISBN 5-7654-4497-0

© В. И. Кузнецов, 2004
© Издательский Дом «Нева», 2006

*Посвящается моей матери
Ксении Федоровне Кузнецовой*

Глава 1 **ПОЭТ НЕ ЖИЛ В «АНГЛЕТЕРЕ»**

Такое дерзкое утверждение может если не ошеломить миллионы почитателей таланта Есенина, то, по крайней мере, вызвать снисходительно-скептическую улыбку (эка, потянуло автора «на жареное»!). Ведь почти 80 лет говорилось и говорится, что, собрав все свои пожитки и «навсегда» простиившись с родственниками и друзьями, он 23 декабря 1925 года отправился в Ленинград, чтобы редактировать там обещанный ему журнал. Наконец, даже в полном академическом собрании сочинений поэта не выражается никаких сомнений относительно целей в перемене его местожительства. Дальнейшее известно: прожив четыре дня в гостинице «Англетеर», исписавшийся, психически больной поэт впал в сильную депрессию и под воздействием алкогольных паров повесился в 5-м номере гостиницы. Такова официальная версия. Была и осталась.

Не будем спешить с выводами, а спокойно, с документами в руках, рассмотрим наиболее важные и часто противоречивые сюжеты трагического события.

На первый же взгляд, переезд Есенина в Ленинград не был похож на деловой и осмысленный шаг, скорее, такой неразумный поступок можно охарактеризовать как поспешное бегство. Прощаясь со своей первой (гражданской) женой Анной Изрядновой, он сжег большой пакет рукописей и писем (явно «крамольных») и резко-многозначительно сказал ей: «Смываюсь...» О. К. Толстая в одном из писем вспоминает, что «беглец», покидая Москву, будто «сорвался». В декабре 1925 года поэт писал Софье

Толстой: «Переведи комнату на себя. Ведь я уезжаю и потому нецелесообразно платить лишние деньги, тем более повышенно». Явно опрометчивый шаг для бесприютного человека, скитавшегося по случайным углам у приятелей! Кстати, таковых в городе на Неве было «раз-два и обчелся». Снимать же там квартиру или жить в дорогой гостинице ему было явно не по его карману. Но ведь давал же он, скажут, телеграмму стихотворцу Вольфу Эрлиху о наеме жилья; все-таки остановился в «Англете», где стоимость номера в сутки доходила до десяти рублей. Проживание его в пятом — «проклятом» подтверждают до десятка свидетелей-очевидцев. О них мы еще поговорим особо и обстоятельно.

Петербург-Петроград-Ленинград Есенин явно недолюбливал за его отстраненность от традиций русской национальной культуры. 24 июня 1917 года он делился в письме к другу А. В. Ширяевцу: «Бог с ними, этими питерскими литераторами <...> они совсем с нами разные, и мне кажется, что сидят гораздо мельче нашей крестьянской купницы»; «... они все романцы, брат, все западники, им нужна Америка, а нам в Жигулях песня да костер Стеньки Разина». Как это напоминает слова любимого им Гоголя, который, рисуя «общее выражение Петербурга», замечал: «Есть что-то похожее на европейско-американскую колонию; так же мало коренной национальности и так же много иностранного смешения». В подобном же духе о Северной Пальмире писали и говорили А. Пушкин, В. Белинский, К. Леонтьев и многие другие.

О старой же столице Есенин, несмотря ни на что, всегда говорил с нежностью: «Моя Москва». Однажды писал из Баку Галине Бениславской: «Я очень соскучился по Москве». И это не единственные добрые признания милому его сердцу городу. Археолог и стихотворец Б. М. Зубакин в письме к М. Горькому передает есенинское откровение: «Мое место здесь, в Москве. Ни в деревне, ни в другом каком городе! Если чего-нибудь ждать настоящего, то только здесь».

Загадка переезда поэта в Ленинград так и останется нераскрытой, если не знать о его крупном конфликте 6 сентября 1925 года в поезде Баку – Москва (на перегоне «Серпухов»). А заключался он в следующем. В тот злополучный день поэт решил пообедать в вагоне-ресторане, но по какой-то причине его туда не пустил чекист-охранник. Есенин вспылил и, очевидно, сказал стражу порядка некоторые «горячие слова». При этой перебранке присутствовал дипломатический курьер Альфред Рога (эту фамилию в качестве поэта однажды упомянул В. Маяковский). Рога тут же отчитал Есенина, что, конечно же, вызвало бурный протест Сергея Александровича, бывшего в тот момент «под хмельком». Рога призвал усмирить «буяна», прочитать ему соответствующую нотацию Юрия Левита, служившего начальником отдела благоустройства Москвы (врача по профессии), близкого знакомого всесильного Льва Каменева. Левит даже сделал попытку освидетельствовать душевное здоровье Есенина и заглянул в его купе, которое он делил со своей женой Софьей Толстой. Можно представить негодование поэта на такой бесцеремонный, оскорбительный для поэта «визит».

О том, как бурно развивались события, говорит факт ареста Есенина по прибытии поезда в Москву. Этим конфликт не ограничился. Рога и Левит через канцелярию наркомата по иностранным делам подали на поэта в суд, требуя «взмездия». Это «дело» попало на рассмотрение народному судье 10-го Лубянского участка Сокольнического района Владимиру Семеновичу Липкину. Упомянутый участок являлся частью 48-го отделения милиции (начальник Сергей Лазаревич Фролкин). Секретарь суда Вера Борисовна Гольдберг строчила Есенину грозные предписания. С него взяли подписку о невыезде. Не раз письменно он вынужден был оправдываться. К примеру, 29 октября 1925 года, говоря о ссоре с Рога, он заявлял: «Сей гражданин пустил по моему адресу ряд колкостей и сделал мне замечание. <...> Я ему ответил теми же колкостями.

Гр. Левита я не видел совершенно и считаю, что его показания относятся не ко мне. <...> В купе я ни к кому не заходил, имел свое... <...> Гр. Левит никаких попыток к свидетельствованию моего состояния (здоровья. — В. К.) не проявлял. Это может показать и представитель Азербайджана, ехавший с промыслов на съезд профсоюзов. Фамилию его я выясню и сообщу дополнительно к 4 ноября начальнику 48-го отделения милиции».

Рога и Левит обвиняли «обидчика» по ряду серьезных уголовных статей (антисемитизм, хулиганство, неподчинение служебным лицам при исполнении ими своих обязанностей и др.). Положение Есенина становилось все более угрожающим. Не помогло заступничество наркомпроса РСФСР Луначарского и партийного публициста Вардина, которые просили судью Липкина прекратить есенинское «дело», так как оно вызовет ненужный шум в белогвардейской и «буржуазной» прессе, что нанесет урон репутации Советской власти. Липкин отверг ходатайства и продолжал гнуть свою линию. Полагаем, он не посмел бы не прислушаться к мнению наркомпроса России, но, очевидно, *кто-то более всесильный* настаивал на экзекуции «смутьяна». Наверняка такое административное давление оказал Лев Троцкий, тогда терявший свою политическую власть, но бывший еще в силе заставить судью не оставлять без последствий «дело Есенина». К этому сюжету мы позже еще вернемся.

Написав очередное опровержение в суд, Сергей Александрович спешно, 2 ноября, приехал в Ленинград. Рядом с ним вертелся его приятель-журналист Георгий Феофанович Устинов (далее о нем будет отдельный разговор); встречался поэт с прозаиком Николаем Никитиным (об этом впереди речь особая) и еще с очень не многими знакомыми. Он не пожелал даже повидаться с Вольфом Эрлихом, хотя позже будто бы просил его позаботиться о подыскании квартиры в Ленинграде. 12 ноября 1925 года Эрлих высказал свою обиду Есенину: «Хорош! Трое суток пробе-

гать в Питере и не зайти, не известить». Очевидно, совершая свой ноябрьский «набег» в Ленинград, поэт, дабы уйти от судебной тяжбы, решал тогда очень важный для себя вопрос, прежде всего, как избавиться от липкинской судебной «погони».

Выход из сложного положения подсказали сестры поэта Катя и Шура; от всех ищеек ему надо хотя бы временно, для погашения все больше раздувавшегося судебного костра, «спрятаться» в клинике Московского университета («психов не судят»). Поэт долго не соглашался, однако все-таки был вынужден 26 ноября 1925 года лечь в больницу, чтобы хотя бы передохнуть от огромного нервно-психологического напряжения. Опекал его здесь земляк профессор Петр Борисович Ганнушкин. Доктор трогательно охранял покой Есенина, оберегал его от судебных исполнителей и всех тех, кто стремился во что бы то ни стало «упечь» его в тюрьму. Вот лишь одно из свидетельств заботы профессора о своем подопечном:

«Удостоверение

Контора психиатрической клиники сим удостоверяет, что больной Есенин С. А. находится на излечении в психиатрической клинике с 26 ноября с. г. и по настоящее время; по состоянию своего здоровья не может быть допрошен на суде.

Ассистент клиники Ганнушкин.

Письмоводитель (подпись неразборчива)».

Грустная обитель, конечно же, не радовала добровольного узника, но приходилось терпеть. О его истинном здоровье говорят написанные здесь подлинные шедевры: «Клен ты мой опавший, клен заледенельй...», «Ты меня не любишь, не жалеешь...», «Кто я? Что я? Только лишь мечтатель...» и др.

«Психиатрический» сюжет, его причины ортодоксальные исследователи или скрывали, или толковали вульгарно-прямолинейно. И в наше время выходят книги, в которых смакуется «болезнь» Есенина. Увы, еще очень многие и ныне его любят с ненавистью и ненавидят с любовью!

Странно, что почти все авторы, биографы поэта, прошли мимо его письма к приятелю, партийному деятелю Петру Ивановичу Чагину (Болдовкину), другу и соратнику С. М. Кирова, кстати, одобрявшему поэзию Есенина. 27 ноября 1925 года, на второй день после пребывания в грустных палатах, Сергей Александрович сообщает Чагину: «Пишу тебе из больницы. Опять лег. Зачем, – не знаю, но, вероятно, и никто не знает.

Видишь ли, нужно лечить нервы, а здесь фельдфебель на фельдфебеле. <...> Все это нужно мне, может быть, только для того, чтобы избавиться кой от каких скандалов. Избавлюсь, уляжу, пошлю всех в Кем и, вероятно, махну за границу. Там и мертвые львы красивей, чем наши живые медицинские собаки».

Ключевое признание поэта, бывшего социального романтика, мечтавшего увидеть после Октябрьского переворота «Коммуной вздыбленную Русь», богоборца 1917 года, имажиниста и т. д. 1923 год стал кризисным в его жизни и творчестве.

Есенин не раз заявлял о своем желании «махнуть за границу». В письме к А. Кусикову (7 февраля 1923 года), в котором он отказывается от «Великой Октябрьской», говорит о нежелании быть пасынком в родном государстве и замечает о своей тревоге: непомерной трудности жить в советской диктаторской России и одновременно неприятии типа жизни на чужой земле, хотя стремление найти страну, приемлемую его духу и характеру, в нем не остыпало. «Если бы я был один, если бы не было сестер, – заявляет он в том же послании (при возвращении из путешествия по странам Европы и Америке с Айседорой Дункан), – то плонул бы на все и уехал бы в Африку или еще куда-нибудь». <...> «Не могу, ей-Богу, не могу! Хоть караул кричи или бери нож да становись на большую дорогу». И это его не единственный крик обрести новую обитель, где бы он мог найти творческий и бытовой покой.

21 декабря 1925 года поэт покидает психиатрическую

клинику, собирает свои нехитрые пожитки, прощается со всеми родными и знакомыми и 23 декабря отправляется в Ленинград. Не будем касаться явно надуманных стараний Вольфа Эрлиха о есенинском житье-бытье. Современники утверждают в один голос, что он остановился в престижной гостинице «Англетер».

Вот как описывал его вселение журналист Г. Ф. Устинов, якобы вместе с женой опекавший неуемного молодого приятеля в «Интернационале» (так одно время называли отель, старое наименование вернулось официально в октябре 1925 года). «Довольно, надоела Москва», — якобы передавал, по его собственному откровению, Есенин в «Новой вечерней газете» (29 декабря).

Устинов, «мерзавец своей жизни», (из воспоминаний Гариной-Гарфильд): «Порвал со всеми родственниками и навсегда перебираюсь в Ленинград!» Сам Есенин рассказывал, что с родственниками не «порвал» официально, а простился, предвидя дальнюю и опасную дорогу; переезжать на брега Невы не имело смысла, так как, повторим, он, подсудимый, дал подписку о невыезде из Москвы (столица не «надоела», а грозила тюремным позором, от которого он бежал. — В. К.). Его бы легко разыскали и препроводили на скамью подсудимых. В статье Устинова много и других явных натяжек и грязных вымыслов.

Подчеркнем, это была первая ложная публикация после смерти Есенина. Думаем, автор срочно выполнял чей-то «высокий» приказ. Еще помалкивала милиция, еще не был готов акт судмедэкспертизы, а журналист бойко расписывал гибель поэта. Ниже мы представим подробный портрет «мерзавца», и многое прояснится. В том же номере газеты появился репортаж из 5-го номера «Англетера» литератора Николая Брыкина, изобразившего «самоубийцу» обутым в сапоги, хотя на его ногах были туфли. Кощунственная вакханалия вокруг имени поэта-мученика только начиналась.

Для утверждения истины требовались документы и материалы «Англетера». Он сравнительно легко «открыл бы

двери», если бы нам позволили заглянуть в соответствующие архивные бумаги экономического отдела (ЭКО, начальник Рапопорт) ленинградского ГПУ. Этот отдел контролировал работу гостиниц, в том числе и «Англетера». На наш запрос работники местной Федеральной службы безопасности (ФСБ) дали официальный ответ: по недостаточно выясненным причинам материалы ЭКО (1925–1926) утрачены. Потеря (?) огромная, ведь к товарищу Рапопорту и его сослуживцам стекались многие «казенные» бумаги: рапорты и отчеты управляющего, рабочие журналы регистрации постояльцев гостиницы, досье на ее сотрудников – да мало ли что там таилось! Хочется надеяться, что архив ЭКО Ленинградского ГПУ все-таки уцелел и в свое время отыщется.

Так что же – «захлопнулись двери» таинственного отеля? После долгих и трудных поисков автору этих строк все-таки удалось «проникнуть» в проклятый особняк. Сюда привел утомительный обходной путь, который подсказала эпоха советского нэпа. Возможно, подумали мы, сохранились контрольно-финансовые списки (форма № 1) квартирантов «Англетера». Финансовые инспекторы составляли такие ревизорские отчеты дважды в так называемом бюджетном году (в октябре и в апреле). Власть бдительно присматривала за доходами советских граждан и своевременной уплатой ими налогов.

Оказалось, сохранилась инспекционная, драгоценная для нашей темы бухгалтерия! Драгоценная вдвойне, потому что чекисты забыли «отредактировать» интересующие нас документы. Прежде чем мы полистаем толстенные архивные фолианты за 1925–1926 годы, «пройдемся по гостинице». В парадной вас встретит чучело горного барана с подпорченной молью головой. Здесь диван, дорогие кресла, бархатные ковры французской работы, в зеркалах отражается свет люстры... – богато жил победивший пролетариат, точнее, сотрудники секретного ведомства, заметные здешние партийные и советские чины и новые толстосу-

мы. Тут же, в вестибюле, телефонная будка с двумя отделениями – в оперативной связи чекисты знали толк.

Рядом – контора, украшенная портретом Ленина в простой багетной раме, во владениях швейцаров. Кто дежурил в ту жуткую декабрьскую ночь, пока выяснить не удалось. Ими могли быть швейцары Петр Карлович Оршман (р. 1863), Ян Андреевич Слауцитайс (р. 1862), Иван Григорьевич Малышев (р. 1896).

Общие биографические данные известны (как, впрочем, и других сотрудников «Англетера»), связь их (по долгу службы) с ГПУ вряд ли подлежит сомнению. Кто-то из них мог быть свидетелем разыгравшегося в ту ночь кошмара. Кстати, примечательная деталь: *многие работники гостиницы, начиная с коменданта, после есенинской истории были уволены*.

Поднимаемся по устланной ковровой дорожкой лестнице на второй этаж. Удобные плетеные кресла, бархатный ковер, трюмо, вазы, ящики с диковинными растениями – это «Зимний сад». Здесь хозяева и гости обсуждали новости XIV съезда партии и судачили о толсторожих нэпманах как главной угрозе социализму; в сердцах они могли даже сплевывать в плевательницу (тоже обозначена в описи).

В комнате месткома висела картина «Арест Людовика XVI»; в шкафах покоились тома классиков марксизма-ленинизма; желающие могли потренировать зоркость глаза на большом бильярде из красного дерева.

Из любопытства «заглянем» в двухкомнатные апартаменты под номером 2 (в 1925 году здесь жил инструктор Политуправления Ленинградского военного округа Константин Денисов). Рояль, заморские ковры, зеркала, фарфор, картины (в реестре около шестидесяти вещей, стоимость солидная – 941 рубль). Непременный телефон и роскошная белая ванна.

Прервем «экскурсию» и всерьез поговорим о ванне. В 5-м, «есенинском», номере ее не было. Лгут воспоминатели (о них речь впереди), что утром 27 декабря поэт поднял

шум из-за подогреваемого без воды котла и побежал (это на третий-то этаж!) чуть ли не с мочалкой в руках жаловаться сердобольным знакомым. В этом не было никакой необходимости: рядом имелся телефон, кроме постового в «дежурке», поблизости торчал коридорный.

«Зайдем» в роковой 5-й номер и сверим его обстановку с перечисленной в описи и с известными снимками Моисея Наппельбаума. Итак: «шкаф зеркальный, английский, орехового дерева, под воск» (*да, именно этот шкаф скрывал дверь в соседнее помещение*), знакомый по печальной фотографии «стол письменный, с пятью ящиками, под воск» (*на него якобы взбирался Есенин, устраивая себе смертельную пирамиду*), а вот и «кушетка мягкая, обитая кретоном» (*на нее положили бездыханное тело поэта*), наконец, «канделябр бронзовый, с шестью рожками, неполными» — перечислено все (38 вещей), вплоть до мыльницы и ночного горшка.

Снимки Наппельбаума явно избирательного характера; на плёнку не попали многие предметы, которыми, похоже, спешно декорировался кровавый сюжет. Подальше от любопытных глаз нашли захудалый номер, обставили его на скорую руку, притащили тело злодейски убитого поэта (доказательства будут представлены)...

С нумерацией странная чехарда. Поэт Всеволод Рождественский, понятой, подписавший 28 декабря милицийский протокол, в тот же день отправил приятелю В. В. Лузову в Ростов-на-Дону письмо (оно опубликовано), в котором указал не 5-й, а 41-й номер. В других источниках также приводятся иные порядковые номера. Кто-то комбинировал, путался, спешил...

Подробное знакомство с остатками архива гостиницы, тщательный анализ всех данных приводят к неожиданному, даже сенсационному выводу: *24–27 декабря 1925 года Сергей Есенин не жил в «Англетере»!*

Тайный клубок начинаем распутывать с элементарного соображения: почему, кроме ленинградских литераторов, никто никогда из жильцов, примерно 150 человек, и

почти полусотни работников гостиницы ни единым словом не обмолвился о необычном постояльце; зная общительный нрав Есенина, его взрывной характер, в такое единодушное молчание трудно поверить. А ведь в «Англете» проживали *постоянно* многие деятели культуры: киноартисты Павел Михайлович Поль-Барон, Михаил Валерьевич Колоколов (возможно, знакомец Есенина), режиссер Мариинского театра Виктор Романович Рапопорт и другие приметные в свое время личности. Наши оппоненты возразят: может, кто-то что-то и заметил, но, по понятным причинам, боялся написать об услышанном и увиденном, — да, мол, и не до поэта обычательям. Довод слабенький: некоторые мемуаристы встречались с Есениным мимолетно и все-таки настрочили воспоминания, а тут такая жуткая история — и ни словечка! Да вспоминать им было нечего: в 5-й номер допускались в основном только проверенные лица: весь спектакль абсурда проходил в глубокой тайне — иначе скоро бы открылось: московского беглеца до официального объявления о его самоубийстве в «Англете» не видели.

Об этом — фрагмент нашего разговора (декабрь 1994 года и апрель 1995 года) с вдовой коменданта «Англете» Антониной Львовной Назаровой, урожденной Цитес (1903—1995). Встретила она нас в той же квартире, в которой жила с мужем в 1925 году (просп. Маклина, бывш. Английская, д. № 58, кв. 23).

— Когда вы узнали о смерти Есенина?

— Как все, двадцать восьмого декабря, — отвечает седая женщина, — но тому грустному известию накануне, двадцать седьмого декабря, в воскресенье, предшествовал незабываемый для меня вечер. Примерно в двадцать два часа в нашей квартире раздался телефонный звонок. Я читала какую-то книгу, а мой муж, Василий Михайлович, прилег отдохнуть. Звонивший представился дворником гостиницы «дядей Васей» и просил немедленно позвать управляющего. Я заупрямилась, сказав: нечего беспоко-

ить мужа по всяким пустякам. Но «дядя Вася» заставил меня его разбудить, и муж подошел к телефону...

— Когда ваш муж вернулся домой после того, как внезапно отправился на службу поздно вечером, двадцать седьмого декабря? — задаем Антонине Львовне не совсем деликатный вопрос.

— Он вернулся домой лишь на следующий день и рассказал о происшествии, даже говорил, что снимал с петли тело Есенина.

— Он это делал один или кто-то помогал ему?

— Мужу помогал *Цкирия Ипполит Павлович*, коммунальный работник. Так ли это было на самом деле — не знаю, но что упоминалась эта фамилия — ручаюсь. Цкирия бывал в нашей квартире — веселый, высокий грузин, любил шумную компанию и кахетинское вино.

(Запомним фамилию этого человека, мы еще обратимся к его возможной роли в «деле Есенина»).

— Но почему воскресный вечер, двадцать седьмого декабря, вам так хорошо запомнился? Не подводит ли вас память?

— Ни в коем случае, — возражает Антонина Львовна. — Только теперь я понимаю: мужа вызывали именно в связи с есенинской историей. По долгу службы он не открыл мне тогда правды и промолчал до смерти. Тот тревожный вечер я не забуду никогда. Василий Михайлович обычно приходил с работы вовремя. Такой порядок сохранялся и когда он исполнял в 1924—1925 годах обязанности ответственного дежурного коменданта в привилегированной гостинице «Астория» (ее в 1925 году пышно называли «первый Дом Советов»). Незадолго перед трагедией с Есениным скончался наш трехлетний сынишка — в нашей семье еще болела своя горькая рана. В то время мы жили дружно и ни тени сомнения у меня не существовало.

Добавим: скорбное происшествие произошло накануне Рождества (по новому стилю), и хотя Назаровы, конечно же, были атеистами, сие обстоятельство также могло

запомниться — ведь в Ленинграде тогда православный праздник отмечался (пока!) открыто.

— Называл ли Назаров, — возобновляем диалог, — еще какое-либо имя в связи с несчастьем в «Англете»?

— Он говорил мне, что заходил в один из номеров гостиницы к члену партии Петрову и якобы видел там Есенина с поникшей хмельной головой.

— Почему к Петрову? Кто он такой?

— Не знаю. Наверное, какой-то авторитетный для мужа партийный товарищ.

(Запомним и эту фамилию, она станет к финалу нашего расследования одной из центральных). Мы благодарим Антонину Львовну за ее нравственный поступок признания (он дался ей нелегко после почти *семидесятилетнего* молчания) и за разрешение опубликовать отрывок из многочасовой беседы с ней.

Нет ни одного документа, подтверждающего проживание Есенина в «Англете»! Доказательств по этому поводу предостаточно.

Если следовать официальной логике, но проверять ее архивными материалами, обнаруживается следующая странная картина: поэт поселился в захудалом 5-м номере гостиницы, где нет не только ванны, но даже чернил; комната отгорожена шкафом от смежного большого помещения, в котором до 1917 года находился большой аптечный склад (данные контрольно-финансового журнала), ближайшие его соседи — сапожник, парикмахер и даже сумасшедшая чета Ильвер*.

Московский гость живет «по блату», не прописываясь. Такая вольность исключалась, известна записка (1925 год) заместителя начальника местного ГПУ И. Л. Леонова в отдел коммунального хозяйства с просьбой *поселить в «Англете» своего агента*.

* Некоторые корректизы в расположение помещений в «Англете» внесла (1997 г.) проживавшая в гостинице в 1925 году Эльза Густавовна Ильвер (р. 1906).

Европейски известный человек сидит одиноким отшельником четыре дня в своей обители, никуда не выходит, встречаясь, за двумя-тремя исключениями, совсем с незнакомыми людьми. 27 декабря, согласно мемуарной лжи Мансурова, устраивает пир, обильно сдобренный водкой и праздничным гусем, а по «наводке» Бермана, — выставляет чуть ли не десяткам гостей многочисленные гравинчики и закуски на «длинном столе», а сам в это время дрыхнет пьяный на кушетке с зажатой в зубах папироской. Сработано топорно-грубо. «Гостиницы для приезжающих торгуют как обычно, — информирует 24 декабря 1925 года «Новая вечерняя газета», — но без продажи пива и крепких напитков».

Продолжим: уходят собутыльники, поэт, обуреваемый хандрией, режет себе вены и даже ладони и плечо (протокол милиционера Горбова), бросает бритву и вскарабкивается с веревкой от чемодана на сооруженную высокую пирамиду на письменном столе (это после-то сильного кровотечения!), не делает смертельную петлю на гладкой трубе парового отопления под самым потолком, а обматывает шею веревкой (лишь полтора раза!) — будто шарфом и...

Дальнейшее известно. *Не слишком ли много в этой трагедии «случайностей» и гэпэушников?* Только сравнительно недавно стало известно, насколько плотно они (Берман, Дубровский, Медведев, Эрлих и др.), как коршуны, кружили над 5-м номером «Англете́ра». Следы загланированности кощунственного надругательства, а также следы его скрытия — налицо. Приведем наиболее убедительные аргументы.

Начнем с ленинградской «Новой вечерней газеты» («НВГ»), ее так же, как и «Красную газету», курировал Я. Р. Елькович. «Новая» не менее авантюрна, чем «Красная». 29 декабря «НВГ» напечатала подборку материалов о кончине Есенина.

Зловонные публикации появились 24 декабря 1925 года, в этот день Есенин приехал в Ленинград. Позволим себе полностью скопировать «маленький фельетон» журнали-

ста-сатирика Александра Флита, претендовавшего на роль советского Козьмы Пруткова. Вчитайтесь, пожалуйста, в это сочинение.

ХОРОШИЙ ГУСЬ

(Строки из дневника)

Декабря 9-го. Я, крестьянский гусь-середняк. Селижаровской волости Осташковского уезда Тверской губернии, деревни Первозвановка, от Машки-гусыни и Мишки-гусака, 22-х фунтов живого веса, прибыл сего числа в партии гусей-односельчан в Ленинград и поступил на склад Губгусьпрада.

Декабря 11-го. Держат в клетках. Теснота невообразимая. Питание отвратительное. Некоторые панически настроенные элементы уверяют, что нас скоро под зарез. Позвольте! Но ведь рождественский гусь — вопиющий предрассудок, это — религиозный дурман, это пережиток старого режима?!

Декабря 15-го. Четыре дня не брался за свое гусиное перо. События потрясли меня. Дорогого дядю Петра Никанорыча вчера отделили в числе сотни отборнейших, жирнейших гусей выпуска 23-го года, зверски убили и погрузили в порту на Лондон, в адрес английской мещанской утробы. Это у них называется экспортомбитой птицы.

Декабря 17-го. Дни за днями катятся. Худею не по дням, а по часам...

Декабря 19-го. Вчера забрали соседа слева, сегодня забрали соседа справа. От страха у меня сделалась гусиная кожа. Но протесты бесцельны...

Декабря 21-го. Я знаю, что мне делать. Я — сознательный гусь, утру нос Губгусьпраду и брошу вызов всей человеческой утробе.

Прошайте, пока прощайте, мама, прощайте. Первозвановка Селижаровской волости Осташковского уезда Тверской губернии.

Протокол осмотра продажи живсекции Губгусьпрада.

Декабря 23-го, 1925 года, мы, нижеподписавшиеся, осмотрев партию гусей в 50 штук, запроданную ресторану «Кашира пьяная» и пред назначенную к переводу в убойный отдел, составили настоящий акт о нижеследующем:

— из партии в 50 гусей *50-й гусь найден повесившимся* (подчеркнуто мной. — В. К.) на крюке клетки и, как *погибший насильственной для гуся смертью*, согласно инструкции Ветздравотдела, *сдаче не подлежит.*

Подпись. Место печати.

Александр Флит.

(Слова в тексте выделены автором.)

При беглом чтении в фельетоне, кажется, нет ничего особенного: автор-атеист («фля» называл его один из современников — по аналогии с рифме «тля») накануне Рождественских дней натужно упражняется в остроумии, избрав не очень-то веселенький сюжетец. Разумеется, Флит аллегорически издевается над крестьянским сыном. Может быть, и не стоило обращать внимания на довольно типичный для 20-х годов дешевенький выпад против православия, если бы не ряд зловещих говорящих деталей. Первая: «...прибыл сего числа... в Ленинград...». Согласно тексту — *9 декабря 1925 года*, но мы-то помним — «Новая вечерняя газета» датирована 24 декабря. Простите за напоминание, — в этот день в Ленинград приехал Есенин. Дальше: «Четыре дня не брался за свое гусиное перо». Мистическое совпадение или информированность Флита? Ведь поэт провел в ленинградской «клетке», как мы доказываем, тоже *четыре* дня. Следственная тюрьма ГПУ находилась по соседству с «Англетером», по адресу: проспект Майорова, 8/23. А как прокомментировать фразу: «выпуска 23-го года»? «Фля» явно отступает от «щутейного» и вольного набора подробностей, обращаясь к дате, которая что-то должна значить. В 1923 году Есенин возвратился в СССР после заграничного путешествия изменившимся, утратившим свой социальный романтизм.

«Гусиного дядю» после убийства «погрузили в порту на Лондон...»? Здесь ощущается политический подтекст — со-

ветский режим тогда резко конфликтовал с правительством Великобритании. Но более важна другая параллель: Есенин, по распространяемым ГПУ слухам, собирался бежать в Англию, но, изобличенный в своем намерении, вынужден был свести счеты с жизнью (впервые этот сюжет со ссылкой на свидетеля начал разрабатывать Э. Хлысталов). Нам такой вариант не кажется фантастическим (еще раз из письма Есенина к П. И. Чагину от 27 ноября 1925 года): «Махну за границу» — тем более что страна Туманного Альбиона не была предметом его острой критики, как, например, США^{*}.

Возникающие при чтении флитовского фельетона другие ассоциации (см. выделенные нами слова) понятны. Пожалуй, остается один штрих: повесился 50-й гусь. Признаемся, в темной кабалистике мы не сильны. Помнится, в булгаковском «Мастере и Маргарите» Воланд со своей сатанинской свитой поселился в квартире № 50. Чертовщина еще в том, что Есенин бывал в гостях у знакомого художника именно в этой квартире. Здесь же он познакомился с Айседорой Дункан.

Сkeptики наверняка будут упрекать нас в натяжках, но мы и не настаиваем на безусловной обоснованности аналогий, предмет сей требует дальнейшего анализа. Лишь заметим: флитовская шарада — не единственная в есенинской теме, есть ребусы и более занимательные.

Возможно, А. Флит выполнял некий «соцзаказ» с заранее заданными идеями и подробностями, не подозревая о реальном звучании фельетона. Ему дали «рыбу», расставили идеологические акценты — он задание выполнил.

Наша настороженность еще более возросла, когда в том же номере «Новой вечерней газеты» за 24 декабря 1925 года мы прочли на сей раз стихотворный фельетон под назва-

* Завершим мысль поэта о зарубежье из вышецитированного письма: «Там и мертвые львы красивей, чем наши живые медицинские собаки». Заметьте — «...мертвые львы». Не будем забывать, лев — непременный атрибут государственной символики Великобритании.

нием «ВОДСВИ-ЖЕ со звездою путешествуют». Следом — текст: «Ленинград. Площадь Восстания» Из вокзала выходит волхв с ручным чемоданом; к крыльцу подъезжает извозчик.

Волхв (извозчику):

— Послушайте, где здесь вертеп?

Извозчик:

— Какой?

У нас их три и — разного размера:

Владимирский, Торговый, Трокадеро.

Два первых в центре, третий за рекой...

Едва ль другой отыщете такой:

Разденут вмиг, — лишь попадите в лапы».

Не будем продолжать развязный диалог, приуроченный, разумеется, к Рождеству (по старому стилю). «Произойдет рождение царя небесного», — говорит приезжий волхв. Автор-богохульник — «Товарищ Василий Князев».

На этот фельетон вряд ли стоило бы обращать внимание, если бы сразу не три обстоятельства:

1) пошлятина напечатана, повторяем, в день приезда Есенина в город на Неве;

2) заголовок явно содержит зашифрованный смысл — ни сюжет, ни содержание ему не отвечают;

3) сочинитель «ребуса» — стихоплет Князев, уличенный в заметании следов убийства поэта.

В середине 20-х годов в ленинградских газетах иногда печатались словесные шифровки, понятные лишь посвященным — время было поденькое, «псевдонимное» — вчерашие конспираторы по подпольной инерции продолжали темнить. Известны случаи, когда редакторы письменно обращались в Гублит (цензуру) с просьбой дать разъяснение по поводу очередной абракадабры.

По нашему мнению, за поездкой Есенина в Ленинград неофициально следили доверенные лица Троцкого. Поэта-беглеца должны были по прибытии в город на Неве аресто-

вать – ведь он уклонялся от явки в московский суд. Но еще важнее то, что явно план бегства Есенина из СССР стал известен его врагам. Они не выпускали его из поля зрения, отслеживая каждый его шаг.

Троцкист Князев своим фельетоном сигнализировал «своим»: прибыл-де «объект», но на нем уже лежит печать проклятия.

Загадочное название фельетона необходимо расшифровать. Это позволит открыть еще одну тайну «Англете́ра». Порекомендуем читателям, которые захотят решить головоломку, внимательно проштудировать повесть Александра Куприна «Звезда Соломона». В ней даны примеры расшифровок всякой кабалистической чертовщины.

Мы проявили самодеятельность и прочли заголовок князевского фельетона (один из вариантов): *«Вокзал, днем свинья [прибыла по] железной дороге»*; но, конечно, для более верной расшифровки требуется профессионал высокой квалификации.

...Кто-то явно перепотрошил интересующий нас милицейский архив. Сохранились жалкие остатки – и даже в них грубые обрывы, о чем свидетельствует трижды менявшаяся нумерация «дел». По бумажным крупицам, по крохоткам удалось установить следующее: награжденный в ноябре 1925 года за отличную работу именным револьвером начальник 2-го отделения ЛГМ Пантеле́й Федорович Распопов вдруг 22 декабря смещается со своего поста, и на его место назначают Александра Семеновича Хохлова, человека неуживчивого, диктатора по натуре. При Хохлове 2-е отделение ничего не предприняло для расследования декабря́ского события, и «дело» закрыли. Но начальник губернской милиции, аферист Герасим Егоров (в 1929 году арестован и позже оказался за решеткой) вскоре удаляет «послушника» Хохлова, назначив на его место своего верного помощника по административному отделу Ленгубисполкома (АОЛГИ) некоего Шугальского. Точная дата его назначения нам неведома, но в ленинградском мартов-

ском номере 1926 года журнала «На посту» он фигурирует в качестве начальника 2-го отделения ЛГМ. Есть над чем призадуматься...

Не будем возвращаться к участковому надзирателю Н. М. Горбову, его фальшивому протоколу, подписанному не жильцами или сотрудниками «Англтера», а понятливыми литераторами-понятыми. Обращает внимание анонимность хода освещения событий в печати после англеровской трагедии: не названа фамилия специалиста, фиксировавшего час смерти поэта (им мог быть районный врач губернской милиции Кирилл Михайлович Афаносьевский); сообщение о судмедэкспертизе не сопровождается ссылкой на имя врача, проводившего вскрытие тела поэта; газеты скрывают ход милиционского следствия, отделяясь крайне тенденциозными или глумливыми публикациями (кроме статьи Бориса Лавренева); группа писателей, близких к сексоту ГПУ Эрлиху (Николай Тихонов в их числе), давала редакциям газет предписания о том, в каком свете следует освещать смерть Есенина.

Глава 2

КОМЕНДАНТ «АНГЛТЕРА» НАЗАРОВ И МИЛИЦИОНЕР ГОРБОВ

А теперь представим читателям хозяина, снискавшего дурную известность дома (с большим трудом нам удалось разыскать его «личное дело»). *Василий Михайлович Назаров* (1896–1942) родился в Тульской губернии в бедной крестьянской семье. С трудом одолев три класса училища, пошел на завод слесарем. В первую мировую войну — младший унтер-офицер. Вихрь революции и железное пролетарское принуждение затянули его в ГПУ, где он занимался охраной вокзалов, складов, портов и карательными операциями в качестве командира взвода ленинградского 18-го

полка войск ГПУ; 14 марта 1925 года он получил мандат чекистского «ока» в «Англете» («15-е хозяйство»¹).

О том, насколько это «око» было безграмотным, дают представление его сохранившиеся рапорта и докладные записки. Приведем один из его автографов (орфографию и пунктуацию В. М. Назарова сохраняем):

«Зав. Упр[авлением] коммун[альными] домами.

РАПАРТ

Ввиду того что с переходом общежития интернационал на гостиницу Англете и по прописке а также отметке прибывающих и убывающих а также и подача других сведений, необходима увеличить штат гостиницы на 1-го поспартиста о чем и прошу Вашего ходатайства так как не имея поспартиста могут быть так же и масса неприятностей с губ. Милицией и другими органами.

19. X. 1925

Зав. Гостин[ицей] Англете
В. Назаров».

«Тайна Есенина» была доверена люмпен-пролетарию, не только никогда не слышавшему о поэте, но вряд ли когда открывавшему какой-нибудь стихотворный сборничек. Не надо даже предполагать, что расчет лиц, причастных к смерти С. Есенина, оправдался: Назаров так и не осознал, какую грязную тайну он покрывал. Справедливости ради скажем: служил он большевистской власти не за страх, а за совесть (как он понимал эту «классовую категорию»), служил ревностно, по-своему честно: спасал по поручению ГПУ разрушенные революцией дворцы в Ленинграде, не брал чужой копейки (впервые сменил гимнастерку на костюм лишь с переходом на службу в «Англете», но «гаврилку» (так он называл галстук) носить не научился), преследовал в гостинице разврат («мед пчел трудовых»), бесхозяйственность и прочую вольницу.

Заглядываем в архивные документы. Красноречивая

деталь: 1 января 1926 года, спустя четыре дня после гибели Есенина, Назарову дали высокий — 13-й — тарифный разряд (40 процентов надбавки к зарплате), 15 января отправили в отпуск (заслужил), а через три месяца... вышвырнули из «Англтера», как гласит приказ, «заштатным управляющим при складе треста коммунальных домов по учету материалов».

Антонина Львовна вспоминает, как он в те дни страшно кричал по ночам, как хватался за наган под подушкой, добавим — как пил горькую... В 1929 году, после ловко подстроенной кем-то финансовой недостачи, Назаров попал под суд, сидел в «Крестах», а потом оказался на Соловках. Дата не случайная: Троцкого выдворили из СССР, и его сторонники спешили замести следы своих злодеяний и упрытывали под любыми предлогами свидетелей террористических актов. Назаров вернулся из заключения физически и морально сломленным, несколько лет вновь работал в коммунальной системе на маленьких должностях, а затем, вспомнив молодость, пошел на завод. Типичная «щепка», которую с 1917-го понесло по разудальным революционным волнам, швырнуло в жуткую пучину — и из нее он уже не смог выбраться. То было и возмездие за бездумье расстрельных лет, за сокрытие «есенинской тайны».

Незавидна была судьба и другого официального участника «англтеровской» истории, милиционера *Н. М. Горбова* (1885—1932?)², составившего акт обнаружения тела Есенина в 5-м номере гостиницы. Документ этот неоднократно публиковался.

«Акт» о самоубийстве Есенина. Сост[авил] участк[овый] надзиратель 2-го отделения Ленинградской мили-

* Стиль, орфография и пунктуация документа. Сверено по копии, напечатанной в сборнике «Смерть Сергея Есенина: Документы, факты, версии» (М.: Наследие, 1996. С. 376). Уточнения произведены по публикациям «акта» в книгах: Эдуард Хлысталов. «13 уголовных дел Сергея Есенина» (М.: Русланд, 1994. С. 77); Станислав Куняев, Сергей Куняев. «Сергей Есенин» (М.: Молодая гвардия, 1995. С. 542—543).

ции 28 декабря 1925 года. Рукой уч[асткового] надзира-
теля Н. Горбова.

АКТ

28 декабря 1925 года составлен настоящий акт мною уч[астковым] надзирателем 2-го отд. ЛГМ Н. Горбовым в присутствии управляющего Гостиницей Интернационал тов. Назарова и понятых. Согласно телефонного сообщения управляющего гостиницей граж[данина] Назарова В[асилия] Мих[айловича] о повесившемся гражданине в номере гостиницы. Прибыв на место мною был обнаружен висевший на трубе центрального отопления мужчина, в следующем виде, шея затянута была не мертвой петлей, а только одной правой стороной шеи, лицо было обращено к трубе, и кистью правой руки захватился за трубу, труп висел под самым потолком, и ноги от пола были около 1,5 метров, около места где обнаруже[n] был повесившийся лежала опрокинутая тумба, а канделябр, стоящий на ней, лежал на полу. При снятии трупа с веревки и при осмотре его было обнаружено на правой рук[e] выше локтя с ладонной стороны порез, на левой рук[e] на кисти царапины, под левым глазом синяк, одет в серые брюки, ночную белую рубашку, черные носки и черные лакированные туфли. По предъявленным документам повесившийся оказался Есенин Сергей Александрович, писатель, приехавший из Москвы 24 декабря 1925 г.

Удостоверение] [ТЦ] № 42-8516, и доверенность на получение 640 р[ублей на имя Эрлиха].

[Управляющий]

В. Назаров

[Понятые]

В. Рождественский, П. Медведев,

[Милиционер]

М. Фроман, В. Эрлик

[неразборч.] ...шинский

Уч. надз[иратель]

2-го отд. ЛГМ

Н. Горбов».

Подписи первым расшифровал исследователь обстоятельств гибели Есенина Эдуард Хлысталов, в прошлом сле-

дователь по особо важным делам МВД, полковник милиции. В одной из своих публикаций он обоснованно заметил следующее: «Можно ли из указанного акта заключить о самоубийстве поэта? Категорически – нет. Документ составлен на крайне низком профессиональном уровне. Участковый надзиратель фактически не осмотрел место происшествия, не зафиксировал наличие крови на полу, письменном столе, стенах, не выяснил, чем была разрезана утрупа правая рука, откуда взята веревка для повешения, не описал состояние замков в двери, запоров на окнах, наличие ключа от замка двери, не отметил состояние вещей в номере (а они, судя по публикациям в газетах, находились в беспорядке), одежды (она была в растрепанном виде, брюки расстегнуты и спущены, что хорошо видно на рисунке художника В. Сварога), он не приобщил в качестве вещественных доказательств веревку, бритву, другие предметы. Приступая к осмотру, надзиратель обязан был пригласить понятых, которые (могли бы. – В. К.) подтвердить правильность записей. Фамилии понятых вообще не записаны надзирателем в акте, следовательно, Горбов производил осмотр в одиночку, а потом дал подписать документ случайно подвернувшимся лицам. Акт не имеет отметок о времени его составления, о начале и окончании этого следственного действия».

Критические замечания Эдуарда Хлысталова можно было бы продолжить, но и приведенных достаточно, чтобы сделать вывод: перед нами весьма странный «акт», – кстати, название документа нелепое, согласно установленной форме ведения уголовных дел, требовалось составлять не «акт», а «протокол».

Необходимое пояснение к документу. Среди подписавших его понятых – неразборчивая фамилия милиционера, оканчивающаяся на «...шинский» или «...менский». На наш взгляд, следует читать «Каменский» – человек с такой фамилией доставлял труп Есенина в Обуховскую больницу (об этом законспирировавшемся Хароне читайте ниже).

Но еще более занимателен сам текст «акта». Наши чи-

татели скоро убедятся, что участковый надзиратель Горбов был совсем не таким полуграмотным служакой, каким он предстает в процитированном неуклюжем документе. Да, в известных нам его личных писаниях он, конечно, далеко не виртуоз грамматики и пунктуации, однако виденные нами его заявления, записки, объяснительные и тому подобные бумажки свидетельствуют о вполне достаточной для его положения образованности. С учетом этих обстоятельств «акт» вызывает явное недоумение. Исследователи-профессионалы на эту тему давно дискутируют, но у них постоянно не хватало важного козыря — автографов Горбова. Теперь они у нас в руках. Сверяя почерк Горбова с каллиграфией «акта». Не нужно быть специалистом, чтобы заметить: написание ряда букв в собственоручном заявлении милиционера от 9 октября 1930 года в областную Контрольную Комиссию (по поводу исключения его из партии) *резко отличается* от написания тех же букв в «акте». Особенно это заметно при сравнении прописных П, У. И в одном и в другом случаях встречается словосочетание «уч[астковым] надзирателем»; даже простая сверка письменных знаков дает основание для сомнения, что идентичное выражение написано рукой одного и того же человека. Бесспорная подлинная подпись «*Н. Горбов*» на его заявлении 1930 года явно не похожа на его автограф в «акте». Нам приходилось вглядываться и в более ранние подписи-оригиналы милиционера (например, под его заявлением от 28 ноября 1927 года в бюро коллектива 2-го отделения ЛГМ). Его почерк не претерпел заметной трансформации. Разумеется, для далеко идущих выводов требуется профессиональная и независимая графологическая экспертиза. Если она подтвердит обоснованность наших сомнений, «акт» должен быть признан сфальсифицированным без участия Горбова. Известные протоколы опросов свидетелей при обнаружении тела Есенина (Назаров, супруги Устиновы, Эрлих) также вызывают множество недоумений. Если выяснится, что все упомянутые выше

бумаги поддельные (а для такого заключения есть серьезные основания), «милицейский» сюжет в «деле Есенина» впишется в общую картину намеренного скрытия следов убийства поэта. Тогда данный эпизод будет выглядеть следующим образом: Горбов был в «Англете», писал протокол, но укрыватели преступления его уничтожили и сочинили свой (заметьте, фамилия участкового надзирателя по горячим следам происшествия в печати не упоминалась); свидетели и понятые выполняли свои прямые тайные обязанности. В дальнейшем читатели убедятся – для такого вывода нашлось множество спрятанных до времени архивно-документальных доказательств.

Для выяснения истины полезно обратиться к личности милиционера Горбова. Странно, но факт: до недавнего времени о нем почти ничего не было известно, дискуссии главным образом шли о сочиненном им (?) полуграмотном документе. Между тем обнаружилось, он был достаточно образованным человеком: до революции много лет работал наборщиком на солидном петербургском Печатном Дворе, а эта профессия, согласитесь, способствует повышению грамотности; в 1920-м комиссарил на Польском фронте – подобная служба тоже говорит о его определенной «подкованности»; в 1922–1923 годах прошел выучку в специальной школе Активно-секретного отделения уголовного розыска (АСО УГРО)³, сдав весьма жесткий экзамен (из 149 курсантов, как выяснилось, испытание выдержали лишь 66), – такая учеба, конечно же, повлияла на уровень его образованности (о росте нравственно-морального облика сего товарища мы остережемся говорить). Далее будут представлены выразительные детали его биографии, которые нередко совмещаются и с хроникой преступления в «Англете», и с дальнейшей судьбой самого милиционера.

Недавно в секретных бумагах 2-го отделения ЛГМ нашлась партийная характеристика на Горбова. Этот весьма примечательный документ помогает выяснить его сложное лицо. Цитируем.

ХАРАКТЕРИСТИКА

Горбов Николай является по должности учнадзирателем, со своей работой справляется и интересуется ею. Бывший член партии, выбыл из партии (по его словам) якобы механически, по прибытию с фронта. Выпивает, но на службе пьяным не появлялся. Является слушателем кружка самообразования II ступени, занятия посещает неаккуратно. Работая в качестве председателя ячейки культсмычки, активности не проявил, так как эта работа дана недавно. В выполнении партобязанностей всегда старается найти какую-либо причину своей неисправности. К партзысканиям привлекался один раз без передачи дела в К[онтрольную] к [омиссию] за невыполнение партдиректив (неявка на пленум коллектива с докладом и срыв собрания коллектива).

Тов. Горбов имеет свой собственный дом в две квартиры и, по непроверенным слухам, еще два дома. Как партиец себя в работе общественно-политической не показал, имеется мещанско-обывательский [тон].

От[ветственный] секр[етарь] коллектива
(Силин [Павел Сергеевич])

(Подпись).

11/IV-1927 г.»

Наш «протоколист» на фоне часто хмельных собратьев выглядел прилично; хитрый тверской мужичок (он родом из Тверской губернии) имел другие страсти, первую — зашибить любым способом darmовые деньги. Туманное упоминание в характеристице излишних домиков у Горбова имеет основания (он проживал с матерью, женой и сыном на станции Удельная по улице Ращетова, д. 7).

Судя по сохранившимся протоколам собраний 2-го отделения ЛГМ, Горбов был заядлым демагогом, особенно по профсоюзной части (поближе к кормушке). Павел Силин пишет, что его сослуживец однажды сорвал серьезное партийное собрание «коллектива». Действительно, такой

случай был 8 июля 1926 года, когда Горбов не явился с докладом на тему борьбы с ленинградской «новой оппозицией», противостоявшей курсу XIV съезда РКП(б). Факт этот по-своему примечателен, так как милиционер находился под сильным влиянием друзей – сторонников Троцкого и Зиновьева, и невыполнение поручения не являлось случайным (мы к этой проблеме еще вернемся).

В 1929 году по состряпанному уголовному «делу» (покупка у знакомых кооператоров И. А. Волкова и Н. М. Наумова продуктов по заниженным ценам) Горбова судили⁴ (7 сентября, судья Эвертсон, народные заседатели Виноградова и Морозов, секретарь Смирнов) и упрятали за решетку. Снова обратите внимание на дату: это год высылки Л. Д. Троцкого из СССР! До поры до времени троцкисты, очевидно, подкармливали Горбова за его умение держать язык за зубами, но когда пришла тревожная пора, милиционера «на всякий случай» – чтобы помалкивал – засадили в первую ленинградскую фабричную трудовую колонию (подобным же образом, под надуманным предлогом, посадили в «Кресты», а затем сослали на Соловки коменданта «Англтера» В. М. Назарова).

Сообразительный «секретный» милиционер отбывал наказание тихо-мирно, и 28 августа 1930 года его освободили. В это время его прежние хозяева-троцкисты находились в опале, и Горбов проговорился. В подтверждение приводим его *впервые обнаруженную* автобиографию (заверенная подписью-автографом машинопись):

«БИОГРАФИЯ

Родился в 1885 году. Отец был служащий; семья состояла из шести человек. В 1893 году отец умер; осталось у матери четверо детей, восьмилетний – самый старший.

В 1900 году поступил наборным учеником в Государственную типографию (ныне Печатный Двор); выпущен из ученичества в 1905 году. За участие в забастовке в 1905 году

был уволен из типографии. В 1906 году вторично поступил в Государственную типографию наборщиком и проработал до 1920 года. [В] 1920 году был направлен на фронт под Warsaw и пробыл 6 мес[яцев], после чего вернулся обратно в типогр[афию].

В 1925 году, в годовщину смерти Владимира Ильича Ленина*, вступил в ряды ВКП(б)** и в порядке выдвижения коллективом был направлен на службу в милицию, где и прослужил до 1929 г. В милиции прослужил около 5 лет в должности уч[асткового] надзирателя. В 1929 г., в сентябре месяце, нарсудом Центрального района был осужден по статье 117, часть I У[головного] К[одекса] за то, что будучи уч[астковым] надзирателем 2-го отделения ЛГМ, позволил себе на своем участке у частного торговца, которого знал 25 лет, и с его братом вместе работал в типографии, который также был наборщиком**. Покупал у этого частника для своей потребности продукты питания. *Все мое обвинение по ст. 117, часть I я считаю было сделано за то, что я позволил себе критиковать некрасивые поступки бывшего начальника милиции Егорова и бывшего секретаря Ленинградского Совета Леонова***.*

Отбыв наказание 9 месяцев, досрочно, 28 августа 1930 года, освобожден наблюдательной комиссией 1-ой Ленинградской фабричной ремесленной трудовой колонии.

26 ноября 1930 года Областной Контрольной комиссией Смольинского района за то, что я находился под судом, был исключен из рядов ВКП(б).

1 сентября 1930 года поступил наборщиком в I типографию Облисполкома, где работаю по настоящее время.

Н. Горбов».

* Установлено: Н. М. Горбов принят кандидатом в члены РКП(б) 14 января 1925 года, почти спустя год со дня смерти В. И. Ленина.

** Следовало писать: РКП(б).

*** Стиль автора.

**** «Наш». – В. К. К этой загадочной фразе Н. М. Горбова мы ниже вернемся.

Прокомментируем «Биографию», тем более что в ней есть существенные утаивания и недоговоренности. Нам удалось их расшифровать с помощью других документов.

Н. М. Горбов воевал политруком на Польском фронте в составе 15-й армии. Сохранилось отношение от 5 сентября 1920 года политотдела Реввоенсовета этой армии в Петроградский комитет РКП(б): *«Командируется в Ваше распоряжение тов. Горбов Николай Михайлович, как больной и непригодный к военной службе»*.

Партийное начальство отреагировало на армейское письмо 15 сентября 1920 года и направило Горбова, большевика с 1918 года, в Выборгский райком партии, по указке которого с 7 ноября 1921 года он стал квартальным надзирателем 2-го отделения ЛГМ. Почти через год судьба «нашего протоколиста» круто меняется, о чем он, выполняя строгие инструкции, помалкивал. 7 октября 1922 года начальник 2-го отделения милиции Орлов препровождает Горбова в распоряжение главы стражей порядка Центрального района Петрограда, Ф. Г. Ландграфа, который, в свою очередь, ровно через десять дней направляет его, согласно предписанию, в губернское Активно-секретное отделение уголовного розыска (АСО УГРО) под начало капитана Г. М. Зейферта. В 1926 году, заполняя анкету Всероссийской переписи членов ВКП(б), Горбов скрыл свою причастность к АСО УГРО и лично указал: «1920–1924. «Петрокоммуна». Ленинград. Экспедитор. По назначению».

Никогда Николай Горбов экспедитором «Петрокоммуны» не работал. В 1922–1925 годах он нес службу в АСО УГРО административного отдела Ленинградского губисполкома (АОЛГИ). В недавно рассекреченной «Книге по учету исходящих удостоверений личности сотрудников уголовного розыска» (1922–1924) мелькает и его фамилия.

Доступные нам архивные материалы АСО УГРО (многие уничтожены) показали: это ведомство занималось не только уголовщиной, но и тесно сотрудничало с ГПУ. Многие милиционеры, прошедшие выучку в АСО, становились

секретными сотрудниками (сексотами) ГПУ, занимали ключевые посты в городской администрации; под милицейской шинелькой часто билось чекистское сердце. Да иначе и не могло быть. Срастание ЧК–ГПУ и милиции в условиях крайне заполитизированной страны считалось закономерным и естественным процессом.

Нам попался замечательный по холуяжу документ под грифом «*Совершенно секретно*», подписанный начальником Петроградской губернской милиции Серовым и его помощниками. И хотя документ относится к октябрю 1922 года, он сохраняет свой пропагандистский пыл и в 1925-м. Процитируем из него небольшой фрагмент:

«Всем начальникам районов Петрогубмилиции.

В связи с предстоящей предвыборной кампанией враги Рабоче-Крестьянского Правительства под флагом друзей народа, не брезгая никакими измышлениями, не стесняясь никакой ложью и клеветой, забыв о том позоре, каким уже не раз были заклеймены рабочей и крестьянской массой, они, эти политические шулера, вновь делают попытку сбить с толку нашего революционного рабочего...

Во избежание... излишнего брожения умов малосознательной рабочей среды, не давая почвы для развязки языков шептуна и шкурникам, предлагаю всем начальникам районов под их личную ответственность, через подчиненные им органы милиции и ее членов, строго и неукоснительно следить за лицами, тем или иным путем пытающимися распространить свою погромную литературу. Всех заклейменных лиц немедленно арестовать и отправить в ГПУ вместе с материалом».

Чем не доказательство родства милицейских и чекистских душ?

При анализе работы 2-го отделения ЛГМ обращает на себя внимание его тесная связь с 3-м Ленинградским полком войск ГПУ (его штаб дислоцировался через три дома от «Англете́ра», по просп. Майорова, 16).

Забегая вперед, заметим, в этом полку служил один из понятых при подписании «акта» Горбова об обнаружении тела Есенина, посещал сию чекистскую цитадель и другой заметальщик следов убийства поэта (об этом позже). «Дружба» 2-го отделения ленинградской милиции с чекистской воинской организацией подтверждается рядом выявленных нами в архивах фактов. Один пример. 16 февраля 1926 года на заседании «бюро коллектива» его оторг (ответственный организатор) Степан Кулеш, предложил преподнести подарок воинам к годовщине создания Красной Армии. Постановили: «Громову [Я. Н.] поручить договориться с комполитсоставом 3-го полка войск ГПУ, в чем они более нуждаются» и «проводести подписку о добровольном пожертвовании» (попробуй откажись). Зависимость милиции от ведомства Дзержинского была полнейшая. Любое «лишнее» словечко милиционера могло стоить ему жизни.

Не потому ли 70 лет промолчал агент Активно-секретного отделения уголовного розыска *Георгий Петрович Евсеев* (р. 1901). В беседе с нами старик рассказал (1995 г.), как он и его сотоварищи 28 декабря 1925 года под руководством инспектора Громова выезжали в «Англтер». Рассказ лукавый и надуманный, ветеран милиции по понятным причинам боялся открыть хоть в какой-то мере известную ему правду. И его понять можно – каких только репрессивных волн он не видел!.. Да и старая служба обязывала: в одном из архивных документов (1925 г.) фамилия Евсеева сопровождается многозначительной пометкой «*Категория 53*», которую еще предстоит расшифровать. В партийной характеристике (9 августа 1925 года) о Евсееве сказано: «*Политически развит вполне удовлетворительно, окончил кружок 1-й ступени*», «*Дисциплинирован и исполнителен*».

Вероятно, таким же исполнительным был и другой агент АСО УГРО *Михаил Васильевич Казанский*, по словам Евсеева, также выезжавший в «Англтер».

Бригаду «активно-секретных» милиционеров возглавлял инспектор *Петр Прокофьевич Громов* (р. 1896), уроже-

нец Тверской губернии, сын полицейского-городового!). До 1918 года он работал наборщиком в типографии «Новое время», воевал под Петроградом и на Урале в составе «Питерского Красного батальона». В 1921 году отличился при подавлении Кронштадтского восстания, награжден орденом Красного Знамени. Как видим, достаточно проверенный властью сотрудник. Насколько нам известно, он не промолвил ни слова о чрезвычайном выезде в «Англете». Скорей всего, возглавляемая им бригада выполняла декоративную роль, а агенты АСО УГРО и одновременно чекисты *Дмитрий Михайлович Тейтель* (р. 1899) и *Михаил Филиппович Залкин* (р. 1896), жившие в «Англете» (№ 31-32), «на всякий случай» подстраховывали сослуживцев.⁵ Об этой тайной операции ленинградские газеты ничего не сообщили, что говорит о неофициальном характере «визита» в гостиницу громовской бригады.

Закулисная возня вокруг «дела Есенина» подтверждается следующим документом, опубликованным «Новой вечерней газетой» (2 января 1926 года):

«Телефонограмма. Сообщено во 2-е отделение ЛГМ. 1925 г. 28 декабря мес., 4 часа вечера. В Обуховскую, им. Профессора Нечаева, в память 9 января 1905 года, больнице был доставлен труп гражданина Есенина Сергея Александровича, повесившегося в гостинице «Интернационал».

Кем доставлен: милиционером *Мих. Каменским*.

Труп гражданина Есенина передан в распоряжение 2-го отделения ЛГМ.

Дежурный *Котелов*.

Более чем странная телефонограмма. Выяснено, что Мих. Каменский не являлся сотрудником 2-го отделения ЛГМ, отсутствует его имя и в списках (1925 год) агентов УГРО. Еще заметим: телефонограмма напечатана весьма запоздало. Тело Есенина отправляется в больницу на судмедэкспертизу, еще не ясно существо происшествия, а по-койного официально объявляют самоубийцей. Почему его транспортировку проводят «некто»? Мертвеца передают

как вещь в распоряжение «простой» милиции. Есть над чем задуматься...

Кто такой Мих. Каменский? О нем мы находим несколько строк в «Дневнике» критика Иннокентия Оксенова, наблюдавшего грустную сцену прощания с Есениным: «Хороший был милиционер, юный, старательный. Подошла какая-то дама в хорьковой шубе, настойчиво потребовала: “Покажите мне его”, — и милиционер бережно раскрыл перед нею мертвое лицо. Лежал Есенин на дровнях головою вперед, ничего под тело не было подложено. Милиционер весело вспрыгнул на дровни, и извозчик так же весело тронул».

Возможно, этим «веселым» стражем был или Илья Павлович Каменский, работник Треста коммунальных домов, член правления Военно-потребительского общества войск и органов ОГПУ «Красная звезда», к которому имел отношение и «Англетер» (известно его выступление на заседании месткома этого кооператива 21 февраля 1926 года); или Каменский Алексей Осипович, рабочий, сотрудник ГПУ, живший тогда в чекистском доме по улице Комиссаровской, 5, в квартире 27. (Несовпадение имен не должно смущать — обычная уловка дзержинцев-конспираторов.) Распорядители действовали неуклюже, бесцеремонно отирая в самом начале следствия более скромных по влиянию стражей законности.

Подписавший телефонограмму *Котелов Алексей Петрович* — ленинградский юрист. Биографию его выяснить пока не представилось возможным.

Эдуарду Хлысталову удалось установить, что в составе выезжавшей в «Англетер» бригады уголовного розыска был и агент Ф. Иванов, проводивший дознание, результаты которого неизвестны. Остатки архива УГРО подтверждают: действительно, в 1-й бригаде служил Федор Григорьевич Иванов (в той же группе числился брат Николая Горбова — Иван). Ф. Г. Иванов в 1923 году получал бесплатную трамвайную карточку, а в 1924-м расписался в «Книге по учету... удостоверений личности...» (№ 123). Бесплод-

ность усилий Иванова понятна: возможно, не подозревая о своей роли в грязной игре, он и не мог публично раскрыть подноготную происшествия. Дальнейшая судьба Ф. Г. Иванова (был осужден и бесследно исчез) лишний раз свидетельствует: прикосновение к тайне «Англетера» дорого обходилось всем, кто на нее посягал!

В Центральном архиве Главного информационного центра МВД РФ (Москва, Новочеремушкинская, 67), может быть, сохранился отчет УГРО Ленгубисполкома за октябрь-декабрь 1925 года (есть документальное доказательство его былого существования) – в нем-то и следует искать прояснения истины, хотя, подозреваем, кто-то из власти имущих сумел вовремя уничтожить или сфальсифицировать казенные бумаги.

Вывод: руководящие работники Активно-секретного отделения УГРО АОЯГИ и их более высокие начальники заранее наметили тактику сокрытия преступления и отвели 2-му отделению ЛГМ роль пассивного созерцателя, что затем и произошло. Молчал следователь нарсуда 2-го отделения *Бродский (Гилевич) Давид Ильич* (р. 1895). Его «личное дело» лежит в одном из государственных архивов, но знакомство с ним почему-то затруднено. Не проявляя никаких усилий и заведующий столом дознаний 2-го отделения ЛГМ *Иван Васильевич Вергей* (р. 1891). Благодаря своей послушности он благополучно ушел на пенсию по инвалидности в 1935 году. Исправно вели себя и другие милиционеры.

Надо оговориться: для блестителей порядка есенинская история не являлась чрезвычайной. Только с 1 октября по 15 декабря 1925 года через 2-е отделение ЛГМ прошло 482 уголовных дела и поступила 4341 «бумага». Служили здесь 147 человек, призванных оберегать покой около 90 тысяч граждан (из них более 15 тысяч – пролетариев). Печальное событие с московским поэтом в глазах милиции – лишь случайный эпизод! К тому же дисциплина и профессиональные качества рядового состава, как правило, вчерашних деревенских мужиков, выглядели удручающе. На собра-

нии коллектива 2-го отделения ЛГМ 7 января 1926 года отмечено: за три последних месяца 1925 года зафиксировано семнадцать случаев неявки стражей на свои посты, четырнадцать раз видели «милитонов» пьяными, снято с дежурств десять человек – и это официальная, явно заниженная статистика! Многие надзиратели за порядком сами специально напивались, чтобы их уволили из милиции, – так была несладка их служба. Милиционер Алексей Егоров, бывший «краском», отмечается в протоколе, «привлекается к ответственности за бесцельную стрельбу на посту в пьяном виде, а также за невыходы на пост и манкирование службой». 22 декабря 1925 года на «заседании бюро коллектива 2-го отделения ЛГМ» говорилось: однажды милиционер Жан Фридленберг исчез с дежурства на пять часов, затем «явился в нетрезвом состоянии... начал кричать и выражаться неприличными словами в присутствии посторонних...».

Нередко среди охранителей покоя бывали растраты казенных денег. Так, Петр Амантов в 1926 году разбазарил 1300 рублей (ежемесячная зарплата рядового милиционера тогда составляла 45 руб.). Уличены в присвоении собственности Петр Федоров, Иван Станкевич. Ленинградцы часто жаловались на волокиту во 2-м отделении, пропажу документов и формальные отписки. В числе бездушных чинуш фигурирует и Николай Горбов.

Имя Есенина им ничего не говорило. Сохранился протокол заседания месткома 2-го отделения ЛГМ от 30 декабря 1925 года. Появилась надежда – в бумагах мелькнет имя Есенина. Наивное ожидание: обсуждались циркуляры и инструкции губернского отдела «Союза совторгслужащих» (в него входил и милицийский профсоюз), шла обычная политическая трескотня.

Руководил 2-м отделением ЛГМ Александр Семенович Хохлов (р. 1885), бывший продавец и ростовщик, партиец с 1919 года. Примечательно: он сменил своего предшественника Пантелейона (Пантелеймона) Федоровича Распопова (р. 1874) 22 декабря 1925 года. Смена милицейского началь-

ства несколько внезапно-загадочная, больше похожая на изгнание Распопова — ведь совсем недавно, 12 ноября того же года, его примерная служба приказом № 49 начальника административного отдела Ленгубисполкома Г. С. Егорова была отмечена именным револьвером. Можно допустить: Егорова (о нем и его авантюрах мы скоро поведаем) больше устраивала фигура Хохлова, имевшего вкус к финансам и, возможно, более управляемого, чем Распопов. В дальнейшем, при новом повороте нашей темы, мы еще вернемся к кадровой чехарде во 2-м отделении ЛГМ, так как она кажется нам неслучайной.

А теперь выполним наше обещание и прокомментируем фразу участкового надзирателя Горбова, посмевшего после выхода из тюрьмы критиковать «некрасивые поступки бывшего начальника милиции Егорова и бывшего секретаря Ленинградского Совета Леонова».⁶

Заглянем вначале в судебное дело № 111772 Горбова. Приговор от 7 сентября 1929 года гласит, что торговец и владелец чайной Николай Федорович Наумов «давал взятки участковому надзирателю Горбову в виде разных продуктов по ценам, ниже кооперативных, последний раз взятка была дана в начале 1928 года...». За это милиционер, говорится далее в приговоре, сквозь пальцы смотрел на несоблюдение Наумовым правил торговли.

К «делу» был привлечен и владелец кустарной колбасной мастерской Иосан Алексеевич Волков, который (цитируем документ) «...давал подсудимому Горбову взятки своими колбасными изделиями, каковые отпускал ниже кооперативных цен в то время, когда он сырье во время кризиса в Ленинграде покупал у частника».

На Горбова явно «катили телегу». Особенно она заметна в подсчете обвинением случаев злоупотребления участковым служебным положением. Выясняется, от Наумова страж порядка в 1927—1928 годах получал взятки «несколько раз», а от Волкова «...три раза... в 1928 году и в начале 1929 года». Не густо. Видно, судье Эвертсону нужно было

во что бы то ни стало упрятать Горбова за решетку, и он использовал любые возможности, чтобы изолировать его хотя бы на время политической шумихи, связанной с высылкой Троцкого из СССР.

Так быстро и легко «убрали» ненадежного, с их точки зрения, свидетеля «англете́ровской» чудовищной акции. Одного из своих тюремщиков Горбов назвал партийным контролером. Впервые приводим этот любопытный документ (автограф):

«В областную Контрольную комиссию.

От Горбова Н. М. Жител[ьство]:

Ст[анция] Удельная, Рашетова ул., 7, кв. 1.

ЗАЯВЛЕНИЕ

26 сентября 1930 г. Партколлегией Смольнинского района исключен из партии за то, что находился под судом. Считаю постановление Партколлегии суровым и прошу меня восстановить в правах члена партии. Я происхожу из рабочих, по профессии наборщик, имею 25-летний стаж; находясь в рядах партии в течение трех лет, не имел взысканий.

Под суд попал из милиции, где и служил 5 лет уч[астковым] надзирателем как выдвиженец.

Отдание меня под суд по ст. 117, ч. 1 УК со стороны прокурора Центрального района Николаева было пристрастным за то, что я его не просил быть ко мне снисходительным.

Прошу мое дело разобрать, вызвав меня в комиссию.

9/Х-30.

Н. Горбов».

Заявление несколько туманное, его автор не решается прямо сказать о состряпанности своего «дела». Ранее, по выходе из тюрьмы, он смело указал на «некрасивые поступки» бывшего начальника губернской милиции Егорова и бывшего секретаря Ленсовета Леонова. Теперь всплыло новое имя — прокурора Александра Николаевича Николаева, бывшего в 1925 году членом Ленсовета и

Василеостровского райисполкома (тогдашнее его место-жительство: ул. Гаванская, 16). Если не ошибаемся, сей сомнительный страж законности в 1929-м за свои грязные делишки тоже очутился (как Г. С. Егоров, Л. С. Петржак и др.) под жерновами ГПУ (соответствующие документы нам известны, но их и сегодня невозможно заполучить).

Зато удалось разыскать протокол № 15 заседания партколлегии Смольнинского района от 26 сентября 1930 года. Более чем интересная для нашей темы бумага. Особенно примечателен состав партийных экзекуторов. Перечислим их всех: председатель Зилинский, секретарь Ново-Павловская (так в тексте документа), народный следователь Мальбин, члены партколлегии: Базарова, Веселова, Венгрис, Изак, Николаев (и тут прокурор на месте), Сондак, Трилиссер. Весьма темная компания. В ней выделяется ярый троцкист Д. А. Трилиссер, один из руководителей партийной Контрольной комиссии, брат печально известного М. А. Трилиссера, заместителя (с 1926 года) председателя ОГПУ. Рейнгольд Иванович Изак, преподаватель Коммунистического университета им. Зиновьева – также гэпэушник. Крайне многозначительный для нас факт: Изак жил (1924–1928) в чекистском доме по улице Комиссаровской (№ 7/15, кв. 10), а упоминавшийся не раз таинственный Петров, к которому комендант «Англетера» В. М. Назаров якобы заходил 27 декабря 1925 года «советоваться», располагался в 8-й квартире. Вероятно, и Петров, и Изак беспокоились – будет ли помалкивать после тюремной отсидки «свой» Горбов. Загадочное и бесследное исчезновение последнего после 1931 года заставляет думать: за строптивым милиционером кто-то присматривал... Во всяком случае, петербургские архивы ФСБ и МВД не смогли нам помочь выяснить финал его судьбы.

Теперь прокомментируем строки автобиографии милиционера Горбова, касающиеся его «обидчиков», начальника административного отдела губисполкома Егорова и бывшего секретаря Ленсовета Леонова.

О Леонове речь впереди, сейчас же обратимся к фигуре первого блюстителя законности в губернии.

Герасим Степанович Егоров (1878—?), бывший рабочий Путиловского завода, член РСДРП(б) с 1907 года, глава (1924—1929) административного отдела Ленинградского губисполкома (АОЛГИ), — личность темная, типичный шкурник с партбилетом, сделавший большевизм своим доходным личным промыслом. Уголовник с идеологической подкладкой, он, руководя всей ленинградской милицией, занимался финансовым разбоем. В годы своей последней службы лично растратил более 100 тысяч рублей казенных денег!

Герасим Степанович был натурой широкой, разгульной. Когда в Ленинград в 1925 году приезжал его непосредственный начальник, глава всей милиции РСФСР *Петр Константинович Сергиевский*, в теплой компании в «Европейской» гостинице или в «Гранд-отеле» пропивались и транжирились «из секретных сумм» многие тысячи. Г. С. Егоров так вольно сорил казенными средствами потому, что, очевидно, частенько выполнял «деликатные» поручения вышестоящих московских заправил, снисходительно смотревших на слабости товарища по партии.

Известен фотопортрет мошенника: на крупном грубоом лице застыла «значительность», в небольших усах прячется нечто «комиссарское», жиденькие волосики аккуратненько разглажены на пробор, в плотно сжатых губах — таинственность, взгляд уверенный, самодовольный; от сего партийного френча веет строгостью и дисциплиной. Рассказывают, этот «герой» не раз предупреждал крупных ленинградских жуликов и аферистов об ожидающих их арестах. Самого его «взяли» в 1929 году.

К сожалению, наши историки почти совсем не пишут о материальной подоплеке арестов партийных вожаков, ограничиваясь идеологией, которая часто служила им лишь дымовой завесой.⁷

«Делом» Егорова и К° занимались коллегия ОГПУ и Президиум ЦИК СССР — настолько оно было масштаб-

ным и чрезвычайным! Мы это «дело» видели и убедились в Центральном государственном архиве (Санкт-Петербург) в масштабности махинаторского предприятия: все документальные материалы о деятельности АОЛГИ 1924–1929 годов чья-то преступная рука уничтожила (в этом массиве первоисточников могло быть и «дело Есенина»).

Может быть, скажут наши оппоненты, милиционер Горбов проболтался о «некрасивых поступках» Егорова, не связывая их с трагедией в «Англете»? Однако о цепочке Горбов–Егоров нам известно более, чем здесь сказано, а недоговариваем потому, что до наших дней архивные материалы и того, и другого остаются секретными. В нынешних потаенных кладовках прячется еще очень много прелюбопытных бумаг.

Полагаем, Егоров не обязательно сам давал приказ участковому надзирателю Горбову сфальсифицировать «есенинский протокол». Давление могло исходить еще от двух фигурантов. Поведаем о них.

…На фотографии он выглядит задумчиво–брехливым; лысоват, прямой нос, «чекистский» взгляд, толстенькие губы. Обычно деятели его ранга в анкетах 20-х годов писали: «*социальное происхождение – интеллигент*», читай – профессиональный революционер, чаще всего – уголовник с политическим душком.

Выше набросан внешний облик заместителя Г. С. Егорова, начальника подотдела уголовного розыска АОЛГИ *Леонида Станиславовича Петржака*. Из милицейского журнала «На посту» (1925. № 5) и других периодических изданий, из архивных источников известно следующее.

Л. С. Петржак родился в 1891 году в селе Высокое Люблинской губернии в семье оборотистого дельца, занимавшегося прибыльным мельничным делом (сын, как водится, скрывал занятия отца, называя его «для анкеты» рабочим-столяром). Учиться он, видимо, не любил и не хотел, так и оставшись с двумя классами (обычно «пламенные» ссылаются на «тюремные университеты» – не исключение

и Петржак, писавший об учебе в подпольной партшколе в 1916 году). Профессия – токарь по металлу, но в это мало верится. Уже в свои четырнадцать лет был причастен к убийству полицмейстера в городе Люблин, о чем позже писал с гордостью. В 1906 году его приняли в партию. В хрониках предреволюционных лет городов Левицы и Лодзь его имя встречается часто. В 1914-м приехал в Петроград. Оценив его организаторскую хватку на профсоюзно-хозяйственной ниве, начальство столицы доверило ему в 1918–1919 годах заседать в Совете народного хозяйства. Немного поуправляя Совнархозом в Харькове (с двумя классами образования!), он возвращается в город на Неве и здесь находит свое истинное призвание, определившееся, по-видимому, в 1925 году (в упомянутом выше журнале «На посту» в биографической справке о нем двусмысленно написано: «...член коллегии по черному делу “Украины”, следовало бы – «по черной металлургии»). Оговорка символическая, в Харькове Петржак пролил много людской кровушки, заседая в «политтройках». Дзержинский высоко оценил усердие своего боевого польского сотоварища и взял его под свое крыло. С декабря 1919 по январь 1921 года, то есть в разгар Гражданской войны, Петржак исполнял обязанности вначале заведующего отделом осведомления при ВЧК, а затем начальника всей чекистской агентуры. Просим запомнить этот факт, мы к нему еще вернемся. Затем, казалось бы, его карьера пошла на спад: с 1922 по 1929 год он ведал Ленинградским уголовным розыском. Должность немалая, однако, согласитесь, что-то в таком выражении его биографии смущает. После долгих поисков, по косвенным данным, удалось узнать, что служба в угрозыске была для Петржака лишь внешней и не самой главной, в те же годы он трудился в Особом отделе Петроградского (Ленинградского) военного округа в качестве заместителя начальника иностранного отдела. На этот факт, пожалуйста, обратите внимание, он нам пригодится при выяснении мотивов убийства Есенина. В 1929-м Петр-

жак «кончил плохо»: за присвоение и растрату огромной суммы казенных денег он попал (вместе с Г. С. Егоровым) в «родное» ОГПУ. Если не ошибаемся, ему дали «десятку».

Наконец, еще один интересующий нас сотрудник ленинградской милиции, подчиненный Петржака, начальник Активно-секретного отделения уголовного розыска (АСО УГРО) административного отдела губисполкома (АО ЛГИ) Георгий Алексеевич Гольцикер. С фотографии смотрит рафинированного вида мужчина с внешне приятным лицом, но только в глазах жесткий холод. Г. А. Гольцикер родился в Петербурге в 1899 году. Осилил коммерческое училище. В партию вступил в 1919-м, когда служил военным следователем, в 1920–1921 годах казнил и миловал в военно-революционном трибунале – за ним гора не только пролетарских трупов. В его личном деле (недавно рассекречено) есть пометка о том, что сей страж революционной законности привлекался к ответственности за спекуляцию мануфактурой. С 1921 года работал в УГРО, с ноября 1924-го возглавлял Активно-секретное отделение. Это, скорей всего, он направлял в «Англетер» 5-ю бригаду агентов АСО УГРО под руководством инспектора Петра Прокофьевича Громова.

Встает резонный вопрос: почему «делом Есенина» занималось Активно-секретное отделение УГРО, а не местное ГПУ, не говоря уже о «простом» 2-м отделении милиции? Причин тут несколько. Нами обнаружена тесная связь АСО УГРО и ГПУ (см.: «Наш современник», 1995. № 12). Полагаем, в структуре АСО существовали специальные группы, предназначенные для «особых поручений». И главное: факт убийства поэта скрывался по чьей-то личной просьбе «сверху», то есть в самом начале «делу» придавался не столько официальный, сколько, так сказать, «домашний» ход.

Операцию сокрытия преступления «активно-секретные» милиционеры провели успешно, их вчерашний сослуживец Николай Михайлович Горбов (он ли?) настроил фальшивку, следователь нарсуда Бродский и шагу не

ступил к правде – да ему, вероятно, и не позволили. 20 января 1926 года, после появления в «Правде» (19 января) статьи Троцкого о кончине Есенина, заведующий столом дознания 2-го отделения ЛГМ Вергей сочинил «отходную» бумагу («за отсутствием состава преступления»), а его начальник Хохлов поспешил «дело» прикрыть. Он, бывший торговец, знал: в такой острой, щекотливой ситуации принципиальность обойдется дорого. Вскоре после декабрьской трагедии его перевели на другое место службы.

В заключение нашей «милицейской» главы несколько попутных соображений, которые, надеемся, пригодятся будущим исследователям.

Следы участкового надзирателя Николая Горбова теряются в 1931 году, когда он работал наборщиком в 1-й типографии облисполкома. Безуспешно пытался вновь восстановиться в партии (рекомендацию ему давали работники типографии А. И. Федоров и С. С. Черняевский).

Что-то о судьбе Николая Горбова могли знать его братья, тоже милиционеры, прошедшие школу Активно-секретного отделения (АСО) УГРО, – Александр Михайлович (р. 1895) и Иван Михайлович (р. 1890). Кстати, последний, как и его брат Николай, тоже в 1929–1930 годах извешал тюрьму по надуманному обвинению («...халатно относился к служебным обязанностям»).

2-е отделение ЛГМ и АСО УГРО, как уже упоминалось, тесно сотрудничали с ГПУ, что в условиях того времени было обычным явлением. Наше «знакомство» с двумя сослуживцами Николая Горбова по АСО УГРО – агентами Залкиным и Тейтелем привело нас в... «Англетер» и заставило присмотреться к соседнему с гостиницей дому № 8/23 по проспекту Майорова. Вновь попытаемся ответить на вопрос: почему эти два агента, имея домашние семейные квартиры в Ленинграде, время от времени в 1925 году проживали в «Англетере» – соответственно, повторимся, в 32-м и 31-м номерах?..

Мы еще вернемся к этой загадке в связи с выяснением

назначения дома № 8/23, сейчас же, опережая аргументы, поспешили с ответом: Залкин и Тейтель в «Англете» отдохнули от допросов, которые они вели в таинственном соседнем здании, являвшемся, по нашим архивным наблюдениям, следственным изолятором. Нетрудно догадаться, что между гостиницей и домом-призраком существовали секретные подвальные ходы.

Так как наш ответ нуждается в документальных обоснованиях, подробнее скажем об упомянутых агентах.

Михаил Филиппович Залкин (по метрическому свидетельству – Моисей Рафаилович Залкинд) родился в 1896 году в городе Лиепая (Либава) Курляндской губернии. Учился в гимназии. В 1914 году на «ловлю счастья и чинов» прибыл в Петроград. В Февральские и Октябрьские дни стоял на стороне революции, участвовал в Гражданской войне; служил «лицом для поручений» при начальнике снабжения войск ВЧК, в отрядах охраны эстонско-латвийской границы и т. д. В 1923–1926 годах агент АСО УГРО Петрограда-Ленинграда. Службу в Активно-секретном отделении совмещал с деятельностью в ГПУ. Позже находился на хозяйственно-технической работе. Любопытный штрих: первым браком был женат на Фаине Моисеевне Каплан, ставшей в 1929 году супругой Г. А. Гольцикера, начальника АСО УГРО.

Другой загадочный жилец «Англете», Дмитрий Михайлович Тейтель, родился в 1899 году в Петербурге. Okончил 6-ю местную гимназию. Участник Гражданской войны на Северном фронте, артиллерист. Большевик с 1918 года. С сентября 1921 года по январь 1922 года уполномоченный по информации (3-е спецотделение) Петроградской ЧК, позже сотрудник агентурно-осведомительного Особого отдела здешнего военного округа, затем работник охраны ряда специальных объектов. С 1923 года агент АСО УГРО, продолжавший поддерживать связь с ГПУ. В «Автобиографии» (1924) Тейтель с гордостью писал: «Специальные поручения: исполнял, работая в ЛЧК, ГПУ и ОО ЛВО.

Вообще же знаю основательно работу ГПУ и Угрозыска». Учитывая, что Тейтель в «есенинские» дни 1925 года жил в «Англете», выполняя неизвестное нам поручение, приглядеться к нему внимательнее будет нeliшне.

В истории Активно-секретного отделения УГРО множество представляющих интерес для есениноведов имен, фактов, эпизодов. Вот еще одна существенная для нас деталь: 17 сентября 1925 года комиссия под председательством начальника АСО УГРО Г. А. Гольцикера формировала Команду передвижного состава (Комперсо) ЛГМ. В списке (34 человека) значится Павел Петрович Петров, особо секретный агент ГПУ. Никакого отношения Петров к Комперсо не имел, ему, очевидно, требовалось легализировать вовсе не лишене для него авторитетное удостоверение. (АСО УГРО – скопище прелюбопытных фамилий, некоторые из них небезызвестны и сегодня. В 1925 году агентами этого своеобразного филиала ГПУ были Николай Михайлович Невзоров, Герасим Иванович Ерин, Иосиф Станиславович Голембиовский).

Уверены, дальнейшие «разработки» архива АСО позволяют глубже проникнуть в «тайну Англтера».

Глава 3

ВТОРАЯ «КОЖАННАЯ КУРТКА» ЛЕНИНГРАДА

Милиционер Горбов, выйдя в 1930 году из тюрьмы, объяснил свое заключение критикой «некрасивых поступков» начальника губернской милиции Егорова и секретаря Ленсовета Леонова. Мало ли что, подумалось: ленсоветская работа многообразная, видимо, Леонов был связан по должности и с милицией, – может быть, да в свое время нагоняя Горбову – вот тот и мстит.

После долгих поисков у нас в руках оказался «Трудо-

вой список» Ивана Леонтьевича Леонова.¹ Читаем: родился в 1888 году в Новгородской губернии, русский (в одном из документов написано – по недоразумению? – «латыш»). Работал строителем, телеграфистом, садоводом (последнее – сомнительно, скорей всего – конспирировался), строгальщиком по металлу на Балтийском заводе, перед революцией не раз арестовывался, находился на нелегальном положении. В 1917–1918 годах – заместитель председателя Василеостровского Совета. Далее: «Октябрь 1918–1 октября 1919. Петроград. ЧК – член коллегии. 1 октября 1919 – декабрь 1920. – Председатель Иваново-Вознесенской ЧК. Декабрь 1920 – декабрь 1921. – Начальник Особого отдела и зам. Председателя Московской ЧеКа. Декабрь 1921 – март 1927. – Ленинградское ГПУ. Зам. начальника (курсив мой. – В. К.). 16 марта 1927 – секретарь Ленинградского Совета. 2 октября 1929. – Уволен».

Так вот, оказывается, на какую важную чекистскую птицу указал Горбов! Леонов, конечно же, по службе знал уже знакомых нам Егорова и Петржака. В Москве он, разумеется, встречался с Троцким и Дзержинским, ходил в заместителях у Станислава Мессинга, в интересующее нас время первой «кожаной куртки» Ленинграда.

Леонов мог знать Есенина по его приводам на Лубянку («Дело о “Зойкиной квартире”», август (?) 1921 года, и др.).

Так одна лишь фраза в заявлении участкового надзирателя Горбова привела в ленинградский чекистский штаб, располагавшийся в 1925 году на улице Комиссаровской (бывшей Гороховой) в доме № 4.

Довольно неожиданный поворот сюжета. Понадобилось познакомиться с Леоновым поближе – таким образом проясняются его служебные и другие связи. С трудом продираемся через старые бумажные залежи – уж очень засекречен и доныне таинственный фигурант. Но мир не без добрых людей. Мало-помалу потайной ларчик открывается. Различные источники помогли дополнить биографию заместителя начальника Ленинградского ГПУ.

В партию он вступил в 1914 году. (Почему-то освобожден от участия в войне.) Служил по классовой совести, награжден именными золотыми часами и почетным чекистским знаком. В начале 20-х годов водил дружбу с Г. Ватнер и другими политиканами, уивавшимися вокруг Троцкого. Когда последнего исключили в 1927 году из ВКП(б), стала закатываться и звезда Леонова. Его тогда пригрел бывший вожак (1919 год) петроградских чекистов Николай Павлович Комаров, ставший к тому времени секретарем Ленгубисполкома, а с марта 1926 года — его председателем, одновременно являясь главой Ленсовета.

Леонов известен в Петрограде как жестокий каратель. За превышение власти ему однажды даже объявили выговор. В 1929 году, когда его единоверцев и приятелей по разбойным делам сажали пачками в тюрьмы, он выжил, перейдя на хозяйственную работу, и даже попробовал выкарбаться вновь на службу в тайное ведомство (в 1931—1932 годах в Иркутске), но не удержался. Вероятно, в 1932-м или несколькими годами позже его «пригласили на казнь». На наш взгляд, справедливо.

Сохранились секретные когда-то записки Леонова (1925 год) в профсоюз работников искусств (РАБИС), в Севзапкино 1925 г.² и в другие организации с «просьбами» выслать в СОЧ (Секретная оперативная часть) ГПУ, которой он командовал, бланки удостоверений и т. п. «с оперативными целями». Ведомство Леонова присматривало за «Англетером», что подтверждается, к примеру, недавно рассекреченою следующей служебной запиской от 6 октября 1925 года:

«Тов. Гальперштейну.

Прошу Вашего распоряжения о предоставлении одной комнаты на льготных условиях в гостинице “Англетер” подателю сей записки.

[Подпись неразборчива].³

«Просьба» адресована Борису Марковичу Гальперштейну, заместителю заведующего губернским отделом коммунального хозяйства (губоткомхоза). Публикуемый

документ подтверждает ту мысль, что Есенина не могли поселить в гостинице «по блату». Уж если всемогущее ГПУ считает необходимым выполнять формальные требования, то никакие знакомцы поэта не могли обойти строгие бюрократические рогатки!

О многом мы уже не узнаем никогда, потому что наиболее секретные бумаги сопровождались фельдъегерями ГПУ, знакомившими «своих людей» с соответствующей информацией. Для непосвященных приведем образец «расписки» по каналу фельдъегерской чекистской связи.

«Форма № 11

К пакету №

РАСПИСКА

Пакет, адресованный на тов. за № от (учреждения) под сер. "К" для вручения в собственные руки адресата без права передачи и вскрытия другими лицами, доставленный фельдсвязью ОГПУ

Принял

Должность

Доверенность за № от числа

« » 192 г.

подпись разборчива

Примечание: Расписка вручается лицу, дающему пакет, немедленно».

Вернемся к Леонову – *ключевой*, на наш взгляд, фигуре в «англеровской» истории. У нас есть возможность «побывать» у него дома с помощью обнаруженной нами домовой книги (1929 г.). В огромном здании по улице Красных зорь (затем Кировский проспект, ныне – Каменноостровский), 26/28, проживала ленинградская советско-партийная номенклатура. В 20-й квартире (четыре комнаты, 175 кв. м) располагался Сергей Миронович Киров с женой Марией Львовной Маркус и домработницей Евдокией Ильиничной Агаповой. В 47-й обитал председатель Ленсовета, упомянутый выше Н. П. Комаров. Рядышком, в

45-й, жил травивший Есенина в газетах профессор литературы Л. Р. Коган. С именем поэта связано еще несколько проживавших в доме лиц (подробнее о них мы еще поговорим). Среди прочих – И. А. Мессель, брат главного врача «Скорой помощи», Н. В. Балдин, врач той же службы, журналисты Н. И. Шавлюга-Кантор, Татьяна и Клара Елькович (об их брате, главном редакторе вечерней «Красной газеты», будет речь особая). Дом напичкан чекистами, партработниками высокого ранга, чьи фамилии не пустой звук в советской истории Ленинграда. Любопытная деталь: в квартире № 151 поселились однофамильцы поэта – Есенины: студент политехникума Федор Степанович и шофер Стефан Михайлович.

А вот и «наш» И. Л. Леонов! Квартира № 2 (четыре комнаты, 113 кв. м) несколько меньше, чем у Кирова, но тоже солидная. Сердечный покой Ивана Леонтьевича оберегала Геся Соломоновна Самоварова, шифровальщица ГПУ (ох уж эти конспираторы!), пристроившая у себя под боком сестричку, студентку мединститута. Как и положено большому начальнику, Леонов имел прислугу, жившую здесь же Елизавету Осиповну Иванову.⁴

Наше «посещение» дома на улице Красных зорь не привело к открытиям, однако, согласитесь, кое-что прояснило и – главное – обозначило новые тропинки исследований.

Глава 4 СЕКСОТ ГПУ «С ВОЛЧЬЕЙ ГОЛОВОЙ»

Информацию о «кожаных куртках» 20-х годов добывать очень сложно. Заглянуть бы в их досье, хранящееся в архиве ФСБ, но там, понятно, свои, жесткие порядки и рассчитывать на распахнутые двери не приходится. Поэтому сбор этих сведений идет медленно, окольными зиг-

загообразными дорожками. Именно таким образом удалось «расколоть» сексата ГПУ *Вольфа Иосифовича Эрлиха* (1902–1937). Нам в руки попало его студенческое «дело», из которого выяснилось следующее.

7 июня 1902 года раввин Симбирска И. Гальперн записал: «...у провизора Иосифа Лазаревича Эрлих[а] от законной его жены, Анны Моисеевны, родился сын, которому по обряду Моисеева закона дано имя Вольф» (Волк). Через 28 лет он пропоет свою «Волчью песнь»:

Я ли это –
С волей на причале,
С песым сердцем,
С волчьей головой?
Пой же трубы гнева и печали!
Вейся, клекот лиры боевой!

И далее:

Но когда заря
Зарю подымет
В утренней
Розовоокой мгле,
Вспомню я простое волчье имя,
Что мне дали на моей земле.
И, хрюпя
И воя без умолку,
Кровь свою роняя на бегу,
Серебристым
Длинномордым волком
К вражьему престолу пробегу.

В этом «романтическом» стишке речь, конечно, идет о коммунистической заре и ненавистном царском престоле. Метафора «с песым сердцем» отражает внутреннюю сущность Эрлиха, внешне добродушного, приветливого, открытого, на самом же деле – злобного, скрытного, холодно-циничного.

После окончания 2-й симбирской советской школы 2-й степени имени В. И. Ленина он в 1919 году поступил на историко-филологический факультет Казанского универ-

ситета, где числился до июня 1921 года. Именно числился, потому что сам в одной из анкет указал: «...добровольно служил в 1920—1921 в санчасти Приволжского военного округа». Врет, так как в другой анкете приблизился к правде: «Служба в Красной Армии: работал в качестве секретаря педагогической лаборатории Главного политического Управления Просвещения Комитета Татарской Республики» (официальное название требует уточнения). И еще дал справку: в 1920 году проходил курс всеобуча в 9-м взводе 1-й роты 1-го пехотного Казанского территориального полка. Как видим, «волк» вилял овечьим хвостом.

Если в архиве Управления ФСБ Казани документы Эрлиха сохранились, они дадут о «педагоге» и «санитаре» подлинное представление, мы же не сомневаемся: свою чекистскую службу он начал с первого университетского курса. Фанатик мировой революции, он в 1921 году на вопрос анкеты (пункт 29-й): «Какой партии сочувствуете и почему?» — ответил: «РКП. Хотя бы потому, что все попытки переворота (независимо от намерений кого бы то ни было) по неизбежным результатам считаю контрреволюционными».

«Личное дело» (секретное досье) Эрлиха до наших дней, разумеется, прячется (государственная тайна), но часто детали его темной биографии проясняются им самим в стихотворных опусах. Процитируем отрывок еще из одного стишка (поэзии в нем ни на грош, но фактура любопытна):

Много слов боевых живет в стране,
Не зная, кто их сложил,
Громче и лучше на свете нет
Песни большевика.
И этой песне меня научил
Мой первый товарищ Выборнов Михаил,
Председатель Рузаевской ЧК.

Даже адрес чекиста указан: Симбирск, Смоленская улица, 3 (местным краеведам рекомендуем поинтересоваться). Человек с такой фамилией (имя другое) известен Ленин-

граду начала 20-х годов (в его служебном формуляре немало темных строк): осенью 1925 года он исполнял обязанности ответственного дежурного 1-го Дома Советов («Астории»), а должность эта – чекистская, ее до него занимал В. М. Назаров, перебравшись в северную столицу, *Выборнов* в июле 1921 года перетащил за собой и своего подопечного.

Поначалу в Ленинграде дела Эрлиха складывались не лучшим образом. Здешнее ГПУ приютило его в комнатке (№ 1) ведомственного дома № 12, по Вознесенскому проспекту (это буквально рядом с «Англетером», позже имевшим адрес: проспект Майорова, 10); можно думать, он туда частенько захаживал по чекистской надобности. Промышляя секретами, забросил учебу на литературно-художественном отделении факультета общественных наук Петроградского университета (в 1923 году его отсюда выгнали за неуспеваемость и участие в сионистских сборищах), предпочитая компанию приятелей (студент-медик Рязанский (псевдоним?), начинающий математик Шостак и др.) и сочинительство «революционных» опусов. Пытался писать стишкы для детей («Жил на свете Ванек... Пальцем двинуть не мог» и т. п.), но скоро забросил «педагогическое» рифмворчество, отдаввшись всецело сексотству и «социальной» поэзии, позже выраженной одной строкой в любимом им идеале: «Мой дом – весь мир, отец мой – Ленин...» (от серьезного анализа стихослагательства Эрлиха мы отказываемся, отметив подражание Владимиру Маяковскому и Анатолию Мариенкофу, с потугами на «имажинизм»). Наиболее заметная литературная работа Эрлиха (1936) – сценарий (совместно с Н. Я. Берсеневым) известного фильма «Волочаевские дни» (режиссеры-постановщики – братья Васильевы).

Литератор-воспоминатель Матвей Ройzman писал о нашем «герое»: «Вольф Эрлих был честнейшим, правды, скромным юношей. Он романтически влюбился в поэзию Сергея Есенина и обожал его самого. Одна беда – в практической жизни он мало что понимал».

Здесь нет ни слова правды, но именно в таком ореоле воспринимали его современники: тихонький, вежливенький, мягонький — из него бы получился неплохой провинциальный артист. Даже в наши недавние дни у «волка» сохранялся овечий «имидж»: на его родине, в Ульяновске, открыли музей его имени (позже тихо прикрыли).

В практической жизни Эрлих разбирался великолепно. В 1925 году поднаторевший сексот ГПУ, очевидно, «за особые заслуги» получил квартиру в доме № 29/33 по улице Некрасова (Бассейной). В 1930 году сообщал матери: «Сам я живу замечательно. Две комнаты с передней, а я один. Сам к себе в гости хожу. Шик!» (Адрес этого «шика»: ул. Литераторов, 19, кв. 13). Что ни говори — Ценный кадр ЧК—ГПУ—НКВД. Есенину советская власть не захотела плохонького угла дать, а к таким, как «Вова-Вольф», ратела классовой лаской. Пройдя в 1922 году подготовку в радиотелеграфном дивизионе Петроградского военного округа (у него был явно шахматно-математический склад ума), Эрлих время от времени совершал по заданию ГПУ—НКВД путешествия в южные республики СССР, совмещая отдых с обязанностями сексота и «пограничника» (вот еще одна странность его биографии: в 1924 году он был признан негодным к воинской службе по ст. 125; личная карточка № 166 от 14 мая 1924 года). Споры о том, сфотографирован он однажды в форме пограничника или гэпэушника, — пустые, одно не мешало другому.

Но пора вернуться в «Англтер». Кажется, никто не обратил внимания, что Вольф Иосифович Эрлих после смерти Есенина не промолвил на эту тему ни словечка в газетах (сказывалась, видимо, психологическая напряженность) и лишь в 1926 году поместил в сборнике воспоминаний о поэте письмо-статью «Четыре дня», насквозь лживую, написанную, конечно же, по приказу.

Сначала же Эрлиху было не до этой писаницы. Он заметал следы, как нам думается, совершенного преступления, курсируя между Ленинградом и Москвой. 16 января

1926 года он сообщил матери: «...живу в Москве с тех пор, как привез сюда Сергея. Нет! На два дня выезжал в Питер». В другом письме (не датировано) припоминал: «Зимой я был несколько раз в Москве, а после смерти Есенина прожил там без малого 2 мес[яца]». Домовая книга точно зафиксировала: вернулся он в Ленинград 19 февраля 1926 года. Управляющий домом № 29/33 по улице Некрасова был аккуратным, исполнительным служакой. По его записям мы узнаем, когда Эрлих впервые приехал в Петроград, каков номер его трудовой книжки, по какой статье он освобождался от воинской повинности, куда выезжал в 1925–1926 годах – вплоть до прибытия к нему в гости в июне 1926 года матери, Анны Моисеевны, и сестры Мирры (р. 1906), учащейся Екатеринославского музыкального техникума.

Интересны для нас в записи управдома и соседи Эрлиха по его квартире (№ 8) и дому. Например, в 3-й квартире проживал Л. Я. Голубчик (р. 1903), уроженец Минской губернии, студент факультета общественных наук ЛГУ (не бывший ли однокашник Эрлиха?), арестованный ГПУ в июне 1924 года за нелегальную сионистскую деятельность (согласно справке архива ФСБ, освобожден в августе 1925-го).

В 29-й квартире обитал еще один «голубчик» – П. Н. Голубь (р. 1896), военный журналист-политуправленец, сотрудничавший в местной «Красной газете»; в 31-й жил З. И. Шapiro (р. 1893) – известная «чекистская» фамилия (требуются уточнения).

На Эрлихе во многом замыкалась скованная вокруг покойного поэта гэпэушная цепь. Ему-де посвящена элегия «До свиданья, друг мой, до свиданья...», к нему вились нити последних печальных церемоний. Одну из таких ниточек в клубке лжи и лицемерия удалось распутать.

Эрлих оформлял «Свидетельство о смерти» Есенина в ЗАГСе Московско-Нарвского района. Оно теперь известно. Документ подписала заведующая столом учета Клавдия Николаевна Трифонова, хотя не имела права этого делать, так как «Англетер» территориально примыкал не к

Московско-Нарвскому, а к Центральному району (соответствующие списки 184 проспектов, улиц, переулков нам известны).

Найдены и другие доказательства подтасовки «Свидетельства о смерти» Есенина.

28 декабря 1925 года дежурный по Ленинградской губернской милиции (ЛГМ) Петр Викентьевич Купец (р. 1890) записал в «Сводке о происшествиях...»: «*На территории 2-го отделения милиции* (курсив мой, это отделение относилось к Центральному району. — *В. К.*), в гостинице “Интернационал”, покончил жизнь самоубийством, через повешение, гражданин Десенин Сергей, 30 лет. Труп направлен в больницу им. Профессора Нечаева». Литовец Купец, бывший чертежник и член Чебоксарского уездного исполнкома, вряд ли когда слышал о замечательном русском поэте и, конечно же, искал его фамилию. Ему, два года назад прибывшему в Петроград, была глубокого безразлична трагедия русской культуры.

На том же пожелтевшем листке в углу размашистая резолюция какого-то начальника: «К делу. 31.12.25» — и его форсистая закорючка.

Бывший в тот день ответственным дежурным заведующий общей канцелярией административного отдела Ленгубисполкома (АОЛГИ) Алексеев даже подписи своей не оставил, очевидно посчитав случившееся рядовым скучным эпизодом. Так в историю были вписаны первые официальные лживые строки о гибели Есенина.

Попутно еще один аргумент, что Эрлих, оформляя «Свидетельство о смерти» поэта, действовал незаконно: контрольно-финансовую ревизию «Англтера» обычно проводил инспектор 24-го участка Центрального, но никак не Московско-Нарвского района. Так что заведующая столом ЗАГСа К. Н. Трифонова совершила несомненный подлог, и к ее личности будет нелишне приглядеться.

В Московско-Нарвском районе тон задавали сторонники Г. Е. Зиновьева; в райкоме партии, во многих учреж-

дениях сидели его клевреты. В период политической драки сталинистов и зиновьевцев на XIV съезде РКП(б) наиболее серьезные стычки между их последователями происходили именно в Московско-Нарвском районе Ленинграда. Причем дискуссия в прямом смысле доходила до рукопашной, даже с применением оружия.

Московско-Нарвским райкомом партии руководил воинствующий троцкист Д. А. Саркис. Он организовывал конспиративные «вечера спайки» своих сторонников, полулегальные кружки, куда «чужаки» не допускались. Один показательный пример: в конце декабря 1925 года на 3-й ленинградской табачной фабрике состоялось собрание представителей рабочей районной инициативной группы последователей линии Сталина на XIV съезде РКП(б). Антизиновьевское собрание возглавлял С. А. Туровский. Ворвавшиеся в помещение «оппозиционеры» под предводительством бывшего эсера Баранова разогнали митинговавших товарищес, а Туровского «избили рукояткой револьвера». 5 января 1926 года бюро Московско-Нарвского райкома партии обсудило инцидент и осудило... Туровского. Противники зиновьевцев-экстремистов даже требовали выдачи оружия — такая острая схватка происходила, к примеру, на заводе «Красный птиловец» (факты из книги В. М. Иванова «Из истории борьбы партии против «левой» оппозиции...»).

Теперь понятно, почему Эрлих, обожавший Троцкого и Зиновьева и полностью разделявший их взгляды, получил «Свидетельство о смерти» Есенина в загсе не Центрального района, а Московско-Нарвского. Тут были «свои».

Недавно прояснилась причина спешки Эрлиха с получением «Свидетельства...». Это, оказывается, не случайно произошло в субботу, 16 января 1926 года. Возглавлявший партийную организацию Московско-Нарвского района Даниил Арутюнович Саркис (1898–1938?), ярый сторонник Троцкого (активно защищал его в своей речи на XIV съезде РКП(б), в годы Гражданской войны курсировал в

знаменитом «Поезде наркомвоена»), был уволен со своего поста 18 января 1926 года. Очевидно, что перед увольнением он срочно санкционировал субботнюю фальсификацию со справкой о смерти поэта, поручив это грязное дело чекистской сошке Эрлиху. Вскоре после этого Саркиса выслали из Ленинграда.

Прослежены тесные контакты сексата Эрлиха с лже-понятыми при подписании милицейского протокола, с «назначенными» им есенинскими «гостями» 5-го номера «Англете́ра», с журналистами, сочинявшими мифы о самоубийстве поэта, — везде он вкрадчивый, осторожный, а на поверку — лживый, мстительный.

Недавно обнаружилась еще одна его косвенная, но крайне важная связь. Помните Ивана Леонтьевича Леонова, начальника Секретно-оперативной части (СОЧ) Ленинградского ГПУ, заместителя Мессинга, главы тайного ведомства? Именно к Леонову привел эрлиховский сексотский след. Правда, зацепка не прямая и не слишком эффектная, но для дальнейших поисков перспективная. Дело в следующем.

В архивных бумагах ленинградской цензуры сохранился следующий документ:

«Секретно

6 апреля 1923 г.

№ 2422/СОЧ-8816-С

В цензуру Главлита.

Петр[оградское] окр[ужное] отд[еление].

Набережная реки Фонтанки

П[олномочное] П[редставительство] ОГПУ просит срочно сообщить, — выдавалось ли разрешение 23 июля 1922 г. за № 2290 на издание воззвания “Голос с Востока”; если “да”, то кем и кому.

За нач[альника] Петро[градского]
г[осударственного] п[олитического]
о[тделения]

(Подпись).

Секретарь С[екретно]-О[перативной]
Ч[асти] (Никольский)
(Подпись)».

Не будем вдаваться в содержание документа, обратим внимание на секретаря СОЧ Никольского. Он служил непосредственным рабочим помощником И. Л. Леонова.

Теперь процитируем другой документ.

«РЕКОМЕНДАЦИЯ

Для вступления в ряды ВКП(б).

Знаю В. И. Эрлих[а] с [19]20 года и рекомендую его в качестве члена ВКП(б), неся полную ответственность за его деятельность.

Чл[ен] ВКП(б) с [19]20 г.
20.IX.1932 п/б № 1062978

M. Никольский
(Подпись)».

Не нужно быть специалистом-графологом, чтобы увидеть совершенно одинаковые подписи-автографы на двух документах, между которыми пролегло почти десять лет. М. Никольский к тому времени уже снял кожаную куртку и щеголял в обычном штатском платье (работал в Василеостровском отделении Госбанка), но, видно, свое чекистское казанское прошлое и своего подопечного Эрлиха не забыл, свидетельствуя о его давней большевистской закалке.

В настоящее время отпали все сомнения относительно тайного промысла Эрлиха (полагаем, пора обнародовать его чекистское досье). Он и сам не раз прозрачно намекал на собственные конспиративные занятия в своих нередко автобиографических стихах: его «лирический герой» находит вдохновение «...в шапках ГПУ», любуется спецуниформой: «Мы наглухо кожанки застегнем», славит «ремесло шпиона» и т. п.

В его сочинениях предстает зоологический ненавистник старой России, ее культуры. «Плешиый поэт и плешивая муз», — говорит он о Некрасове, ерничает над Фе-

том: «...Боже! Счастливец! Он может писать...», издевается над чувством родины: «...даже полевая мышь в азарте Патриотическом сменила имя». Его излюбленные темы: мировая революция, расстрелы, кровь...

В некоторых рифмованных опусах Эрлиха, на наш взгляд, просматривается контур образа Есенина, как правило, лишенный авторской симпатии. В стихотворении «Между прочим» (1931), где рисуется кабак и обязательный «сморщеный на хлебе огурец», привлекают настораживающие многозначительные строки (мы их выделим):

Где пьют актеры -- внешность побогаче:
Ну, джемпер там, очки, чулки, коньяк.
Европой бредит, всеми швами плачет
Не добежавший до крестца пиджак.

И бродит запах – потный, скользкий, теплый.
Здесь истеричка жмется к подлецу.
Там пьет поэт, размазывая сопли
По глупому прекрасному лицу.

Но входит день. Он прост, как теорема,
Живой, как кровь, и точный, как затвор.
Я пил твоё вино, я ел твой хлеб, богема,
Осиновым колом плачу тебе за то.

Если помнить, что в 5-м номере «Англете́ра» не был обнаружен привезенный Есениным из-за границы пиджак (очевидно, окровавленный, он остался в пыточной, где истязали поэта), если читать процитированные строфы как полемику с «Московой кабацкой», боль и тревогу которой Эрлих совсем не принял и не почувствовал, его «осиновый кол» выглядит не таким уж метафорическим.

Глава 5

ПОДРУГА С ЛУБЯНКИ

Елизавета Стырская, жена Эмиля Кроткого (*Германа*), вспоминала чтение Есениным стихов в одном из московских кафе:

«...Во время чтения в дверь до отказа заполненного кафе въехал велосипед, на котором ехала девушка. Велосипед врезался в щель между каким-то стулом, раздвинул чьи-то спины; на девушку со всех сторон зашикали. Сверкнув своими большими армянскими или еврейскими глазами, она, не обращая внимания на ворчание, прокладывала себе дорогу велосипедом, чтобы ближе подойти к сцене. А глаза у нее были замечательные! Большие, карие, с золотыми искрами, широкие почти сросшиеся, вычурно прогнутые брови над прямым узким носом, придававшим ее узкому лицу особую значительность. <...> Ироничный рот и высокий лоб свидетельствовали об уме и силе воли. На ней была белая матроска со значком Ленина на воротнике. Она увидела Есенина <...>»

Не правда ли, колоритный портрет подруги поэта Галины Артуровны Бениславской (урожденной Карьер (1897–1926), дочери французского (?) студента и грузинки. Здесь мы даем лишь маленький эскиз ее жизни, а главной причиной обращения к ней послужило для нас ее знакомство с Вольфом Эрлихом. Эти строки вносят некоторые любопытные штрихи в картину отношений ее с укрывателем «тайны Есенина», рисуют ее наивный и непростой характер, трагическую и загадочную связь ее жизни.

Своей большой заботницей называл ее Есенин, благодарный ей за кров, редакционно-издательские хлопоты и, конечно, любовь, которая, увы, не была долгой. Все это верно. Однако портрет подруги поэта до сих пор не прорисован, многие страницы ее бурной жизни неизвестны, хотя и изданы ее дневник и воспоминания. Так и остается загадочным ее

самоубийство на могиле Есенина. Не прояснена ее роль в сложных хитросплетениях декабряской трагедии поэта.

Она была на редкость целеустремленной и твердой натурой. После учебы в пансионе (Вильно) и окончания с золотой медалью женской Преображенской гимназии в Петрограде она поступила на факультет естественных наук в Харькове, где ее застал Октябрь. К тому времени двадцатилетняя Галина была уже членом большевистской партии и жить под властью белых генералов не хотела. Под видом медсестры она дерзко прорывается через фронт к «своим» и попадает в штаб 13-й армии. Понадобился даже запрос в Петроград к Мечиславу Козловскому (отцу подруги Бениславской), чтобы ее признали «красной». С тех пор (с 1918 по 1922 год) она — штатная сотрудница ЧК. Фанатично преданная идеям революции, она гордилась своей опасной профессией и не скрывала этого. И можно понять романтически настроенную девушку в кожаной куртке с маузером на боку — ведь это и о ней восторженно пел Демьян Бедный:

Вглядываясь в каждого проходящего смельчака,
Я буду кричать: «Да здравствует ВЧК!»

Это и ей слагал стихи Михаил Светлов:

Я пожимаю твою ладонь —
Она широка и крепка.
Я слышу, в ней шевелится огонь
Бессонных ночей ЧК.

Один из авторов недавней публикации после своего знакомства с чекистским досье № 2389 Бениславской и другими соответствующими архивными материалами Министерства безопасности сделал вывод: «Сам факт пусть короткой, но официальной службы на Лубянке исключал привлечение Бениславской в качестве секретного сотрудника ГПУ. В противном случае само же понятие “секретный” теряло смысл».

Резонно, кроме одной важной детали: не являясь уже «дзержинкой» по службе, она оставалась ею «под душем». В такой склонности Галины убеждаешься из ее письма к

Вольфу Эрлиху от 26 марта 1926 года (хранится в Пушкинском Доме). Прежде чем мы познакомим вас с этим любопытным посланием, – небольшое отступление.

…Однажды вечером, ложась спать, Галина увидела, что Екатерина Есенина, сестра поэта (тогда они жили вместе в квартире дома по Брюсову переулку в Москве), почему-то страшно волнуется и дрожит. Скоро девчонка призналась – брат предупредил ее: не болтай лишнего, их заботливая хозяйка – чекистка. Бениславской с трудом удалось успокоить Катю и развеять ее страхи. Этот эпизод так бы и остался случайным, если бы не имел продолжения, доказывающего, как он был важен в жизни есенинской знакомой.

Приводим фрагмент найденного нами письма Бениславской к Эрлиху (*публикуется впервые*):

«Да, не могу не поделиться – здесь Приблудный (знаю, что Вы не очень-то к нему, но все же он лучше других) – был у нас с ним при Кате разговор, – помните о той истории, что Сергей говорил про меня. И Приблудный совершенно прямо и честно подтвердил и рассказал, как было дело, – так что Катя убедилась, что это Сергей раздул, а не Приблудный рассказывал, и что я-то ни при чем. Я несколько дней ходила, как сто пудов с плеч свалилось, и убедилась, что я была права, щадя тогда его, и что он не отплатил подлостью. Думаю, это так. Ведь не так важно, что думают, а важно то, что это была ложь».

Неряшлиwyй, весьма игриво-вольный стиль письма выдает крайне возбужденное, возможно, хмельное состояние автора (Галина, как известно, страдала психическим расстройством, нередко без меры употребляла алкоголь).

Прокомментируем содержание письма. Во-первых, само обращение Бениславской к Эрлиху по столь щекотливому вопросу дает основание говорить, что она знала о секретной службе «Вовочки», – иначе зачем говорить на столь деликатную тему с «посторонним».

К тому времени (март 1926 года) они уже стали весьма близки и – не исключено – находились в интимных отно-

шениях, что для сторонницы «свободной любви» дело обычное. Убеждение, что они «сошлись», вырастает при чтении неопубликованных записок Бениславской к тому же Эрлиху, в которых пьяненькое заигрывание женщины с близким по духу смазливым мужчиной очевидно.

Однажды она провожает Эрлиха на поезд в Ленинград, выступая очень близкой и заботливой в быту спутницей, а 16 февраля 1926 года пишет ему же: «Нет имени тебе, мой дальний! Нет имени тебе... кроме как дурак и свинья! Вы ли были в вагоне? Табак-то взяли, а закусить и не подумали. Интеллигент вы, а не человек, — вот что». Судя по грубейшимискажениям слов и развязному тону, писала под сильным хмелем.

В другой раз посыпает ему открытку (6 августа 1926 года): «Эрлих, что же Вы умерлих. Не пишете, не звоните. Мы с Шуркой Вас лихом поминали. Г. Бен.». Видно, скучала...

Теперь об Иване Приблудном, который «прямо и честно подтвердил», то есть, можно думать, клялся и божился: не выдавал-де тайной службы Галины, а Есенин «раздул» подхваченный откуда-то слух. Приблудный, конечно, врал: ему, секретному сотруднику ГПУ с 1925 года, нельзя было «проколоться», тем более за несдержанность языка ему уже делали предупреждение (позже именно за разглашение своей стукаческой подневольной службы его упрачут в ГУЛАГ).

Некоторые есениноведы склонны сегодня «пожалеть» Приблудного за его ленивое сотрудничество с Лубянкой. Действительно, своей зависимостью от «органов» этот могучий здоровяк тяготился, «постукивал» слабо и неохотно, но, заметим, денежки из кассы ГПУ получал до поры до времени исправно, ведя разгульный образ жизни, нигде не работая. Определенный вкус к секретному промыслу стихотворец *Овчаренко* (это его настоящая фамилия) приобрел еще мальчишкой, когда зимой 1920 года приблудился к начальному особого отдела Черниговской дивизии Ивану Крылову. Так что чекистский стаж у него был порядочный.

Говоря о трудной судьбе Приблудного, следует помнить: он все-таки внес свой «вклад» в сокрытие «есенинской тайны» и так и не посмел даже перед своей смертью рассказать об «англете́ровском» кощунстве. Несколько его строк и подпись красуются на коллективной записке (Вс. Рождественский и др.) Эрлиху, датированной 24 декабря 1925 года и представляющей как бы еще одно алиби для адресата.

Само по себе появление Приблудного в Ленинграде вслед за Есениным в декабре требует объяснения, которого до сих пор не дано. Известны очень резкие высказывания Есенина о безнравственности приятеля, органического бездельника, из которого стихи лились, как вода из-под крана: «Не верьте ни одному его слову. Это низкий и продажный человек»; «...что это за дрянной человек». Жалеть его можно, но нельзя забывать, что объективно, сам того не сознавая, он способствовал организации кровавого кошмара в доме № 10/24 на проспекте Майорова.

Продолжаем комментировать письмо Бениславской. «Я несколько дней ходила, как сто пудов с плеч свалилось...» — облегченно вздыхает она. Что же так разволновалась? Если в 1925 году оставила свое сотрудничество с Лубянкой и если Есенин говорил сестре неправду, стоило ли, спустя три месяца после его гибели, вспоминать о неприятном эпизоде. Нет, она серьезно и заинтересованно к нему возвращается. И бросает заставляющую нас призадуматься страшноватую фразу: «...убедилась, что я была права, щадя тогда его, и что он не отплатил подлостью».¹ Несколько сумбурно, но понятно. Пощадила бывшего друга, которого любила, ревновала и пыталась по-своему направить на большевистский путь. Пощадила, не отдав его в «чистые руки» чекистов.

Упомянутый выше автор публикации спешит делать выводы о нейтральности Бениславской, ее отстраненности от ведомства Дзержинского.

Конец процитированной фразы расшифровывается, на наш взгляд, так: выдай она поэта — он бы отомстил. Но главное тут другое — она бы, ради него самого, ради его

благополучия, могла и «заложить» его, ибо считала ЧК – ГПУ, как Максим Горький и Исаак Бабель, не столько карающим органом, сколько перевоспитывающим несознательных людей. А Есенин, по ее убеждению (почитайте ее воспоминания), глубоко заблуждался.

Идеологические «уроки» Бениславской не возымели действия на Есенина, и это ее не просто огорчает, а бесит («Вы не наш», – пишет она). Как он не понимает, что она не «выдает» его, а спасает от близости к антисоветчикам. Можно, как ни странно, согласиться: удержи она его от хождения по острию политической бритвы – он бы остался жив. Но это все равно что сдержать бурю. Внутренняя свобода Есенина была неограниченной («Я сердцем никогда не лгу...»).

И последнее. «...Не так важно, – заключает Бениславская, – что думают, а важно то, что это была ложь». То есть – попытаемся четче понять ее мысль – подозрения Есенина на ее чекистский счет неосновательны. Но зачем же так усердно хлопотать? Она выгораживает себя перед Эрлихом, заботится, так сказать, о сохранении профессиональной гэпэушной тайны.

Остаются последние вопросы: знала ли она об истинном ремесле Эрлиха в трагические декабрьские дни? Ведала ли о его роли в сокрытии злодеяния? Ответы еще впереди. И, возможно, разгадки кроются не столько в области криминальной, сколько психологической.

Несомненно, она любила Есенина, но по-своему – лихорадочно-нежно. В оценке есенинских знакомых проявляются ее наблюдательность и зоркость. «Не слишком доверяй себя, – предупреждает она своего друга, – Анне Абрамовне [Берзинь. – В. К.]. Здесь можно ошибиться и в хорошую и в плохую сторону». Справедливое замечание. «Знай еще, – продолжает она, – [Александр] Сахаров – Сальери нашего времени; немного лучше, но и немного хуже пушкинского. Он может придумать тебе конец хуже моцартовского...»

Но были у нее и глубокие заблуждения: «Из твоих дру-

зей, — наставляет она, — очень умный, тонкий и хороший Эрлих». И это говорится о человеке, внешне мягким и интеллигентном, но внутренне сухом и беспощадном!

Она тяжело переживала гибель Есенина, но была слепа в разгадке тайны его смерти. Не исключено, что интуитивно чувствовала что-то неладное в его гибели, может, кому-то проговорилась и... погибла.

Финал драматической судьбы Бениславской известен: она, пишут, покончила с собой на могиле Есенина. Мы не верим в такой исход. Посещение ею могилы 3 декабря 1926 года не предусматривалось, а ее гардероб тогда же был грубо перерыт чьими-то подлыми руками. Хорошо знавшая Галину (по работе в ЧК и т. д.) Полина Юльевна Бокль вспоминала: «В годовщину смерти Есенина Галина вместе с [Яниной] Козловской должны были пойти на кладбище с утра. Когда Козловская (тоже чекистка) пришла к Галине, она ее уже не застала. В комнате Галины, против обыкновения, был большой беспорядок. Все пластины были вынуты из шкафа и свалены в угол в одну кучу. Весь вид комнаты и то, что Галина ушла одна, странно встревожили Янину. Она сразу отправилась на могилу Есенина и застала там Галину мертвой...»² (Бокль не успела закончить свои воспоминания, так как вскоре... неожиданно скончалась!) На оставленной Галиной странной по стилю записке «бллатные» слова: «*Если финка будет воткнута после выстрела в могилу — значит даже тогда я не жалела*». Какой-то одесский жаргон! Именно подобным языком, по мнению Эйзенштейна, было написано сфальсифицированное «Завещание» убитого Маяковского. Не одна ли кровавая компания работала? Ответы еще впереди.

Глава 6

ФАНТОМАС ИЗ САЛОНА ГАРИНОЙ-ГАРФИЛЬД

29 декабря 1925 года на 5-й странице ленинградской «Новой вечерней газеты» появилось рекламное объявление:

«Темные силы»
По популярному французскому роману
«Анаик и Томазетта».
Исключительно художественная драма
(8 частей).
Последнее достижение «Патэ».
С участием Ренэ Навар, героя нашумевшего
Фильма «Фантомас».
Действие происходит в [Велико] Британии.

Та же газета еще не раз зазывала кинозрителей непременно посмотреть необычный фильм, — тем более что он будет демонстрироваться в открывающемся новом кинотеатре «Павильон де Пари». Обещанное необычное действие должно было состояться в роскошном кинозале «Павильона...», намечавшего распахнуть свои двери 25 декабря.

Также настойчиво приглашал увидеть 29 декабря «Темные силы» еженедельник «Кино» (ответственный редактор К. Г. Аршавский). Для привлечения зрителей дополнитель но к «фильму» ее демонстраторы обещали еще «диверти смент»: выступления оперного певца А. М. Лабинского, Вл. Хенкина («в новом репертуаре»), танцовов Ивэра и Нельсона и мастера разговорного жанра Жоржа Дуклуа. Перед такими соблазнами ленинградцы, наверное, вряд ли могли устоять.

Устроители «Павильона де Пари» торопили с разрешением его открытия финансовые органы губисполкома и Политконтроль ГПУ (эти организации должны были утвердить программу работы нового дива). В «дело», как и полагалось, вмешалась местная цензура. Заместитель за-

ведующего Гублитом Падво и секретарь того же ведомства Карпов в конце декабря 1925 года не раз теребили Политконтроль ГПУ, препровождая при этом анкету «Павильона...» для утверждения ее чекистами.¹

Загадочный кинотеатр, принадлежавший Госкинопрому Грузии, в конце концов открылся, но «Темные силы» в нем так и не появились. В «Новой вечерней газете» (1926, 5 января) под инициалами Г. К. была напечатана рецензия о «фильме» «Тайна маяка», где упоминались некие «темные силы», помешавшие союзу двух любящих сердец, но ни Анаик, ни Томазетта в заметке не фигурировали, скорее, сия писаница являлась газетной уткой.

Мы не поленились просмотреть в ЦГАЛИ (СПб.) огромный бумажный киноархив «Севзапкино» (фонд № 38) и других подобных ведомств, связанных с закупкой кинолент за границей, но так и не обнаружили интересующего нас «дива». Особенно приглядывались мы к закупкам французских картин (их приобретение осуществлял Наркомат внешней торговли СССР через посредничество в Париже нашего представителя Сливкиной), но «Темные силы» так и не обнаружились. В 1925 году в ленинградский прокат поступили 210 кинопроизведений, но «наше» среди них не значилось. Ленинградцы предположительно могли посмотреть такие закупленные «чудеса», как девушка-коршун и «Талмуд и любовь», «Жертва танцульки», «Женщина Фантомас», «Флирт шимпанзе», но только не обещанный шедевр от «Патэ».² Кстати наше сальдо от связи с «Патэ» в 1925 году было нулевое.³

«Какое отношение вся эта киношная «статистика» имеет к горькой судьбе Есенина?» — спросит уже, наверное, раздраженный читатель. Не сердитесь! Отношение, на наш взгляд, — самое непосредственное.

На выяснение истины в Российскую национальную библиотеку была отправлена бригада людей, владеющих французским языком. Она переворошила гору литературы на темы французского киноискусства и литературы,

особенно внимательно присматривалась к соответствующей библиографии.

Со стопроцентной достоверностью выяснилось: «популярного» французского романа «Анаик и Томазетта» *никогда не существовало* (в именах «героев» явно ощущается некий восточный мотив). Автор этого имясочетания явно знаком с Востоком.

Не существовали и французские «Темные силы». Известный актер Ренэ Наварр(о) (Rene Navarre) играл Фантомаса не в фирме «Патэ», а в солидной кинофабрике «Гомон». Наконец, почему авторы таинственного объявления в «Новой вечерней газете» и еженедельнике «Кино» подчеркивают, что действие картины разворачивается в Англии?

Кто же и зачем дал в печати такую заведомо фальшивую и нелепую рекламу? О ком и о чем она говорит?

Вначале попытаемся расшифровать ребус (напомним, он появился 29 декабря, когда, если верить официальной версии трагедии Есенина, судмедэкспертиза его тела лишь только производилась). Да, да, по нашему мнению, речь в этой шараде идет именно о происшествии в «Англете»! Действовали там действительно «темные силы». Имена персонажей (Анаик и Томазетта), может быть, не только просто надуманные, но и заключают какой-то смысл, известный лишь посвященным в злодеяние. Появление Ренэ Наварр(о) – это намек на некое сражение, – конечно же, известное Наваринское (1827), то есть автор сего странного сообщения говорит об отчаянной борьбе с Есениным в трудном с ним «разговоре» лиц, непосредственно причастных к его убийству (далее наш читатель узнает о схватке с поэтом «из первых рук»). То, что его тело было изуродовано, сомневаться не приходится (об этом «сквозь зубы» вынуждена была писать «Красная газета» (вечерний выпуск): порезы на руках, предплечье, страшная рана на лбу и т. д.). Почему сюжет развивается в Британии, догадаться нетрудно: отсюда и «Англете», то есть муссируется английская тема (почему именно в связи с Есениным? – об этом читайте ниже). Кста-

ти, одно время в «Англете» размещалась английская дипломатическая миссия. В декабре 1925 – январе 1926 годов советские газеты были переполнены информацией об арестах в СССР английских шпионов (так, «Новая вечерняя газета» (1926, 19 января) сообщает о задержании 45 британских и эстонских шпионах). Наконец, самое главное – как следует понимать явление Фантомаса. Заглядываем в словарь: *фантом* (в переводе с французского – *призрак*) – модель человеческого тела как наглядное пособие. Комментарии излишни. Авторы зашифрованного послания сигнализируют кому-то о фантоме в 5-м номере «Англете», якобы повесившемся поэте. Если вы не согласны с таким прочтением странного объявления в «Новой вечерке», попробуйте дать свое объяснение.

Теперь о сочинителе сигнала – труднейший вопрос! – «вычислить» его с определенной точностью сегодня сложно – потайные кладовки известного ведомства нагло закрыты для исследователей (хотя срок давности подобных секретов (75 лет) уже истек, – и знакомству с бумагами «не для печати» не должно быть препятствий).

Рискнем назвать выдумщика «темной» шифровки. Когда мы штудировали страницы «Кино», то обратили внимание: в газете часто печатается автор под псевдонимами «Нигри», «Иргин» – своеобразные контаминации (весьма неуклюжие) чьей-то фамилии. В результате всестороннего анализа мы пришли к выводу – это «забавлялся» Сергей Александрович ГАРИН (наст. фамилия Гарфильд) (1873–1927), небезызвестный киносценарист, средненький прозаик и плохонький поэт. О его жизни и творчестве вы можете узнать из разных справочников и словарей, в частности, в академическом издании «Русские писатели. 1800–1917» (т. 1, М., 1989). Статья в этой солидной книге нас не удовлетворила. *Внутренняя жизнь ГАРИНА* (игра с фамилией: «Нигри», «Иргин») осталась закрытой. Об истинном его облике мы узнали из недавно еще засекреченных архивных источников: «Вопросные бланки членов Ленсовета X созы-

ва» (1925),⁴ его «Анкеты»,⁵ ставшего наконец доступным «Дела Гарина-Гарфильда»⁶ и других материалов. Представляла личность довольно «публичная», но нравственно весьма сомнительная. Член РСДРП с 1903 года, «морской волк», интернациональный бродяга-пропагандист (раздувал «мировой пожар» в Англии, Австралии, Америке, Индии, Японии и в других странах). В 1906 году организовал покушение на жизнь генерала Селиванова (Владивосток), участвовал во многих «громких предприятиях», за что отсидел в тюрьме 8 лет и 6 месяцев. После 1917 года – на видных военно-морских постах. Вершина его карьеры – главный комиссар всех морских сил Дальневосточной республики (1920). В начале 20-х годов был заместителем редактора петроградской «Красной газеты», возглавлял Ленинградское отделение организации Работников искусств (Рабис), заметная персона местной политической жизни (поддерживал контакты с заместителем начальника здешнего ГПУ Леоновым, секссотом того же ведомства («под крышей кинорежиссера») Петровым (наст. фамилия Макаревич, псевдоним *Бытов*),⁷ тем самым, который давал инструкции коменданту «Англетера» Назарову поздним вечером 27 декабря 1925 года, когда устраивался кощунственный спектакль самоповещения Есенина (из воспоминания Антонины Львовны Назаровой). Друг журналиста-иуды Георгия Устинова, Гарин был женат на Нине Михайловне (урожденной Кузнецовой), еще до революции при поддержке мужа, Гарина-Гарфильда, устроившей у себя на квартире (позже в «Астории») модный литературный салон, напоминающий нам московское чекистское сбиралище Осипа и Лилии Бриков.

Салон Гариных дарили своим вниманием Иван Бунин, Борис Зайцев, Александр Куприн, Евгений Чириков и другие известные писатели, о которых тщеславная женщина потом с удовольствием вспоминала. Куприн полуслугливо играл роль Ромео, забавлялись и прочие гости. Все это было бы мило, если бы за хозяином квартиры не вился след по-

литического авантюриста. Может быть, не все мастера слова знали о подпольной жизни Гарфильда, но их очевидная снисходительность к нему весьма поучительна.

В различных изданиях Гарин-Гарфильд предстает социальным романтиком, обратившим свое перо на благо народа. Между тем он стереотипный политик-авантюрист, кочевавший по разным странам и городам России с целью устроить в мире революционный кавардак. Его постоянно тянуло исполнить заглавную роль в каком-нибудь опасном политическом представлении — так же как отца его, оперного артиста, выступить в заглавной роли на сцене.

Взлет карьеры Гарина не игра судьбы, а плата за долголетнюю и усердную подпольную работу, о ней он сам не без хвастовства рассказал в собственноручно составленной анкете (1926). Из нее мы узнаем о его активном участии в известных сормовских событиях 1902 года, описанных М. Горьким в романе «Мать». Гарин, как и его приятель Георгий Устинов, так и просится в прототипы Павла Власова. Кстати, вместе с «Жоржем» (Устиновым) Гарин сотрудничал в «Нижегородском листке» — знали они друг друга прекрасно. В Нижнем Новгороде Гарин познакомился с Я. М. Свердловым и другими «экзаменами», о чем он пишет как о незабываемых встречах. Свои «подвиги» будущий драматург продолжил в Одессе. Если не ошибаемся, занимался он «мокрыми» делами вместе с Ильей Ионовым. Здесь в 1909 году его арестовали и посадили в тюрьму. Но вскоре он очутился на свободе. Затем был Кронштадт, где Гарин-Гарфильд в рядах большевиков готовил Октябрьский переворот. В 1917 году председательствовал в Гельсингфорском рабочем совете (г. Хельсинки).

Устинов, приезжая в Ленинград в 1922—1925 годах, частенько захаживал к Гаринам. Чаровница, по старой моде, вела фотоальбом (1904—1935), вклеивала в него снимки знаменитостей с их лестными для нее автографами. Альбом хранится в Пушкинском Доме, в нем нет ни строчки Есенина. Но Устинов руку приложил. «...Для нас суп Нины

Михайловны, — писал он, — значительно полезнее, чем наши стихи, статьи и рассказы. 1.VIII.1922».

Рядом автограф стихотворца Василия Князева: «Тов. Гарину. Сережа, говорят, Ильич умер. Немедленно узнай по телефону и сообщи мне. ...твой В. Князев». На следующей странице комплименты Гариной поэта Ильи Садофьева, заведующего редакцией вечерней «Красной газеты» Ионы Кугеля и других лиц, так или иначе причастных к «зачистке» следов злодеяния в «Англете».

Насквозь надуманные и глупейшие мемуары (см. *Приложение*) Нины Гариной, приятельницы Устинова, лишь подтверждают фикцию о проживании журналиста в «Англете». Мемуаристка перестаралась в защите друга семьи, в очернении Есенина, заставила нас пристальное присмотреться к Гарину, сыгравшему, на наш взгляд, пока до конца не выясненную пагубную роль в посмертной судьбе поэта.

Написаны мемуары («Есенин С. А. и Устинов Г. Ф.») в 1935 году, когда еще память Гариной была свежа на десятилетней давности прошлое, но тем более поражаешься грубым и пошловатым ее выдумкам. Она свидетельствует, к примеру: 28 декабря 1925 года, в 1 час ночи, ей позвонил из «Англтера» Устинов и сказал: «...они с Сереженькой собираются к нам... Сереженька стоит тут же рядом». Затем якобы взял телефонную трубку Есенин, но Н. М. Гарина поняла, «что они оба уже совершенно готовы», и отказалась хмельным визитерам. 28 декабря, около пяти часов утра, рассказывает дальше Гарина, ей кто-то позвонил из «Англтера» и сообщил о смерти поэта. Примерно в семь часов утра она «мчалась на извозчике в гостиницу совершенно раздетая, в халате, в накинутой сверху шубе и в [незастегнутых] ботах». «Кроме Устинова, в комнате уже были И. И. Садофьев, Н. Н. Никитин...» В ответ на гневную тираду Гариной: «Ну, что?! Сделали свое дело?! Довели, мерзавцы!» Устинов будто бы обиженно ответил: «А ты сама... вчера...» (т. е. не пустила к себе домой) — и залился слезами.

Опровергнуть воспоминательницу не стоит труда — на-

столько она завралась (одно появление в семь часов утра Садофьева и Никитина в номере Устинова прямо свидетельствует о беспардонной лжи). Мемуаристка настрочила и много другой чепухи: «По словам Устинова, они после разговора со мной (по телефону. — В. К.) больше ничего не пили. Есенин очень нервничал... И вскоре ушел к себе в комнату. Устинов к нему заглядывал раза два, звал обратно, посидеть с ним. Есенин не пошел. И в третий раз, когда Устинов пошел опять, заглянул к Сереженьке своему, его уже не было в живых...»

Н. М. Гарина даже не удосужилась прочитать опубликованные заметки на ту же тему «заместителя папы» (так называл себя Устинов в ее семье), полностью опровергающие ее замыслы.

Сумбур Гариной любопытен в другом отношении: симпатизируя Устинову, лучшему другу своей семьи, она характеризует его «настоящим, неизлечимым алкоголиком и изломанным, искалеченным человеком», что недалеко от истины. Но для чего и во имя чего сочинялись предельно фальшивые фантасмагории? Ответ, мы полагаем, один: чтобы, не дай Бог, на ее мужа, Гарина-Гарфильда, не упало подозрение в его хотя бы отдаленной причастности к преступлению.

Глава 7

ОН ПРИКРЫВАЛ УБИЙСТВО ПОЭТА

В биографии Есенина имя этого человека мелькает нечасто. Приятель поэта, журналист, литератор, критик. Встретились они в Москве в 1918 году; знакомство пересло, по словам есенинского знакомого, «в теплую сдержанную дружбу». Он неоднократно писал о стихах лирика, правда, грубовато и свысока, но это не мешало им сохранять ровные отношения. Поэт, обладавший даром

мужской дружбы, звал его Жоржем, в письмах передавал приветы, следил за его творчеством. В самом начале ноября 1925 года Есенин совершил весьма загадочную поездку в Ленинград. Рядом с ним был Жорж. Возвратившись в Москву, поэт в одном из писем упомянул его, видимо, вновь встречался, собутыльничал. В те дни у обоих жизнь складывалась крайне напряженно. Журналист не имел жилья, постоянной работы, перебивался небольшими гонорарами. Неприятности поэта в ту пору еще более тревожны: после сентябрьского шумного скандала в поезде «Баку – Москва» с партчиновником Юрием Левитом и дипкурьером Альфредом Рога. На душе у него было муторно-тоскливо – ведь судебные исполнители могли вытащить и из больничной палаты и доставить по адресу: 3-я Мещанская, 25. Выручил профессор Ганнушкин, земляк Есенина, славший жаждавшим расправы чиновникам отписки витиеватого медицинского свойства (опубликованы). О подлинном самочувствии его «подзащитного» говорят известные лирические строки: «Клен ты мой опавший, клен заледенелый...», «Не гляди на меня с упреком...», «Ты меня не любишь, не жалеешь...» и др. О дальнейшем все знают: последние прощания – вокзал – Ленинград – «Англетер» – четыре беспокойных дня... Утром 28 декабря комендант гостиницы чекист Василий Назаров, если верить официальной версии, каким-то хитрым способом открыл 5-й номер. Предстала жуткая картина: на трубе парового отопления, под потолком, висел труп Есенина. Домуправ в тот же день кричал литераторам, прибывшим проститься с покойным, что не потерпит самоубийцу в «своем хозяйстве». Писатель Борис Лавренев приподнял коменданта за шиворот и выбросил в коридор.

...И вновь замаячила фигура Жоржа. Это он, сообщали газеты, перед трагедией опекал Есенина, скрашивал беседами его одинокие вечера, а жена журналиста, Елизавета Алексеевна, уверяет, что в соседе души не чаяла, подкармливала, чайком потчевала, оберегала «буяна» от любого резкого шага.

Жорж – Георгий Феофанович Устинов (1888–1932). Сведения о нем скучны и схематично-казенны. Уроженец глухомани «Бурдуковская дача», что в Смольковской волости Нижегородской губернии, недоучка, матрос-босяк, напоминающий горьковского Челкаша, революционер-подпольщик, участник Гражданской войны, публицист («Правда», «Известия»), беллетрист, мечтавший стать «писателем для женщин», критик, не щадивший идеологической «контрь». В его биографии заметны многие умолчания и загадки. Хотелось узнать о нем побольше, но, сколько мы ни бились, внутренняя сущность Жоржа оставалась кем-то тщательно спрятанной. И вот наконец после многих лет поиска человек «открылся». Найденное нами «личное дело» Г. Ф. Устинова¹ позволило не только проследить весь его бурный и зачастую неправедный путь, но и... прояснить тайну гибели Есенина. Однако все по порядку.

У нас в руках контрольно-финансовые отчеты (1925–1926) «Англете́ра» со списками его жильцов (более 150 человек). Листаем толстенный фолиант, датированный 15 октября 1925 г.² Среди квартирантов – чекисты, партийно-советские работники, нэпманы, деятели культуры. Например, артисты театра Вс. Мейерхольда, гастролировавшего в Ленинграде (Эраст Гарин, Владимир Яхонтов, Борис Захава). 25-й номер занимает сотрудник ГПУ Альберт Стромин (Геллер), позже, в 1928 г., следователь по «делу» так называемой Космической Академии наук. Интересная деталь: чекист жил по соседству с 5-м номером, а его занимал, если верить официальной версии, Есенин.

В октябрьском перечне постояльцев гостиницы *имен Есенина и Устиновых нет и не должно быть*, но все-таки появиться они могли, так как список был передан в финансовый сектор 24-го участка Ленинграда с большим запозданием: имеются декабрьские и январские (1926) пометки об отправке некоторым выбывшим жильцам извещений о налоге. Для нашей темы драгоценна приписка в графе – «№ 130». Здесь располагался Евгений Васильевич

Кушников (человек с такой фамилией работал в Смольном). Примечание: «Сведений нет: убыл, не дав сведений. По свидетельству домоуправления, арестован». Подобные оговорки в списках «англете́ровцев» – не редкость, за исключением, конечно, информации о задержании людей. Как правило, нет данных о постояньце – читай: явный или тайный сотрудник ГПУ. Дерзнем предположить, и Е. В. Кушников из той же «конторы». Заглядываем в справочник «Весь Ленинград – 1926» – целехонек «наш» товарищ, живет по такому-то адресу, «счетовод» – в те годы весьма распространенная «крыша» для бойцов невидимого фронта. Например, причастный к трагедии в «Англете́ре» чекист Ипполит Цкирия, управляющий домом № 8/23 по проспекту Майорова (здесь в кв. № 21 располагался загадочный «объединенный кооператив охраны»), тоже в свое время числился счетоводом.³

Именно в 130-й комнате, если верить официальной версии, проживала чета Устиновых. Этот номер многократно и без особой необходимости упоминался в воспоминаниях о последних днях жизни поэта. До апреля 1925 года здесь проводил досуг Лев Рубинштейн⁴ (замечание домоуправления: «Без документов», то есть гэпэушник, и верить его воспоминаниям «На рассвете и на закате» (в них имеются страницы о есенинской трагедии) никак нельзя).

Наши подозрения в том, что Устиновых «прописали» не в рядовом, а в особом номере, подтвердились, когда обнаружилось, что в ревизорских бумагах нигде не значится № 131. Случайный пропуск? Нет! 131-й существовал, о чем свидетельствует чудом сохранившееся «Дело № 20 по инвентаризации гостиницы “Англете́р”». Начато 15 марта 1926 г.⁵ В описи подробно перечислены обстановка и вещи комнаты № 131, стоимостью 219 руб. 70 коп.

Предлагаем решение загадки: указанные два помещения, очевидно, были смежными и предназначались для особо доверенных лиц, использовавших отель для секретных операций. Потому-то в 130-й и «поселили» чету Усти-

новых. К слову сказать, в упомянутом инвентаризационном перечне названы все вещи «треклятого 5-го», в котором «обитал» Есенин.⁶

Теперь открываем гроссбух со списком жильцов «Англете́ра», датированным 14 апреля 1926 года⁷ (отчеты составлялись дважды в так называемом бюджетном году). Ожидаем (уже не без скептицизма) встретить нужные нам фамилии. Странный список. Пятый, «есенинский» номер совсем исчез. Ранее, в период октябрьской проверки (1925), в этой комнате отдыхал от своей кооперативной суеты Георгий Крюков (площадь помещения – 7,17 сажени). Небезынтересно было бы знать, в какой день и час Крюкова попросили покинуть гостиницу. Пропущены и другие номера, фигурировавшие в октябре. Испарился 25-й с его хозяином Строминым-Геллером и т. д., но, главное, не помечен 130-й с Устиновыми.

Много и сумбурно написано о гостиничных встречах с Есениным. А вот уборщица Варвара Васильева (р. 1906), обслуживавшая 5-й номер (это доказывает знак красным карандашом в одном из списков квартирантов отеля) и проживавшая в 336-м номере, живым поэта не видела. Перед смертью она успела рассказать знакомой, как 27 декабря, поздним вечером, то ли с чердака, то ли из подвального лабиринта какие-то пьяные громилы тащили в 5-ю комнату чье-то мертвое тело. Собеседница В. Васильевой намеревалась поведать об услышанном участникам одной из есенинских конференций в Ленинграде. Женщину посчитали сумасшедшей и прогнали.

Изложенные выше факты не отдалили, а, наоборот, приблизили нас к «явлению Устинова». Странно, но до сих пор есениноведы не заметили, что его никто не видел при прощании с поэтом в 5-м номере гостиницы, в ленинградском Доме писателей, на железнодорожном вокзале при проводах гроба в Москву. Известны воспоминания по этому поводу литераторов Н. Брауна, И. Оксенова, В. Рождественского и других – Устинова они не упоминают. Ситуа-

ция более чем неловкая: назвался чуть ли не лучшим другом Есенина, опекал его, якобы сочувствовал ему, а стряслось горе – куда-то исчез!..

Жорж «засветился» во многих эпизодах «англете́ровской» истории. Его упорно записывали в свидетели трагического происшествия десятки недоброжелателей поэта. Приведем еще один убедительный и весьма показательный пример: Устинова пыталась реабилитировать в своих «мемуарах» (опубликованы) его близкая знакомая Нина Гарина, хозяйка литературного салона, вдова политического авантюриста, ставшего драматургом, Сергея Гарина-Гарфильда.

Например, «свидетель» – Лазарь Берман, уличенный в 1918 году в сотрудничестве с германской разведкой (по информации архива ФСБ) и тогда же завербованный ЧК. Многие десятилетия его «свидетельства» служили доказательством пребывания поэта в «Англете́ре». В настоящее время бермановская фальшивка разоблачена.

Более достоверны воспоминания Павла Лукницкого, хотя и он сотрудничал с «органами». Его рассказ все-таки заслуживает внимания. В частности, описывая лицо мертвого поэта, он отметил в дневнике: «...левый глаз – плоский: он вытек».⁸ Известный нам оригинал посмертной фотографии Есенина это наблюдение подтверждает.

С Устиновым сложнее. Подозрения на него падали давно, но документов на этот счет не было. И лишь сегодня пришла пора неопровергимых аргументов. Начнем с показаний Жоржа участковому надзирателю Горбову. В «Протоколе опроса» читаем: «Место службы: Редакция “Красной газеты”. Литературный сотрудник».⁹ В действительности в ту пору его не принимала на штатную работу ни одна солидная советская редакция, и он вынужден был перебиваться случайными гонорарами. В «Красной газете» журналист тогда постоянно служить не мог, так как проживал в Москве «на птичьих правах», а в городе на Неве бывал лишь наездами, изредка печатаясь в «Красной». В ней ему снисходительно давали подработать, ибо помни-

ли, что в 1922 году он был заместителем ответственного редактора¹⁰ «Петроградской правды», а затем недолго трудился в «Красной газете» (утренний выпуск). Об этом мы знаем из его «Личного листка». Сам собой напрашивается вывод о фальсификации «Протокола опроса», о стремлении представить Жоржа ленинградцем. Тем самым в сознании обывателей закреплялась официальная версия смерти Есенина. Правда, надо иметь в виду, что показания свидетеля не разглашались, а узнавали об этом люди из газет. Один момент в протоколе опроса еще более настороживает. Внимательно вглядываемся в подпись «очевидца» — ничего похожего на его подлинные автографы, которые нам хорошо известны.

В то время у Жоржа имелось более надежное временное пристанище — газета «Беднота», та самая, которую до 1924 года возглавлял Лев Сосновский, усердно рывший яму Есенину, видевшему в нем «маленького картофельного журналистика», одного из тех, которые «и впрямь стали отстаивать точку зрения скотного двора» (статья «Россияне»). Георгий Феофанович вращался в кругу именно таких типов. Среди них — критик Осаф Литовский, прототип Латунского в «Мастере и Маргарите» Михаила Булгакова. Прототип знал Устинова с 1918 года по совместной работе в «Известиях», в 1930-м дал ему следующую партийную рекомендацию: «С 1925 года т. Устинов во все времена моего заведывания редакцией “Бедноты” работал в этой газете в качестве литературного сотрудника, разъездного корреспондента и ездил по провинции и в деревню по специальным заданиям и сотрудничал также в бюро расследования. <...> Много работал, причем я никогда не замечал, чтобы тов. Устинов в своей работе отклонился от генеральной линии партии. В последнее время тов. Устинов работает в качестве нештатного политредактора Главрепергкома. Все его отзывы и рецензии о поручаемых ему пьесах свидетельствуют о правильной политической установке и идеологической выдержанности».¹¹

Настоящее свидетельство Литовского окончательно убеждает: в декабре 1925 года Устинов не являлся штатным сотрудником ленинградской «Красной газеты», а милицейский «Протокол опроса» с приписываемыми ему показаниями — фальшивка.

В одном номере с Устиновым, утверждают есениноведы, жила его жена, Елизавета Алексеевна (родилась в 1897 году в Тверской губернии, в 1921-м переведена из Центропечати в Наркомпрос, где служила секретарем секции беллетристики и поэзии). О ее почти материнской опеке поэта трогательно писали газеты. За ее подписью опубликованы воспоминания, идиллически рисующие отношения «тети Лизы» и ее беспомощного подопечного; правда, «тетя» на два года моложе Есенина, но не стоит обращать внимания на мелочи, почитаем ее (?) заметки: «27-го [декабря 1925 года] я встретила Есенина на площадке без воротничка и без галстука, с мочалкой и с мылом в руках. Он подошел ко мне растерянно и говорит, что может взорваться ванна: там будто бы в топке много огня, а воды в колонке нет». Оказывается, чудак-поэт решил принять ванну, но заподозрил неладное и побежал жаловаться «тете Лизе». Милая картишка, если бы не одна любопытная деталь: в 5-м номере, как выше уже было сказано, *ванны не было*, что подтверждает инвентаризационная опись «Англетера», как *не было и телефона*, по которому якобы назывался поэт. Если верить «тете Лизе», то в номере Есенина не было ни чернил, ни чайника, ни других бытовых мелочей. Все это, мягко выражаясь, более чем глупые выдумки: в фешенебельном отеле постояльцы могли в любую минуту вызвать дежурного коридорного или горничную — они обеспечивали уют и порядок.

Не меньшее недоумение вызывает и статья за подпись Устинова: «Днем, перед роковой ночью, Сергей, когда мы были вдвоем в его комнате, нежно спрашивал меня про мою жизнь, сидя у меня на коленях. Спросил об одной девушке, о Р. П. И когда я ему ответил, он долго плакал, склонившись ко мне на плечо. <...> Сергей был совершенно трезв»¹².

Нам хорошо известен жесткий стиль публициста и белетриста Устинова, не отличавшегося сентиментальностью. Бывший матрос-бузотер, подпольщик-конспиратор, задира-журналист не мог писать так слезливо-кудряво. Невозможно себе представить и «хулигана» Есенина, автора «Москвы кабацкой», рыдающим на коленях Жоржа.

Устинов не мог возражать против использования своего имени во всей этой грязной истории — его, дисциплинированного партийного бойца, особенно и не спрашивали.

Между тем у самого Устинова отношения с партией сложились плохо. В конце 1924 года зав. орготделом костромского губернского комитета РКП(б) Моисеев обратил внимание, что Георгий Феофанович, главный местный политпросветчик и страж коммунистической идеологии, не предъявляет партбилет и не платит членских взносов. О такой странности поставили в известность Центральную контрольную комиссию (ЦКК) при ЦК РКП(б). Устинов всполошился и направил своему близкому знакомому Емельяну Ярославскому (Губельману), секретарю ЦКК, доверительную записку:

Дорогой Емельян!

17 декабря 1924 г. я послал Вам по адресу ЦКК письмо с партбилетом. До сих пор я не имею никаких сведений. <...>

С товарищеским приветом Г. Устинов.

6 февраля 1925 г.

Кострома. Советская ул., 1-й Дом Советов, к. № 38¹³.

Ровно на две недели опоздал Георгий Феофанович. При участии «дорогого Емельяна» уже состоялось его исключение из партии, о чем свидетельствует следующий документ:

Дополнение к протоколу № 160

***Постановления распорядительной части заседания
Партиколлегии ЦКК РКП(б) от 26-1-25-го года.***

Слушали:

***№ 3. У-80-4. Устинов Георгий Феофанович, бывший
член РКП(б) с 1917 года, 36 лет, самообразование в разме-***

*ре средней школы, сын крестьянина, по специальности лите-
ратор, журналист. При царизме арестовывался и сидел в
тюрьмах около 2-х лет. Занимает должность губинспек-
тора по делам печати и зрелиц и заведует Губполитпрос-
ветом г. Костромы.*

*Механически выбыл из РКП(б) в 1921 г. по семейным об-
стоятельствам. Чистку в 1921 г. проходил в Москве, пере-
писи и проверку не проходил, членских взносов не платил.
Просит снисхождения и восстановления его членом РКП(б)
со старым стажем.*

Доклад т. Штальберг.

Постановили:

*За. — Считать т. Устинова Г. Ф. вне партии, как меха-
нически выбывшего.*

*Председатель парттройки П[арт] К[оллегии] ЦКК РКП
(б) [A.] Сольц.*

Секретарь ЦКК М. Шкирятов¹⁴.

В «деле» имеется еще один документ, подтверждающий «механический» выход Устинова из партии «по семейным обстоятельствам»¹⁵. К бумагам приложена его «Автобиография» (6 октября 1930 г.)¹⁶. Полистаем ее.

Отец будущего публициста родился в деревне Гордеево Семеновского уезда Нижегородской губернии. Отставной солдат из крестьянской семьи строгого старообрядческого толка (очевидно, последнее обстоятельство способствовало сближению Есенина с Жоржем). Мать — православная батрачка-сирота. Брак был заключен без благословения родителей, поэтому молодые послушники не получили ни гроша и бежали от старообрядческого гнева под защиту купца Бугрова на его «дачу» в Смольковской волости Балахнинского уезда, где в лесной сторожке и родился Георгий.

Начатки грамоты бойкий мальчик получил в церковно-приходской школе, затем продолжил образование в Кантавровском второклассном училище (Семеновский уезд). Заведовал им священник Федор Смирнов, по определению Жоржа, «хищник, картежник и пьяница»¹⁷, третировавший

воспитанников Законом божьим. Однажды несдержаный на язык Устинов вслух обвинил батюшку в присвоении денег, отпускаемых мальчикам на обеды («Каша ушла попу на штаны»). Строптивца изгнали из училища.

Верить Устинову на слово нельзя. По моде тех лет он революционизировал биографию, создавая себе ореол мученика «проклятого царизма». В одной из героинь Мельникова-Печерского, раскольнице Устимовне, он видел свою бабку, якобы послужившую писателю прототипом. Богохульство и разболтанность выдавал за юный социальный протест. В другой автобиографии был ближе к правде; так, вспоминая кантауровский интернат, писал: «...там решили меня напихать катехизисом, как мешок опилками, но в этом училище за незнание Закона божьего был изгнан из общежития, а обидевшись... взял да ушел совсем из учебы»¹⁸. Он так и остался недоучкой. Пересоздавал он свое прошлое с заразительной верой в собственные фантазии, выпячивая в угоду времени выгодные и пряча темные страницы жизни. Примечателен его ответ на один из вопросов анкеты (1925) при рассмотрении «дела» об исключении из партии: «Освобожден [от участия в войне] как спецжурналист по ходатайству “Правды”»¹⁹. Работник же ЦКК пометил: «1915. Скрывался от военной службы»²⁰.

С 17 лет малый боячествовал. Плавая матросом по реке Белой на пароходе «Братья Плехановы», затеял бузу, за что был выброшен за борт. Год за годом, не утруждая себя настоящим трудом, тянулся к политической кормушке.

Его эстетика – мешанина вульгарного социологизма (Келтуяла, Коробка, Фриче и т. п.), сдобренная чтением зарубежной и русской классики. «Я – язычник, аморалист, – похвалялся он, – способный преклоняться перед Байроном, Уайльдом, Г. Манном, из русских ценю Лермонтова, Бунина, А. Куприна и терпеть не могу бытовиков, всех в один голос подражающих Максиму Горькому»²¹.

Когда вышли антибольшевистские «Окайные дни» Бунина, а Куприн выступил с серией злых антиленинских

очерков, Жорж поспешил их предать проклятию (автора «Деревни» он назвал «виконтом де Буниным» — «Красная газета», 1926, 18 января).

Руководящий устиновский постулат: «...у художника его стиль (форма) всегда и неизбежно, решительно без всяких исключений, является отражением его классового самосознания». Знакомая песенка. Под ее обязательное сопровождение он, своего рода следователь Пролеткульта по особо важным литературным делам, выставлял баллы Есенину. Так, Пугачев из одноименной поэмы превращался в «сионим оппозиции по отношению к пролетарскому государствству». Поэт, по его мнению, «...совершенно отрекся от своих "большевистских" заблуждений. Рязанский кулак может спать спокойно. Сын вполне оправдал его доверие», ему «...сладок запах отцовского навоза». Признавая талант автора «Пугачева», критик вешает на него ярлык собственного изобретения — «...самый неискоренимый психобандит», который «плюнул на социализм» («Литература наших дней». М., 1923). Согласитесь, так грубо не мог написать «лучший друг», каковым без устали представляли есенинского знакомого!

Мы задерживаемся, может быть, излишне подробно на Устинове потому, что, во-первых, многие факты его жизни раскрываются впервые, во-вторых — и это важнее, — они пригодятся будущим исследователям гибели Есенина.

...1905-й год пришелся Жоржу «в масть». Он отрастил длинные, «нигилистические» волосы, обзавелся револьвером, уснастил свою речь словечками «диктатура», «гегемон», «эксплуатация», вступил в социал-демократическую группу городка Городец. Его революционную физиономию обтесывали более подкованные друзья — В. Рюриков, сын врача, и Иван Абоимов, портной. Они разбрасывали зажигательные листовки, организовывали горластые митинги. Из эсдека выковывался отчаянный боевик, готовый крушить «черную сотню», полицейских и всех, кто противится «новой жизни». Результат — трехмесячное заключение в Ба-

лахне. Здесь началась его журналистская карьера в газетке «Судоходец» (редактор Ф. П. Хитровский). Вместе с ним приобщался к печатному слову Иван Михайлович Касаткин, будущий писатель. Он успел уже познать подполье, аресты, совершив не один побег (одно время скрывался в Нижнем Новгороде на квартире отца небезызвестного Генриха Ягоды). Как видим, есенинские приятели — давние знакомые, но если в Жорже поэт видел застольного собеседника, то в «дяде Ване» — по-домашнему родственного человека.

Испытав бури Гражданской войны и послужив в ЧК (было и такое), Касаткин все больше разочаровывался в революционной катафасии, тяготился партийно-журнальной работой; несмотря на суровый пройденный путь, он оставался наивным и непосредственным, что, возможно, сближало его с Есениным. Часто хлопотал за знакомых и незнакомых людей, пристраивал чьи-нибудь рукописи в журналах и газетах, заступался за обиженных, толком не зная их духовной сути. В октябре 1926 года, спасая дружка, дал ему партийную рекомендацию: «В своих печатных работах, — писал Касаткин, — (как критик литературный и как беллетрист) тов. Устинов был и есть, на мой взгляд, правильным марксистом»²².

Касаткин едва ли не последний, кто видел Есенина перед его бегством из Москвы. Процитируем отрывок из письма (16 января 1926 года) Ивана Михайловича литератору Ивану Вольнову, бражничавшему с поэтом в день его переселения в Ленинград: «Почти накануне отъезда он (Есенин. — В. К.) был с женою у меня в гостях, мы выпили, он мило плясал, помахивая платочком...»²³ «Дядя Ваня» терялся в предположениях о причинах смерти своего друга («У меня сотни догадок о его конце»), пытался понять мотивы полярного отношения людей к свершившейся трагедии («...тут, мне кажется, скрещиваются некие шпаги...»). Во многом Иван Михайлович был антиподом Георгия Феофановича, железного рыцаря пера, продолжавшего и в мирной жизни оставаться конспиратором.

Школу большевистской публицистики он начинал постигать в Белоруссии: «С апреля 1917 г. минской организацией большевиков [я] был вызван с фронта в Минск, — писал он в “Личном листке” (20 марта 1922 г.), — где стал заведывать отделом информации партийного органа “Звезда”»²⁴. Затем редактировал «Советскую правду», газету исполнительного Комитета Западной области и Фронта (Обливском-зап). Вот лишь два образчика мышления Жоржа в тот период. Первый: «А про Русь отдельный сказ. //Исключительный приказ: //Если кончится война, — //Чтоб Гражданская была». Подпись *Георгий Фанвич*, то бишь Устинов («Советская правда», 1917, 18 декабря). Второй пример — в том же номере газеты: «Как бы ни вопили социал-патриоты, они все-таки должны признать, что большевизм спас человечество от продолжения кошмарной бойни».

В революционной колеснице он был далеко не последней спицей: его хорошо знали Троцкий, Молотов, Каганович, Крупская, Мясников, Ярославский, Лебедев-Полянский и многие другие, чьи имена сегодня звучат уже не так громко.

Наши наблюдения, надеемся, уже дали достаточно оснований подозревать Устинова в причастности к кровавой «англете́ровской» истории. Но все наши факты и аргументы, хотя и важны, однако, признаемся, мозаичны. Был нужен документ, который бы окончательно заставил устраниТЬ сомнения. И вот, наконец, он нашелся! Ниже публикуем его впервые.

Центральная Контрольная Комиссия РКП(б)

Член ЦКК ПАРТКОЛЛЕГИЯ

Если он не спился и действительно разошелся с женой, то я с вами согласен.

П. Смидович [подпись].

Запросить дело тов. Г. Устинова из Костромского Губкома и из ЦК (есть в обоих местах).

22 декабря [1925 г.]. [А.] Сальц [подпись]²⁵.

На заседании Партколлегии ЦКК два его видных члена обменялись мнениями по поводу очередного заявления Георгия Фофановича о восстановлении в РКП(б). Первое суждение принадлежит Петру Гермогеновичу Смидовичу, известному партийно-советскому деятелю. Второе – не менее видному товарищу – Арону Александровичу Сольцу. Обоих, кстати, великолепно знал Устинов. Его будущеечество складывалось как будто благополучно: хоть и пьяница, но, кажется, не безнадежный, с женой развелся – не по-коммунистически это, однако, ладно, бывает (о разладе в его семье – позже). Но в итоге не завладел-таки Жорж звездной красной книжечкой, в конце концов Партколлегия ЦКК ему отказалась. В 1930 году он сам разъяснил причину отказа, обратившись по тому же вопросу к Президиуму XVI съезда ВКП(б) (копия – бывшему соратнику по революционной борьбе, заведующему Агитпропом В. Г. Кнорину): «Только недавно я сумел опомниться от того, что проделал со мной Сольц из ЦКК, сводя, по-видимому, личные счеты». Далее идет рассказ Устинова, как еще в 1919 году, когда он работал в «Правде», влиятельный Арон Александрович с трибуны Пленума Моссовета заявил, что центральная партийная газета «политически безграмотна». Отставая часть редакционного мундира, Устинов возмутился. Возник переполох. Сольц вынужден был извиниться за вгопрячах сказанные слова. Но с тех пор возненавидел высокочку и мстил ему. «Мое заявление в ЦКК, – повторяет обиженный проситель, – дало ему возможность свести со мною личные счеты; ибо на обоих заседаниях ЦКК председательство вел Сольц, и только он задавал мне вопросы в неизменно грубейшей форме и грубым тоном»²⁶ (курсив мой. – В. К.).

Первое заседание Партколлегии ЦКК по поводу заявления Устинова состоялось 25 января 1925 года (26-го постановление подписал Е. Ярославский), второе же – 22 декабря 1925 года! Долго продолжалось разбирательство, и, надо сказать, в первую очередь виноват в этом сам Устинов. Он никак не мог оправиться от январской экзекуции и только

16 мая 1925 года решился продолжить свой натиск на несговорчивую ЦКК, вновь обратившись туда с просьбой²⁷. Написал жалобу и... исчез.

Партбюрократы-контролеры разыскивали его в Москве, Костроме, где он оставил недавно службу, – все тщетно. Безработный и бездомный Жорж не объявлялся. Тогда заведующий бюро Президиума ЦКК Тронин обратился в «Правду» – случай беспрецедентный – с просьбой дать следующее объявление: «Партколлегия ЦКК просит тов. Устинова Георгия Феофановича, бывшего губинспектора по делам печати и зрелиц гор. Костромы, зайти к следователю тов. Штальберг (Ильинка, 21, 2-й подъезд, 3-й этаж, ком. 318) 16 июля сего года от 9 до 2-х час. дня»²⁸. В ответ – молчание, как в воду канул. Наконец появляется на Ильинке, отвечает на вопросы Штальберга и... вновь исчезает. След его в «деле» обнаруживается через два с лишним месяца, 7 октября 1925 года, когда он соизволил напомнить о себе собственноручной запиской в секретариат ЦКК: «Выписку прошу выдать подателю сего Римме Петровне Подашевской»²⁹.

Где он все это время находился? Почему периодически пропадал? Кто такая Р. П. Подашевская? Немного терпения, загадки исчезнут, а ответ на одну из них читатель, вероятно, уже нашел: Устинов крепко и надолго запил. Намного важнее сейчас вернуться к многозначительной дате «22 декабря», ко дню второй проработки Устинова в ЦКК.

Напомним: Есенин отправился в Ленинград 23 декабря 1925 года. Согласно официальной версии, Жорж уже давно жил-поживал в «Англете». Когда же он успел опередить поэта? Трудно представить, что сразу же после заседания ЦКК, на котором его «измолотили», он ринулся на вокзал, успев захватить с собой жену (?). Да и сам Устинов в опубликованных воспоминаниях часто путается, к примеру, сообщает, что к декабрю 1925-го в «Англете» он «...жил уже несколько месяцев». Приведенные выше факты и другие материалы неопровергимо доказывают: *ложет* Георгий Феофанович!

Итак, в «Англете» обитал призрак Устинова. Может, «мальчика-то и не было», говоря крылатыми словами М. Горького из романа «Жизнь Клима Самгина»? А была ли «девочка», супруга Георгия Феофановича? Излишний вопрос. Елизавета Алексеевна в ту пору уже явно не жила с мужем. Он, видимо, сам признался Партиколлегии ЦК о разводе с ней. Вспомним фразу на бланке ЦК Петра Смидовича: «Если он не спился и действительно разошелся с женой, то я с вами согласен». Из контекста следует: наверняка брак был расторгнут. Теперь понятно, почему написанные кем-то за «тетю Лизу» воспоминания не содержат ни строчки ее собственных наблюдений, а лишь повторяют письмо секскота ГПУ Вольфа Эрлиха к Валентину Вольпину (28/XII 1925)³⁰.

Несомненно, Елизавета Алексеевна хватила лиха с Георгием Феофановичем. Уверены, отыщутся материалы, которые раскроют, увы, печальную судьбу этой женщины; что-то, может быть, будет сказано и об их сыне Борисе (р. 1919), канувшем в неизвестность.

Кляузная «семилетняя война» (1924–1931) Устинова за обладание партбилетом сопровождалась постоянным мотивом: «Механически выбыл из РКП(б) в 1921 году по семейным обстоятельствам». В вину ему также ставилась неуплата партийных взносов. Неудачник защищался (16 мая 1925 года): «Не платил я их потому, что около трех лет был постоянно болен и имел отпуска через врачебную комиссию ЦК. Кроме того, по исключительно тяжелым семейным обстоятельствам я вел ненормальный образ жизни, который способствовал моей болезни»³¹.

Он страдал туберкулезом, начало которому дала «испанка», подхваченная им в 1918 году во время боев под Казанью («Автобиография»). 11 марта 1922 года он обратился к секретарю ЦК РКП(б) Михайлову с просьбой отменить постановление Оргбюро ЦК (10/11 1922) о направлении его в Северную Пальмиру заместителем главного редактора «Петроградской правды»: «Не возражая против команда-

ровки вообще, я все же не могу не протестовать против посылки меня в Петроград как больного туберкулезом...»³².

В Петрограде Георгий Феофанович был приметной личностью. Его благосклонности искали литераторы и журналисты, хаживал он в «Асторию» (1-й Дом Советов), в квартиру-салон Сергея и Нины Гариных-Гарфильдов, знался с местным начальством. Поэтому многие в городе не удивились, когда в 1925-м его имя всплыло в связи с «делом Есенина».

В трагические для поэта дни Устинов вел «ненормальный образ жизни»: заливал вином горечь исключения из партии, исчез из поля зрения родственников, бывших сослуживцев и просто знакомых. Пока неясны его «тяжелые семейные обстоятельства», о которых можно лишь предполагать: разлад с женой или ее болезнь? Что-нибудь с сыном?..

Оставалось последнее спасительное средство — бутылка. К ней он прибегал и раньше, и много позже. В 1930-м, обращаясь в Президиум XVI съезда ВКП(б), исповедовался: «У меня был тяжелый недостаток, я пил, но вот уже год, как я прекратил это дело, много работал, написал целый ряд книг... но не могу больше работать вне партии. Я прошу у Вас сердечного товарищеского совета: как мне быть? Я чувствую, что я сам виноват во многом, но в то же время чувствую и то, что со мною поступили слишком строго, чтобы не сказать несправедливо»³³.

Да, многое он не понимал, хотя кичился своим знанием политической истории («Знаю Каутского, Плеханова, Маркса, Ленина...»)³⁴. Увы, он не видел, что всю жизнь являлся послушным орудием в чужих руках. Он так и непротрезвел от долгих запоев и пленивших его ленинских идей. Проморгал он и перемены, обозначившиеся на XIV съезде РКП(б) (декабрь 1925 года), когда его вчерашние политдружки получили мощный пинок Сталина. Устинов не заметил, как оказался между двух огней: позади вконец истлевавшая идея мирового пожара, который он с таким фанатичным вооду-

шевлением раздувал, впереди — новые социальные веяния, казавшиеся ему холодными и искусственными. «Свои» его забыли, «чужие» — не принимали. Психологически он остался подпорченным продуктом военного коммунизма.

В 1925 году Жорж не имел в Москве даже собственного угла. Надеемся, нам удалось доказать: *в декабре он не проживал в «Англете*ре». Где же обретался? Ответ на этот вопрос дает следователь ЦКК Штальберг, проверявший 16 июля благонадежность бывшего члена партии. В протоколе опроса более 20 пунктов, из него узнаем: он вернулся из Костромы в столицу в мае, пробавлялся литературными заработками (в феврале-марте 1925 года в «Новом мире» была напечатана его повесть «Черный ветер», выход которой заметил Есенин. — *V. K.*). Тот же источник указывает временное пристанище Устинова: Москва, Малый Палашевский переулок, 7, кв. 24 (телефон 1-98-43)³⁵. Пришлось покопаться в старых московских справочниках, чтобы разыскать хозяина указанной квартиры. Нашелся: Петр Александрович Подашевский, журналист, маленький литератор, выступал в печати под псевдонимами «Аш», «Ашевский», «А. Сергеев» и др., автор беллетризованных пропагандистских брошюрок («Там, где умирают с голоду» и проч.) в серии «Библиотечка малограмотного». Серия издавалась Политуправлением Киевского военного округа в самом начале 20-х годов, что дает основание думать о службе там Подашевского в качестве одного из комиссаров-агитаторов. Но для нас интереснее тот период его красноармейства, когда пути Подашевского и Устинова пересекутся (учитывая почти детективный характер нашего сюжета, обнаруженный факт «припрячем» и вернемся к нему позже).

Внимательный читатель, конечно, заметил, что фамилия Подашевского уже мелькнула в связи с партийным сутяжничеством Жоржа. Но все-таки напомним: страдавший от бесчленства в РКП(б) Георгий Феофанович 7 октября 1925 года просил секретариат ЦКК выдать заключение об уготованной ему участи Римме Петровне Подашев-

ской, полагаем, дочери приютившего его человека. Его отношения с ней нам неизвестны, но можно догадываться: она знала какие-то устиновские секреты.

Нашего «героя» связывала с П. А. Подашевским не только профессия журналиста, но и совместная служба в «Известиях» в 1918-м и 1920–1922 годах – им было о чём поговорить. Петр Александрович, лет на десять постарше Устинова, представлял для него несомненный авторитет: ездил, плавал и летал по Союзу, выполнял ответственные поручения Совнаркома, нередко бывал за границей, где встречался с представителями Коминтерна. Его смерть 9 декабря 1926 года заставляет о многом поразмыслить. На следующий день «Известия» поместили некролог о своем верном сотруднике, в котором, в частности, сказано: «*Его увлечение новым строем было подлинное и крепкое. Ему служил он своим пером не за страх, а за совесть.*»

Возможно, конечно, смерть Подашевского наступила после «продолжительной болезни», о чём сообщили «Известия». Но уж слишком эта кончина вписывается в общую длинную череду внезапных смертей коминтерновцев после XIV съезда РКП(б). Подмечено: повальный мор в 1926–1927 годах напал на так называемую ленинградскую оппозицию курсу Сталина. В тот послесъездовский период, например, один за другим ушли в небытие сотрудники «Красной газеты» Гарин-Гарфильд, Гусев, Бразуль-Брушковский, Фарфель, Янкелевич и другие.

Теперь, когда в общих контурах портрет Подашевского ясен, заглянем на минутку в его квартиру в Малом Палашевском, 7, но не для того, чтобы поскорбеть о хозяине и посмотреть, как он жил. Есть эмоциональная потребность взглянуть на стены, в которых с 27 (28) декабря 1925 года дрожал предавший поэта Устинов. Может, и не дрожал, а хлестал до бесподобия водку, а пропрезвев, хватался за свежие газеты и узнавал, как он заботился в «Англете» о «даровитом несмышленыше» Есенине. Наверное, именно сюда, в эту квартиру, сразу же после гибели поэта явился *некто*,

передавший Устинову приказ всемогущего деятеля: помалкивать и никуда не отлучаться. Разумеется, вероятно, было обещано скоро поправить его жилищные, финансовые и партийные дела. Выйти на улицу, не вызывая подозрений, он мог только после похорон Есенина. Почему-то никто из исследователей не обратил внимания на то, что его не видели не только при прощании с телом поэта в Ленинграде, но и в Москве. А ведь официальному «опекуну» Есенина надлежало, сообразуясь с элементарной моралью, стоять в почетном карауле у гроба покойного в Доме печати!

Что заставило его навечно предать свое имя проклятью, не пожалеть репутации и будущего сына Бориса? Глубоко спрятанная к поэту зависть? Долг коммуниста, пусть и временно обиженного, обязанного пресечь любую контрреволюцию, будь то антисоветчина или попытка бегства из СССР? Желание получить очень нужные ему тогда сребреники? Страх, животный, непобедимый страх – вот что, на наш взгляд, явилось движущей внутренней пружиной нравственного падения. Его память наверняка хорошо сохранила кровавые сцены Гражданской войны, особенно те, когда за малейшее неподчинение приказу виновный немедленно карался смертью. Теперь пришла его очередь. Не подчиниться было невозможно: приказ отдавал человек, одно слово которого еще недавно приводило в движение целые армии. Разумеется, требовали помочь Советской власти наказать бежавшего от суда преступника, изменившего идеалам Революции. Не скажешь же темным массам, что их любимец стихийно, под воздействием минутных настроений (с поэтами это часто случается), переметнулся в стан врагов народа. Георгий Феофанович, возглавлявший в «Известиях» отдел «В стане контрреволюции», должен помнить, что возмездие за измену великому пролетарскому делу неотвратимо. Партии лучше знать, что полезно и что вредно для победы коммунизма.

Некто, передавший, как мы полагаем, Устинову приказ «молчать», исполнял *поручение* Льва Давидовича Троцкого. Организационно-технические детали могли выгля-

деть иначе (например, Жоржа тайно доставили к «архитектору революции», как любил себя величать диктатор), но существа события это не меняет.

За «Иудушкой Троцким» (выражение Ленина) стояла грандиозная школа провокаций. Расправиться с Есениным для него было делом непростым, но и не таким уж премудрым – требовалось лишь основательно подготовить операцию.

В главе «Приказ отдал Троцкий» нашей книги приведено достаточно аргументов, подтверждающих участие «демона революции» в варварском злодеянии. Несогласным с такой точкой зрения оппонентам заладим лишь два вопроса: 1) Кто, кроме Троцкого, мог игнорировать ходатайство Луначарского о необходимости прекратить судебный процесс над Есениным? 2) Почему Троцкий датировал смерть поэта 27-м декабря («Правда», 1926, 19 января), хотя все советские газеты официально называли *следующий день*?

У Льва Давидовича имелось множество причин выступить главным режиссером трагедии в «Англете». До каких пор можно терпеть неуправляемого рязанского спесивца, на всех углах кроющего власть (о такой его дерзости писали и говорили Андрей Соболь, Степан Скиталец (Петров), Демьян Бедный и др.), постоянно дискредитирующего пролетарскую поэзию и ее лучших представителей. Пора положить предел шумным скандалам.

У Льва Давидовича были и личные мотивы неприязненно относиться к поэту. Ему наверняка не раз докладывали о несдержанности Есенина в частных беседах, грубоствиях в его адрес. При отъезде из Берлина в СССР поэт в возбужденном состоянии сказал писателю-эмигранту Роману Гулю: «*Не поеду в Москву... не поеду туда, пока Россия правит Лейба Бронштейн*» (из воспоминаний Романа Гуля). Свидетелем разговора был литератор Глеб Алексеев (р. 1892), военный летчик в первую мировую войну, эмигрант, добившийся возвращения в Советскую Россию в 1922 году. Лишь недавно стало известно о сотрудничестве

Алексеева с органами ЧК–ГПУ. Нетрудно догадаться, что неосторожную фразу Есенина он передал «по инстанции».

Троцкий мог узнать себя и в некоторых произведениях поэта. К примеру, в образе Чекистова-Лейбмана, «господина из Веймара» (поэма «Страна негодяев»). Обращаясь к красноармейцу Замарашкину, персонаж говорит:

Странный и смешной вы народ!
Жили весь век свой нищими
И строили храмы божие...
Да я б их давным-давно
Перестроил в места отхожие.

Троцкий одно время жил в Веймаре; информированные люди, конечно, догадались, о ком идет речь в поэме. Главный ее герой – анархист *Номах*, сражающийся с Красной Армией за народную вольницу. Литературоведы обычно прочитывают «*Номах*» как «*Махно*», между тем нетрудно увидеть здесь анаграмму и другого слова – «*Монах*». В Константинове сестер Есенина «по-дворовому» звали Монашками, а его самого – *Монахом*, то есть в бунтаре *Номахе*, в его образе мышления выражаются настроения автора поэмы. Несомненно, близки ему ожидания обманутых революцией простых людей:

Пустая забава,
Одни разговоры,
Ну что же,
Ну что же вы дали взамен?
Пришли те же жулики,
Те же воры,
И законом революции
Всех взяли в плен.

Выбор Троцким Устинова на роль фарисея не случаен. Их познакомила и сблизила Гражданская война, когда по стальным рельсам российских дорог носился знаменитый «Поезд наркомвоена» – походный штаб и военный трибунал Председателя Реввоенсовета.

Его появление на фронтах у одних вызывало восторг, у других — ужас. Сверхчекистскую команду бронированного чудовища ждали награды и лишние пайки, а дезертиров и паникеров — расстрелы. В августе 1918 года в походном трибунале заседал Петр Смидович, тогда председатель Моссовета, тот самый, который позже «не пускал» Устинова в партию. Возможно, тогда-то они и познакомились. Георгий Феофанович был в «Поезде Троцкого» заметным человеком — редактором походной газеты «В пути», идеологического эха наркомвоена. Под своим именем и под псевдонимами (Фанвич и др.) редактор выступал с кровожадными статьями, которые могли соревноваться с появлявшимися чуть ли не в каждом номере руководящими тирадами Троцкого. Всего два примера («В пути», 1918, 8 сентября): «Они погибают!.. Никакие ухищрения, никакие подкупы, никакие обманы не помогут русским и иноземным купцам и помещикам сломать власть рабочих и крестьян». 1918, 15 сентября: «Черносотенно-меньшевистский и белогвардейско-меньшевистский стан переживает последние минуты». И далее о расстрелях царских министров, грядущей не завтра-послезавтра мировой революции и т. п. В каждом номере — громкие здравицы «вождям пролетариата» — Ленину, Троцкому, Зиновьеву. Регулярно печатаются «агитки Бедного Демьяна».

Можно допустить, что Устинов не только пописывал устрашающие статейки, но и сам брался за оружие. Во всяком случае, он особо останавливается на боях под Казанью, Самарой, Хвалынском, подчеркивая жестокий характер сражений и свой выход из строя в связи с подхваченной «испанкой».

Он обслуживал поезд наркомвоена в разные годы. Решение о его зачислении в команду летучего штаба принималось в Кремле. Доказательство тому — следующий, впервые публикуемый документ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

**РОССИЙСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ
(БОЛЬШЕВИКОВ).**

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

Москва. 25 августа 1921 г.

ВЫПИСКА

из ПОСТАНОВЛЕНИЯ СЕКРЕТАРИАТА ЦК от 25/VIII с. г.

*Слушали: п. 1. Об откомандировании тов. УСТИНОВА
(из Ярославля) в поездку с тов. ТРОЦКИМ.*

Постановили: 1. Командировать т. УСТИНОВА в поездку вместе с тов. ТРОЦКИМ на один месяц.

СЕКРЕТАРЬ ЦК

В. Молотов³⁶.

Документ снабжен печатью ЦК РКП(б). Вверху пометки: «В[есьма] срочно», «Передать по прямому проводу», «Уч[етно-]рас[пределительный отдел ЦК]».

Как видим, Жоржу доверяли, более того, есть основания считать его личным порученцем Троцкого. «По заданию Реввоенсовета, — похвался Устинов, — обслуживал пограничный край и написал брошюру “Современная Румыния”»³⁷ («Автобиография»). Содержание брошюры (1923) подтверждает допуск автора ко многим военным секретам.

Знакомство Жоржа со Львом Давидовичем, вероятно, произошло еще раньше, до формирования (8 августа 1918 года) поезда наркомвоена. Если их встреча в Минске, где журналист сотрудничал в «Звезде» (1917), проблематична, то в «Известиях» (Москва, 1918) вполне возможна. Позже Устинов работал в «Правде» (1919), «Советской Сибири» (Омск, 1919–1920), и его контакты с Троцким не исключаются.

Уверенность «демона революции» в личной надежности Устинова возросла, когда в 1920 году появилась его книжка «Трибун революций». Написал он ее в 1918 году по горячим следам рейсов карательного подвижного состава

(всего за период Гражданской войны поезд совершил 36 рейсов общей протяженностью 97 629 верст).

При подготовке книжки Лев Давидович специально написал заметки о своей необыкновенной жизни, которые автор с благодарностью использовал. Сочинитель отдавал себе отчет в том, что будет первым, кто познакомит угнетенный народ со своим героическим спасителем. Наверное, поэтому авторские определения наполнены одилическим пафосом: «джентльмен революции», «горьковский Данко», «пламенная карающая десница», «экстракт организованной воли». Может быть, Устинов особенно гордился найденным им сравнением: «Лицо Троцкого – лицо русской революции».

После смерти Есенина десятки его знакомых и полузнакомых бросились писать воспоминания о «Сереже». Некоторые даже гастролировали по стране (А. Мариенгоф, В. Шершеневич), подрабатывая на есенинской трагедии!

Устинов молчал (две его (?) статьи явно заказные). На людях не проронил ни слова, во всяком случае, его устные рассказы о печальном событии неизвестны. Да и не до того ему было! Он упрямо продолжал тяжбу с ЦКК. Его очередные попытки добиться в 1926 году пересмотра своего «дела» успеха не имели. Осталась без внимания партийная рекомендация языковеда и фольклориста Н. И. Ашмарина (1870–1933)³⁸. Не помогло даже заступничество члена ЦК ВКП(б), активного деятеля Петроградского Военно-революционного комитета, одного из руководителей штурма Зимнего К. С. Еремеева (1874–1931)³⁹, знакомца Устинова по сотрудничеству в минской «Звезде» (1917) и «Правде» (1919). Константин Степанович некоторое время возглавлял издательство ВЦИК, там выходили брошюры его ученика: «Меньшевики, эсеры и контрреволюция», «В Коммуну» и проч. Это была попытка подправить репутацию рекомендуемого. Не помогло.

В 1927 году, после исключения Троцкого из партии, Жорж наконец кой о чём смекнул, исчез из Москвы, притаиввшись

в городке Городец (Нижегородский округ) у своих родственников, скорей всего, у сестры (по мужу – Савичевой) [ул. Рабочая, 85]. Здесь наверняка общался с местным жителем, бывшим в юности его наставником-агитатором Иваном Абоимовым, о котором в октябре 1930 года писал: «...мы друзья до сих пор» («Автобиография»). Немного успокоившись, объявился в октябре 1929-го, когда улеглись страсти вокруг высылки Троцкого. Неослабевшая тоска по партии вылилась в новое заявление о тяге к ВКП(б), «...в которой протекала вся моя сознательная жизнь и против которой я не совершил никакого проступка»⁴⁰. Не поверили. Очередной крик о помощи раздался 31 мая 1930 года и был обращен к Президиуму XVI съезда ВКП(б). Устинов опять каялся, взывал к справедливости, склонял повинную голову («...совершенно потерял волю и желание что-либо делать»)⁴¹. Не обратили внимания. Наконец 28 октября 1930 года «дорогой Емельян» (Ярославский) поставил свое факсимиле на постановлении ЦКК: «...прикрепить т. Устинова к ячейке»⁴². Заметьте, *не восстановить* в партии, а именно *прикрепить* к парторганизации Центроиздата, где Георгий Феофанович работал редактором-консультантом массовой литературы. По-видимому, испытательный срок он не выдержал, и его уволили со знакомой всем неугодным формулировкой: «... *вследствие реорганизации работы издательства*». Закончил он свою карьеру в «Сельхозгизе», подчищая рукописи учебных пособий по выращиванию сельхозпродуктов и борьбе с полевыми грызунами. Финал его партийной эпопеи наступил в декабре 1931 года, когда ЦКК подарила ему надежду числиться в ВКП(б) с 1917 года. Только надежду, потому что вслед за постановлением родился неведомый счастливчику документ:

Строго секретно

3/XII 1931.

Посыпается кому на согласование:

т. Постышеву [П. П.], партконтроль.

*т. Ежову [Н. И.], в дело*⁴³.

Далее следовала краткая выписка из истории устиновской тяжбы. Неизвестно, чем закончилась его война. Скорей всего, поражением. Ведь в «ежовые рукавицы» попадали многие прелюбопытные бумаги, о которых заявители не хотели бы вспоминать. Могли всплыть и материалы о том, какие личные поручения Троцкого выполнял автор книжечки «Трибун революции». По слухам, Жорж все-таки собирался раскрыть тайну «Англетера». Литератор Н. Г. Юсов по этому поводу недавно сообщил: «Я был знаком с Долговым, который встречался с Вержбицким (Николаем Константиновичем, приятелем поэта, автором воспоминаний о нем. — В. К.). Последний утверждает, что он пришел к Устинову с требованием рассказать, что же случилось с Есениным. Тот попросил прийти на следующий день. Но над другой день выяснилось, что Устинов повесился»⁴⁴. Неужели его замучила совесть? В такой конец трудно поверить — не та закалка. Вспомним, как он бравировал своим аморализмом. Скорей всего, *его повесили: он слишком много знал!* Если следственное дело о его смерти не уничтожено и когда-нибудь обнаружится, оно прояснит, что в действительности произошло в квартире № 16 дома № 3 по Большой Ширяевской улице (Сокольники).

14 декабря 1932 года «Известия» сообщили: «*Оргкомитет Союза советских писателей СССР с прискорбием извещает о безвременной кончине советского писателя Георгия Феофановича Устинова. Кремация 14 декабря, в 4 часа дня.*» Газета не назвала даже дня его смерти, не упомянула о месте его последней работы, сославшись на находившийся в эмбриональном состоянии писательский оргкомитет, возглавляемый Иваном Грековым, осведомителем НКВД, доверенным лицом Сталина. Заметьте, тело сожгли в день публикации извещения — кто-то явно торопился побыстрей «закрыть дело».

Семь лет Устинов скрывал правду о трагедии в «Англете» — так и не раскаялся.

Глава 8

ЛЖЕСВИДЕТЕЛИ

Продолжаем наше независимое расследование, продираясь через лживые «мемории», атрофированную память современников, патологически-трусливое поведение многих нынешних архивистов, для которых имя Есенина — пустой звук. В орбиту нашего внимания попадут лица, якобы встречавшиеся с Есениным в 5-м номере, и те, кто вольно или невольно содействовал скрытию злодеяния. Свою грязную лепту в создание мифа о проживании Есенина в «Англете-ре» внес первым Д. С. Ушаков, как на знакомца поэта указал Устинов в показаниях милиции: «Вчера, 27 декабря, мы с женой, тт. Эрлих и Ушаков, живущие в этой же гостинице, просидели у Есенина часов с 2-х до 5–6 часов вечера».

Проверено: в 1924 году Ушаков являлся техническим секретарем в редакции «Красного мира» (Кострома), где также печатал заметки о красноармейских буднях.

Вряд ли он привлек бы наше внимание, если бы не две его статьи о горестном событии в Ленинграде. «Мне, оставившемуся в той же гостинице, — пишет Дмитрий Ушаков, — пришлось быть свидетелем его (Есенина. — В. К.) последних дней» («Северная правда», 1926, 6 января). И дальше набор «фактов», представлявших поэта в самом не-приглядном свете (упадничество, психическое расстройство и т. д.). Подобными публикациями в те дни были полны все газеты.

«Воспоминания» Ушакова появились и в костромском журнале «Ледокол» (1925, № 11/12). Они дополнены не-бездидными фантазиями (о них ниже), раскрывающими лицо «очевидца», нога которого не ступала в печально известный дом. В списках его жильцов имя этого военкора отсутствует, а проживание без регистрации, «по блату», было там исключено.

«Англтер» — не обычный объект, а полукристский (на

каждом этаже торчали так называемые дежурки, вахтенные посты ГПУ). В декабре 1925 года проходил напряженный XIV съезд РКП(б), и пропускной контроль мог быть ужесточен. Нам известно официальное отношение ленинградского ГПУ (октябрь 1925 года) в губернский отдел коммунального хозяйства (Губоткомхоз) с просьбой «поселить подателя сего». Уже если тайное ведомство соблюдало бюрократические правила, то что говорить о простых обывателях!

И все-таки Ушаков квартировал в «Англете» (№ 201), но... не Дмитрий С. (отчество не установлено), а Алексей Алексеевич (р. 1890), который ничего общего с журналистикой не имел, а был архитектором.

На след Д. С. Ушакова вывел зигзаг в биографии Г. Ф. Устинова. С сентября 1924 года по апрель 1925-го он служил в Костроме главой губернского Политпросвета и одновременно инспектором печати и зрелиц. Человек крутого и бескомпромиссного нрава, он, рассказывают, был лютым цензором (сказывалась московская выучка в Главлите, где он недолго работал). Военный журналист Ушаков не мог не знать Устинова. Возможно, их связи не ограничивались исполнением текущих профессиональных обязанностей...

Появление в «Ледоколе» «есенинской» статьи военкора из «Северной правды» объясняется тем, что Устинов был своим человеком в редакции журнала, печатал в нем плохонькие рассказики (1925, № 3, 5 и др.). Вот откуда костромской след в «Англете»!

Любопытно сравнить устиновские и ушаковские «воспоминания». Налицо целый ряд совпадений. Хотя бы один пример: «...Есенин начал сомневаться в себе, — пишет Устинов. — Стихи выходят — восемь строк, а дальше — стоп! — “Да что же я? Кончился, что ли?” И Есенин около двух лет пишет, отделяет, переделывает одно свое “коронное” стихотворение — “Черный человек”» («Красная газета», 1925, 29 декабря).

В статье Ушакова: «Друзья поэта рассказывали, что он за последнее время стал явно сомневаться в своих силах. —

“Напишу восемь строк, а дальше – стой. Неужели я уже человек конченый?”» (далее о «Черном человеке»). Ушаков слегка пересочинил Устинова. Не будем касаться содержательной стороны «воспоминаний». Хорошо известно: последние два года жизни Есенина были *самыми плодотворными* в его творчестве.

В «Северной правде» костромич не упоминает Жоржа, в «Ледоколе» ссылается на него как на друга поэта. В журнале проскальзывает информация, разоблачающая фальсификацию. «По словам приехавшей после его смерти в Ленинград его первой жены З. Райх, – пишет военный журналист, – поэт незадолго перед этим лечился в одной из подмосковных психиатрических лечебниц, где признан был врачами психопатом». Во-первых, из дневника Корнея Чуковского мы знаем: Зинаида Райх (бывшая жена Есенина) вместе с Всеиволодом Мейерхольдом прибыла в Ленинград не ранее 18 января 1926 года, когда «Ледокол» уже вышел, но даже если выпуск журнала задержался, Ушаков вряд ли мог знать такие подробности. Ссылка на Райх делалась для неосведомленных читателей. Напомним еще раз: затравленный поэт был вынужден спрятаться от суда в больнице. Еще одно сообщение Ушакова говорит о возможной его причастности к секретному ведомству. Он упоминает, что Есенин якобы грубо выгнал из 5-го номера поэта Ивана Приблудного за его строптивый характер. Тонко рассчитанный ход. Приблудный не мог возразить, так как с 1925 года сотрудничал с ГПУ; ссылаться на него можно было без опаски (позже он проболтался о своей тайной службе в «органах», за что жестоко поплатился).

Наконец, еще одна ошибка Ушакова. Он проявил излишнюю осведомленность, указав на заключение следователя, подтвердившего факт самоубийства Есенина. Во-первых, следователь Давид Ильич (Гилевич) Бродский «делом Есенина» не занимался, во-вторых, вынесенное им формальное постановление на этот счет датируется 23 января 1926 года, в-третьих, откуда об этом мог знать Ушаков, если документ нигде не оглашался?

Теперь поговорим о Лазаре Бермане.

Солнце мира озаряло
Благодатные края.
Из сосцов твоих, бывало,
Била теплая струя.
Но пришла к тебе доярка...

и т. д.

Некоторые современные исследователи пытаются представить автора сих строк искусствником поэтической формы, новатором-теоретиком в разработке «концепции реализма» (см.: Энциклопедический словарь «Русские писатели». Т. 1. М., 1989), что, кроме недоумения, ничего не вызывает. Уже в четырнадцать лет Лазарь (Зоря) определил для себя собственные законы лирики: «Стихотворения, передающие оттенки настроений, — это птицы с подрезанными крыльями, это облако, которое мгновенно сголяется с души» (из письма от 14 июня 1908 года к А. Б. Сахарову). Подростку говорить такую нелепость простиительно, он еще не читал Аристотеля, Гегеля, Белинского, которые думали о природе поэзии совсем обратное. Но Берман (по образованию юрист) в своих представлениях о художественном слове (да и жизни) так и остался навсегда умником-утилитаристом. Сердечно симпатизировавшая ему поэтесса Елизавета Полонская верно назвала его «пустяшным поэтом», увидев в его натуре «замедленные реакции» (из ее письма от 7 октября 1950 года).

Однако оставим лирику и вернемся к суровой прозе.

Лазарь Вульфович Берман всю свою сознательную жизнь пил «из сосцов» ЧК–ГПУ–НКВД. Стишки для него были лишь уладой амбиций и внешним антуражем его тайной работы, в которой он (как и В. И. Эрлих) находил свое истинное вдохновение. Наконец-то стало возможным представить его настоящий облик.

Справка из тайников Федеральной службы безопасности: «По материалам архивного уголовного дела за 1918 год

проходит в качестве арестованного Берман Лазарь Васильевич. Освобожден из-под стражи по Постановлению Председателя ВЧК 29 ноября 1918 года за отсутствием достаточных оснований для предъявления обвинения в шпионаже».

Подумать только: сам всемогущий Дзержинский вмешивается в судьбу недавнего выпускника юридического факультета Петроградского университета! Не ошибемся, если скажем, что председатель ВЧК освободил Бермана не за его «гигантские образы» и невинность по части российских военных и прочих секретов, а по склонности после-днега заглядывать в замочные скважины. Не с той-то поры Зоря превратился в профессионального осведомителя.

Вряд ли ошибемся, если предположим, что в 1921 году его «внедрили» секретарем Союза поэтов и он подслушивал и подглядывал за Блоком, Гумилевым и другими, выполняя роль провокатора.

Есениноведу Эдуарду Хлысталову удалось приоткрыть одну из темных завес в биографии Бермана. Приведем соответствующий абзац из его исследования: «Собирая материалы о “деле Таганцева, Гумилева и др.”, я обратил внимание, что в эмиграции русские поэты считали гибель Гумилева делом провокатора и даже называли имена подозреваемых в этой провокации. И. Одоевцева вспоминала, что после ареста Гумилева к ней прибежал молодой поэт, состоявший в антисоветской организации, и просил совета, как ему себя вести дальше: то ли скрываться, то ли сдаваться. Этот человек, по словам Одоевцевой, поддерживал связь Гумилева со всей организацией. Фамилию его за давностью лет она не помнила, но профессионально запомнила строчки его стихов. Эти строчки принадлежали Лазарю Берману». Надо же: главный экзекутор Яков Аграпанов, справедливо изумляется Э. Хлысталов, «расширил» круг антисоветчиков, соратников профессора Таганцева, до 200 человек (!), а с Бермана даже ни один волосок не упал!

Прошло четыре года со дня расстрела Николая Гумилева; успокоившийся провокатор продолжал свою «культурную политику» — на сей раз его «объектом» стал Есенин, правда, роль Лазаря Вульфовича была теперь второстепенная и сводилась главным образом к созданию (вместе с другими «очевидцами») легенды о проживании «конфидента» (так он однажды назвал поэта) в «Англете». К тому времени сексот ГПУ проживал в квартире № 18 по Саперному переулку, дом 14 — да как и с кем проживал! Об этом скажем подробнее.

В 1925 году Зоря, тогда официальный сотрудник издательства «Прибой» и заведующий литературной частью «Красного галстука», занимал четыре комнаты общей площадью 76 квадратных метров (!); имел двадцатишестилетнюю прислугу Агафью Ивановну Михайлову (по тому бесприютному времени — прямо князь!). Правда, в той же квартире снимал комнатку студент Коммунистического университета им. Зиновьева двадцатитрехлетний Иван Игнатьевич Халтурин (псевдоним? Уж очень революционная фамилия), но, возможно, он не столько стеснял хозяина, сколько помогал ему... Неподалеку, в квартире № 9, расположился сотрудник «Красной газеты» Петр Ильич Коган-Сторицын (в апреле 1926 года, по данным домовой книги, ему было 49 лет), а поближе к Берману, в квартире № 12, жил-поживал уполномоченный экономического отдела ГПУ Гавриил Михелев Губельбанк. Очень удобно: и связь с «Красной газетой» имеется, и ситуация вокруг всегда известна (экономический отдел ГПУ, начальник Рапопорт, ведал гостиницами, в том числе и «Англетером»).

Многие соседи «нашего» литератора «военнослужащие». Но самая интересная соседка жила вместе с Губельбанком в квартире № 12. В домовой книге, составленной 15 апреля 1926 года для отчета фининспектору, она именована: «Каплан Фаня Ефимовна, 24 г., на иждивении мужа...» — есть и ее автограф. Супруг носительницы этой исторической фамилии — Иосиф Адамович Каплан, тридцати трех лет, круп-

ный работник республиканского «Заготхоза» (служебный адрес: пр. Нахимсона, 14). Даже если эта Ф. Е. Каплан не «воскресшая» покусительница на жизнь В. И. Ленина (год рождения знаменитой эсерки обычно указывается 1890) — все равно чрезвычайно удивительное совпадение!

В целом домашняя компания Бермана лишний раз убеждает — перед нами ворон высокого полета. Кроме возможности через Губельбанка легко узнавать оперативную информацию об обстановке в «Англете», стихотворец-секретарь мог ее черпать из уст приятеля, также выпускника юридического факультета ЛГУ, делопроизводителя Треста коммунальных домов Бориса Иосифовича Пергамента (в современных справочниках его имя-псевдоним помечается — «М», но сие, так сказать, дело житейское и привычное). В прошлом Б. И. Пергамент секретарствовал в одном из уездов Смоленской губернии, в 1917 году был начальником канцелярии Красного Креста Царскосельского района; в июле 1922 года объявился в Петрограде, а до того три года служил в Красной Армии на административно-хозяйственных должностях (если верить его письменному заявлению). Пописывал стишкы, в 1912 году выступил соавтором Бермана в Петербургском поэтическом сборнике «Пепел». Через руки Пергамента проходила вся гостиничная переписка, можно думать, и секретная, и он «по-дружески», видимо, сообщал необходимые сведения Берману. Пергамент был дошлым канцеляристом, его неоднократно приглашали в губисполком для наведения порядка в запутанных бумажных делах. В его осведомленности о текущей ситуации в «Англете» можно не сомневаться.

В завершение нашего эскизного портрета Бермана («увальня», как сам он любил о себе говорить) набросаем еще несколько штрихов: мягкий, вкрадчивый, на людях манерно-деликатный, семейный заботник (двоих детей), любитель собак, обожал Советскую власть, боготворил Ленина, годовщины смерти которого в семье отмечались как незабываемые памятные даты. Ну прямо копия Воль-

фа Эрлиха, но выделка (в отличие от симбирского провинциала) побогаче — столичная и, если вообще уместны сравнения в таких категориях, — подряннее.

Подробности о Бермане помогают опровергнуть его показание о якобы виденном им 27 декабря 1925 года пьяном Есенине в 5-м номере «Англетера». Слух этот передавался из уст в уста, многие современники и даже друзья поэта ему верили, в наши дни сие свидетельство так и остается веским аргументом защитников версии самоубийства.

Свои воспоминания («По следам Есенина») о «визите» в гостиницу Берман так и не напечатал (отпала необходимость), но нам удалось их разыскать (см. *Приложения*).

Восемь страничек машинописного текста (не датированы) с авторской правкой. Пустейшие по содержанию и жалкие по форме, но с потугой на обзор поэзии 20-х годов и с кокетливым самолюбованием собственным лирическим даром (его «Доярку» мы цитировали). Приведем из бермановских лживоспоминаний одну страницу.

«В декабре 25-го года я узнал, что Есенин в Ленинграде.
<...> Захотелось мне встретиться с ним.

От редакции «Ленинских искр», в которой я работал, было недалеко до «Англетера», где, как я узнал, он остановился.

Приближаясь к дверям его номера, я услышал из комнаты приглушенный говор и какое-то движение. Не приходилось особенно удивляться — о чем я не подумал, — что я едва ли застану его одного. Постучав и не получив ответа, я открыл дверь и вошел в комнату. Мне вспоминается она, как несколько скошенный в плане параллелограмм, окно слева, справа — тахта. Вдоль окна тянется длинный стол, в беспорядке уставленный разными закусками, графинчиками и бутылками. В комнате множество народа, совершенно для меня чуждого. Большинство расхаживало по комнате, тут и там образуя отдельные группы и переговариваясь.

А на тахте, лицом кверху, лежал хозяин сбираща Сережа Есенин в своем прежнем ангельском обличье. Только

печатью усталости было отмечено его лицо. Погасшая папироса была зажата в зубах. Он спал.

В огорчении стоял я и глядел на него.

Какой-то человек средних лет с начинающейся полнотой, вроде какого-то распорядителя, подошел ко мне.

— Вы к Сергею Александровичу? — спросил он и, видя, что я собираюсь уходить, добавил: — Сергей Александрович скоро проснутся.

Не слушая уговоров, я вышел из комнаты. На следующее утро, спешно наладив работу редакции, часу в десятом я снова направился к Есенину. «В это время я его, наверное, уже застану не спящим», — думал я, быстро сбегая по лестнице. Внизу навстречу мне из входных дверей появился мой знакомый, ленинградский поэт Илья Садофьев.

— Куда спешите, Лазарь Васильевич? — спросил он.

— К Есенину, — бросил я ему.

Садофьев всплеснул руками:

— Удавился!

Здесь навсегда обрываются видимые следы нашего поэта».

Процитированный фрагмент «воспоминаний» настолько лжив, что его даже комментировать неловко. Ограничимся лишь некоторыми замечаниями. Берман не говорит, от кого он узнал о приезде Есенина в Ленинград и его поселении в «Англетере», — потому что сослаться было не на кого, да и из конспиративных соображений нецелесообразно. Провокатор «идет в гости» к поэту из редакции газеты, где он работал, — это 27 декабря, *в воскресенье*?! Придуманный им для создания картины буйного похмелья в 5-м номере «длинный стол» — не от большого ума. В комнате, согласно инвентаризационной описи гостиницы (март 1926 года), значатся: «№ 143. Стол письменный с 5-ю ящиками, под воск. — 1. — 40 руб. (Стол этот, очень скромный по размерам, известен по фотографиям Моисея Наппельбаума, ныне хранится в Пушкинском Доме. — В. К.) — № 144. Овальный стол, преддиванный, орех[овый], под

воск. — 1. — 8 руб. — № 145. Ломберный стол дубового дерева. — 1. — 12 руб.». *Других столов в номере не было!*

Берман перестарался, «пригласив» в комнату «множество народа». Вольф Эрлих и другие называли «гостей» 5-го номера выборочно, с понятной оглядкой. В описании лжемуариста Бермана его «конфидент» выглядит падшим пьяницей, заснувшим, как последний извозчик, с папиросой в зубах. Другого образа поэта он себе не представлял.

Укажем на деталь, которая выдает пособника сокрытия убийства со всей его головой (на фотографии в энциклопедическом словаре «Русские писатели» (1989. Т. 1) его физиономия пугающе-каменна): он-де узнал о трагедии в «Англете» «часу в десятом». Сексот даже поленился сверить свои больные фантазии со сведениями других фальсификаторов и с информацией в газетах. Например, «Правда» (1925, 29 декабря, № 296) писала: «...в 11 часов утра жена проживающего в отеле ближайшего друга Есенина, литератора Георгия Устинова, отправилась в номер покойного...» Тоже, конечно, вранье, но согласованное...

С целью дополнительной характеристики Бермана заглянем в его неопубликованные пухлые воспоминания «По пяти направлениям». Мемуары тусклые, серые и крайне амбициозные, эпоха 20–30-х годов увидена плоскостно-партийно, глазами технаря с псевдопедагогическим уклоном.

В Гражданскую войну Берман служил, если верить ему, командиром 1-го автоотряда 1-й грузовой команды Западного фронта: об отражении Юденича, схватках красных и белых ничего не сообщает. В мирное время увлекся «военными тайнами» — прививал читателям вкус ко всякого рода «секретам». Бредил нелегальной романтикой, воспевая конспирацию, побеги и т. п. В стихотворении, посвященном агентам-распространителям ленинской «Искры», писал:

Вот «Искра» к месту назначенья
Пришла, не узнана никем.
Там ждет со скрытым нетерпеньем
Ее редакции агент.

Полнейшая глухота к художественному слову – и в оценке есенинского творчества: «Его стихи того времени (раннего периода. – В. К.) были еще более описательны, чем те, которые мы читали или слушали позднее: сильней была описательность к первым половинкам строфы (так в рукописи. – В. К.), часто без натуги дописывалась вторая. <...> У нас с Сергеем установилась взаимная приязнь». Что ни слово – невежество, что ни следующее – ложь, желание во что бы то ни стало остаться в созвездии близких друзей поэта.

В 1931 году, во время чистки партийно-советских и чекистских кадров, Берману стало неуютно в Ленинграде, и он подался в Москву. Помогли старые связи; на него обратила внимание вдова Якова Михайловича Свердлова – Новгородцева Клавдия Тимофеевна, занимавшаяся редакционно-издательской деятельностью. На склоне лет благодарный Лазарь Васильевич вспоминал: «Клавдия Тимофеевна, что особенно дорого для советских людей, была женой и товарищем по работе того, кого Владимир Ильич Ленин в речи его памяти назвал “первым человеком в первой социалистической республике”».

Бывал Берман и на квартире своей кумирши-благодетельницы, жившей, если верить ему, совсем аскетически: «Кровать, аккуратно заправленная солдатским одеялом с далеко не пухлой подушкой в головах, на ней “думка”. Шкаф и два стула. Вот и вся обстановка». Возможно, в ту пору так оно и было, но нелишне напомнить, – после 1917 года на квартире Свердлова хранилось «золото партии», а Клавдия Тимофеевну его бдительно сторожила.

У Бермана и сегодня есть защитники и поклонники, – загляните, к примеру, в последний энциклопедический словарь «Русские писатели» (1989. Т. 1) – какой только восторженной пошлости о нем не прочтете! Между тем, как мы уже отметили, он был типичный проходимец, пытаившийся на случайном знакомстве с Есениным делать себе имя.

Свои лживоспоминания о посещении «Англтера» 27 декабря 1925 года Берман заканчивает описанием встречи на

следующее утро с поэтом Ильей Садофеевым, якобы первым принесшим ему скорбное известие о Есенине в диковой форме выражения – «Удавился!» (так в рукописи мемуариста). На Садофеева как вестника беды ссылаются и другие ленинградские литераторы, которым нельзя доверять. В этом отношении примечательна своей беспардонностью книга Льва Рубинштейна «На рассвете и на закате», в которой Садофеев, бывший будто бы гостем 5-го номера «Англете́ра», передает жалобу Есенина на дорожовизну оплаты гостиницы. При тщательной проверке выяснилось – воспоминатель беззастенчиво врет, выполняя чей-то заказ; он скрыл, что одно время жил в 130-м номере «Англете́ра» (прроверено по контрольно-финансовому списку постояльцев отеля), в том самом, где позже «прописали» журналиста Устинова. Уже само проживание Льва Рубинштейна в своего рода конспиративной квартире ГПУ лишает его доверия. Но повторяющиеся упорные кивки современников на свидетельства Садофеева, согласившегося, видимо, отдать свое имя «напрокат», заставляют пристальнее приглядеться и к нему. Интерес вовсе не праздный. Глава Ленинградского Союза поэтов *Илья Иванович Садофеев* (1881–1965) играл не последнюю скрипку в церемониях прощания с покойным Есениным, возможно, получал соответствующие партийные и иные инструкции о порядке их проведения.

Сын тульского крестьянина Ивана Михайловича и Марии Федоровны (урожденной Минкиной), он рано по-знал нужду, в тринадцать лет состоял мальчиком на побегушках в петербургской чайной, позже работал на уксусном заводе, жестянной фабрике и т. д. Обиженный судьбой, нашел выход своего недовольства в сочинении стихотворных антицарских прокламаций в революционном жанре и стиле. Сам полуиронично характеризовал себя «эсдеком», «сицилистом». За участие в нелегальной деятельности РСДРП(б) в 1916 году получил шесть лет ссылки в Якутской губернии. Освободила его Февральская революция. Преданно служил большевикам во время Гражданской

войны, истинную свою специализацию скрыл в анкетах, по косвенным данным – комиссарил, не исключено – с чекистским мандатом. Не случайно, вернувшись в Петроград, занял редакторское кресло в «Красной газете».

Неравнодушен к собственной славе, о чем постоянно заботился, приглашая критиков и рецензентов восславить свое замечательное творчество (типичное социально-баранное словоплетение пролеткультовского образца). В чуть ли не ежедневных секретных обзорах (1925 год) Ленинградского ГПУ для губкома партии мы наткнулись на пересказ статьи одной из белоэмигрантских газет, которая рисует Садофьева властно-жутковатым редактором, сующим в нос авторам «Красной газеты», бывшим колчаковцам и врангелевцам, маузер и принуждающим их к сотрудничеству.

Не слишком ошибемся, если причислим Илью Ивановича к группе товарищей, не только чуждых Есенину, но и враждебных ему (между прочим, снисходительный Есенин, отрицавший пролеткультовскую рифмогонку, согласно «Дневнику» Оксенова, находил у Садофьева заслуживающие внимания стихотворения). Увы, так уж сложилось, на доброе внимание Есенина к собратьям по перу те отвечали злом, большинство из них не могли пережить подлинно народной его известности.

Расширим еще круг лиц, скрывавших «тайну “Англтера”». Одного из них назвала в беседе с нами (1995 год) вдова коменданта гостиницы Антонина Львовна Назарова (1903–1995). Речь об уроженце Грузии, коммунальном работнике *Ипполите Павловиче Цкирия* (р. 1898).¹

Информация для размышления: И. П. Цкирия, уроженец Зугдидского уезда Кутаисской губернии (сам указывал – «менгрелец»), сын состоятельного землевладельца; окончил 8-ю гимназию, участник походов Красной Армии на Кавказе. В сохранившейся анкете о своей военной службе писал сумбурно, противоречиво, что лишь обостряет интерес к его потаенной биографии. В служебном формуляре Цкирия сказано: 1918–1923 годы – «кочегар», что

никак не вяжется с другими документами, в которых он фигурирует как конторский работник и строитель.

Наконец выяснилось: сей «кочегар» (между прочим, знал турецкий язык) ведал домами, принадлежавшими ГПУ. По предписанию (30 октября 1925 года) заведующего Управлением коммунальными домами Пагавы Цкирия, кроме прочих зданий, стал хозяином дома № 3 по улице Комиссаровской (дворник А. М. Спицын) и дома № 8/23 по проспекту Майорова (напомним адрес «Англете́ра»: просп. Майорова, 10/24).

Если верить воспоминаниям (ныне покойной) вдовы В. М. Назарова (а ей можно верить), Цкирия вместе с ним, комендантом гостиницы, «снимал с петли» Есенина. Разумеется, это ложь, и нас больше интересует вопрос, почему Цкирия оказался в час кощунственной акции в «Англете́ре»? Случайность? Нет, — закономерность!

Во владении Цкирия, как мы уже знаем, находились здания, подведомственные ГПУ. Таким, очевидно, был и дом-призрак по проспекту Майорова, 8/23. В ходе расследования обнаружилось: в «Англете́ре» подолгу жили агенты Активно-секретного отделения УГРО Михаил Тейтель и Филипп Залкин (Залкинд) — они же чекисты, имевшие свои домашние семейные квартиры. Это обстоятельство подсказывает назначение таинственного особняка. Прoverка домовой книги (1925–1926) подтвердила наши подозрения: почему-то в списке жильцов *огромного здания* значатся только владелец булочной Н. А. Луговкин, его помощник А. И. Духов и дворник Н. С. Поветьев с женой!

Повременим с выводом. 30 октября 1925 года появилась на свет служебная записка № 2/295 заведующего Управлением коммунальными домами с предписанием Цкирия принять дом-сосед «Англете́ра» от бывшего управляющего И. С. Царькова. Интересуемся биографией последнего, благо его рабочий формуляр сохранился.

Иван Сергеевич Царьков, уроженец Владимирской губернии, 1878 года рождения; образование — 3 класса; работал

наборщиком, служил в царской и Красной Армии. Член РКП(б) долета 1925 года. Управляющий домом № 3 по улице Комиссаровской (владение ГПУ; рядом, напомним, штаб ленинградских чекистов). Таким образом, подлинный хозяин Царькова нашелся. Все сомнения окончательно отпали, когда у нас в руках оказался более ранний документ – отношение подотдела недвижимых имуществ Петроградского отдела коммунального хозяйства от 22 августа 1922 года «*Командиру 1-го полка особого назначения* (курсив мой. – В. К.). В бумаге содержалась просьба освободить Царькова «от прохождения военного обучения», так как на него «возложено срочное задание по приемке складов...».

Итак, кому служил Царьков, – ясно. Он передал дом 8/23 по проспекту Майорова в руки Цкирия, связанного с теми же тайными силами. Появление последнего в «Англете» в роковой для Есенина час можно объяснить однозначно: он выполнял свою прямую работу – транспортировал уже бездыханное тело поэта в гостиницу, где вскоре было инсценировано самоубийство.

Мы уже рассказывали, как неожиданно печально сложилась судьба коменданта «Англетера» В. М. Назарова после декабрьского, 1925 года, события (по подстроенному обвинению оказался в «Крестах», а потом на Соловках). Судьба И. П. Цкирия выглядит счастливой (если считать счастьем нераскрытое соучастие в покрывательстве убийства). С 1 января 1926 года он возглавил все коммунальные дома Центрального района Ленинграда (2-е хозяйство); письменный приказ санкционирован 3 февраля 1926 года. С тех пор карьера Ипполита Павловича, кажется, не давала осечек; он вскоре оставил семью и женился на сотруднице ГПУ; если не ошибаемся, мирно почил своей смертью.

Выход из вышесказанного: таинственный 8-й дом, полагаем мы, служил следственной тюрьмой ГПУ, куда Есенин попал сразу же по приезде в Ленинград. Не забывайте – он бежал из Москвы от грозившего ему судилища в связи

с конфликтом в поезде «Баку – Москва» с врачом Левитом и дипкурьером Рога.

Продолжаем исследовать хитро скованную вокруг Есенина цепь. Однажды, знакомясь с очередной «порцией» мемуаров людей, встречавшихся в Ленинграде с поэтом, мы обратили внимание на строки о том, что бывший чекист, некий И. И. Ханес, в конце 70-х годов рассказывал автору воспоминаний о своем посещении (вместе с сослуживцами по ГПУ) 28 декабря 1925 года 5-го номера «Англетера».

Едем в город Пушкин к мемуаристу и хозяину первого ленинградского общественного Музея Анны Ахматовой С. Д. Умникову (р. 1902). Да, подтвердил рассказ И. И. Ханеса Сергей Дмитриевич, бывший сосед старого чекиста (адрес последнего: Вокзальная, 21, кв. 28). При этом он добавил любопытную деталь: перед своей кончиной (примерно в 1982 году) Ханес сказал Умникову: «Когда помру, не хороните меня, а выбросите куда-нибудь мое тело и не надо никаких речей». Хоронили его пристойно, но жена, Анна Яновна, действительно на прощальной церемонии речи активистов домауправления запретила. Скоро скончалась и она (детей у них не было), и история эта погребена временем.

Архивисты Санкт-Петербургского управления ФСБ – надо отдать им должное – быстро нашли «своего» человека в чекистских бумажных залежах. Перед нами сухая и строгая справка:

«Ханес Иосиф Иосифович, 1896 г. рождения, урожд. г. Вильно, еврей, до ареста работал начальником снабжения Треста Экспериментально-художественных мастерских; проживал по адресу: Ленинград, ул. Чехова, д. 7, кв. 12. Арестован органами НКВД 26 января 1938 года по обвинению в проведении контрреволюционной троцкистско-зиновьевской деятельности. <...> В материалах “дела” имеются сведения, что Ханес И. И. служил в органах ВЧК–ГПУ с 1921 г. по 1922 г.».²

Из той же архивной справки видно: И. И. Ханеса в 1938-м все-таки оставили в покое, но в 1947-м его осудили

по ст. 58-10 (антисоветская агитация) на семь лет лишения свободы; в 1956-м реабилитирован.

Был или не был Ханес в «Англетере» после официального объявления о самоубийстве Есенина, теперь вряд ли возможно доказать. Но — то, что бригада ГПУ с декоративными целями выезжала в гостиницу, вполне возможно. Не забудьте: об участии ведомства Дзержинского в декабрьском преступлении говорит письменный намек «обиженного» участкового надзирателя Н. М. Горбова на начальника секретно-оперативной части ГПУ И. Л. Леонова. И это не единственное доказательство.

Архив ФСБ, давая справку о Ханесе, все-таки ошибся (еще бы: такой бумажный Монблан!). Он явно служил в ЧК—ГПУ не только в 1921—1922 годах, но и в 1925-м, что почти подтверждает наша спасительница и помощница — контрольно-финансовая домовая книга. Она свидетельствует, тогда Ханес жил в доме № 60, квартира 43, по улице Некрасова, через каких-то пятнадцать домов от В. И. Эрлиха. Домоуправ указал место работы Иосифа Иосифовича: «Интернациональный клуб», — он-то и станет для новых исследователей ключиком для открытия секретного замка.

Мы же ограничимся следующими замечаниями: многие соседи по дому Ханеса — «военнослужащие» (один из них летчик Б. М. Кислицкий); мелькнул в приложенных справках о доходах «агент» (снабженец?) Карабан — уж не родственник ли Л. М. Карабана?

В заключение настоящего «чекистского» сюжета еще одна прелюбопытная новость, имеющая прямое отношение к «Англетеру». Но вначале небольшое отступление.

...Однажды в печати промелькнула информация о проходивших в Ленинграде Есенинских чтениях:

«В зал пришла неизвестная женщина, которая стала утверждать, что Есенин погиб не в своем номере, а где-то на чердаке или в подвале (запомним это. — В. К.), и только потом труп был принесен в пятый гостиничный номер. Она называла старуху, тогда проживавшую в деревне, работав-

шую в тот трагический день в “Интернационале” уборщицей. Однако эту незнакомку участники чтений слушать отказались и выставили из зала, как ненормальную...» Нас нисколько не удивило пренебрежение заботников поэта свидетельством «старухи». За последние годы столько пришлое наслышаться и наглядеться!

Напрасно все-таки участники Есенинских чтений не выслушали случайную гостью. Сегодня с большой долей определенности можно сказать, какая именно бывшая уборщица «Англете́ра» доживала свои дни в деревне. Долгий и сложный анализ показал: это *Варвара Владимировна Васильева, 1906 года рождения*.³

Из официальной справки архива ФСБ: «На 7 марта 1935 года установлена работающей бухгалтером в “Гомец” и проживающей совместно с матерью по пр. Октября, д. 32/34, кв. 45. С 3 мая 1928 года по адресу: Васильевский остров, 3-я линия, д. 40. Место жительства до 1928 года и род занятий до 1928 года установлен не был.

Постановлением Особого Совещания при НКВД СССР от 23 марта 1935 года как член семьи бывшего помещика сослана с матерью в г. Воронеж. Постановлением Особого Совещания НКВД от 22 апреля 1935 г. ссылка была отменена».

Поможем архиву ФСБ: В. В. Васильева с 10 августа 1925 года по 1928-й работала уборщицей-горничной в «Англете́ре» (сохранилась специальная пометка красным карандашом в одном из списков жильцов гостиницы, что она в 1925-м обслуживала 5-й номер). В то, что она в 1935-м была сослана «как член семьи бывшего помещика», мы не верим – сей пункт, на наш взгляд, для наивных людей. «Загремела» она, конечно, в связи с недавним убийством С. М. Кирова и, возможно, своей нечаянной косвенной причастностью к этому «делу». Есть основания считать ее чекистской крестницей Вольфа Эрлиха, тем более одно время она была его ближайшей соседкой по дому на улице Некрасова, № 29–31, а в 1925-м перебралась в «Англете́р»

(№ 336). Милостивое отношение к ней энкавэдэшников, согласитесь, кое о чём говорят...

Да, Варвара Владимировна действительно могла своими глазами видеть, как пьяные негодяи тащили в гостиницу чье-то тело; может, непосредственной свидетельницей вандализма она и не была, но все равно, как уборщица-горничная, многое могла слышать от «есенинских» соседей (некоторых из них мы перечисляли). Жаль, очень жаль, что ленинградские печальники поэта в свое время прогнали нечаянную собеседницу, знавшую адрес В. В. Васильевой!

Следующий подозрительный тип – литератор М. А. Фроман (подписал фальшивый акт милиционера Горбова).⁴

Ближайшим молодым приятелем Фромана в 1925 году был... Вольф Эрлих, причем настолько близким, что у них имелась общая, «коммунальная», касса. В одном из писем к матери Эрлиха по этому поводу сердился: «Дело в том, что на меня и на Фромана (помнишь!) лежало в “Радуге” (издательстве. – В. К.) 300 р. на половинных основаниях. Я эти деньги считал неприосновенным фондом своим. И не трогал. <...> Так Фроман в эти два месяца (январь–февраль 1925 года. – В. К.) перетаскал их все».

Причины лопнувшего «банка» компанийонов как раз в интересующий нас период понятны, о причинах же их трогательного товарищества можно лишь догадываться. В свете сказанного ночевка Эрлиха с 27 на 28 декабря 1925 года на квартире Фромана, позже подсочиненная секстом ГПУ, вездесущим Павлом Лукницким (свидетельство генерала О. Калугина).⁵

Есениноведы не обратили внимания на стихотворение Фромана «28 декабря 1925 г.», посвященное Вольфу Эрлиху. И роковая дата, и сомнительный адресат заставляют внимательнее вчитаться в это произведение. Оно меланхолично-созерцательно, с претензией на философское проникновение в суть жизни и смерти. Внешне лирический сюжет развивается на фоне дум героя в снежную холод-

ную ночь. Обратим внимание только на четыре строфы из двенадцати (курсив наш):

На повороте, скрипом жаля,
Трамвай, кренясь, замедлил бег, —
А на гранитном лбу Лассала
Все та же мысль и тот же снег.
И средь полночного витийства
Зимы, проспекта, облаков —
Бессмыслица самоубийства
Глядит с афиши на него.
И мне бессмертия дороже
Улыбка наглая лжеца,
И этот смуглый холод кожи
До боли милого лица.
Здесь, на земле, в тоске острожной
И петь, и плакать, и дышать,
И только здесь так сладко можно
С любовью ненависть смешать.

(«Память», Л., 1927)

На наш взгляд, в напряженной психологической атмосфере стихотворения незримо присутствует Есенин («Бессмыслица самоубийства...»). Но вещь лишена внешних атрибутов и примет случившейся накануне трагедии, она о глубоко спрятанном духовном ощущении автора, которое никак не назовешь светлым. Чего только стоит «Улыбка наглая лжеца...» — конечно же, это об Эрлихе, — и не только потому, что ему посвящены строки, а потому, что он угадывается в эскизе внутреннего облика. Современник так рисовал его портрет: «У Вольфа Эрлиха тихий голос, робкие жесты, на губах — готовая улыбка. Он худ и черен».

Спустя сутки после кровавой драмы в «Англетере», после подписания лживого милиционского протокола, Фромана привлекает не образ усопшего поэта, а «улыбка наглая лжеца...» (кстати, заметьте, ни Фроман, ни Эрлих, в отличие от многих стихотворцев, не посвятили ни одной лирической строки Есенину). Автору «28 декабря...» представляется не

лик ушедшего из жизни человека, а физиономия приятеля-сексната, чем-то ему милого и дорогого. Рискнем сказать, близкого по сложившемуся взгляду на мир. Крайне осторожный Фроман все-таки проговаривается о своем понимании соседства добра и зла, он готов «сладко» «с любовью ненависть смешать». Страшноватое, на наш взгляд, стихотворение. Ида Наппельбаум, бывшая жена Фромана, вспоминая «28 декабря...», напишет, что это «стихотворение на смерть Есенина», и добавит: «В нём, как в зеркале, отражен этот зимний горестный день» («Угол отражения...», СПб., 1995). Ложь, подслащенная сентиментальностью!

А что за мысль отразилась «...на гранитном лбу Лассала...»? Фроман предпочитает по этому поводу промолчать. И почему из многих ленинградских памятников он встретил именно мудреца-социалиста с известными крайностями некоторых своих воззрений. То, о чем не договорил Фроман, раскрыл... Эрлих. В своей поэме «Софья Перовская» (1929) он как бы завершает ход мысли друга и сообщника:

Уже в Европе накануне,
Уже бряцает сталь о сталь.
В Париже – Михаил Бакунин,
В Берлине – Энгельс и Лассаль.

Уж призрак бродит по Европе,
Уж мысли злы и высоки,
Но в том же сумраке утопий
России дальней огоньки.

Как далек был Есенин 1925 года от такой философии интербродяг, насколько была ему чужда мещанина нравственного и безнравственного, проскальзывающая в «28 декабря...». Не потому ли Фроман и поставил свою подпись под фальшивым милицейским протоколом, хоронившим, как тогда подчеркивали газеты, «последнего русского национального поэта»?

Почему в числе понятых при подписании ложного милицейского протокола оказался поэт *Всеволод Александров*

вич Рождественский? К его личному архиву давно не подпускают, сведения о нем из 1925 года крайне противоречивые.⁶

По складу натуры – романтик-эстет. Октябрь семнадцатого воспринял как захватывающее, стихийно рожденное социально-художественное произведение; сам участвовал помкомроты в его создании, гордясь двумя альми квадратами на левом рукаве гимнастерки. В 1926-м, в тяжелый период нэпа и политических междоусобиц, восторгался: «Никогда так не хотелось петь, как в наши дни. Чудесное время!»

Для контрастного сравнения приведем запись писателя Андрея Соболя от 13 января 1926 года: «...пустота, ощущение, что нет воздуха, что нависла какая-то глыба. Еще никогда в нашем писательском кругу не было такого гнетущего настроения – настроения опустошенности, стеклянного колпака. <...> Сникли и посерели все».

Легкодумность «богемника» Рождественского очевидна (о его слезливой сентиментальности говорили и писали Николай Гумилев, Владислав Ходасевич и др.).

Среди его молодых друзей – Павел Лукницкий и Вольф Эрлих (опять та же компания), – с ними он любил путешествовать, погостить в Коктебеле у Максимилиана Волошина. Увлекался театром, живописью и графикой; за неизвестные нам заслуги бесплатно учился на Государственных курсах при Институте истории искусств (пл. Воровского, 5, напротив «Англете́ра»). Хорошо знал художника-авангардиста Павла Мансурова. Последний упоминает Рождественского (ученика Малевича), равнодушно воспринявшего беду в «Англете́ре» («...этот товарищ ваш, пьяница, поэт, умер, во всех трамваях объявления...»).

Еще несколько штрихов к портрету Рождественского. Современники старшего поколения рисуют его чаще с неприязнью. Литератор Леонид Ильич Борисов (С. Б. Шерн) в неопубликованном письме (30.12.1956) к своему собрату по перу Владимиру Викторовичу Смиренскому откровенничал:

«Однотомник В. А. Рождественского меня разочаровал. Редактором сей пиит связан не был – связала его собственная трусость. Вы, конечно, знаете Всеволода Александровича – интеллигентик и тихая молитва в розовом парфюмерном идеале (с притертой пробкой). Я с ним частенько лаюсь по великой моей невоспитанности и прямоте». Рождественский платил Борисову той же монетой: «...добрый и беспутный малый, петербургский уличный гуляка...»

Насколько был непрост В. Рождественский, писал и говорил литературовед В. А. Мануйлов, отказавшийся присутствовать на похоронах бывшего старшего друга. Не красят Всеволода Александровича и некоторые его поступки в отношениях с близкими родственниками. Он вел себя трусливо в пору репрессий приятеля, поэта Владимира Владимировича Луизова... Это все, так сказать, «домашние» проблемы.

Но личность В. Рождественского предстает не в лучшем свете и в есенинском «деле». 28 декабря 1925 года он отправил В. В. Луизову в Ростов-на-Дону письмо с рассказом о виденной им страшной картине в «Англете», но почему-то указал не 5-й номер гостиницы, а 41-й; он не раз исправлял свои воспоминания о Есенине, изобилующие «лирическими отступлениями» и небрежностями в подаче фактов (например, очевидцы удивлялись отсутствию пиджака поэта в 5-й комнате, у Рождественского же читаем: «Щегольской пиджак висел тут же»).⁷ Возможно, давала себя знать впечатлительно-рассеянная натура мемуариста, но налицо и вопиющая безответственность. Попросили, – не глядя, протокол и подмахнули! Кстати, сам «свидетель» описывает: когда он пришел в «есенинский» номер, тело покойного лежало на полу, забыв о своей подписи, закреплявшей совсем иную сцену. Примечательно: в неопубликованном дневнике Иннокентий Оксенов пишет, что В. Рождественский пришел в 5-й номер «Англетера» вместе с Б. Лавреневым, С. Семеновым, М. Слонимским («он плакал») и другими позже его (Оксенова) и Н. Брауна

(спрашивается, когда же он исполнял обязанности поня-
того?..). Есть о чём поразмыслить...

Оценки В. Рождественским (1926 года) Есенина, лири-
ка и человека, в основном — поверхностные и снобистско-
снисходительные («...пел только о себе и для себя»). По
свежим следам трагедии он бестактно спешил зарифмо-
вать сплетни о пьянстве поэта:

Уж лучше б ты канул безвестней,
В покрытую плесенью тиши.
Зачем алкоголем и песней
Глухие сердца бередишь?

У В. Рождественского, возможно, найдутся и защитники, нам же он видится человеком фразы, которому важнее «сделать красиво», но не обязательно глубоко и правдиво (его любимое выражение: «...больше всего на свете я люблю “Дон Кихота” и антоновские яблоки»).

Дает пишу для раздумий автограф В. Рождественского на своей фотографии (январь 1926 года), подаренной третьему «подписанту» фальшивого протокола: «*Дорогому стороннику и соратнику в бою за слово, свидетелю поражений и побед, – всегда вернаму себе П. Н. Медведеву*». Крепко, видно, дружили... Тому же адресату В. Рождественский презентовал автограф стихотворения «России нет...», где есть кощунственные строки:

Былые карты разбирая,
Скажите детям: вот она.
Скажите им — была такая,
Большая дикая страна.

По нашему мнению, такая «прозорливая» оценка Рос-
сии связана не только с социальным романтизмом автора,
но с более сложными причинами.

Павел Николаевич Медведев (1891–1938), критик, литературовед, педагог, действительно близко приятельствовал с В. Рождественским (и с Фроманом, и с Эрлихом). О нем отдельный и трудный разговор...

Обычно имя Медведева стоит на отшибе дискуссий вокруг «англете́ровской» истории. В 1937 году его репрессировали, и вплоть до наших дней о нем говорят как о невинно пострадавшем. Любые попытки получить о Медведеве хоть какую-нибудь информацию в архивах Москвы и Петербурга натыкались на глухую стену настороженности и отчуждения. «Странно, — думалось, — человека незаконно расстреляли, живы его ближайшие родственники, а ни словечка... правдивого о горемыке нельзя найти — все какие-то отрывочки, случайные записочки».

Пришлось идти долгим «окружным» путем (мемуары, партийно-комсомольские и профсоюзные документы и т. п.). Результаты архивных бдений потрясли даже нас, часто встречавшихся со многими неожиданностями при исследовании «крамольной» проблемы. И удивила даже не подноготная сторона открывшейся потаенной биографии П. Н. Медведева, а непростительное верхоглядство авторов-печальников поэта. Вот что обнаружилось...

С 1922 по 1926 год педагогика и литературно-критические штудии использовались Павлом Николаевичем Медведевым как удобные ширмы при выполнении им обязанностей штатного петроградско-ленинградского сотрудника ЧК–ГПУ. В протоколах его имя нередко стоит рядом с именами крупных чекистов: Мессинга, Сюненберга, Циннита, Петерсона, Ульриха и многих других. Медведев был значительной фигурой — комсомольским комиссаром («оторгом») в 3-м Ленинградском полку войск ГПУ;⁸ под его непосредственным началом состояло более 170 членов РЛКСМ, готовых по одному его слову открыть огонь по «контре». Общительный, в меру начитанный, говорливый, он вдохновлял красноармейскую молодежь на карательные расстрелы, активно вел партийно-чекистскую пропаганду, по-своему украшая ее литературными иллюстрациями. Меткую характеристику этому приятному на вид человеку дал ленинградец Иннокентий Басалаев: «Плотный, бритый медведь в очках, довольный всем, а главное — со-

бой. Его толстый рот постоянно набит анекдотами, и он не успевает их рассказывать. Наверное, потому у него такие масление губы. Расскажет – и первый расхохочется эта-ким широким анекдотическим баском. Любит словечки: “сиречь”, “дондеже” – так и говорит по телефону на славянском речении; его утверждения: “русская литература – великая литература”, “лошади едят овес”, “Волга владает в Каспийское море”».

Полистаем с превеликим трудом оказавшиеся у нас в руках документы.

2 января 1925 года: общее собрание (около 300 человек) коллектива РКП(б) сотрудников ГПУ. Председательствующий – П. Медведев (указан инициал имени, что крайняя редкость для тогдашней партбюрократии; под протоколом красуется – случай исключительный – и его автограф).⁹ Повестка – дня: работа МОПРа, культсмычка города с деревней, предстоящая клубная конференция, выпуск стенной газеты «Москит». Хорошо узнаваемая с первых слов ревдемагогия.

16 января 1925 года: объединенное собрание коммунистов 3-го полка войск ГПУ, ревтрибунала и 1-го стрелкового корпуса. С докладом «Ленин и Октябрь» выступает «тов. Петров». К его речи мы вернемся.

30 марта 1925 года: партийное бюро ГПУ прикрепляет Медведева к «работе среди работниц».

Увы, далее в обнаруженных протоколах – обрыв. Однако знакомая фамилия все-таки мелькнула на собрании чекистов 30 декабря 1925 года, когда обсуждались итоги XIV партийного съезда. «Оторг» комсомольцев осторожно критиковал местную партийную оппозицию, в частности, сказал: «После смерти Ленина нашу партию такая лихорадка треплет второй раз». Встречается его имя в недавно рассекреченных бумагах вплоть до ноября 1926 года.

Присутствие П. Н. Медведева на высшем партийно-гэпэущном уровне не столь заметно, как на его основной службе – в 3-м Ленинградском полку войск ГПУ. Полк

насчитывал более 800 красноармейцев. Полковая партячейка имела тогда свой штаб через два дома от «Англтера» (Комиссаровская, 16), где часто витийствовал Медведев. Нам удалось подробно проследить за его речами 1926 года – до 16 декабря – обычный набор агитпроповских фраз. Лишь однажды, 25 марта, он признал: в 3-м полку среди комсомольцев (примерно 170 человек) «...настроение упадочное – отсюда хулиганство, текучесть состава и добровольный выход из ВЛКСМ». Действительно, юным «ко-жаным курткам», несмотря на их особое положение, жилось несладко. На том же собрании отмечались плохие жилищные условия стражей революции, среди которых имелось 166 «малияриков» и много других больных.

Известный «киношный» образ «бойцов невидимого фронта» далеко не соответствует прозе их незавидного быта: постоянные жалобы на плохую кормежку, нехватку посуды, обмундирования и жесточайший режим. На одном из собраний (15 мая 1926 года) задавались, к примеру, такие вопросы начальству: «Почему из учебного дивизиона непускают в свободное время даже на площадку – не то что в город, а заставляют сидеть в казарме?»; «Дали только гимнастерку да брюки – все худое, а сапог не дали. Сейчас хожу в чужих, а если товарищ возьмет сапоги, то я должен ходить босой, что ли?».

Комсомольскому комиссару Медведеву было некогда заниматься столь презрительными материями, вместе с партсекретарем Павловичем, помкомполка Цинитом и другими он втолковывал в буйные молодые головы идеи мировой революции и прочую политграмоту. При этом, вероятно, любил иллюстрировать призывы литературными примерами, скорее всего, из Блока и Демьяна Бедного – он тискал о них статьики. Сотрудничая нештатно преподавателем в Педагогическом институте им. Герцена, он даже организовал над своими подопечными по 3-му полку культурное шефство ученых мужей, провел совместную выставку чекистских и студенческих стенных газет. От-

личался бдительностью, на закрытом партийном собрании 27 мая 1926 года предупреждал: «Все наши выступления не выносить беспартийной массе».

Так как Медведев в свободное от воспитания «карающих мечей» время «ходил в писателях», его тщательно скретили: так, 5–6 февраля 1926 года он участвовал (вместе с главой Ленинградского ГПУ Мессингом, начальником политотдела Сюненбергом и др.) в работе VII чрезвычайной партконференции Центрального района под псевдонимом *«Иванов»* как посланец пединститута (не смешивать с сотрудником ГПУ Николаем Петровичем Медведевым, 1902 года рожд.).

До наших дней потаенная биография «очевидца» так и остается белым пятном. Меж тем, идя по следам чекистского наставника, открываем его связи с *«Петровым»* (напомним, фамилию этого «члена партии» запомнила вдова коменданта «Англете́ра» Л. Л. Назарова), руководившим, на наш взгляд, кровавым спектаклем в «Англете́ре». «Петров» неоднократно выступал в 3-м полку и других военных частях; 16 января 1926 года он делал доклад *«Ленин и Октябрь»* на объединенном собрании коммунистов.

2 января 1925 года Медведев председательствовал на собрании сотрудников ГПУ, когда *«Петрова»* принимали в профсоюз Совторгслужащих (в него тогда входили чекисты и милиционеры). Подобный сюжет просматривается и в других сохранившихся профсоюзных протоколах, где рядом красуются те же фамилии (Медведев подвизался лектором Облсовпрофа, и его участие в разного рода заседаниях выглядело естественным).

Теперь, когда улыбчиво-садистское лицо понятого прояснилось, представим о нем справку.

Павел Николаевич Медведев родился 23 декабря 1891 года в Петербурге в семье служащего. В 1901–1909 годах учился во 2-й Кишиневской классической гимназии; в 1914 году окончил юридический факультет Петроградского университета. С 1914 по 1918 год в его *«Личном листке по учету*

кадров» пробел, чем он в это время занимался – неизвестно. Сам он пометил: до 1917 года «участвовал в революционных кружках в студенческом движении». Его дальнейший служебный путь: 1918–1920 годы – заведующий отделом внешкольного образования Витебского губоно; 1920–1922 годы – заведующий подотделом искусств. Одновременно читал лекции по литературе в Витебском высшем педагогическом институте; 1922–1927 годы – «преподаватель в военных школах Петрограда-Ленинграда». Теперь мы знаем, какую науку он пропагандировал молодежи. Примечательный факт: в 1925 году его избрали сверхштатным научным сотрудником Пушкинского Дома; то есть можно допустить, что он проводил в качестве «эксперта» официальное оформление псевдоесенинского послания «До свиданья, друг мой, до свиданья...» (речь об этом впереди), поступившего «от Эрлиха» через Г. Е. Горбачева.

В 1928 году, когда троцкисты побежали с насиженных мест, Илья Ионов пристроил Медведева помощником заведующего литературно-художественным отделом Леноттиза (раздел «родным человечкам» бывший каторжник). В декабре 1929-го, когда сторонникам Троцкого стало совсем неуютно, литератор-чекист перешел работать штатным доцентом Педагогического института им. Герцена (здесь он подрабатывал с 1925 года). О своей принадлежности к воинской службе писал (3.03.1931 года) расплывчато-осторожно: «Военнообязанный старшего начсостава, административный штат, категория А-7».

Скопом 1 сентября 1929 года в педагоги попали многие недавние гэпэушники, знакомцы Медведева: бывший партсекретарь 3-го полка Сергей Андроникович Павлович, Андрей Феофилович Арский, Владимир Николаевич Комаров и др.

Здесь же нашел прибежище видный пардеятель и оппозиционер-зиновьевец Александр Сафаров (Вольдин), один из идеологов-организаторов убийства Николая II. Среди прочих новоиспеченных «герценовцев» – И. И. Презент

(р. 1902) – личность, к которой стоило бы присмотреться повнимательнее; сей преподаватель исторического материализма к 1929 году имел за душой – да и то в рукописи – лишь одну статью «Приоритет речи или мышления».

В такой-то компании и вращался Медведев, хохотун и любитель славянских речений. Багаж его литературно-критических работ весьма скромен: вульгарно-социологические статейки о Шишкове, Форш, Лавреневе, Н. Никитине, формальном методе в литературоведении (последняя работа в действительности была написана М. М. Бахтиным). Подписав по приказу своих хозяев с улицы Комиссаровской лживый протокол, он вряд ли испытывал угрызения совести, более того, сочинил в 1927 году посмертный «оправдательный» очерк о преданном им Есенине.

Именно Медведев утром 28 декабря распространял слухи о самоубийстве Есенина! Литературовед В. А. Мануйлов цитировал строки из письма к нему В. Рождественского, датированного тем же днем:

«Приходит (в редакцию журнала «Звезда». – *B. K.*) П. Н. Медведев в солдатской шинели прямо со своих военных лекций. Вид у него растерянный.

– Сейчас в редакции “Красной газеты” получено сообщение, что умер Сергей Есенин.

– Где? Когда?

– Здесь, в гостинице “Angleterre”, вчера ночью.

– Мы с Медведевым побежали на Морскую “Angleterre” («Звезда», 1971, № 2).

Медведев действительно мог появиться «со своих военных лекций» из школы ГПУ, располагавшейся в доме по Комиссаровской, 7/15; здесь, в квартире № 8, жил таинственный «Петров», тут же, к примеру, обитала «переписчица» 3-го чекистского полка Нина Александровна Ширяева-Крамер и многие другие сослуживцы «педагога». Сам Медведев квартировал неподалеку, на Комиссаровской, 26, и мог явиться по звонку (158-99) в любую минуту. Он, как мы уже ранее видели, был дисциплинированным

Вовсе не случайно Медведев коллекционировал фотографии мертвого Есенина и другие материалы, связанные с его гибелью. В одном из его альбомов сохранилась (Рукописный отдел Российской национальной библиотеки) телеграмма из Москвы (от 29 декабря 1925 г., оригинал) неизвестного отправителя: «*Ленинград, ДН, копия ДС. ТЧ-8. Для перевозки тела Есенина прошу подготовить один крытый товарный вагон осмотренный сл. тяги на предмет годности следования с пассажирским поездом включив указанный вагон в п. № 19 от 29 декабря для следования в Москву. № 82.92/ДЛ/Д*». Подпись на телеграмме неразборчива.

Документ этот еще предстоит исследовать и прокомментировать, подчеркнем лишь осведомленность «понятого» в такого рода бумагах. Так же, как преступника тянет к месту преступления, людей, причастных к убийству или укрывательству убийства поэта, тянуло — по службе и «по душе» — к собирательству на эту тему. Медведев складывал жуткие снимки и прочее в альбомы, Вольф Эрлих аккуратно подшивал вырезки из многих советских газет и журналов с некрологами и статьями о Есенине (позже коллекция перешла к приятелю Эрлиха, стихотворцу Г. Б. Шмерельсону, в квартире которого, кстати, одно время сексот ГПУ находил приют).

В 1938 году пробил час нравственного возмездия П. Н. Медведеву; было бы справедливо и полезно его сохранившееся «дело» опубликовать — в нем могут быть дополнительные детали к биографии легко и весело жившего типичного шкурника той смутной эпохи. Поистине прав оказался Есенин, когда писал: «Не было омерзительнее и паскуднее времени в литературной жизни, чем время, в которое мы живем» («Россияне»).

Теперь набросаем несколько штрихов к портретам ленинградских писателей, имевших прямое или косвенное отношение к происшествию в «Англете» или к его освещению в печати. Бросается в глаза оскорбительная для памяти Есенина несправедливость: в сборниках воспоминаний и статей о нем без конца печатаются материалы тех вульгарных

ремесленников, которые при жизни поэта ненавидели и травили его и зачастую в одном кармане носили писательское удостоверение и мандат ГПУ. Составителям таких книг даже в голову не приходит, что они выступают пособниками продолжающегося морального убийства певца России. Его же подлинные друзья и искренние ценители поэзии, как правило, остаются на периферии Есенинианы (*Федор Жиц, Иван Грузинов, Виктор Мануйлов, Вениамин Левин, Борис Лавренев, Иннокентий Оксенов, Михаил Слонимский* и др.). Мелкие словокройщики, но большие завистники, типа Кусикова, Мариенгофа, Шершеневича (не говоря уже об Эрлихе) и т. п., продолжают красоваться чуть ли не на первом плане, хотя в лучшем случае место им — в примечаниях, набранных нонпарелью. Прибавим к этой братии еще некоторые имена.

Николай Александрович Брыкин (1895–1979), довольно плодовитый романист, дважды арестовывался (1941, 1949) как участник, гласит справка архива ФСБ, «антисоветской правоцентристской организации», существовавшей среди литературных работников Ленинграда. Дело это задавношло лет покрыто мраком, и судить о нем не беремся. Но известно — Брыкин первый дал в «Новой вечерней газете» (1925, 29 дек.) пошловатый и клеветнический репортаж «Конец поэта». «В гостинице, бывшей “Англетеर”, — расписывал он, — на трубе центрального провода отопления повесился Сергей Есенин. До этого он пытался вскрыть вены. Не хватило силы воли. Когда я увидел его, страшного, вытянутого, со стеклянным выражением в одном глазе, я подумал...» — и пр. Репортаж явно заказной, нога автора вряд ли ступала в злосчастный 5-й номер, он судит о причине смерти еще до результатов вскрытия тела покойного с молчаливого одобрения цензуры. Одним словом, Николай Брыкин весьма угодил авантюристам и обеспечил себе в будущем чуть ли не ежегодные огромные тиражи своих толстенных опусов.¹⁰

В том же номере «Новой вечерней газеты» заметка стихотворщицы Сусанны Мар «Сгоревший поэт» — лживая,

сусальна, с претензией на социальную оценку произведений Есенина. И вывод: «...Пьяные слезы. Пьяные миражи... “Понимаешь, я влюблен”, — и заплакал. А через неделю горько плакала покинутая белокурая Анюта».

Вместо комментария процитируем строчку из воспоминаний Вадима Шершеневича о Сусанне Мар: «Она безбожно каргавила и была полна намерения стать имажинистской Анной Ахматовой».

Поэзия Есенина, его внутренний мир, его трагедия остались чуждыми и закрытыми для таких словослагателей, увидевших в неожиданной его смерти лишь остренький сюжетец на потребу советским обывателям.

Михаил Васильевич Борисоглебский (наст. фамилия Шаталин) (1896–1942), писатель конфликтный, почтенный, разносторонний человек, в 1925 году известный как сценарист популярного кинофильма «Катюка – бумажный ранет», знакомый Михаила Булгакова, он нас интересует в связи с направленной ему 29 декабря телеграммой (хранится в Рукописном отделе Российской национальной библиотеки): «*Московский отдел Союза советских писателей просит вас быть представителями* Москвы при перенесении тела Сергея Есенина. Правление.*

Этот документ дает основание предполагать, что Борисоглебский мог знать какую-то правду о закулисной стороне посмертного пути поэта, может быть, и некоторые тайные пружины «англете́ровской» истории (кто лично отправил телеграмму, как изначально складывалась похоронная церемония, каким выглядело поведение причастных к сокрытию убийства лиц?). К сожалению, недавно открытый архив Борисоглебского далеко не полон. Он подтверждает: отношения писателя с ГПУ складывались напряженно, хотя характер трений проясняется смутно. В одном из писем (адресат и дата отсутствуют) он сообщает: «...над днях арестован Вл. Алексеев, у которого, между прочим, при обыске отобрали и мои

---

* Так в тексте. – В. К.

рукописи. Так что я ожидаю к себе ночных гостей». Непрошеные товарищи появились у него на квартире 14 сентября 1926 года; на следующий день состоялся допрос (протокол сохранился); Борисоглебского обвиняли в краже книг из бывшего имения Аничковой, где в 1925 году жил писатель. Обвинение надуманное. Чекисты прощупывали какие-то, возможно мифические, связи литератора с зарубежными белоэмигрантскими организациями; получив неизвестную нам информацию от арестованного, его выпустили 16 сентября постановлением начальника Секретно-оперативной части (СОЧ) Ленинградского ГПУ. Этот факт с Есениным, может быть, и не связан, но проверить бы не мешало. Существует и второе уголовное дело на Борисоглебского, хранящееся ныне в Управлении ФСБ по Башкирской республике.

Борисоглебский приятельствовал со многими знакомыми погибшего поэта (И. В. Иванов-Разумник, И. И. Садофьев, А. Л. Чапыгин и др.), неоднократно брал денежную ссуду у М. А. Фромана, собирался написать очерк о ленинградском актере Н. Н. Ходотове (Масоне), с которым крупно поскандалил Есенин. Следовало бы уточнить, верно ли, что Борисоглебский одно время возглавлял клуб Военно-технической академии РККА им. Дзержинского (известен его автограф на официальном бланке этого заведения).

Руководил отправкой вагона с телом Есенина писатель *Николай Валерьевич Баршев* (1887–1938), в недавнем прошлом – опытный железнодорожник. Какая-то полезная для нас информация, несомненно, у него имелась – и не только путейская. Баршев состоял с 1924 года в литературной группе «Содружество» (В. Рождественский, М. Борисоглебский, М. Козаков и др.) и мог знать немало о подоплеке преступления на проспекте Майорова, 10/24. Хорошо бы проследить и другие его связи, троцкистские, – в 1937 году он осужден и приговорен к семи годам лишения свободы по обвинению в том, «что вел контрреволюционную пропаганду среди писателей и вербовал единомышленников для сформирования контрреволюционной организации».

Ленинградская литературная среда в интересующее нас время представляла в целом явление в нравственном отношении болезненное. Критик Иннокентий Оксенов 28 апреля 1924 года записал в своем дневнике: «Страшное, могильное впечатление от Союза писателей. Какие-то — выходцы с того света. Никто даже не знает друг друга в лицо. <...> Что-то старчески шамкает Сологуб. Гнило, смрадно, отвратительно». На такой-то кладбищенской почве и взрослое одно из гнуснейших преступлений XX века.

Продолжим галерею добровольных и невольных лже-свидетелей. Взглянем на человека, до сих пор не привлекавшего внимания в трагической есенинской хронике. А он-то как раз и составил первую подробную хронику «англтеровских» происшествий. Речь о *Валентине Ивановиче Вольпине*, авторе «Памятки» (1926 год) о Есенине, прорывшей (вольно или невольно) изначально фальшивый путь для исследователей трагедии поэта. Следует знать, Вольпина в основном снабдил информацией Эрлих, а ему верить нельзя ни на грош.

Старые литературные справочники и обнаруженные нами «личные дела» Вольпина помогают набросать эскиз его биографии. Родился он в 1891 году в Полтаве в семье инженера. Окончил коммерческое училище, но карьера торговца его не прельщала. В 1905 году мальчишкой бросился в революцию; в 1909-м — отбывал тюремное заключение в Могилеве, в 1916—1923 годах осел в Ташкенте, где, предполагаем, знал М. А. Фромана, уроженца этого южного города. С ним же, возможно, примерно в одно время учился в Петербургском психоневрологическом институте. С 1923 года жил в Москве, зарабатывал хлеб насущный издательской, книготорговой, библиографической работой. В прошлом (с 1918 года) эсер. Печатался в ленинградской вечерней «Красной газете» — главной поставщице мифов о самоубийстве Есенина; с 1 декабря 1925 года руководил книжным магазином № 3 Ленгиза (директор Ионов) по рекомендации заместителя заведующего торговым сектором Госиздата

(Москва) М. Я. Рабиновича. О поэтическом даровании Вольпина не стоит говорить, оно вписывается в элементарно-примитивную эстетику Пролеткульта.

Именно в вольпинской «Памятке» впервые перечислялись так называемые гости 5-го номера «Англете́ра». Приглядимся к ним.

Поэт *Николай Клюев* никогда не писал и не говорил о своем декабрьском посещении Есенина. В очевидцы его «пригласили» «Правда» и некоторые другие газеты. В «Памятке» есть особая оговорка о «Миколе» как чуть ли не единственном посетителе дома на проспекте Майорова, 10/24. Такое зыбкое свидетельство и породило позже многочисленные толки. Если верить художнику В. С. Сварогу (в пересказе журналиста И. С. Хейсина), Клюев намеревался навестить своего прежнего друга, но это ему не удалось (см.: Вечерний Ленинград. 1990. 28 декабря). Однако опять-таки это не более чем слухи, переданные через шестьдесят пять лет.

Чтобы установить истину, посмотрим на певца «избяной Руси» не из трагических для него 1934—1937 годов, как это обычно делается, а из 1925 года, когда он был весьма далек от «Погорельшины» и других своих антисоветских произведений. В послеоктябрьский период и годы Гражданской войны «угодник» Клюев — ярый пропагандист красного террора, реквизировавший в свою пользу дорогие православные иконы. Ему принадлежат кощунственные строки:

Убийца красный — святей потира,
Убить — воскреснуть, и пасть — ожить...
Браду морскую, волосья мира,
Коммуна-пряха спрядает в нить.

Не менее жутка и такая его строфа из поэмы «Каин»:

Но вот багряным ягуаром
Как лань истерзана страна.
С убийством, мором и пожаром
Меня венчает сатана.

---

* Потир — литургический сосуд для освящения вина и принятия причастия.

Вовсе не так прост и благообразен «ладожский дьячок» (выражение Есенина), как представляют его ревнители старообрядчества. В его облике 20-х годов есть нечто жутковато-елейное, глубоко скрытное. Водился за ним и грех, связанный с расстройством, деликатно выражаясь, интимной сферы психики. Причин не возражать использованию своего имени в грязном деле у него было несколько. Самые серьезные – крайняя бедность и болезненность. Ниже приводим по этому поводу (*впервые полностью*) обнаруженное нами письмо Клюева, которое дает наглядное представление о его незавидном быте.

«В Президиум Ленинградского губернского
Исполнительного комитета от поэта
Николая Клюева.

ЗАЯВЛЕНИЕ

В год великих испытаний – 1918-й, Советом Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов издана моя книга под названием “Медный кит” – в ней цена крови и думы земли о грядущих путях.

В 1919-й и 1920-й – время слета воронов на свежие proletарские раны – Народным просвещением изданы две мои книги, – в них триста произведений, где в тысяче образов простерто мужицкое сердце – от костра Аввакума до славных побед Октября.

В 1924 году Госиздат напечатал мою книгу под заглавием «Ленин», где на фоне полярной природы, как душа океана, проходит великая тень.

Помимо указанных книг, много моих красных стихов нашли себе место в революционных хрестоматиях, юбилейных сборниках и антологиях. Существуют переводы меня и на другие языки, вместе с музыкой на целый ряд моих произведений.

Я – крестьянин, из дремучей поморской избы, неимоверным трудом вышедший, как говорится, в люди. В настоящее время я болен и уже три месяца прикован к постели.

Основываясь на изложенном, усердно прошу Президиум изыскать справедливую возможность освободить меня от подоходного и квартирного обложения, которыми я обязан, как лицо, отнесенное к свободной профессии, о чем и поставить в известность надлежащие учреждения.

Никаких доходов, а по нездоровью и работы, за мной не водится; питаюсь я случайными грошами, помещение же, в котором я живу, представляет низкую, полутемную комнату, затерянную на заднем дворе огромного дома на бывшей Морской улице. Дом этот до августа настоящего года принадлежал Госиздату, заведующим которого, товарищем Ионовым, и было разрешено пользоваться упомянутым помещением за плату 2 рубля 75 копеек в месяц. За переходом здания в Откомхоз мое жилое обложение выразилось в сумме 41 рубль 50-ти копеек.

За снисхождение к моей невозможности платить подоходность и квартирную плату по свободной профессии мое товарищеское сознание и русская поэзия будут Президиуму благодарны.

Николай Клюев¹¹ (подпись).

Ноября 1924 г.

Адрес: улица Герцена, № 45, кв. 7».

В связи с заявлением поэта-бедолаги управляющий домом № 45 Т. Лукьянов 10 июля 1924 года дал справку, в которой указал площадь комнаты просителя – 6,31 сажени^{*} и сделал примечание: «...гражданин Клюев вряд ли в состоянии платить как лицо свободной профессии. По имеющимся у меня сведениям, он за последнее время ничего не нарабатывает, лежал в больнице (у него нарыв на ноге) и вообще живет очень бедно».

Бюрократическая канитель с рассмотрением просьбы Клюева продолжалась и в 1925 году – это видно из сохранившейся по этому поводу переписей. Возможно, кто-то

---

* Занимаемая Н. А. Клюевым жилплощадь составляла 28,7 кв. м.

ему помог. Скорее всего, всесильный директор Лениздата Илья Ионов,¹² шурин еще более всемогущего Г. Е. Зиновьева. В свое время Ионов порадел стихотворцу, выделив ему барской рукой комнату, и разрешил платить за нее символическую сумму. Таким образом, постоялец находился у него «в кулаке». К декабрю 1925 года зависимость жившего Христа ради Клюева от Ионова, вероятно, еще более возросла. Он и пикнуть не мог — иначе его бы выбросили на улицу! Под благовидным предлогом бывший в прошлом соучастник уголовно-политического убийства и каторжник (1907—1917) Ионов вполне мог попросить квартиранта помалкивать о «тайне “Англете”». Подвести своего благодетеля Клюев не мог. К тому же противиться было смертельно опасно. Поэтому-то «Микола» и помалкивал.

Заметьте, 28 декабря, в час прощания с телом Есенина в ленинградском Доме литераторов, «...Ионов не отходил от гроба»; еще деталь: «Снимались у гроба — Ионов, Клюев, Садофьев...» (из «Дневника» Ин. Оксенова). Далее мы разъясняем сюжет о связи Ионова с «темными силами», здесь же ограничимся одним замечанием: ленинградский издательский магнат по-своему отблагодарил Клюева, опубликовав в отдельной книге (1927) его поэму «Плач о Есенине» (на наш взгляд, сомнительный) вместе со статьей о погившем поэте критика иекскота ГПУ Павла Медведева (примечательное соседство!). Автор «Плача», возможно подозревая о тайной службе критика, относился к нему заискивающе. Известен следующий автограф на титуле книги «Сосен перезвон»: «Родимому Павлу Николаевичу Медведеву — целяя и благодаря. Николай Клюев» (без даты).

Ионов мог заставить Клюева лжесвидетельствовать через управляющего домом № 45 по улице Герцена (бывшей Малой Морской) Ипполита Павловича Цкирия, того самого Харона из ГПУ, о котором мы уже говорили. Последний, являясь хозяйственным надсмотрщиком соседнего с «Англете» дома № 8/23 по проспекту Майорова, присматривал (с 30 октября 1925 года) и за бывшим госизда-

товским зданием, во флигеле которого обитал Клюев. Ниже мы еще обратимся к Ионову.

Следующая важная подробность: по соседству, в том же «герценовском» строении, проживал художник-авангардист *Павел Андреевич Мансуров* (1896–1983),¹³ еще один «гость» 5-го номера «Англетера». В его известном письме к О. И. Ресневич-Синьорелли (1972 год) живописуется застолье у Есенина 27 декабря. Тон письма пошловато-развязный, с претензией на декоративно-художественную расцветку трагедии. Неуемная грязная фантазия автора не знает предела: Есенин является-де к нему, «товарищу с юношеских лет», 26 декабря (?) в шесть часов утра – прямо с вокзала «с огромным красным петухом», назначает приятельскую пи-рушку, продолжавшуюся с пяти часов вечера до пяти часов утра (Эрлих лгал иначе); вранье сдабривается постельным эротическим сюжетом и даже монологом хозяина номера о расстреле его друга, «фашиста» Алексея Ганина. Причем в уста Есенина Мансуров вкладывает фразу: «...товарищ – ничего, но поэт говеный». Кощунство мемуариста доходит до того, что отправку тела «самоубийцы» в Обуховскую больницу он сопровождает жутковатой деталью: «Сани были такие короткие, что голова его ударялась по мокрой мостовой».¹⁴ (Эту жуткую сцену видел критик Иннокентий Оксенов и описал ее в своем «Дневнике» так: «Лежал Есенин на дровнях головой вперед...»)

Кроме соседа по житью-бытию Клюева, четы Устиновых и непременного Эрлиха, Мансуров не рискнул больше никого «зачислить в гости» к поэту. Осторожничал. Такую понятную сдержанность он с лихвой компенсировал своего рода погребальными выдумками: рано утром, «за день перед этой ночью», Есениншел-де по улице с таким смертельно отрешенным лицом («все было им решено»), что встретившийся по пути мальчик, взглянув на него, закричал от страха. Сдержать свою бредовую и целенаправленную фантазию «авангардист» не желал. Что же давало ему такую наглую уверенность?

Мансуров жил не богато. В списке квартирных должников особняка № 45 по улице Герцена его фамилия стоит на первом месте*. На 1 декабря 1925 года его долг за жилье составил 71 рубль 39 копеек — сумма по тому времени солидная (данные архива Ленинградского треста коммунальных домов). Можно думать, должность заведующего экспериментальным отделом Государственного института художественной культуры (ГИНХУК) его кормила плохо. Круг общения Мансурова в институте: художники Малевич (директор), Фilonov, Tatlin, искусствовед Пунин и другие авангардисты. Помня, что почти все они не вписывались в художественную идеологию той поры и подвергались репрессиям, следует предположить, что и Мансуров не избежал этой участи. Но ему почему-то повезло, и вместо тюрьмы он оказался в 1928 году во Франции.

Строго говоря, он не был ни живописцем, ни графиком, умел лишь развесить предметы деревенского быта по стенам и порассуждать о преимуществах крестьянского обихода перед городским.

До закрытия ГИНХУКа в 1926 году его политические взгляды не отличались оппозиционностью к Советской власти. Но, когда его «взяли», — превратился в смелого критика сталинского режима, выступал с так называемыми манифестами, под которыми подписался бы любой закоренелый белогвардец. К примеру: «Наши братья художники, попавшие в ваш городской рай, умирают с голоду и вешаются с тоски» или: «Результатом господствующей политической философии явилось физическое вымирание художника, как равно и вполне разрушенная художественная школа» (из кн.

* Приводим список обитателей дома № 45 по ул. Герцена, составленный чекистом И. П. Цкирия 30 ноября 1925 года: «1. Снарский М. Л. (выбыл). 2. Денисов Петр Герас. 3. Мансуров Павел Андр. 4. Клюев Ник. Алексеев. 5. Поляков Вяч. Ив. 6. Яковлев Ал. Арс. 7. Фомин Павел Степ. 8. Бржезанский О. И. 9. Верин Влад. Фед. 10. Волков Ал. Павл. 11. Стеничев Гл. Андр. 12. Федоров Конст. Мих. 13. Гоголин. 14. Фомичев Фед. К. 15. Мясохладобойня. 16. Ларсон Густ. Густ.».

«Авангард, остановленный на бегу. Л., 1989). Если учесть, что тогда к стенке ставили за менее либеральные речи, отъезд Мансурова в Париж выглядит по меньшей мере странным.

Однако, на наш взгляд, все было закономерно. Из забавлявшегося внешней этнографией товарища ГПУ сделало для известной надобности крупного художника и контрреволюционера. Нисколько не удивимся, если станет известно, что Мансуров являлся крупной фигурой советской разведки за рубежом (об этом уже приходилось слышать). Никакой метаморфозы в 1926—1928 годах с ним не произошло, он всегда был «готовый к услугам». В опубликованном письме (12 июля 1971 года) к ленинградскому знакомому он, говоря об Октябрьском перевороте в Петрограде, признается: «Я в первое же утро залетел в совершенно пустой Зимний дворец к Луначарскому — сотрудничать». Новоиспеченный нарком просвещения попытался остановить революционный пыл двадцатилетнего честолюбца возможной виселицей временно отступивших монархистов, на что тот храбро ответил: «Ну что ж, тогда повесят вместе». Далее в письме реплика: «Так решилась моя судьба, и мы больше не расставались».

Вряд ли расставался с властью и ее авангардом этот юркий человек. Ни в Октябрьские дни семнадцатого года, ни в декабрьские двадцать пятого.

К сказанному добавим интересный для нас штрих: в 1924 году Мансуров, тогда преподаватель художественно-промышленного техникума, проживал вместе с матерью в квартире № 2 по 13-й линии Васильевского острова, а его сестра Мария, студентка Военно-медицинской академии, — в квартире № 1, и не одна, а с Борисом Дмитриевичем Комаровым, командиром роты в политшколе ГПУ им. Энгельса (его удостоверение № 1635 от 6 сентября 1924 года). Вот ведь как иногда бывает полезным читать скучные домовые книги! Родственная (?) связь с зятем-чекистом еще не доказывает сотрудничества Мансурова с ГПУ, но приглядеться к нему заставляет. Вскоре Мансуров идет

на повышение в ГИНХУКе и получает новую квартиру в самом центре города, в уже знакомом нам доме по улице Герцена, 45. Почему ему порадел хозяин госиздатовского особняка Илья Ионов (в прошлом студент Одесского художественного училища), догадаться нетрудно. Ионов питал слабость к искусству; очевидно, с его согласия в том же доме с сентября 1925 года разместилась школа живописи и ваяния С. И. Шаргородской.

Владение чекиста-управдома И. П. Цкирия, несомненно, еще будет предметом внимания есениноведов. Они, к примеру, заинтересуются проживавшим здесь с сентября 1926 года сотрудником ГПУ А. Ф. Борзаковым и другими жильцами. Но, думается, уже сегодня можно сделать вывод: Николай Клюев и Павел Мансуров не могли быть гостями Есенина, потому что, во-первых, он в «Англете» не останавливался, во-вторых, один «очевидец» благоразумно помалкивал, другой беззастенчиво лгал.

К «гостям» Есенина причисляют и писателя Сергея Александровича Семенова (р. 1893). Обнаруженная нами его анкета (30 марта 1926 года),¹⁵ личная карточка (1 февраля 1926 года), «Трудовая книжка»¹⁶ и другие материалы позволяют полностью исключить его из «очевидцев», тем более сам он, насколько известно, никогда о своем посещении «Англете» не говорил и не писал.

Уроженец деревни Наумов Починок Чухломского уезда Костромской губернии, Сергей Семенов учился только четыре года, а свои университеты проходил в Красной Армии, на Южном и Сибирском фронтах, где получил ранения и контузию. С 1918 по 1921 год он, большевик, был военным комиссаром, причем весьма заметным. Его хорошо знали Подвойский и Луначарский. С 1921 года — сотрудник «Правды», «Крестьянской газеты». В анкете сам указал: «воин комполитсостава Ленинградского военного круга», что, возможно, следует читать — один из комиссаров войск ГПУ. Далее Семенов пишет: «В Ленотгизе работаю с апреля 1923 года» — то есть под началом все того же Ильи Ионова. «За-

писаный» в очевидцы литератор оставил в анкете разоблачительную строчку: «*С марта 1925 года по январь 1926 года находился в бессрочном отпуску (без сохранения содержания)*». В это время он жил вдали от Ленинграда, в деревне, где залечивал фронтовые раны и туберкулез. Не исключено: его могли срочно вызвать в город для «дачи показаний». По этому поводу хранил молчание.

В январе 1926 года его назначили членом редколлегии журнала «Звезда». Стал получать солидный «партийский максимум». В семье облегченно вздохнули: мать (урожденная Арольская), жена (девичья фамилия — Цолорва), три сына и дочь получили возможность улучшить свое материальное положение. Но у него были мучительные сомнения в своем избранном пути. Еще 27 июня 1924 года он написал вальбом Н. М. Гариной, жене драматурга Гарина-Гарфильда: «Не тоска Гамлета, а мука коммуниста, огромная и страшная, как черное солнце, заставляет задавать себе этот вопрос («Быть или не быть?» — *B. K.*), и я часто встречаю на своем небе пугающее меня черное солнце. Тоска! Тоска! Да нет, не тоска. Георгий (Устинов.* — *B. K.*) сказал сегодня, что он и я сопьемся. В ту минуту я пожалел его, а не себя, а потом мне стало стыдно, что я пожалел его, а не себя». Эти исповедальные строки писались в «Астории», в нескольких шагах от «Англете́ра». 12 января 1925 года в письме к Борису Лавреневу он скажет: «Все мироздание кажется протухшим и требующим дезинфекции».

Сергей Семенов, видимо, переживал свое вынужденное грехопадение, потому, мучаясь сделкой с совестью, написал к 1-й годовщине смерти Есенина в «Красной газете» от 31 декабря 1926 года проникновенное эссе, назвав поэта самым достойным и светлым среди окружавших его людей. «Сергей Есенин, — писал он, — был самым ясным среди нас, самым лучезарным и, вероятно, самым запоздав-

* Специально обратим внимание на близкое знакомство Г. Ф. Устинова и С. А. Семенова — оба они, очевидно, не случайно были «задействованы» в «англете́ровском» происшествии.

шим для времени, в котором мы живем. Мы чувствовали его нужную единственность среди нас...»

Тогда, в период начавшейся кампании против «есенинщины», слово Семенова выглядело весьма смелым поступком.

«Тревога души» часто заставляла писателя уединяться от людей, погружаться в свои невеселые мысли. 27 октября 1931 года литератор Михаил Слонимский писал Константину Федину, как однажды Семенов где-то пропадал до 1 часа ночи. Его родные и друзья переполошились и обшарили все больницы, отделения милиции, наконец пивные — исчез человек. «Оказывается, — шутливо сообщает Слонимский, — сей лирический джентльмен грустил на родных пепелицах. Дровяной склад оказался рядом с некоей окраиной, в которой он вырос; он там задумался на целых 12 часов и привез домой не дрова, а одну сплошную лирику». От такой иронии щемяще грустно: видно, сломался и потух прежний красный воин — и не столько от болей физических, сколько духовных.

Итак, «засветился» очередной «друг» поэта, прочие его «гости» — Илья Садофьев, Иван Приблудный, полунищий беллетрист Владимир Измайлов (р. 1870) — фигуры, призванные исполнять роль «козлов отпущения».

Остался последний знакомец Есенина, якобы посещавший 5-й номер «Англтера», — Григорий Романович Колобов (кличка Почем Соль). В тщательно идеологически прищесанных примечаниях к собранию сочинений Есенина (1962 год и др.) он скромно характеризуется: «советский работник». Проверяем — чекист, что подтверждается сохранившимися протоколами заседаний бюро и общих собраний (1926 года) парторганизации 3-го Ленинградского полка войск ГПУ. Косвенно о том же свидетельствует проживание (1929) его брата, Николая Романовича Колобова (р. 1907) в квартире № 46 чекистского дома № 3 по улице Дзержинского (бывшей Гороховой, затем Комиссаровской).

Как видим, напущенный Эрлихом туман в 5-м номере

окончательно рассеялся. Все «названные» им гости оказались мифическими!

Нельзя не заметить, что в «деле Есенина» активно задействованы ленинградские литераторы. Перечень указанных выше фамилий можно продолжить.

Еще один персонаж, имевший хотя и косвенное, но немаловажное отношение к тайне «Англете́ра», — критик-публицист, партийный деятель-комиссар, затем педагог Георгий Ефимович Горбачев. «Родился я в Ленинграде в 1897 году 26 сентября, — писал он в недавно обнаруженной нами “Автобиографии”, — “вне брака”. Мать — О. Ф. Ладыгина, дочь титулярного советника, с 1906 года акушерка. С матерью не жил после моего рождения. Имени и фамилии отца мать не называет. Усыновлен мужем тетки, штабс-капитаном морской артиллерии Е. П. Горбачевым...»

С 1925 по 1930 год хранил у себя лично рукопись стихотворения «До свиданья, друг мой, до свиданья...», приписанную Есенину. К творчеству Есенина относился чванливо-пренебрежительно: «Есенин, — писал он в своей книге “Современная русская литература” (1928 год), — являясь типичным деклассированным интеллигентом (вернее, полунтеллигентом, так как он был малокультурен)...» и далее: «...его идеология достаточно далека от непосредственной производственной, трудовой стихии крестьянской жизни...»

В нашем ведении имеются и другие материалы, характеризующие Горбачева как задубелого троцкиста.

Девятнадцатилетним он, молоденький юнкер, щеголял в меньшевиках-интернационалистах. В июле 1917-го участвовал в «репетиции Октября», когда, по договору с немцами, петроградские большевики ударили в спину русской армии, сорвав ее наступление, запланированное на 5 июля. Вместе с Троцким, Луначарским, А. Коллонтай и другими (всего 141 человек) Горбачев попал в тюрьму за организацию военного мятежа и убийство более 700 казаков и мирных жителей (Ленин вместе с Зиновьевым скрылся в Разливе). А. Ф. Керенский, заигрывавший тогда с большевиками, многих госу-

дарственных преступников выпустил из каталажки под денежный залог. В сентябре 1917-го освободился и Горбачев. В 1918 году он секретарствовал в петроградском рабочем клубе имени Бабеля, в 1919 году вступил в партию. Далее следует его быстрая комиссарско-чекистская карьера: сотрудник для поручений Политуправления Петроградского военного округа (ПВО), начальник Политотдела, заместитель начальника Политуправления ПВО, заместитель начальника ПУОКРА и т. д. По совместной работе (1920 года) в агитотделе Петроградского губкома РКП(б) хорошо знал многих лиц, причастных к сокрытию «тайны Есенина».

Непосредственно по приказу Троцкого Горбачев вместе с другими «кожаными куртками» организовывал в 1921 году кровавое подавление Кронштадтского восстания. Энергичный, нахрапистый демагог, он успевал всюду: на партийной работе (одно время секретарствовал в Василеостровском райкоме партии), в лекционной пропаганде, на марксистских педагогических курсах и т. д. Учился в Петроградском университете (окончил его в 1922 году). В 25 лет уже преподавал в Университете им. Зиновьева, в Политической академии им. Толмачева и в других вузах. В том же духе ретиво воспитывал он двух сыновей и дочь.

Когда под ударами Сталина после XIV съезда РКП(б) троцкисты получили крепкого пинка, Горбачев, один из них, пристроился в Ленинградское отделение Госиздата под начало директора Ильи Ионова, собиравшего вокруг себя осколки троцкистской гвардии. С сентября 1925 года работал в редакции журнала «Звезда», где занимал ведущее положение, сохраняя старые партийно-гэпэушные связи. Его слова боялись. По воспоминаниям Иннокентия Оксенова, Горбачев не возражал против публикации в газетах честных статей о смерти Есенина, но-де всемогущий Лелевич-Калмансон из Москвы одернул ленинградских литераторов. Думаем, эту «утку» пустил сам Горбачев, с помощью своих дружков из Политконтроля ГПУ наложивший вето на малейшую правду о трагедии в «Англете». Не случайно имен-

но из «Звезды» пошла гулять по Ленинграду весть о самоубийстве Есенина.

С 1927 по 1932 год Горбачев бился за свое восстановление в партии. В первый раз его исключили из ВКП(б) 14 декабря 1927 года на заседании Василеостровского районного комитета, как сказано в протоколе, «...за активную фракционную работу, выразившуюся в распространении оппозиционной литературы, посещении фракционных занятий, даже подписей под платформой и заявлением 83-х и пр.». Далее в том же документе читаем: «Оппозиционную работу вел с XIV съезда, систематически получал информацию от [С. М.] Гессена и Евдокимова и передавал другим членам партии. Выступал на собраниях коллектива, писал резолюции, давал адреса к Зиновьеву и Троцкому и пр.».

Горбачев не примирился с исключением из партии, но вынужденно приоткрыл-таки завесу своей закулисной деятельности. 18 февраля 1928 года он покаялся, назвал троцкистов-сообщников: Куклина, Нотмана, Н. и С. Отрожденовых, Лукаса и др. Признался: «Передавал Нотману полученные оппозиционные документы (позже заявление ЦК за подписью Троцкого и Зиновьева и др.). Был раза два или три на квартире Зиновьева на 11-й роте, однажды давал адрес и [пароль] для прохода туда оппозиционерам из ЛГУ».

Признания Горбачева учли, в 1929 году он вновь стал коммунистом, но в 1931 году «погорел», однако через год все-таки получил красную книжечку. 21 июня 1933 года на Пленуме ЦК ВКП(б) специально слушалось его «дело» и утверждалась характеристика. В ней сказано: «Один из организаторов “Литфронта”, являвшегося отображением троцкистских теорий в литературе... <...> ...объективно агентурой контрреволюционного троцкизма на литературном участке. После разоблачения Ломинадзе, Кострова и др., а также покровителя “Литфронта” – Сырцова борется за [его] ликвидацию».

Завершим перечень лжесвидетелей и лжеопекунов Есенина.

В декабре 1925 года уже упоминавшийся издатель Илья

Ионович Ионов проявил внешне большую заботу о его посмертном пути из Ленинграда в Москву (хлопоты в Доме писателей, речь при прощании с телом покойного на железнодорожном вокзале и пр.). Многие видимые, а еще более невидимые нити соединяют этого психически неуравновешенного и капризно-грубого человека (свидетельства журналиста Ивана Майского и Максима Горького) с загадкой происшествия 27 декабря. Его чрезмерная суeta вокруг гроба поэта, бесцеремонно взятая на себя роль его ближайшего друга, тесная связь с «засветившимися» покрывателями убийства (Г. Е. Горбачев, П. Н. Медведев, С. А. Семенов и др.), наконец типичный драматический финал вечно интригующего троцкиста увеличивают интерес к этой личности.

Ионов одно время работал наборщиком в типографии; недоучка (один курс художественного училища). Под влиянием брата, Бернштейна Соломона Шмеловича (так в старом справочнике), рано бросился в революционный террор; с 1904 года – член РСДРП, боевик, в 19 лет осужден военно-окружным судом, познал каторжные тюрьмы (Псков, Шлиссельбург, Орел, Нарым). В одной из своих брошюр восхищался лично знакомым ему по заключению в Шлиссельбургской крепости В. О. Лихтенштадтом (Мазиным), террористом, изготовившим (по его собственному признанию) в августе 1906 года бомбы для покушения на Столыпина (на даче премьер-министра взрывами бомб было убито более 25 и ранено свыше 30 человек; малоизвестный факт: в 1909 году в устройстве побега из каторжной тюрьмы Н. С. Климовой, одной из организаторов терракта на Аптекарском острове, участвовал поэт В. Маяковский). В 1907 году Ионов нелегально поселился в Петербурге, но скоро был арестован и пошел вновь по каторжному кругу. После 1917 года возглавлял издательское дело в Петрограде.

Любопытна новая деталь: в начале 20-х годов Ионов (в прошлом наборщик) в качестве коммуниста-пропагандиста в 1922 году состоял на партучете на Печатном Дворе – не он ли сагитировал наборщика Николая Горбова поступить

на службу в Активно-секретное отделение УГРО? Если гипотеза подтвердится, появится еще одна ниточка криминальной связи рыцарей троцкистского плаща и кинжала.

Ионов охапками писал барабанно-революционные стихи (в 1926 году – автор трех сборников); движение лирической страсти подменял энергией интерфантазма. Его опусы в одном ряду с «железной» стихопродукцией 20-х годов. Два примера по одной строфе из двух его поделок:

Когда на нас враги точили
Исподтишка свои ножи,
Мы святотатственно разбили
Законов древних рубежи.

«Коммунисты»

Глашатай пламенной свободы,
Он с нами до сих пор живет
И восстающие народы
В даль бесконечную зовет.

«Володарский»

Автор этих тирад – видная партийная персона Ленинграда, шурин Г. Зиновьева (Радомыслского), здешнего хозяина (сестра бывшего каторжника – Злата Лилина – символ местного политпросвета – его жена). Нет, никак Ионов не мог быть другом Есенина, о чем трещали в декабрьские дни ленинградские газеты!

Завершая беглый эскиз портрета буйного в политике и крайне скрытного человека, поделимся двумя принципиальными соображениями. Первое: после XIV съезда Ионов пригрел в Госиздате многих из тех, кто заметал следы убийства Есенина. Второе: в одном из архивов сравнительно недавно исчезло уголовное «дело» Ионова, которое КГБ передало туда за ненадобностью на хранение.

Настоящую главу закончим неожиданной «новостью». Оказывается, *Лев Разумникович Иванов* (р. 1904), сын критика и историка литературы, «скифствующего» Р. В. Иванова-Разумника (последнему Есенин одновремя поклонялся), в Гражданскую войну служил в войсках ВЧК, являлся

заместителем секретаря политшколы ВЧК им. Энгельса в Петрограде, а с 1923 года трудился под началом все того же Ионова. Эти сведения взяты из разысканной нами его «Анкеты». Есть над чем поразмыслить. Конечно, отец за сына не ответчик, однако уж очень «крутой» поворот сюжета. Впрочем, может, и не столь дивный, если знать, что Разумник Васильевич проявлял милостивое внимание к масонству – это видно из его неопубликованных писем к Михаилу Лемке. К чести «скифа», позже он прозрел, достойно вел себя на допросах следователей НКВД (их протоколы нам известны по оригиналам), написал о своих мытарствах и скитаниях правдивые книги. (Где-то затерялись его воспоминания о Есенине, о чём свидетельствует письмо критика к В. Бонч-Бруевичу.) Неужели и этот близкий поэту и не-глупый человек верил в казенный миф о его самоубийстве?..

Глава 9 ЧЕКИСТЫ В БЕЛЫХ ХАЛАТАХ

Вольно или невольно врал, конечно, Валентин Вольпин в есенинской «Памятке». Действительная хроника «англеровских» событий выглядела, по-видимому, следующим образом: убийство поэта на последнем допросе в доме по проспекту Майорова, 8/23 – перетаскивание тела в соседнюю гостиницу – срочный вызов в «Англетер» коменданта – организация кровавого театра с самоубийством – телефонный звонок Назарова в милицию – приезд агентов Активно-секретного отделения УГРО – составление фальшивого протокола Горбовым – прибытие «скорой помощи» – отправка трупа в Обуховскую больницу.

Теперь приглядимся к одному из малоизвестных звеньев кровавой цепи – «скорой помощи». Первым это ранее недостающее звено обнаружил есениновед Эдуард Хлысталов. Он поведал о московском враче *Казимире Марковиче Дуб-*

ровском, публично признавшемся, что 28 декабря 1925 года он, тогда брат милосердия станции № 2 ленинградской «неотложки», выезжал в «Англете» и помогал констатировать смерть Есенина. Правда, начинающий эскулап утаил свое сотрудничество с «органами». Мы проверили по остаткам архива «Скорой» сообщение Э. Хлысталова. Подтвердились! Заведующий ленинградской «Скорой помощью» Меер Абрамович Мессель 8 января 1926 года издал приказ № 34, его четвертый параграф гласил: «*Полагать больным брата милосердия станции № 2 Дубровского Казимира с 8 января*». Параграф третий того же приказа удостоверяет: «братец» и до официального разрешения заведующего уже на работе не появлялся, а с 13 января его продолжал замещать сотоварищ Бунин. За усердие и молчание Дубровскому, видимо, позволили отдохнуть и подкрепить разгулявшиеся нервишки.

Милосердный «брать», разумеется, выезжал в гостиницу не один, а сопровождал какого-то врача. Кого? Пришлоось вновь погрузиться в старые архивные залежи и попытаться «вычислить» потенциального чекиста в белом халате.

В конце 1925 года на станции № 2 ленинградской «Скорой помощи» работали врачи: Г. П. Благовещенский (занимавший), Н. В. Балдин, М. М. Волк, Г. Б. Горенштейн (Геренштейн), О. И. Торкачева. Подозрение падает на троих из них. Почему-то из архивного хранения изъяты «личные дела» Марии Матвеевны Волк и Григория Борисовича Горенштейна – факт настораживающий. Согласны: доказательства шаткие. Третий в нашем списке – *Николай Владимирович Балдин* – представляет больший интерес. В сохранившейся «Алфавитной книге врачей» Ленинграда, кроме прочего, указана его временная должность: врач медпункта типографии им. Володарского, а здесь на партийном учете стояло не одно лицо, причастное к «тайне «Англете»». В 1925 году Балдин жил на «чекистской» Комиссаровской улице (д. № 55), позже (1928–1929 годы – точно) в квартире № 119 по улице Красных зорь, 26/28, – в том самом партийном доме, где отдыхал от трудов неправедных второй в Ленинградском ГПУ член-

век, Иван Леонтьевич Леонов, которого мы уже представляли. Соседство с ним само по себе показательно — далеко не каждый удостоится такой чести (напомним, в том же доме жил С. М. Киров). Предполагаем, Леонов лично не отдавал приказ Балдину «не поднимать шума» при виде ужасной картины в 5-м номере «Англете́ра», но рекомендовать кому-то включить его в спецбригаду «Скорой помощи» он, полагаем, мог. Кому?..

Первое, что приходит на ум, — главному врачу «Скорой помощи». Он-то в первую очередь мог, кстати, сформировать нужную для «дела» бригаду «тишайших» медиков. Ищем какие-либо биографические сведения о главвраче М. А. Месселе. Его фамилия и служебная обязанность, как и тысяч других, открыто обозначены в справочной книге «Весь Ленинград — 1925».

И вот наконец-то найдены «Анкетные листы» (1937, 1940) и прочие документы заинтересовавшего нас эскулапа. Из них узнаем: *Меер Абрамович Мессель* родился в 1893 году в городе Петрозаводске Олонецкой губернии. Отец владел портняжной мастерской, мать — модистка, имела шляпный магазин. Учился вначале Меер Мессель в Петербургском психоневрологическом институте, затем в Юрьевском университете. В его «Автобиографии» (1937) записано: «С 1918 и до 1923 года служил на фронтах в Красной Армии (Мурманский фронт, Южный фронт, под Перекопом)». Далее, там же, настораживающая пометка: «Начальник 171-го эвакуационного пункта VI Армии (Южный фронт)». Эта должность, как нам известно, — чекистская. Многозначительна следующая строчка: «Начальник санитарной части южной завесы войск ГПУ Карельского района». Явно тянуло нашего доктора к тайному учреждению. В 1922—1923 годах он — старший врач 2-го Петроградского конвойного полка войск ГПУ (в другом документе указан 3-й полк, с которым были связаны критик-чекист П. Н. Медведев, подмахнувший милицейский протокол, и другие замещанные в есенинском «деле» лица).

Оставаясь охранителем здоровья гэпэушников, Мессель с сентября 1922 года возглавлял петроградско-ленинград-

скую «Скорую помощь». Его вполне можно назвать чекистом в белом халате. Такой служака наверняка имел связь с начальником Секретной оперативной части (СОЧ) ГПУ И. Л. Леоновым и по его сигналу (или чьему-то другому) отправил в «Англетеर» «своих» людей.

Так замыкается еще одно подозрительное звено. Чекистская «скорая» промчалась по улицам Ленинграда более 80 лет назад, но только сегодня обнаруживается ее кровавый след.

...28 декабря в 16 часов тело поэта было доставлено в Обуховскую имени профессора Нечаева и в память жертв 9 января 1905 года больницу. Здесь, говорят газеты, состоялась судмедэкспертиза тела покойного. Доказано: *судмедэксперт А. Г. Гиляревский вскрытие не производил*, во всяком случае известный архивный акт на эту тему – фальшивка. Мы не удивимся, если кто-нибудь докажет, что вскрытия трупа вообще не было. (Есенин, судя по всему, подвергался чудовищным побоям, и уже внешний осмотр позволил бы зафиксировать надругательство.)

Правду мог знать главный врач Обуховки Виктор Романович Штюллерн, работавший здесь с 1897 года. Но вскоре после описываемой трагедии он внезапно заболел и в сентябре 1926 года умер*. Еще в большей степени, по службе, мог быть хоть как-то посвящен в секрет старший прозектор больницы Вячеслав Николаевич Лукин, но каких-либо «ниточек» обнаружить пока не удалось. Архив Обуховки за 1925 год почти полностью уничтожен (увы, такая же картина документального разорения и по многим другим ленинградским организациям и учреждениям той смутной поры).

---

* Не связана ли как-то его кончина с тем, что почему-то экстренно 1 января 1926 года была проведена ревизия Обуховки с немедленным строгим выговором Штюллерну – «за отсутствие общего административно-хозяйственного руководства», отстранением от должности его помощника доктора Бориса Соколова и передачей дела в прокуратуру? Уж очень спешил (на Новый год!) подписать грозный приказ заведующего Ленгубздравотделом Л. Федоров.

Глава 10

РЕЖИССЕР КРОВАВОГО СПЕКТАКЛЯ

Занимаясь есенинским «следствием», мы не подозревали о существовании этого человека до тех пор, пока не встретились (1995 год) в Петербурге с вдовой коменданта «Англете́ра» Антониной Львовной Назаровой (1903–1995), урожденной Цитес.

70 лет не рассказывала она о декабрьском происшествии 1925 года. Ее заставляли молчать годы страха, незавидная судьба ее мужа, Василия Михайловича, чекиста, управляющего «Англете́ром» («Интернационалом»). Познавший вскоре после «дела Есенина» «Кресты» и Соловки («Не болтай лишнего»), вернувшись оттуда духовно сломленным и физически разбитым, В. М. Назаров, кажется, навсегда научил «не распространяться» свою послушную спутницу жизни.

100-летний юбилей С. А. Есенина и новые общественные веяния дали старушке А. Л. Назаровой нравственные силы сказать известную ей правду. Если бы она не заговорила, «тайна “Англете́ра”» оставалась бы во многом нераскрытой. Это она помогла включить в ряд преступников управляющего домом 8/23 по проспекту Майорова (соседнего с «Англете́ром») Ипполита Павловича Цкирия, сотрудника ГПУ, знавшего истинные обстоятельства гибели поэта. Антонина Львовна помнила лишь его фамилию, склонность к застолью на грузинский лад и слабость к хорошеньким женщинам – не более. Причастность же И. П. Цкирия к секретному ведомству и его осведомленность в кошмарной истории доказаны без ее участия.

В беседе с нами А. Л. Назарова назвала еще одну фамилию – «Петров». В результате наших неоднократных мягких «допросов» выяснилось следующее (собеседница была на редкость откровенной, библиотекарь, она давно, хотя и запоздало, открыла для себя и поэзию Есенина).

Внезапно вызванный поздно вечером 27 декабря в «Англетер» Василий Михайлович Назаров вернулся домой днем следующего дня. Он рассказал жене о случившейся в его «хозяйстве» беде, бедняжке-поэте, которого он *видел* вечером в гостинице, в номере у «члена партии товарища Петрова». Конечно, хорошо знавший чекистскую дисциплину муж врал — да и зачем беспокоить молоденькую женщину со всем ненужными ей подробностями (в тот же день она в первый и в последний раз ходила в «Англетер» и *видела покойного поэта*). Муж-конспиратор также присочинил, что на кануне своего скорбного часа Есенин будто бы выглядел хмельным, а «член партии» его радушно уготащил пивом. Вот и все, что удалось узнать.

Спустя несколько дней, при новой встрече, мы как бы невзначай спросили у нее:

— Значит, Василий Михайлович заходил к члену партии журналисту Устинову?

Наше тактическое лукавство не удалось. Она стояла на своем:

— Петров.

Сколько мы ни бились — никаких дополнительных сведений о загадочном незнакомце получить не могли.

— Но почему ваш муж заходил именно к нему, а не к кому-либо другому? — цеплялись мы, как за соломинку, за последнюю возможность получить хоть какую-нибудь «ниточку». Подумав, она ответила:

— Наверное, для Василия Михайловича Петров являлся авторитетным партийным товарищем.

Не густо. Даже неизвестны ни имя, ни отчество. Легче найти иголку в стоге сена, чем человека с такой распространенной фамилией в более чем миллионном Ленинграде 1925 года!

Прошло более года... И вот вдруг... Впрочем, «вдруг» не бывает, если систематически «прочесывать» горы старых архивных залежей (в большинстве своем мы были их первыми исследователями). Проводя фронтальное знакомство с жиль-

цами домов по Комиссаровской (то есть просматривая контрольно-финансовые документы по форме № 1), – а улица та (бывшая Гороховая, в будущем Дзержинского) поближе к чекистскому штабу (д. № 4) – заселялась в основном «железными рыцарями революции», мы наткнулись на... Петрова. Первое, на что мы обратили внимание: родился он в 1895 году в городе Черикове (Горецкий уезд!) Могилевской губернии. Припомнилась Анна Моисеевна Эрлих, мамаша «нашего» сексата. Она ведь тоже родом из того же города.

Ну и что? Мало ли Петровых! Остудив исследовательский пыл и «взяв след», продолжили поиски. Скучные, на первый взгляд, финансово-ревизорские бумаги помогли установить внешнюю хронику жизни уроженца Горецкого уезда с 1922 по 1929 год.¹

...В 1922 году в служебных ведомостях на получение заработной платы в архиве ФСБ мелькнула фамилия цензора Петрова. Далее предстала вот какая картина. Действительно, в 1922 году Петров служил в петроградской цензуре.² Нашелся и соответствующий документ:

«Начальнику Политконтроля ГПУ.

О конфискации книги Ф. Ю. Левинсон-Лессинга «Математическая кристаллография».

Зав. Петроглавлитом Легран.

Зав. административно-инструкторским подотделом
Петров».

1/XII 1922 г.

Подпись Петрова весьма характерная, «писарская», с кудрявыми завитушками. Эта особенность помогла нам отличать его от многих других Петровых. Гублит в то время фактически находился в системе ГПУ. Об этом свидетельствует обнаруженная нами в архиве запись на листке календаря: «*По распоряжению зам[естителя] зав[едующего] т. Харченко привлечь З-ю государственную типографию к ответственности. Политинструктор ГПУ Петров. 7/II 1923 г.*». На бумажке и другие автографы.

Дальнейший поиск Петрова шел по книгам контроле-

ров-финансистов, следивших за уплатой налогов советскими гражданами по месту жительства. Выяснилось следующее.

1923 г. Октябрь. Петроград. Улица Комиссаровская, 7/15: «Петров Пав[ел] Петров[ич] служ[ит] в ГПУ (зачеркнуто в документе. – В. К.). Занятие, проф[ессия] – Политконтроль ГПУ. Комис[саровская] – 7, кв. 12. Служебный адрес: Комис[саровская], 4. Удостоверение № 40116».

1924 г. Апрель. [Здесь и ниже адрес тот же]. «Кв. № 8. Петров Павел Петрович, на ижд[ивении] 4 [человека]. Занятие, профессия – сотр[удник] ГПУ. Адрес места работы или службы: Комис[саровская], 4. Примечание: свед[ений] не дал...»

1924 г. Октябрь. «Кв. № 8. Петров Павел Петров[ич], членов семьи – 4, число комнат – 3. Занятие, профессия – артист, служит в Сев[еро]-Зап[адном] кино. – В командир[овке] в Москве. Примечание: «свед[ений] не доставил».

1925 г. Октябрь. «Петров Павел Петрович. 3 комнаты (13 саженей). Режиссер. (Просп. 25 Октября, 80). Севзапкино. Справка от 19/IX 1925 г. за № ».

1926 г. Апрель. «Кв. 8. Петров Павел Петрович. На ижд[ивении] – 3, возраст – 31, число комнат – 2, площадь – 10,75 [сажени], по какой расценке оплачивается – 37%. Занятие, профессия – ... [густо замазано чернилами и тушью, далее карандашом вписано. – В. К.] – режиссер. Точный адрес места работы: кино-фабр[ика] Севзапкино, ул. Красных зорь, 10. Категория «А».

1926 г. Октябрь. «Кв. 8. Петров Павел Петрович. На ижд[ивении] – 3. 31 год. Режиссер. Случ[айный] поден [ный] заработок. Безработный (справка Севзапкино от 12/VII 1926 г., № 226. Примечание: [в настоящее] время состоит на службе в штате Севзапкино».

1927 г. Октябрь. «Кв. 8. Петров Павел Петрович, 1895 г. рожд[ения], на ижд[ивении] – 3, 1 прислуга; число комнат – 2, занимаемая площадь в кв. метрах – 67,2, месяч-

ная квартплата – 25,11. Кинофабрика Севзапкино, режиссер. Служ[ебный] адрес: ул. Красных зорь, 10. Указание подлинных документов: № 66. Профсоюз – РАБИС [работников искусств] – № 24476».

1929 г. Октябрь. «Кв. 8. Петров Павел Петрович, 1895 [года рождения]. На ижд[ивении] – 4, прислуга. Совкино, режиссер. 300 руб. – заработка. Служ[ебный] адрес: ул. Красных зорь, 10. Указание подлинных документов. Член какого профсоюза – РАБИС, № 24476».

1929 г. Декабрь. «Кв. 8, комната 7. *Петров Павел Петрович* [Место рождения]: г. Чериков Могилевской губернии, 1895 [года рождения]. На ижд[ивении] – нет. Одна комната <...>. Основная статья [дохода] – зарплата: 63,31 р. По первому разряду. Документы – Р192, Р168. Режиссер. Кинофабрика Совкино (ул. Красных зорь, 10). Расчетная книжка от 2/IV 1929 г., № – [Профсоюз] – РАБИС, № 38598».

Дополнительная информация из тех же источников. Вместе с «артистом» до 1929 года проживала его жена, Зоя Константиновна, домашняя хозяйка, и двое дочерей. С 1927 года за бытом семьи присматривала юная служанка-няня Мария Семеновна Саржина, 1911 года рождения.³ Позже такую же дату рождения имела вторая жена Петрова, подробностей о которой мы, по этическим причинам, не сообщаем.

Отыскались архивные обрывки деятельности Петрова в качестве режиссера Севзапкино.⁴ Его экранный псевдоним – *Бытов*. Значительных следов кинопродукции Петрова-Бытова мы не обнаружили. Понятно, его тайная служба отнимала слишком много времени.

В 1925–1926 годах в ленинградском кинематографе работали Григорий Козинцев, Юрий Тынянов и другие известные мастера – не исключено, в их переписке может фигурировать и «наш» чекист-режиссер. Кинофабрика им явно не дорожила. В феврале 1926 года начальство предлагало «*сократить немедленно без ущерба для дела*», 25 человек, среди них *восьмым* по списку значился *Петров-Бытов*. Видно,

проку от него было мало, а нахлебничал он значительно – получая оклад по самому высшему, 17-му разряду.

Приступаем теперь, пожалуй, к самому сложному вопросу – доказательству, что Петров-Бытов именно тот самый «член партии», с которым в день гибели Есенина «советовался» в «Англете» его комендант Василий Назаров.

Проще всего заглянуть в чекистское досье Петрова – оно раскроет тайны, но, увы, нам сие недоступно. В бумагах обязательно должно быть написано – никакой он не Петров, а... *Макаревич* (впервые это установили авторы именного указателя к «Дневнику» (1991) Корнея Чуковского). Интересный фокус!

Он заставил нас обратиться к истории революционного движения в городе Черикове и в Горецком уезде Могилевской губернии. Оказывается, сын судебного чиновника *Александр Михайлович Макаревич* (П. П. Петров)⁵ рано ступил на стезю борьбы с царизмом, состоял в разного рода комитетах и советах. Себя не выпячивал, предпочитал оставаться в тени, имея склонность к художествам. Заметили, пригласили в Петроград следить за направлением умов. Но авантюрная, подпольная натура Макаревича-Петрова, по-видимому, заскучала, и скоро он перешел в штатные сексты. Служил, надо отдать ему должное, профессионально, мастерски, почти не оставлял следов. Но...

Систематизируя информацию, видишь: *Петров* (оставим избранный им псевдоним) все-таки «засвечивался». 16 января 1925 года он выступил, как уже упоминалось, с докладом на тему «Ленин и Октябрь» на объединенном собрании коллектива (парторганизации) № 85 при 3-м Ленинградском полку войск ГПУ (ответственный организатор Павлович) и коллектива ревтрибунала 1-го стрелкового корпуса.

Оратор вещал: «В империалистической войне, в патриотизме, в крови рабочего класса капиталисты хотели утопить революционное движение».

Неужели надо доказывать, если на твою родную землю пришел враг, то его надо гнать! Так, между прочим, думали

революционеры-патриоты Георгий Плеханов, Вера Засулич, Вера Фигнер, Петр Кропоткин, но более молодые революционные деятели об этом постарались забыть.

В упомянутом 3-м чекистском полку комсомолию возглавлял, как уже говорилось, *Павел Николаевич Медведев*, для профанов — критик и литературовед, для посвященных — сотрудник ГПУ, надзиравший за творческой интеллигенцией. Нелишне заметить, партийчика 3-го полка располагалась по соседству с «Англетером», в доме № 16 по проспекту Майорова (бывшей Вознесенской ул.), где витийствовал литератор-осведомитель. Его домашний адрес: проспект Майорова, 26. Он же мог встречаться с Петровым в доме 7/15 по Комиссаровской, где преподавал в школе ГПУ: она размещалась в 7-й квартире, а «киношник» — в 8-й (во 2-й находился чекистский Политконтроль).

8-я коммуналка, можно сказать, была напичкана «кошками тужурками» разного достоинства. Тут проживали переписчица 3-го полка Нина Алексеевна Ширяева-Крамер (удостоверение № 1019 от 29/III 1924 г.), сотрудница Главпочтамта Минна Семеновна Бомбан (очевидно, занимавшаяся перлюстрацией чужих писем). Неподалеку квартировал помощник политкомиссара 3-го полка Яков Котомин. Несомненно, Петров поддерживал связи с этой карательной частью.

Сегодня полностью доказать его участие в кощунственном действии крайне сложно — ведь мы извлекли «невидимку» из «небытия», поэтому улики приходится собирать по крохам. Но что ни новый шаг в исследовании его личины — прелюбопытные совпадения и аналогии. Буквально рядом с лежережиссером, в 7-й квартире, обитал Рейнгольд Иванович Изак (р. 1888), преподаватель университета им. Зиновьева, заметный в ту пору идеолог — тот самый, который упорно препятствовал в 1930 году восстановлению в партии отбывшего заключение милиционера Н. М. Горбова.

Небезыинтересны и другие соквартиранты Петрова. Например, Варвара Алексеевна Ушакова (№ 4), как мы пола-

гаем, сестра псевдожурналиста и лжемемуариста Ушакова, написавшего две статьи о том, как он общался в «Англете-ре» с Есениным перед его кончиной. Ушакова прислуживала А. Т. Арскому (Радзишевскому),⁶ видному в прошлом революционному деятелю, тогда экономисту, педагогу и литератору. Его фамилия частенько мелькает в ряду лиц, устраивавших фальшивую завесу вокруг гибели Есенина.

Анатолий Матвеевич Карпов, секретарь Гублита, жительствовал в 5-й квартире; в 1924 году, до своей цензорной службы, – штатный работник ГПУ (удостоверение № 3925 от 20/III). С ним Петров, видимо, знался близко и мог, не мудрствуя, сказать ему, в каком свете необходимо освещать смерть Есенина. Было бы полезно разузнать имя и отчество некоего матроса Карпова, вместе с которым матрос 2-й статьи Гарин-Гарфильд в 1895 году дезертировал в Плимуте (Англия) с русского учебного судна «Генерал-адмирал». Не был ли один из дезертиrov будущим ленинградским цензором?..

Формальная работа Петрова в Севзапкино дает возможность установить его предполагаемые связи с другими деятелями экрана. В этом отношении важна фигура уже упоминавшегося драматурга Сергея Гарина-Гарфильда.

Мы уже говорили, грязную для памяти поэта статью в «Красной газете», скорее всего, готовила Анна Рубинштейн, хотя стоит подпись Устинова. Еще один небольшой аргумент в пользу справедливости наших слов: вряд ли бывший матрос-босяк так бесцеремонно-развязно называл бы Есенина законченным пьяницей, как это произвучало в статье, – ведь сам он, по выражению Н. М. Гариной, был «...настоящим, неизлечимым алкоголиком и изломанным, искалеченным человеком».

Знакомство Петрова с Гарином-Гарфильдом, в 1922 году заместителем ответственного редактора «Красной газеты», в 1923–1924 годах заведующим научно-агитационным отделом Севзапкино, выходит за рамки гипотезы. За последним вился старый шлейф «мокрых дел» – покушение в

1906 году на генерала Селиванова во Владивостоке, позже, в 1909 году, одесские политу головные приключения и пр.

Петров, бывший работник Политконтроля ГПУ и цензор, не мог не знать литератора-экстремиста. Агент ГПУ числился членом профсоюза СОРАБИС (Союз работников искусств), что видно из его вышеприведенного служебного списка. С конспиративными целями часто менял профсоюзные книжки, что заметно из того же перечня. Профсоюзными «липами» Петрова снабжала Секретно-оперативная часть ГПУ и не исключено — лично ее начальник, уже знакомый нам И. Л. Леонов. Если знать, что в 1925—1926 годах членом президиума и правления СОРАБИСа, председателем его киносекции был... Гарин-Гарфильд, получается совсем небезынтересное «кино». Для развития сюжета дадим из архива документальное подтверждение:

«Совершенно секретно

В Союз работников искусств.

С[екретная] О[перативная] Ч[асть] Полномочного Представительства ОГПУ в Л[енинградском] Военном] О [круге] настоящим просит выдать десять (10) штук членских книжек для секретно-оперативных работ под ответственность ПП ОГПУ в ЛВО. [Начальник] ПП ОГПУ в ЛВО

(Мессинг) (Подпись)

Нач[альник] СОЧ

(Райский) (Подпись)

Нач[альник] 4-го отделения СОЧ

(Кутин) (Подпись)

30 декабря 1925 г.»

На секретной бумаге стоит среди прочих автограф Райского, а не Леонова, но то обычная служебная рутинा. Иван Леонтьевич Леонов к подобным «просьбам» тоже не раз прикладывал руку. Более ранний пример:

«Совершенно секретно

В Севзапкино.

Ленинградский Губотдел Госполитуправления просит выдать представителю сего 10 (десять) штук чистых

бланок^{*} за подписями и печатью для секретно-оперативных работ под ответственность начальника ЛГО ОГПУ.

Начальник Ленинградского
Губотдела ОГПУ (Леонов)⁷ (Подпись)
Нач[альник] СОЧ (Подпись неразборчива)

1/X 1924 г.»

16 декабря 1925 года в подобном же письме (№ 33152) И. Л. Леонов «просил» 20 «чистых бланок» для опрофсоюзования своих агентов.

Власть всемогущего штаба на улице Комиссаровской была безраздельной. Тайный и явный сотрудник ГПУ мог получить любой официальный документ, проникнуть в любую сферу жизни Ленинграда. Очевидно, Петров максимально пользовался такой возможностью. Можно представить, насколько непрекаемо прозвучало слово этого «члена партии» для послушного коменданта «Англете́ра» В. М. Назарова?

Цепочка Петров—Гарин-Гарфильд—Леонов явно существовала. Подтвердим нашу уверенность еще одним соображением.

В 1924–1927 годах членом Художественного бюро Севзапкино был Константин Григорьевич Аршавский (Сыркин) (р. 1896), по совместительству — ответственный редактор ленинградской газеты «Кино». В печати особенно ценил ее идеологическую направленность. В 1924 году на одном из собраний коллектива Севзапкино его соратники постановили: «Просить тов. Аршавского взять на себя идейное руководство стенной газетой». К экрану имел лишь то отношение, что, вероятно, время от времени заходил в кинотеатр. Зато мог похвальиться революционной биографией: в анкетах писал: «партийный профессионал». Участвовал в терактах, организовывал забастовки, арестовывался, сидел в тюрьмах, бегал из ссылки. В 1918–1919 годах заведовал Агитпропом в

---

* Стиль документа.

Петроградском губкоме РКП (б), – кстати, секретарем при его особе одно время была А. Я. Рубинштейн.⁸ Затем, в 1919–1921 годах, возглавлял Политуправление военного округа (под его началом служил Г. Е. Горбачев, передавший в 1930 году стихотворение «До свиданья, друг мой, до свиданья...» в Пушкинский Дом). Учился в Новороссийском университете, слыл крупным спецом в юриспруденции и экономике. В 1925 году преподавал в Ленинградском политехническом институте и в других вузах, одновременно являясь помощником комиссара Военно-морской академии.

Предположить его знакомство с Петровым естественно. Аршавский-Сыркин достаточно «наследил» в печати в связи с трагедией в «Англете», и вполне будет оправданно включить его имя в есенинский «черный список». Свои троцкистско-зиновьевские конспиративные связи (Г. Е. Горбачев, Яковлев, Семечкин, Ямщиков) раскрыл в 1934 году, когда его «чистили» на одном из партийных собраний. Между прочим, каявшийся партмуж заявил: «Я знал людей, которые подумали, что убийство (С. М. Кирова. – В. К.) – единоличный акт. Я же сразу понял, что за ним (немким военным чином из Политотдела Балтфлота. – В. К.) стоят люди – те, кто вел подкоп».

Наши «раскопки» подсказали – о «деле Есенина» он мог знать немало. На том же собрании-проработке Аршавского присутствовал «от имени и по поручению» член губкома ВКП(б) Борис Позерн, вскоре сам попавший в репрессивный переплет и, как говорят сведущие памятливые люди, на одном из допросов рассказавший о действительных обстоятельствах гибели Есенина. Не шла ли такая информация от Аршавского, весьма перепуганного своим арестом и выдававшего троцкистов-зиновьевцев направо и налево?

Отбыв в «сталинских» лагерях назначенный срок, Аршавский очищал свое имя от старой нелегальной скверны на фронтах Великой Отечественной, получил контузию. В 1955 году, в пору реабилитации старой революционной гвардии, его простили, восстановили в партии. Несколько лет

работал в Библиотеке Академии наук СССР в Ленинграде, вышел на отдых персональным пенсионером.

Мы не забыли Петрова, просто о нем, как об оперативно-секретном агенте ГПУ, сведений, понятно, не густо.

Требуется дальнейшая «разработка» его контактов, что, думается, поможет выйти на след *непосредственного убийцы Есенина*. К примеру, возможны линии пересечения по службе чекиста-режиссера сексотом Вольфом Эрлихом, автором ряда киносценариев. По недостаточно проверенным архивным данным, дружок последнего, Борис Перкин, состоял при нем связным. Когда ФСБ откроет хранящееся за семьёй замками досье *Петрова-Макаревича-Бытова*, мы узнаем о нем много нового, — правда, вряд ли в потайной папке найдется листок хотя бы с одной строчкой о Есенине.

Уверены, поэта арестовывали, пытали, убивали и создавали мифы о самоповешении по негласному заказу-приказу. Если бы следствие носило официально санкционированный характер, о нем знали бы многие гэпэушники, да и спрятать или уничтожить абсолютно все бумажки было бы трудно.

Финал судьбы лже-Петрова печальный. Из справки архива ФСБ: «*Арестован 2 сентября 1952 года. Обвинялся в преступлении, предусмотренном ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР, то есть в том, что занимался изготовлением и распространением антисоветских документов, в которых возводил клевету на учение марксизма и на одного из руководителей ВКП(б) и Советского правительства*».⁹

Известно и сочинение «антисоветчика». Мы взяли расхожее определение в кавычки, потому что таковым он не был, 30 лет через глазок кинокамеры, а еще больше, так сказать, через замочную скважину подглядывая за чужими жизнями и уродуя их. Бредовые мудрствования свидетельствуют о психическом заболевании многолетнего «бойца невидимого фронта». Неудивительно, ведь на его совести много загубленных невинных людей, впрочем, достаточно и одного святотатственного кровавого спектакля в «Англете», чтобы в конце концов сойти с ума.

Кинорежиссер Григорий Козинцев писал о Петрове-Бытове: у него «был один удачный фильм “Водоворот” и этот человек состоит исключительно из неутолимой злобы»¹⁰.

Глава 11 НЕУДАВШИЙСЯ ПОБЕГ

Все предыдущие десять глав были лишь *подступами* к настоящей и труднейшей.

Не сомневаемся — нам удалось доказать, что Есенин не жил в «Англете» и не мог, находясь под судом, обосноваться вовсе в нелюбимом им Ленинграде. Тогда возникает вопрос: с какой целью он приехал в город на Неве, где пребывал четверо суток, если, как убедились читатели, его никто не видел в гостинице, если он не встречался с близкими ему людьми (критик И. Оксенов, художник К. Соколов и др.). Прежде чем ответить на эти сложнейшие вопросы, необходимое отступление о писателе, сыгравшем, может быть, роковую роль в трагедии поэта...

...*Николай Николаевич Никитин* (1895—1963). Номенклатурный беллетрист. На фоне советских писателей «от станка» смотрелся солидно. Автор в свое время известных романов «Преступление Кирика Руденко» (1927), «Северная Аврора» (1950), нескольких «закрученных» пьес, не раз отмечался лауреатством и прочими почестями. Но то внешняя сторона его биографии. Потаенная открывается только сегодня.

Есенин лично знал плодовитого прозаика. В августе 1924 года они даже собирались рыбачить на Оке, но поездка не состоялась.

Никитин оставил воспоминания о поэте, в которых предстает чуть ли не его лучшим другом. К Есенину стала возвращаться его посмертная звонкая слава, — поэтому их отношения выглядели идиллическими.

Однако знакомство поэта с Никитиным не было столь радужным, как расписывал воспоминатель. Вскоре после гибели Сергея Александровича появилась издевательская для его памяти статья («Красная новь», 1926, № 3), полная ухмылок, пошлых измышлений и подмигиваний его ненавистникам. Мемуарист изобразил Есенина читающим свое «Письмо к матери» в заплеванной сифилитической ночлежке: «Древняя старуха, стоявшая рядом, навзрыд рыдала. Это очень понравилось Сергею. А после мы узнали, что она была глуха».

Потешался Николай Николаевич Никитин! По его вольной прихоти их общий знакомый, «имажинист», ловит с поэтом рыбу в Константинове. При этом Есенин, якобы притащил мужикам-землякам «корзину шампанского», не ведая, что те предпочитают водку. После возлияний поэт-недотепа засыпает у реки «под пасхальный звон» колокольцев целого транспорта притащенных им удочек. Все это «красивый вздор!

Никитин распоряжался Есениным как своим нелепым персонажем. Самое подлое в указанной статье — приписывание поэту слов, которых он *не мог говорить!* Начало ноября 1925 года, Ленинград. У поэта «подбитая улыбка» «темного мутного лица» и упадническая мысль: «А ведь здесь и умирать». Непременно упоминается есенинская поэма «Черный человек» как чуть ли не удостоверение на самоказнь, следуют разглагольствования о творческом кризисе.

Все это — намеренная стряпня, взахлеб подхваченная и растиражированная во многих тысячах экземплярах газетами. «Черный человек» оценивался наиболее вдумчивыми современниками (В. Правдухин и др.) как большая художественная удача автора (о ней с умилением отзывался недолюбливавший Есенина Горький). Подчеркнем — 1925-й год был самым плодотворным в творческой жизни поэта!

Расчет Н. Н. Никитина был прост: пишет не седьмая вода на киселе, а близкий покойному товарищ (о, сколько их тогда повылезало из самых темных щелей!). Никитин

даже уверил читателей «Красной нови», что, по его дружескому совету, охваченный депрессией «Сережа» оказался в больнице. Сие совсем гнусно. Есенин, по его словам, лег в московскую лечебницу, чтобы «...избавиться кой от каких скандалов», а проще, избежать грозившего ему неправедного суда (10-й Лубянский участок Сокольнического района; судья Владимир Семенович Липкин).

Развязная и явно заказная статья Никитина заставила внимательно присмотреться к его личности. Выяснилось то, о чем тогда было нельзя писать в литературных энциклопедиях и словарях – то, что Никитин был секретным сотрудником ГПУ.

Родился он в семье железнодорожника и дочери купца. Недоучка-самоучка. Бывший чекист, комиссар-политработник. В 1921–1922 годах сблизился с литературной группой «Серапионовы братья», но вскоре его изгнали из этой среды (о причинах – ниже).

Комиссарская закалка давала знать с его первых шагов в прозе. Страшно завидовал Константину Федину, получившему в 1921 году первую премию за рассказ «Сад» на конкурсе «Дома искусств».

Кабинетная фабрика Никитина не знала простое и серийно пекла р-ре-волюционные изделия. В 1922-м дебютировал, а уже в 1926-м выпустил собрание своих сочинений!

О нравственной беспринципности этого литератора свидетельствовал в своем «Дневнике» Корней Чуковский. Критик Яков Браун писал о Н. Н. Никитине: «Писатель пушисто-легкий в мыслях, отделяется веселыми антракта [далее циничные никитинские слова]: «Я вам не Гаршин, глаза мои – не лампадки <...> жизнь моя, как лживый дым, летит...»

Обслуживатель власть имущих всегда держал нос по ветру, заранее позаботился о своем «выдающемся» будущем. Ниже впервые приоткрывается тайная завеса его успехов и высоких гонораров. Сделать это стало возможным с помощью его писем к «подруге» Берте Файвуш. 24 мая

1924 года Никитин извещает ее о вот-вот должных вспыхнуть пролетарских революциях в Афганистане и Индии и тут же пресекает свою откровенность: «Большого из конспиративных соображений сообщить не могу».¹ Красуется перед приглядывающейся ему корреспонденткой? (В 1926 году его женой станет З. А. Кази, урожденная Гацкевич, позже второй брак он заключит с Р. Эммануэль.)² В одном из писем к Берте Файвш еще более прелюбопытная информация: «Ложусь каждый день в 6 [часов], в 10 — под холодный душ. Ночь исключена. Не понимаю, что такое. <...> Хочу уехать в Лондон» (Москва, 13 февраля 1923 года).³

Отбросим сомнения: Никитин, очевидно, кроме постижения по ночам английского языка, проходил курс специальной подготовки перед поездкой в страну Туманного Альбиона, отношения с которой были тогда крайне напряжены.

Вышколенный спецами международной разведки, он провел в Англии (попутно и в Германии) несколько месяцев, работая, по его осторожным словам, «в одном из советских учреждений». Выполнив некое задание, возвратился домой 19 августа 1923 года. Смеем думать, о своей поездке Николай Николаевич отчитался Льву Троцкому, тогда машинально одержимому идеей устроить революционный взрыв в чинной Британии.

Результатом вояжа Никитина явилась его книга очерков о «загнивающем капитализме» («Сейчас на Западе. Берлин — Рур — Лондон» (1924)). Отрывки из нее печатались в «Петроградской правде», где к тому времени он служил. Его конфликт с «Серапионовыми братьями» начался именно с этих публикаций.

Обратим внимание: в августе 1923 года вернулся из заграничного путешествия с Айседорой Дункан и Есенин. Не исключено, где-нибудь на перепутье дорог, он мог с Никитиным встретиться. Так что заграница вполне могла быть темой их бесед.

Верить воспоминаниям Никитина нельзя ни на грош. Этот внешне добродушный толстенький очкарик был хит-

рой бестией, водившей тесную дружбу с себе подобными литераторами, замешанными в сокрытии следов преступления в «Англете». Его самым задушевным единоверцем был Павел Медведев (повторяем: ответственный секретарь комсомола 3-го Ленинградского полка войск ГПУ; в этот полк Никитин иногда наведывался), а для профанов Павел Николаевич слыл литературным критиком. Сей ценитель изящной словесности вместе с другими «перьями» (Вс. Рождественский, Мих. Фроман — Фракман и др.) в качестве понятого подмахнул весьма странный милицийский акт об обнаружении трупа Есенина в «Англете».

Они частенько ходили друг к другу в гости, переписывались, обменивались книгами. Медведев строчил статьи к опусам Никитина, а тот, в свою очередь, нахваливал новоявленного Белинского. Критик-чекист видел в своем за-кадычном дружке прозаика-классика. «Гоголевским смехом смеется Н. Никитин», — писал он однажды. Ленинградский «Гоголь» не оставался в долгу. На титульном листе своих «Обоянских повестей» он старательно начертал: «*Милому и любезному другу П. И. Медведеву — с любовью сочинитель, 7.06.1928*».

Никитин приятельствовал и с другими сексотами ГПУ — например, с Василием Князевым.

Наконец, о главном, ради чего пишутся эти строки. Теперь, когда фигура Никитина «вышла из тени», ответим на непростой вопрос: зачем Есенин почти за два месяца до своей смерти неожиданно примчался в Ленинград? О чем он говорил со своим знакомым, которому, увы, доверял?

Отбросим оговорки, всякие «но» и «однако»: поэт явно наводил мосты для побега в Великобританию, наверняка расспрашивал «англичанина» Никитина об этой стране, возможно, о наиболее коротком маршруте в Лондон и т. п. Скорей всего, Есенин вряд ли посвятил своего собеседника в свои планы, а лишь осторожно выведал у него нужную информацию. Поводом для разговора беглец мог избрать свое желание отправиться в новое заграничное путешествие.

Опытный конспиратор, Никитин мог не подать вида, что он раскусил не умевшего притворяться поэта. Сразу же после той беседы Есенин «сорвался» в Москву.

Впервые версию о намечавшемся побеге поэта в Англию высказал есениновед Эдуард Хлысталов, полковник, бывший следователь по особо важным делам МВД СССР. В его гипотезе ничего фантастического нет: затравленный Есенин не раз писал и говорил о своем стремлении бежать из СССР «хоть в Африку». Англия, где его знали по переводам стихотворений, могла быть для него наиболее предпочтительной страной, где бы он мог поселиться.

Уличать Никитина в предательстве заставляют и некоторые строки его странных воспоминаний («Рождества по старому стилю, — пишет он, — из «Англетера» позвонил Садофьев. Все стало ясно. Я поехал в гостиницу») («Звезда», 1962, № 4). Никитин разоблачил себя: по официальной версии известно, что комендант отеля открыл проклятый пятый номер примерно в 10 часов 30 минут. При этом Никитина не было. О том же времени сообщали газеты. Затем комнату опечатали. Так что никитинское выражение «*Рано утром...*» — крайне подозрительно. Одно из двух: или ему, «своему человеку», *специально* показали 5-й номер, или он неудачно имитирует роль друга-сострадальца. Второе — ближе к истине.

Примечательна близость Никитина к ленинградскому поэту Илье Садофееву, бывшему ревтрибуналцу, виновному в гибели Константина Вагинова, члена литературной группы «Звучащая раковина» (руководитель Николай Гумилев), позже обэриута.

В белогвардейской печати Илья Садофеев атtestовался как бывший жестокий чекист, позже ответственный редактор «Красной газеты», выбивавший из вчерашних врачей-литераторов хвалебные о «себе, любимом» рецензии.

Несомненно, по чьему-то приказу выполнил роль провокатора-дезинформатора. О его связях с ГПУ писал литератор Владимир Смиренский.⁴ Иннокентий Оксенов за-

фиксировал в своем «Дневнике», что сей осведомленный товарищ сообщил ему о приезде в Ленинград 28 декабря (?) – «...около часа дня», то есть когда о смерти поэта многие уже знали. Расчет Садофьева понятен: распускать противоречивые слухи, сбить с толку обывателей и при этом самому оставаться в стороне.

Приятелиствовавший с Садофьевым Никитин слишком «засветился». Телефонный звонок из «Англете́ра» его однодельца – говорящая деталь фальшивых декораций, десятилетиями громоздившихся вокруг гостиницы.

Сюжет об «англичанине» Никитине нуждается в дальнейшей разработке, но и сказанного достаточно для вывода: жизнь его пролетела как лживый дым... Окончательно он еще не рассеялся.

Современники резко отрицательно отзывались о Николае Николаевиче: «О Никитине нечего писать, – сообщал Вениамин Каверин литератору Льву Лунцу 14 декабря 1923 года. – Он испаскудился, заложил себя, как дурак, за пустой успех и ужины в ресторанах. А выкупа никакого пока нет. Пишет все хуже. Рассказы об Англии – бездарь. Отношение к нему ребят – холодное и презрительное».

«...Хочется уехать, да и уехать некуда, – писал Есенин критику и историку литературы Иванову-Разумнику. – Вероятно, после пожара всегда так бывает». «Сережа собирался за границу», – вспоминала Софья Толстая в письме к М. Горькому. Есенину были неприятны, по его выражению, «...свиные тупые морды европейцев»; о них же: «...такая гадость, однобразие, такая духовная нищета, что блевать хочется»; о бельгийском порте-курорте Остенде: «Сплошное кладбище <...> не люди, а могильные черви, дома их – гробы, а материк – склеп». Ему, самому русскому художнику слова, не хватало в чужих краях общения, взаимопонимания, внимания к личности человека. «*И никак не желаю говорить на этом проклятом аглицком языке*, – грубо-шутливо писал он Анатолию Мариенгофу 12 ноября 1922 года, – *кроме русского, никакого другого не признаю...*»

Британия казалась ему наиболее привлекательной: он любил Шекспира и других английских писателей; щеголял в английской одежде (помните задиристое: «К черту я бросаю свой костюм английский...»). Конечно же, не случайно он «посыпает» милую Анну Снегину в Британию. Ленинград был для него «пересыloчным пунктом» на пути в чужеземье. Думается, через Ревель (Таллин), где он побывал у своего дяди, Ивана Никитича, по дороге в Петроград и где он «транзитом» являлся при возвращении из путешествия по Европе, тоже не случайно. По недостаточно проверенным данным, в конце декабря 1925 года в Ревеле находился дипломат-заговорщик Локкарт, знавший Есенина и любивший его поэзию.

Любопытно, Есенин – русак был не одинок среди близких ему по духу русофилов. Родоначальник славянофильства А. С. Хомяков говорил, что Англия – лучшее из существующих государств, а славянство – лучшее из возможных. Такой взгляд был, вероятно, близок и мибоощущению Есенина.

Замысленный побег окончился трагически. Он вел себя весьма неосторожно в своих планах, наивно доверялся людям, ведущим двойной образ жизни (Г. Устинов, Н. Никитин, В. Эрлих и др.). Письмо «подсудимого» к Петру Чагину (27 ноября 1925 года), в котором он откровенничает «...махну за границу», наверняка было перлюстрировано.

Связь с «богемной» окололитературной публикой стоила ему головы. По этому поводу его еще в 1916 году печатно предупреждал поэт Александр Тиняков (севдоним «Одинокий»).

«Казненный дегенератами» назвал свою статью в «Красной газете» талантливый и смелый писатель Борис Лавренев (в первоначальном варианте упоминалась фамилия Ан. Мариенгофа, исключенная из текста редакцией). Если верить Вадиму Шершеневичу, обиженный Мариенгоф даже подавал в суд на Лавренева, ответившему истцу резким выпадом.

Опять мы отклонились от главного вопроса: если Есенин не жил в «Англете», то где же он находился 24–27 декабря 1925 года и почему скрывался от приятелей и знакомых (художник Соколов, критик Оксенов и др.)?

Ответ, на наш взгляд, следует искать в воспоминаниях вдовы коменданта гостиницы Антонины Львовны Назаровой. Она, не сомневаясь, припомнила, что поздним вечером, 27 декабря, ее муж находился в 5-м «есенинском» номере отеля вместе с управляющим домом 8/23 по проспекту Майорова, буквально соседствовавшим с «Англете» иексотом ГПУ Ипполитом Павловичем Цкирия. Спрашивается, зачем ему было в поздний воскресный вечер появляться в «Англете»? Отдыхал бы, попивал свое любимое «Кахетинское», развлекался бы с барышнями, до которых он был большой охотник. Разгадка появления Цкирия в «Англете», видимо, в том, что в гостинице он выполнял свои прямые обязанности – контролировал тайное перетаскивание мертвого тела поэта из «своего» дома № 8/23 (проспект Майорова). Напомним, что во владении Цкирия находилось здание-призрак, где, согласно официальной справке, обитало в квартире № 2 (26 апреля 1926 года) всего лишь шесть человек: управдом В. Шульц, владелец булочной Н. Луговкин, рабочий А. Духов, дворник Н. Поветьев, его жена Мария Яковлевна и двое их детей.⁵ Что же – все остальные квартиры огромного особняка пустовали? Полагаем, здесь располагались тюремные помещения, где подвергались допросам и пыткам все арестованные. Не исключено, 24 декабря 1925 года сюда и доставили Есенина.

Очень удобно: в 8-м доме чекисты «по душам» говорили с заключенными (в любой час дня и ночи), а после «работы» отправлялись (не по подземному ли переходу?) на покой в соседний «Англете». Листаем список жильцов получекистской щитадели (октябрь 1925 года): тайные службисты Константин Денисов (квартира № 20), Альберт Стромин-Геллер (25), Вульф Фельдман (26), Мордко Тепер (26), Дмитрий Тейтель (31), Шахова (35), Израиль Шклар (109), Евгений

Чудновский (119), Рахиль Иоффе (129), Евгений Кушников (130), здесь он квартировал вместе с проституткой Рейзой Закс; сюда, как помним, «прописали» призрак Устинова). В квартире № 4-а сапожничал Густав Ильвер; с его дочерью Эльзой нам доводилось встречаться (ее отец отзывался о смерти поэта так: «Удавился, чернильная душа»). Кроме сотрудников секретного ведомства, в гостинице обитали заметные деятели партийно-советского аппарата, известные артисты, торговые нэпмановские дельцы.

Вернемся на минутку к Ипполиту Цкирия. В его фальшивом «коммунальном» «личном деле» сказано, что он работал кочегаром и некоторое время счетоводом.⁶ В Красной Армии-де не служил. Таким извивам карьеры Ипполита Павловича верить нельзя. Ему, знатоку турецкого языка, человеку образованному, доверяли управление крупными коммунальными объектами (Моховая, 32, гостиница «Гермес», набережная Мойки, 86, Комиссаровская, 3 — в последнем здании располагалось чекистское общежитие).⁷

Более достоверен «Анкетный лист» Цкирия (недавно рассекречен).⁸ Родился он в местечке Гоби Зугдидского уезда Кутаисской губернии. Сам подчеркивал: «грузин (менгрелец)». Окончил 8-ю гимназию. «Имел, — похваляется он, — свой дом и [пахотную] землю».⁹ Говорит, что четыре года служил на канцелярских должностях в Красной Армии (явно лукавил); «конторщик», «счетовод» — темнил он в том же «Анкетном листе». Достаточно знать — управдомы крупных жилищно-коммунальных домов обязательно являлись сотрудниками ГПУ — таков был закон. После «англете́ровской» истории Цкирия пошел в гору: возглавил все управления домами Центрального района Ленинграда!

Отбросим фальшивь современников поэта, лжесвидетелей и прислушаемся к честным очевидцам. Прощание с телом Есенина в 5-м номере «Англете́ра» состоялось 28 декабря. Искренно любивший поэта молодой критик Иннокентий Оксенов вспоминал: «В гробу он был уже не так страшен. Ожог замазали, подвели брови, губы. Когда по-

ле снятия маски смывали с лица гипс, волосы взмокли, и, хотя их вытерли полотенцем, они легли, как после бани, — пришлось расчесывать. Ионов не отходил от гроба. <...> С важным видом выгонял посторонних Лаганский. Были Никитин, Клюев, Садофеев, Всеивод (Рождественский. — В. К.), Борисоглебский и другие. «Народа на выносе было немного, публика не знала, “летучки” разбрасывались, почему-то говорят, только на Загородном (проспекте. — В. К.). [Елизавета] Полонская положила в гроб хризантемы».¹⁰ Так писал наивный и растерянный свидетель, не проникший в сущность есенинской трагедии.

В «Дневнике» Оксенова важно указание на распорядителя «порядка» в 5-м номере гостиницы Лаганского. Весьма осведомленная фигура (настоящая фамилия *Магазинер*) (1887—1943) Еремей Миронович в «Анкете для словаря современников» (фонд Г. Г. Бродерсена) сообщал:¹¹ корреспондент «Известий», литератор, бывший моряк, окончил юридический факультет Петроградского университета. Отец — Мирон Михайлович, мать — Берта Владимировна Гладштейн, по выражению их сына, «мелкие торговцы и ремесленники черты европейской оседлости». Пытался стать киносценаристом; печатался в «Красной ниве», «Огоньке», «Дальнем Севере», «Экрane». Морскими путями побывал в Ревеле и в Англии. Надо думать, он был не случайным «дежурным» в 5-м номере «Англете». Сюда допускали только «своих» людей. Таких, как фотограф Моисей Наппельбаум. В рассказах о нем больше трубили о его репрессированной дочери Иде Наппельбаум (читайте ее лукавую книгу «Угол отражения...»), маленькой и случайной поэтессе со спрятанной трудной биографией.

Дотошный Наппельбаум раскопировал и сцены похорон Есенина в Москве, но кто его «направлял» на сию «хоронщину» — неизвестно, хотя для догадливого читателя это секрет полишинеля.

Действительно, этот фотограф дал великолепные фотографии (виртуозно ретушировал пленку) Ленина, Ст-

лина, Свердлова, Дзержинского, Луначарского, Фрунзе, известных деятелей литературы и искусства, образы, по его выражению, «героической эпохи». В главе о Дзержинском он вспоминал «...взгляд его ясных, зорких и умных глаз», видел в нем «человека выдающейся эпохи», «человека душевных качеств..., светлого, поистине рыцарского образа».

Известен его последний портрет Сергея Есенина (ноябрь 1925 года). Но нигде и никогда он не обмолвился, *кто и почему* его заставил снимать покойного поэта (до сих пор оригинал убиенного поэта не напечатан, хранится в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки). На обороте снимка чья-то рука приказала: читателям «не выдавать». Соглашаемся, Наппельбаум был искусственным фотографом, но его внутренняя жизнь остается «за кадром».

Съемщик пышных сцен 1-го конгресса III Интернационала не сказал ни слова о том, *зачем и почему* именно ему, а не следственному фотографу доверили съемки в «Англете-ре». Конспиратор больших политических событий, он скрыл потаенные страницы своей биографии. Почему он так часто скитался по городам России (Минск, Москва, Евпатория, Вильно, Козлов, Одесса...)? Чем он занимался до революции в различных городах Америки? Упорное молчание. Однажды оговорился: «Меня захватила революционная борьба, которой был насыщен воздух в 1905 году, я ходил на митинги, взъерошиванно следил за развитием событий...»

Рискнем предположить: фотостудии Наппельбаума были конспиративными явками для большевиков (в первую очередь – троцкистов): очень удобно – сидят в кресло какой-нибудь подпольщик и ласково выслушивает Моисея Соломоновича...

Другой очевидец «англетеровской» истории, сексот ГПУ Павел Лукницкий (факт его сотрудничества с секретным ведомством выдал генерал-предатель Олег Калугин), свидетельствовал об околоесенинской возне: о вечернем литературном собрании 27 декабря у Фромана-Фракмана (алиби

для участников заметания следов в «Англете»), говорил о странном поведении Вольфа Эрлиха, сумбурном писании в «Красной газете», передал тонкие наблюдения при прощании с телом Есенина в Доме писателей Ленинграда. «Знали, что в газетах будет много лишнего, ненужного и неверного, — подчеркивал в своих воспоминаниях Павел Лукницкий. — Решили принять меры к тому, чтобы этого не случилось — просмотреть весь материал для завтраших газет. Тихонов и Никитин поехали по редакциям». ¹²

Фискальная роль поэта Николая Семеновича Тихонова здесь приоткрывается впервые.¹³ В своей автобиографии бывший (?) чекист Тихонов, организатор партийных объединений в чекистских коллективах, писал о себе (от третьего лица): «...он вычеркнул многочисленные факты, о которых рано или не должно говорить в материалах собственной автобиографии».¹⁴ В ней он показывает много прелюбопытнейших фактов. По его словам, его дед по матери был латышом,¹⁵ а исследователи уверяют, что его отец имел шотландское происхождение. Между тем достоверный документ говорит: сам Николай Семенович утверждает: в 1924 году проживал в чекистском общежитии (Комиссаровская, 11/25), работал на 1-й табачной фабрике, имел на иждивении мать Екатерину Давыдовну и сестру Антонину Семеновну.¹⁶ «Никто никогда не думает, — писал он, — какой страшный нетопырь, залетев в его (Есенина. — В. К.) северную длинную ночь, смел начисто и молодой смех, и ясные глаза, и пьяные кудри, и песни...» Известные записки Тихонова о Есенине требуют более осторожного отношения, как это принято до сих пор. 30 декабря 1924 года начальство 3-го Ленинградского полка войск ГПУ запрашивало документы Тихонова из Москвы.¹⁷ Радел к Троцкому и Урицкому.

Он увел исследователей на изначально ложную дорогу исканий истины. Но, как известно, все тайное рано или поздно становится явным. Когда-нибудь прояснится и загадочная смерть в 1932 году и самого Устинова — его на-

шли в петле в собственной московской квартире. То ли его «убрали», так как он «слишком много знал», то ли несчастного совесть замучила.

Глава 12

БЕСТИЯ ИЗ «КРАСНОЙ ГАЗЕТЫ» И ДРУГИЕ

17 марта 1925 года совещание представителей подотделов печати зиновьевского Ленгубкома партии решило: «...В развитие постановления Оргбюро ЦК РКП(б) о массовой печати, принять за правило, что издавать стенгазету могут...». И далее следует перечень: партячейка, фабзавком, ячейка РЛКСМ и пр. Как видим, «стенать» дозволялось лишь под присмотром идеологического ока. Появились тысячи самодеятельных «изданий». К примеру, в здешнем ГПУ – «Москит», на табачной фабрике им. Троцкого – «Факел», в типографии им. Володарского – «Шило». Грозный циркуляр № 3521 от 7/X-1925), адресованный местным цензурным отделениям, гласил: «Главлит подтверждает к исполнению обязательность присылки в Главлит точного списка... стенгазет, функционирующих в пределах вашей губернии». Коллегия ленинградского Гублита 13 марта 1926 года предписала: «Расклейка стенгазет по предприятию разрешается лишь при наличии визы Гублита»¹. Примерно в то же время та же карательная служба постановила: «Провести срочную регистрацию стенных газет в обычном порядке по особо разработанным аспектам». Предписание цензуры равнялось военному приказу. Всегда начеку были ленинградский Политконтроль ГПУ (начальник С. Новик), Гублит (заведующий И. Острецов), Агитотдел губернского комитета РКП(б) – ВКП(б) (заместитель заведующего Я. Елькович). Бдительно охраняли жестокую идеологическую систему специальные политредакторы, уполномоченные и

прочие дозорные партии. Например, цензуру «Красной газеты» осуществлял С. М. Рымшан,² «Новой вечерней газеты» – И. И. Тютиков, Корыхалов, Лениздата – Адонц. За различного рода нарушения инструкций и промахи контролеры печати подвергались суду.

Представлять, что газетчики при освещении смерти Есенина могли позволить себе «самодеятельность», – наивно. Кончины видных личностей СССР, как правило, сопровождались циркулярами, запрещавшими личные взгляды журналистов. Это подтверждает следующая бумага:

«Циркулярно. Совершенно секретно.

Всем уполномоченным Гублитта.

Ленинградский Гублит предлагает всем уполномоченным впредь до особого распоряжения без согласования с Гублиттом не допускать опубликования в печати материалов об обстоятельствах смерти т. Дзержинского, кроме правительственный сообщений, телеграмм ТАССа и перепечаток с московских газет “Известия” и “Правда”.

Зав. Гублиттом Сарычев.³

Вриод секретаря Петров.

21/VII-1926 г.»

Не исключено, были соответствующие циркуляры (письменные или устные) и в связи со смертью Есенина. Такой информацией могли располагать глава Ленинградской цензуры в интересующий нас период Иван Андреевич Острецов и секретарь Анатолий Матвеевич Карпов (Ревич). Последний жил в «чекистском» доме (ул. Комиссаровская, 7/15) в квартире № 5, а рядом, напомним, в 8-й, располагался таинственный (пока!) П. П. Петров. Его жителейское соседство с Карповым (тоже по сути чекистом) уже само по себе показательно.

...Однако мы не забыли о Елизавете Алексеевне Устиновой. Наоборот, отступление о карающей деснице – цензуре лишь приблизило к ней. Долгие и утомительные поиски ее следов привели к поистине сенсационному результату: оказалось, роль Устиновой выполняла ответственный

секретарь вечерней «Красной газеты» Анна Яковлевна Рубинштейн (1892–1937). Вначале разоблачим эту уголовно-политическую авантюристку, а затем представим ее.

В контрольно-финансовом списке работников «Англете́ра» за октябрь 1924 года (здесь тогда располагались иностранцы) значатся десять человек (сапожник Густав Ильвер, портной Самуил Серман, коридорный Антон Паученок и др.).⁴ Одиннадцатой по счету домоуправ Матвей Лисин карандашом вписал: «Кв. № 114. Рубинштейн Елизав. Алек., членов семьи – 2, комнат – 2. Торг. москательн. товар. – Садовая, 83, торг. патент 3-го разряда. Полугодовая плата за кв-ру – 450 р.».⁵

Само по себе странно появление какой-то торговки в ведомственном отеле, за которым присматривало «Бюро по обслуживанию иностранцев в Ленинграде» НАРКИДа (кроме Е. А. Рубинштейн, двенадцатой вписана владелица сапожной мастерской Ц. З. Рывкина,⁶ в других – советских жильцов нет).

Что могла делать хозяйка магазина москательных товаров среди иностранцев? Забегая вперед, предположим: выполняла какое-то секретно-оперативное задание (она, хотя и не свободно, говорила по-английски).

Однако оставим гипотезы и «проследуем» в лавку к Рубинштейн, то есть найдем соответствующую ревизорскую книгу. Наконец она у нас в руках. Открываем, читаем: действительно, «красочный магазин» (так в тексте), да, хозяйничает в нем Рубинштейн, но... Надежда Николаевна. Какого-либо автографа и особых пометок нет. Что ж, сочтем недоразумение небрежностью канцеляриста.

Сюжет не дает покоя. Ищем так называемые отрезки патентов на право торговли (не забудем: время нэ-па!). Сохранились!⁷ Москательная лавка открыта в 1922 году, адрес тот же – Садовая, 83. Торговое предприятие действует в системе фирмы «Бовер». Все в порядке: оплата патента, даты квитанции... – вплоть до 1929 года. Но – опять сюрприз! Здесь владелица именуется Рубинштейн Елиза-

ветой Александровной (ранее именовалась Надеждой Николаевной). Что за метаморфоза? Адрес и прочее совпадают, а имя-отчество — нет.

Внимательно читаем «отрезки патентов». Новость: муж хозяйки магазина, ее помощник, — Рубинштейн Борис Вениаминович (однофамилец?) Упомянут в 1923 году и позже.

Привлекла наше внимание случайно попавшая на глаза бумажка, гласившая, что некий Яков Соломонович Рубинштейн торгует (1923—1928) канцелярскими и табачными изделиями по Советскому переулку, 21/28. Не отец ли «нашей» Анны Яковлевны? Похоже. Она писала, что батюшка ее занимался торговлей, но потом, увы, психически заболел и кончил свои дни в богадельне.⁸ Так и есть, указаны данные этого купца и грустного заведения, где он пребывает: поселок Шувалово (Ивановская ул., д. 6, кв. 2). Еще одно доказательство, что не Надежда Николаевна и не Елизавета Александровна, а Анна Яковлевна Рубинштейн числилась в 1914 году в «Англете».

Именно числилась, так как ее действительный адрес проживания — на тот же октябрь 1924 года — рядом с «Англете», в гостинице «Астория», все так же пышно, по-советски именуемой тогда «1-й Дом Советов». Контрольно-финансовый журнал четко фиксирует под 81-м номером: А. Я. Рубинштейн живет в квартире № 128,⁹ работает на Фонтанке, 27 (адрес «Красной газеты»), имеет dochь и присматривающую за ней няню, Анну Михайловну, обитающую здесь же. Красногазетчица наверняка знала В. М. Назарова, до службы комендантом «Англете» работавшего ответственным дежурным 1-го Дома Советов. По соседству с «нашей» журналисткой, в квартире № 126, поселилась Елизавета Ивановна Кингисепп, жена известного эstonского революционного деятеля.

Правильно, ответственному секретарю известной на всю страну газеты по чину жить в привилегированной советской гостинице. В ней отдыхают от прошлых револю-

ционных бурь теща Сталина — С. Я. Аллилуев (№ 215/216), партийно-чекистские деятели В. Л. Макашев (№ 226/227), И. П. Петерс (№ 230/231), В. М. Примаков (№ 252), редактор-куратор «Красной газеты» М. И. Лисовский (№ 233) и многие другие.¹⁰

Любопытен Павел Иванович Кушников (№ 303), служивший в Смольном, — не родственник ли Е. В. Кушникова, таинственно исчезнувшего в декабре 1925 года из 130-го номера «Англете́ра», в который «поселили» журналиста Г. Ф. Устинова? Проследим за так называемой женой последнего товарища.

Просматривая справочник «Весь Ленинград — 1924», мы наткнулись на любопытную информацию: в доме № 30 по улице Некрасова (Бассейной) имела прачечную Анна Яковлевна... Устинова.

Разумеется, этим сообщением мы заинтересовались. «Отправляемся» по указанному адресу, то есть опять-таки разыскиваем ревизорско-финансовые документы (форма № 1). За 1924 год не сохранились, но за 1926-й целехоньки. Да, есть такая прачечная, открыта в октябре 1925 года. Три комнаты, 11,95 сажени, патент № 277 первого разряда. Кажется, нужной нам зацепки нет: бесстрастная информация — не более. Но внимательно вглядываемся в автограф владелицы прачечной и видим: наша «знакомая» А. Я. Рубинштейн. Как она ни пыталась законспирироваться, почерк ее выдал. Сравниваем подписи в различных документах и убеждаемся — она! Конечно, нужна профессиональная гравилогическая экспертиза, но и визуального взгляда достаточно, чтобы убедиться: любительница чистого белья и ответственный секретарь «Красной газеты» — одно и то же лицо. Мы с этой конспираторшей уже давно «знакомы», ее автографы веером лежат на нашем столе,¹¹ ошибки быть не может. Зная, что сия фурия в 1936 году была арестована НКВД за принадлежность к троцкистско-зиновьевской подпольной организации с пометкой «террористическая деятельность»,¹² мы не удивились ее нелегальщине. Если до-

бавить, что на улице Некрасова, 29, рядышком с прачечной, жил сексот Вольф Эрлих,¹³ а в доме № 31 – уборщица-горничная 5-го номера «Англете́ра» и по совместительству стукачка Варвара Владимировна Васильева, нэпмановский адрес А. Я. Рубинштейн вряд ли случаен. Очень удобно: и тот и другая всегда под рукой.

Ограничимся вышеупомянутым «следствием», хотя его известные нам лабиринты намного разветвленнее.

После сказанного резонно привести доказательства контактов А. Я. Рубинштейн с покровителями убийства Есенина. Их более чем достаточно.

Познакомившись с биографией этой сатаны в юбке (одну из ее биографий мы приводили в журнале «Наш современник», 1995, № 12), обратимся к другому ее собственному жизнеописанию (автограф), написанному в начале 30-х годов в качестве приложения к заявлению в Ленинградский областной комитет ВКП(б) о приеме в Коммунистическую академию на отделение истории Коминтерна (не поздновато ли в сорок с лишним лет!). Приводимый вариант в определенной степени даже предпочтительней ранее обнародованного документа.

«Родилась в 1892 году в гор. Ревеле. Отец был мещанином, из торговцев. Когда мне исполнилось лет шесть, он перестал торговать (очевидно, разорился), стал служить приказчиком. В связи с психическим заболеванием бросил службу и с тех пор жил на иждивении родственников и детей (отец умер). Мать – домашняя хозяйка. Я начала работать с 15 лет. Учась в гимназии, стала давать частные уроки и уроками жила до 1915 года. В 1915 году стала служить машинисткой. В 1916 году поступила в Женский медицинский институт, откуда ушла осенью в 1917 году в связи с партийной работой.

Участие в революционной деятельности начала принимать примерно с 1909 года, когда работала в нелегальных кружках. В 1916 г. работала немного в пролетарском Красном Кресте, а в мае 1917 года вступила в партию РСДРП(б). Работала сначала в институте, а потом в Военной организа-

ции партии (в редакции “Солдатской правды” и “Деревенской бедноте”). При слиянии этих газет с газетой Московской военной организации “Деревенская правда” стала работать в газете “Беднота”.

В 1919 году уехала на фронт в 3-ю армию, где работала членом редакционной коллегии газеты “Красный набат”.¹⁴

В 1919 году приехала в Петроград и работала до осени 1920 года в военной комиссии начальником Политпросвет – отдела Губоно. С 1921 по 1922 годы, т. е. полтора года, работала ответственным секретарем агитотдела губкома партии.

С 1922 по 1925 годы – в редакции “Русская газета” (зачеркнуто А. Я. Рубинштейн. – В. К.) “Красной газеты” – ответственным секретарем.¹⁵ С 1925-го по 1926-й год (1 год и 3 месяца) – в издательстве “Прибой”. С 1926-го по 1927-й год в Лениздате зав. агитпроп[овской] литературой. В 1927 году перешла на [проф]союзную работу отв[етственным] секции работников печати. Потом (в 1928 году) заведовала курсами подготовки пропагандистов, а с 1928 года работала в Доме просвещения зав[едующей] учебной частью.¹⁶

Партийная работа: в 3-й армии, была сначала членом бюро коллектива, потом ответственным секретарем коллектива штаба.

В ПУОКРе* – членом бюро коллектива. Начиная с 1921 года прикреплялась к заводским коллективам, где веду пропагандистскую работу. В 1928 году перешла в коллектив школы профдвижения, где веду пропагандистскую работу.

Зимой 1929 года была выделена районной Контрольной комиссией председателем комиссии по чистке рядов ВКП(б), проводила чистку в коллективе ЛИИПСа.

Анна Яковлевна Рубинштейн.

Член ВКП(б) с 1917 г., май.

П/б № 0142781.

Центральный городской район».¹⁷

* ПУОКР – Политическое управление (военного) округа Красной Армии.

«Автобиография» (в ней есть неточности) достаточно красноречива. Перед нами женщина, одержимая коммунистической идеей и жаждой власти. Нет необходимости подробно комментировать ее «анкету». Попытаемся лучше выделить те узловые места ее карьеры (она, как видим, шла на спад), которые косвенным образом имеют отношение к Есенину.

Она указывает, что работала (ее навязчиво-любимое словечко) в «Бедноте». Уточняем: с августа 1918 года по март 1919-го. Если знать, что главным ее редактором в ту пору был лютый ненавистник Есенина – Лев Сосновский, можно догадаться, откуда пошла ее неприязнь к поэту.

Служба в Политотделе 3-й армии (Урал), очевидно, сблизила ее с организаторами убийства Николая II, Шаей Голощекиным, Георгием Сафаровым (Вольдним) и прочими революционными деятелями, позже прямо или косвенно игравшими первостепенную роль в Ленинграде. Агитотдельская и политпросветская деятельность связывает ее имя со многими фамилиями, замешанными в «деле Есенина» (К. Г. Аршавский (Сыркин), Г. Е. Горбачев, Я. Р. Елькович и др.). В «Красную газету» тянутся еще больше нитей лжи вокруг освещения гибели поэта (В. В. Князев, П. П. Петров, И. И. Садофьев, В. И. Эрлих, С. П. Гарин-Гарфильд и др.).

Близкое знакомство красногазетчицы с Устиновым – само собой разумеющееся. Закат политической биографии А. Я. Рубинштейн тоже понятен. После XIV съезда РКП(б), в январе 1926 года, главным редактором «Красной газеты» становится друг Есенина, Петр Чагин, – он-то и выправливает фурию из редакции.

Пригревает ее в Лениздате Илья Ионов, один из главных радетелей троцкистов-пораженцев. А в этом издательстве, как мы помним, собралась большая компания литераторов, бросавших камни в живого и мертвого Есенина.

Временно А. Я. Рубинштейн получила передышку от собственного интриганства в издательстве «Прибой», где

работал Лазарь Берман, давний чекистский осведомитель и завистник поэта. В дальнейшем мы обозначим и другие контакты-следы Рубинштейн, ведущие в «Англтер» в конце декабря 1925 года.

Один из наших оппонентов представил в печати справку (частная коллекция) о действительной жене Г. Ф. Устинова, Елизавете Алексеевне: родилась в 1897 году в Твери, с 1921 года — секретарь секции беллетристики и поэзии Наркомпроса и т. д. Полемист тем самым попытался опровергнуть нашу точку зрения. Но даже если так оно и есть — нет предмета для дискуссии. Законная, а не какая-либо жена и должна была фигурировать в качестве «тети Лизы» (правда, она на два года моложе Есенина) — ведь журналист Устинов был достаточно известной тогда личностью, и какая-либо «подмена» исключалась.

Другое дело — находились ли муж и жена в декабре 1925 года в Ленинграде? Повторяю, в списке жильцов «Англтера» их нет, фактически никто из мемуаристов перед есенинской трагедией и после их там не видел и не упоминает. Разве это не странно?

Когда нам станет известна судьба супруги (если не ошибаемся — первой) Г. Ф. Устинова, спор можно продолжить.

В 1932 году Устинова, как уже выше говорилось, нашли в петле в собственной квартире. А куда делась его подруга жизни? Она, можно думать, знала хотя бы в известной мере тайную сторону биографии своего спутника жизни и возражать против использования в грязной кампании его и своего имени не посмела бы.

Тем более для облегчения души Елизаветы Алексеевны могла быть придумана какая-нибудь благовидная «легенда» (к примеру: Есенина убили в кабацкой драке, очень жаль, но Сталин и его соратники поднимут шум на XIV съезде РКП(б), свалят нечаянную гибель замечательного поэта на «левую оппозицию» в Ленинграде — хорошо бы этого избежать; или: уличенный в бегстве за границу и в связях с английскими шпионами,¹⁸ Есенин покончил са-

С. А. Есенин. Лето 1925 г.

С. А. Есенин. Лето 1925 г.

Сергей Есенин, 20-е гг.

Надежда Вольпин

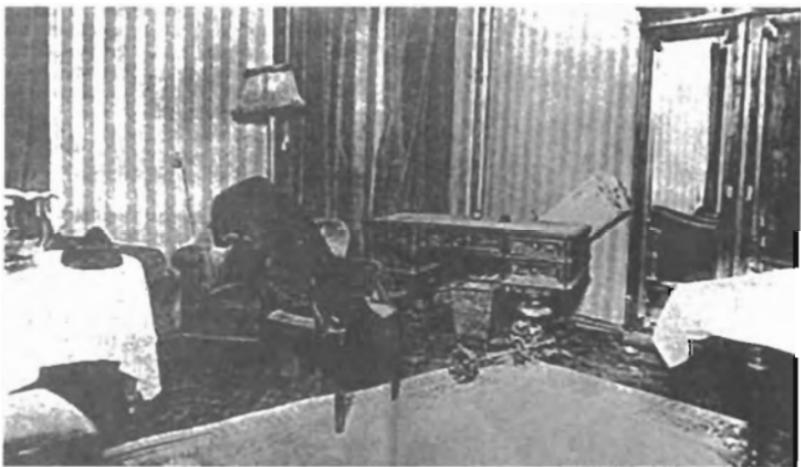
Екатерина Есенина (слева), сексот ГПУ Вольф Эрлих и Галина Бениславская. Москва, январь 1926 г.

Подруга Есенина Галина Бениславская, выпускница петроградской Преображенской гимназии (стоит в центре с косами). 1917 г. Убита сотрудниками ГПУ в декабре 1926 г. на Ваганьковском кладбище

Сергей Есенин. 1925 г.

Гостиница «Англете́р» 28 декабря 1925 г. Номер 5-й, где, согласно официальной версии, жил С. Есенин.
Фото М. Наплельбаума

Сотрудник ГПУ комендант «Англтера» В. М. Назаров. Ленинград, 1925 г.

Василий Назаров (справа). 1915 г.

Комендант «Англетера»
В. М. Назаров и его жена
Антонина Львовна (урож-
денная Цитес). 1926 г.

Поэт Николай Клюев. Встречался с С. Есе-
ниным в гостинице «Англетер» в декабре
1925 г., хотя никогда не говорил и не писал
об этом. В послеоктябрьский период и в го-
ды Гражданской войны ярый пропагандист
красного террора

Вдова бывшего коменданта
«Англетера» А. Л. Назарова
незадолго до кончины.
Санкт-Петербург. 1994 г.

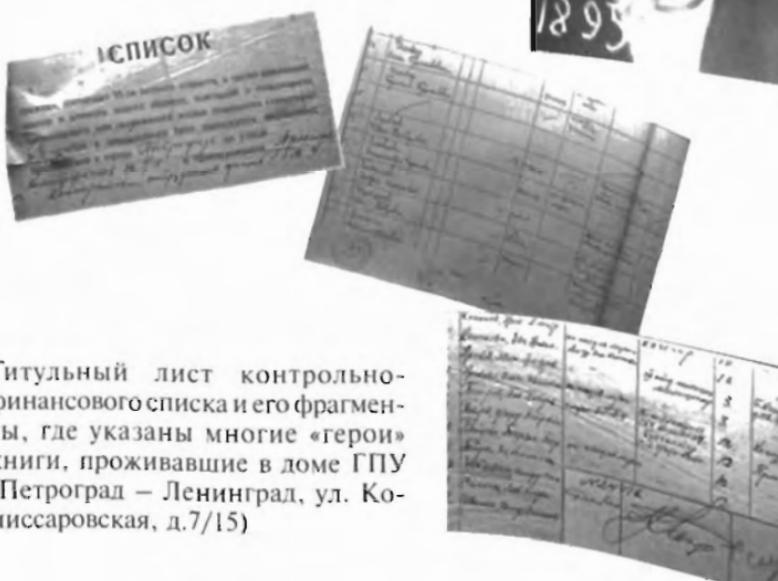

Список жильцов гостиницы «Англтер», принадлежавшей английской миссии в Петрограде. Под № 81 в комнате 128 числится Анна Яковлевна Рубинштейн, ответственный секретарь вечернего выпуска «Красной газеты». Впоследствии печатала лживые материалы о гибели Есенина. Была знакома со многими лицами, причастными к сокрытию следов убийства поэта.

А. Я. Рубинштейн.
Ответственный секретарь «Красной газеты» в период ареста. 1937 г.

Павел Петрович Петров (Макаревич). Сотрудник ГПУ, «кинорежиссер». В годы инсценировки самоповешения Есенина находился в «Англете». Как и другие кинодеятели (Гарин-Гарфильд, Г. Аршавский (Сыркин)) сыграл большую роль в сокрытии следов преступления

И. И. Ионов (Бернштейн). Бывший каторжник, шурин Г. Зиновьева, директор Лениздата. Содействовал скрытию следов убийства С. Есенина. Имел непосредственное отношение к преждевременной кончине А. Блока

Сексот ГПУ
Вольф Иосифович Эрлих. 1921 г.

Георгий Устинов

Секретный сотрудник ГПУ стихотворец Илья Садоев, участник скрытия следов преступления в «Англетере»

Секретный сотрудник ГПУ критик П. Н. Медведев. В декабре 1925 г. – ответственный секретарь комсомола 3-го ленинградского полка войск ГПУ

В заседании Николаева Ивана

и Соколова Ф. в заседании
был заслушан доклад о:

Документы

Изложено, что в Рязанской губернии
имелось 200000000 рублей золотом
и золотые монеты в золотом
номинале в 100 рублей. Губернатор
встречался с представителями
финансовых учреждений и
изъяснялся о том, что золото
было вывезено из Рязани в Москву
и из Москвы в Петроград. Видимо
затем из Петрограда золото было
перевезено в Брест-Литовск, а оттуда
в Германию. Видимо, золото было
изъято из Рязани в Москву в
июне 1918 года, а из Москвы в
Брест-Литовск в мае 1919 года.

Ф. 2

Заявление бывшего участкового надзирателя 2-го отделения Ленгормилиции Н. М. Горбова. Он знал тайну «Англете́ра»

Протокол общего собрания сотрудников ОГПУ в ЛВО от 02.01.1925 г., подписанный председателем собрания П. Н. Медведевым

Георгий (Юрий) Сергеевич Есенин, сын поэта от первого брака (гражданского) с Анной Изрядновой. Под провокационным влиянием сотрудника ГПУ Ивана Приблудного выражал антисталинские настроения. Расстрелян в 1937 г.

Зинаида Райх в роли Фосфорической женщины в пьесе «Баня». 1930 г.

Лазарь Берман, журналист, стихотворец. Секретный сотрудник ЧК – ГПУ. Автор лживых воспоминаний о встрече с Есениным в гостинице «Англетер»

Поэт Всеволод Рождественский. Подписал сфальсифицированный протокол об обнаружении тела Есенина в «Англете»

Михаил Александрович Фроман (Фракман), поэт, переводчик, председатель Союза ленинградских поэтов. Подписал сфальсифицированный протокол об обнаружении тела Есенина в «Англете». 27 декабря 1925 г. специально организовал творческий вечер в своей квартире для скрытия преступления в «Англете».

Сфальсифицированная записка С. Есенина секретному осведомителю ГПУ Вольфу Эрлиху (для создания алиби). Приписки-уведомления принадлежат сексоту ГПУ И. Приблудному, поэту Вс. Рождественскому и др.

Документ экспертизе не подвергался

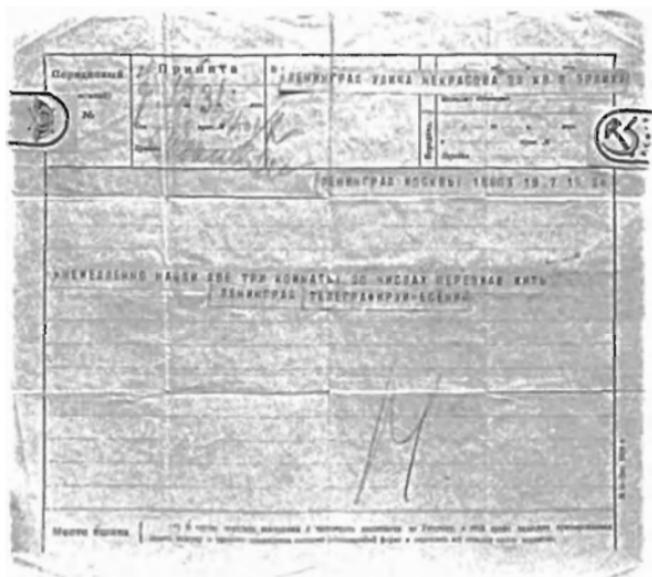
Опись вещей в 5-м номере гостиницы «Англтер». В описи ванна и телефон не значатся. В лжевоспоминаниях Устинова и др. эти предметы фигурируют, что доказывает фальсификацию мемуаров

Фотокопия подлинного текста стихотворения С. Есенина «Гори, звезда моя, не падай...»

Номер квартиры	Фамилия (по квартире). Имя и отчество. Подробное описание квартиры, которой и предметов.	Число квартиры, в которой жил погибший член семьи	Число погибшего члена семьи в семье	Если не имеется документального подтверждения смерти, то на член семьи, подозреваемого в самоубийстве	Число квартиры, в которой погиб член семьи	Число погибшего члена семьи в семье	Если не имеется документального подтверждения смерти члена семьи, то на членов семьи, подозревае- мых в самоубийстве
17 8	Петров Павел Петрович	8	1	—	6	1	Бондарев Григорий Петрович
39 —	Петрова Софья Григорьевна Башкирова	—	—	—	—	—	—
39 —	Есенин Косяков Иван	—	—	—	—	—	Косяков Борис Ильинич

Фотокопия одной из страниц домовой книги жильцов дома № 7/15 по ул. Комиссаровской. 1923 г. В квартире № 8 значится сотрудник ГПУ Петров Павел Петрович. 28—29 декабря 1925 г. выполнял роль режиссера по инсценировке самоповешения С. Есенина в 5-м номере «Англете».

Сфальсифицированная Вольфом Эрлихом телеграмма Есенина о по-
дыскании для него двух-трех комнат для проживания в Ленинграде.
Декабрь 1925 г. Ленинград

1	Смирнова Елизавета Кузьмичев	3	46	2	Одескало 1912 жена горничной
2	Леонид Петрович Коробкова	3	46	2	10.5% фр. 1914 один из парижских фр.
3	Мария Александровна Ильина				один из
4	Ильин Борис Карлович	3	63	3	Красильщик один из
5	Сильвер Сильвия Иоганна	53			один из фр.
6	Ульянов				один из
7	Федор Константинович	57	1	3.18	один из служащих
8	Земцова				один из
9	М. Родвара Федоринова	10	1	2.40	один из фр.
10	Кишикова				один из
11	Алабов Николай	19	1	3.18	один из фр.

В списке жильцов и сотрудников «Англете» числится горничная и уборщица 5-го номера Васильева Варвара Владимировна. Она была свидетельницей момента, когда чье-то мертвое тело (Есенина) тащили в номер. Перед смертью она рассказала знакомой женщине о поразившей ее кошмарной картине увиденного 27 декабря 1925 г.

Здание, в котором в 20-е годы располагалась гостиница «Англете»

Сергей Есенин на смертном одре. Ленинград, гостиница «Англетер», 28 декабря 1925 г.

Обложка подлинных протоколов вскрытий мертвых тел судмедэкспертом А. Г. Гиляревским (1 января – 16 октября 1926 г.) По-видимому, более ранние акты судмедэкспертиз были уничтожены. Подлинники по стилю, стандарту и содержанию коренным образом отличаются от известного подложного «акта», на который ссылаются сторонники версии самоубийства поэта

Прощание с Сергеем Есениным в Доме Союза писателей. Ленинград, декабрь 1925 г.

Посмертная маска С. Есенина, выполненная скульптором Золотаревским
29 декабря 1925 г.

Российская пресса о раскрытии тайны убийства Сергея Есенина

Отклики иностранных газет на трагическую гибель Сергея Есенина. Из коллекции Ильи Эренбурга

Близкие Сергея Есенина у гроба покойного.
Москва, 30 декабря 1925 г.

Прощание с С. Есениным в Доме печати.
Москва, 31 декабря 1925 г.

Рисунок с натуры мертвого Есенина.
Художник В. Сварог

Протесты ленинградцев против сноса гостиницы «Англетер». Ленинград, 1987 г. Из коллекции В. А. Запорожченко

моубийством, но не представлять же его, психически больного (лежал в больнице), но талантливого человека, отщепенцем, не лучше ли для его посмертной славы и репутации скрыть постыдный факт). Такие тонкости вряд ли возникали. В кругу первых лиц Советской России, с которыми общался Г. Ф. Устинов, неукоснительно работал принцип железной партийной дисциплины, приказ «надо» не обсуждался. Он и сам, отдав свое имя на историческое поругание, мог не знать всей правды.

Тщательно спланированная и разработанная операция по аресту Есенина-беглеца, возможно, несанкционированное убийство его на бурном допросе, заметание следов преступления вовсе и не требовали присутствия в Ленинграде Устинова и его «половины». В таком случае им нужно было бы актерствовать, играть психологически трудные роли, а они, легко допустить, на такой спектакль были неспособны. Вдруг все сорвется на какой-нибудь мелочи. Затейники кровавого шоу, вероятно, учили это и оказались в своем змеином коварстве правы на целых 80 лет. Именно поэтому, полагаем, чета Устиновых пребывала в Ленинграде в качестве призрака. В конце концов мимолетное появление «на людях» соответствующей девы из ГПУ усыпило бы бдительность есенинских знакомых. Впрочем, очень мало кто из них, кроме художника Сварога, писателя Лавренева, критика Оксенова и разве что прозаика Касаткина (нелишне все-таки знать — в прошлом профессионального чекиста), сомневался в содеянном ужасе.

Была попытка открытых эмоциональных протестов против убийц Есенина на одном из московских вечеров его памяти (об этом сообщала белоэмигрантская пресса), но она вскоре угасла и не имела продолжения.

А. Я. Рубинштейн хорошо знала Устинова не только по «Красной газете», возможно, между ними даже когда-то существовала интимная связь, но это не имело большого значения. Она выполняла приказ: открыла страницы газеты потоку словония, сочиняла статьи о Есенине за Усти-

нова и «тетю Лизу» (видимо, отсюда и сентиментально-плаксивые ноты в статьях Устинова, не свойственные по мужски жесткому стилю публициста). Не забудем, стряпня эта до сих пор печатается в сборниках воспоминаний о поэте, вызывая десятки недоуменных вопросов.

Сохранилась фотография А. Я. Рубинштейн 1936 года времени ее допросов в ГПУ: похожа на ведьму — растолстевшая, обрюзгшая, с полубезумными глазами... Перед тем как ее арестовали, она преподавала ленинизм в ЛГУ, готовила диссертацию о Жюле Геде (Базиле),¹⁹ основателе французской Рабочей партии, в первую мировую войну «социал-шовинисте»; такой же ярлык в свое время приклеили и Г. В. Плеханову.

Руководитель ее работы, Г. Зайдель, был доволен своей подопечной. Нам доводилось читать опус аспирантки-марксистки, когда-то менее года формально учившейся в Медицинском институте: вульгарно-социологическая мешаница из цитат вперемешку с потугами на философию, а еще точнее — писанина интеллектуально и психически нездорового человека, ослепленного собственной значительностью.

Да и вся ее биография — какой-то сплошной идеологический угар. Отец ее, как мы уже знаем, сошел с ума, видимо, дочь унаследовала родительский недуг.

В редакции «Красной газеты» А. Я. Рубинштейн выступала капризно-взбалмошной диктаторшей, казнившей и миловавшей исключительно по своей прихоти. Кстати, в 1925 году был снят кинофильм о работе сотрудников этого издания; если пленка сохранилась, можно будет воочию увидеть «тетю Лизу» и ее журналистскую команду: уже знакомого нам безнравственного стихоблуда Василия Князева, бывшего ревтрибунальца Ивана Тютикова, в недавнем прошлом комиссара при удушении Кронштадтского восстания Давида Рахмиловича, псевдогероя Гражданской войны и мошенника Владимира Рахтанова и др. Можно вполне согласиться с Корнеем Чуковским, назвавшим в своем «Дневнике» красногазетчиков людьми «с дря-

нью в душе». Газета отличалась бульварной крикливостью и склонностью. 3 января 1925 года на заседании бюро парторганизации типографии им. Володарского (здесь состояли на учете сотрудники редакции — коммунисты) заведующий Губполитпросветом и одновременно (формально) главный редактор «Красной» Моисей Лисовский отметил: «Газета была желтая, вся заполненная сенсационными заголовками и рассчитана на Сенной рынок. <...> Нужно отметить недоразумения между заведующими отделами и ответственным секретарем, товарищем Рубинштейн, которые в процессе работы сгущались, и в данный момент перед нами стоит вопрос разряжения атмосферы».²⁰

На том же собрании парторг журналистов Антонов сказал о диктаторских замашках своей фактической хозяйки: «Если кто ей нравится, то она возится с ним и выдвигает...», многие сотрудники «к ней подделяются».²¹ Позже злопамятная фурия уволила Антонова.

Кончилось тем, что Лисовский сложил с себя полномочия руководителя редакции, а прежняя владычица продолжала крутить красное пресс-колесо по-старому. Не изменил, а еще больше ухудшил положение новый глава «Красной газеты» Я. Р. Елькович. И он 26 мая 1925 года на партийном собрании газетчиков сознался в своем бессилии что-то изменить и признал: «Нездоровая обстановка была связана с тов. Рубинштейн».

В большей степени она занималась не творческой деятельностью, а сплетнями. Это было настолько очевидно, что партийно-аттестационная комиссия 16 июля 1924 года постановила в ее адрес: «Оставить членом РКП(б), но за проявление мелкобуржуазных наклонностей вынести порицание». В прошлом член Военной организации ЦК РСДРП(б) и крупный чин в Петроградском военном комиссариате, она перенесла методы их работы в журналистские ряды, постоянно организуя своего рода идеологический террор против чем-либо не приглянувшихся ей людей. Ее выступления на собраниях полны демагогического

партийного ража и политических спекуляций. Известно, эпоха была тяжелейшей, выживали и делали карьеру, как правило, прохвосты с непременной «идейной» начинкой, но эта дамочка перещеголяла многих. 10 апреля 1924 года выступила среди красногазетчиков с докладом «О коммунистической выдержке», в котором призывала к бдительности и, в частности, сказала (протокол сохранился):

«Коммунисты слишком откровенничают с беспартийными сотрудниками, что является недопустимым с партийной точки зрения».

Похоже, тайны она умела хранить, сказывался большой конспиративный опыт; в его свете «дело Есенина» для нее лишь эпизод.

Поднаторела она в кровавых интригах в газете «Красный набат» (1918–1919) – рупоре Политотдела 3-й армии.²² Бегло полистаем это издание, не забывая о нашей ведущей теме. Не удивляйтесь – за шесть-семь лет до декабрьской трагедии в «Набате» вокруг А. Я. Рубинштейн уже незримо сплачивались разнокалиберные бесы, создавшие позже миф о добровольном уходе поэта из жизни.

В одном из номеров некий Кин (не писатель ли Виктор Кин?) заявляет: «Идеи коммунизма родил “Красный набат”, и пусть их осуществление на земле возвестит нам когда-нибудь его торжественный звон». Переборщил, конечно, товарищ и вряд ли покраснел. В газете находим все перлы большевистско-экстремистской пропаганды. Встречаем здесь и уже знакомые по «делу Есенина» имена. Так, с шумными тирадами в честь 3-й армии выступает Василий Князев – вон еще когда будущий сторож бездыханного тела поэта свел знакомство с «тетей Лизой». А вот другое имя:

Над миром светлым и свободным
Горнилом вечного труда
Горит огнем международным
Красноармейская звезда.
(*Красный набат. 1919. № 211(301). 23 сент.*)

Это пишет будущий издательский воротила Илья Ионов,

содействие которого скрытию «тайны Есенина» для нас несомненно, но достаточно пока не доказано (ничего удивительного: политические спекулянты, конечно же, реабилитировали каторжника, пособника убийства, — попробуй подступить к «жертве репрессий»). Идеологические пути-дорожки И. И. Ионова и А. Я. Рубинштейн будут часто пересекаться в Ленинграде. Когда Анна Яковлевна в 1926 году «погорит» на защите Г. Е. Зиновьева и К°, дорогой ее душе автор «Красного набата», может быть, вспомнит свой стишок «Грядущее» (его мы цитировали) и пригреет комиссаршу под сенью Госиздата.

Не будем задерживаться на стихопродукции в «Красном набате» Демьяна Бедного — его вирши в те годы появлялись в большинстве красноармейских газет, пройдем мимо бездарных псевдонимчиков — Ленского, Безольного, Ванькова, Горного, Бездомного (и такой есть), заполонивших многие выпуски «Набата». Остановим внимание на... Николае Клюеве и его стихотворении «Песнь похода» (1919. № 204. 4 сент.). Сочинение это не вяжется с образом «Миколы-страдальца», певца «избяной» Руси, наставлявшего Есенина держаться подальше от пропагандиста красного террора, первейшего среди поэтов циника и богохульника Анатолия Мариенгофа, умевшего «молиться матершиной за рабых годов позор». Сам же Клюев, в частности, пишет:

За праведные раны,
За ливень кровяной
Расплатятся тираны
Презренной головой.
Купеческие туши
И падаль по церквам,
В седых горах, на суще
Погибель злая вам!

Если бы не подпись «*Николай Клюев*», стихотворение «Песнь похода» можно было бы отнести к наследию Василия Князева и ему подобных «красных звонарей». Певец

старой Руси далеко не такой простак, каким его представляют себе нынешние поклонники его оригинального таланта – чего стоит одна строчка: «*И падаль по церквам!*»! Из подобных стихотворений можно составить солидный Клюевский сборник, способный смутить созданные сегодня в разных городах общества и клубы его имени. Не то у Есенина, несмотря на его ранний социальный романтизм, сохранившего сострадание к «маленькому человеку» на войне и ощущавшего растерянность перед революционным Молохом («*И ничья непонятна вина...*»), гордящегося чистотой своих крестьянских рук («*Не расстреливал несчастных по темницам...*»), понимавшего, что в страну грядущего единомышленники Троцкого гребут «*веслами отрубленных рук*», что «*пришли те же жулики, те же воры и законом революции всех взяли в плен...*». В 1925 году Клюев недалеко ушел от времени «Красного набата», это значительно позже для него наступит период политического отрезвления. Нет, тогда Есенин внутренне был антиподом своего старшего собрата.

На страницах газеты (1919. № 105. № 211) публикуются заметки «красноармейца Медведева» о фронтовых буднях «Н-ского стрелкового полка», а в 105-м номере помещено стихотворение «Красноармейцу» за подпись «П. Медведев». В 64-м выпуске (27 марта 1919 года) тот же автор призывает устраниТЬ из Советов в деревнях «кулаков» и посадить на их место армейских председателей, «чтобы солнце социализма освещало наши глухие и темные места».

Требуется тяжкая черная работа для уточнения личности этого «социалиста» (сексот ГПУ Павел Медведев свое участие в Гражданской войне в анкетах тщательно скрывал), но мы уже сейчас склонны думать, – красноармеец Медведев и понятой, одобривший фальшивый милицийский протокол, регистрировавший смерть Есенина, – один и тот же товарищ, давний знакомый хозяинки «Красного набата» (и «Красной газеты») А. Я. Рубинштейн.

Согласитесь, чтение старых газет полезно – тем более в информационном «есенинском» вакууме, искусственно

созданном на протяжении десятилетий (специранов и архивных тайников сегодня не менее, чем до «перестройки», и запретительных инструкций тоже предостаточно).

Закрывая «Набат», упомянем еще одного его автора, пулеметчика Перина (стихотворение «Павшим в бою», 1919, № 150). Уж не школьный ли приятель Эрлиха, называвшего эту фамилию в одной из своих рифмованных затей? Деталь существенная: «знакомый» уже нам загадочный П. П. Петров некоторое время проживал совместно с Периным в одной явочно-конспиративной квартире.

«Набат» – откровенно экстремистское издание. С полос газеты не сходит лозунг: «Да здравствует всемирная революция и ее вожди тов. Ленин, Зиновьев и Троцкий!»

Оговоримся, А. Я. Рубинштейн – далеко не единственная и зачастую не главная вдохновительница «Набата». В состав редколлегии в разные годы входили известные в истории революции и Гражданской войны деятели: Смилга, Семашко, Лашевич, Сафаров, Толмачев и др. Среди знакомых имён есть и неприметные, мало что говорящие сегодня массовому сознанию, но по значению не уступающие прославленным большевикам-краскомам.

Например, с 20 июня 1918 года во главе Политотдела 3-й армии стоял член Высшей военной инспекции Фейерабенд, личность загадочная, темная, одно время глава военной разведки всей Красной Армии; Фейерабенд, на наш взгляд, играл чуть ли не первостепенную роль в Могилеве при отречении Николая II от власти. Он один из разжигателей Гражданской войны. В 1919 году в Северо-Американских Соединенных Штатах на русском языке вышла брошюра («Документы Сиссона») с сверхсекретной перепиской Ленина и его соратников с высокопоставленными чинами Германии (субсидировавшей «Великую Октябрьскую»). В этих материалах встречается и фамилия Фейерабенда,²³ по нашему мнению, офицера кайзеровской военной разведки. Разумеется, «наша» Рубинштейн по роду службы поддерживала связь с первым политотдельским комиссаром 3-й армии Фейерабеном.

Тиражи газеты (бесплатной) были астрономические. За время существования «Красного набата» (1918–1920) политотдел 3-й армии (ПОАРМ) распространил 11 миллионов 119 тысяч 475 экземпляров, прибавьте сюда еще миллионы различных воззваний, листовок, газет-приложений и т. д. — и станут понятны чудовищные масштабы, влияние на умы «пролетарских масс» целеустремленных писак. Так за частным фактом одной биографии познается еще далеко не прочитанная история тех страшных лет.

В 1922 году уральский боевой опыт Рубинштейн учили, ее направили в ленинградскую «Красную газету», позже сделали главной подметальщицей кровавых «англтеровских» следов. История этой газеты сегодня маскируется; ее наследница, «Вечерний Ленинград» (ныне — «Вечерний Петербург»), выпустила (1968) помпезный юбилейный сборник-дайджест, посвященный 50-летию своего существования. Полистав его, мы убедились, насколько осторожно «вечерники» обошли острые углы своего прошлого. Используя различные источники, мы — впервые за последние десятилетия — кратко восстановим желтую хронику «Красной газеты». Такая реставрация поможет лучше объяснить истоки ненависти к великому национальному поэту. При этом обещаем неожиданности.

Сразу сюрприз: оказывается, с первого номера (25 января 1918 года) «Красной газеты», основанной Володарским, ее соредактором и активнейшим сотрудником выступал... Лев Сосновский, позже взявший на себя прокурорские обязанности по отношению к Есенину. Для тех, кто незнаком с первом «экса», соучастника убийства Николая II, одна цитата из его статьи «Развенчайте хулиганство»:

«В этом жутком логове (имеется в виду, конечно же, кабак. — В. К.) формируется идеология Есенина, которого (*не с похмелья ли?*) нарекли “великим национальным поэтом” (курсив мой. — В. К.) и вывесили плакат без всякого протesta со стороны коммунистов, руководителей Дома Печати».

Доминанта иррациональной ненависти понятна. Кипя-

щий злобой «картофельный журналистик» (характеристика Сосновского Есениным в его статье «Россияне»), абсолютно чуждый русской культуре да и вообще любой культуре, вопиет: «Только теперь спохватились, что с есенинщиной надо бороться». И далее совсем нагло: «Уже прошел первый угар, вознесший этого свихнувшегося талантливого неудачника чуть не в великие национальные поэты».

С первых же номеров в «Красной газете» подвизается Василий Князев,²⁴ поспешиивший в 1918 году, сразу же после убийства редактора-основателя, выпустить брошюру «В. Володарский». Он горячо откликался на слова своего кумира-благодетеля: «Мы требуем самой решительной и беспощадной борьбы со всеми контрреволюционерами...» Этому завету красный звонарь остался верен и в 1925 году, когда Володарскому в Ленинграде был поставлен памятник, а Есенин в том же городе зверски убит.

С первых же выпусков «Красная газета» публикует и заметки Ал. Сандро (Кусикова), ласкового врага Есенина, грозившего ему в 1923 году запрещением въезда в СССР после путешествия за границу с Айседорой Дункан. Сегодня отпали сомнения в том, какому идолу служил Сандро-Кусиков, эмигрировав в Париж. Да он и сам почти не скрывал своей хорошо оплачиваемой тайной работы (см. его признание в сборнике «Русское зарубежье о Есенине»). Последний, излишне доверчивый, по пути из-за границы домой написал Кусикову о своем категорическом неприятии Февраля и Октября. Легко догадаться, что письмо не осталось в личном архиве адресата.

«Красная» издавалась на широкую ногу, бесплатно (!) распространялась по всей стране (в 1919 году тираж поставляемой в провинцию газеты составлял более 60 миллионов экземпляров!). Идеологическая зараза, обильно сдобренная социалистическими и коммунистическими лозунгами, эпидемически быстро расползлась по земле, сея смуту и кровь. «Пусть всегда живет в ней пламенный дух революции! – приветствовал «Красную» по случаю ее

5-летия Н. И. Бухарин. – Пусть звучит в ней голос великого города, его героического пролетариата, его погибшего трибуна Володарского...» Через четыре года Бухарин напишет «Злые заметки» с целью морально добить Есенина.

Редакционный особняк на Фонтанке, 57, видел многих сотрудников. В разные годы здесь работали: Г. Сафаров, А. Ильин-Женевский, Я. Никулихин, П. Коган, М. Левин (Северский), Н. Баскаков, А. Розовский (Рунов), М. Раппопорт, И. Гусев-Скальский, Н. Кузьмин (комиссар Балтфлота, один из главных душителей Кронштадтского восстания). Для многих красногазетчиков агитпроповское сочинительство было трамплином в большие партийные чины, в то же время редакция становилась гаванью для подуставших от «перманентной революции» видных членов партии.

В «Красной» оттачивали свои перья ее временные верховоды – поэт Илья Садофеев, критик Илья Груздев, драматург Сергей Гарин-Гарфильд. Закулисной роли первого из них после смерти Есенина мы касались, о травле его вторым из перечисленных говорить не хочется. О третьем дружке журналиста Георгия Устинова мы уже рассказывали.

«Странный» мор напал на красногазетчиков после XIV съезда РКП(б); в 1926 году один за другим исчезли Самуил Фарфель, Иосиф Янкелевич, несколько раньше Илларион Гусев, Дмитрий Бразуль-Брушковский (один из основателей стенных газет) и др. Догадливые люди помнят «дипломатичный» разнос по различным годам дат смерти попавших в 1937 году под жернова репрессий. Не из этой ли загадочной серии и более ранние смерти?..

С изданием «Красной газеты» прочно связано имя ее второго после Володарского редактора – Моисея Ионовича Лисовского (1887–1938). В 1918–1919 годах он член редколлегии и одно время – полновластный хозяин «вечерки». Заведовал Губполитпросветом. С марта 1924 по январь 1925 года вновь у руля «Красной».

В этот период «Красная» стала большим издательским комплексом, выпускающим книги и различные приложения.

Справка о М. И. Лисовском: родился в селе Каменское Екатеринославской губернии. Образование низшее. С 1904 года — партиец, в 1906—1910 годах скитался по тюрьмам и ссылкам. Как только нары и жандармский присмотр надоедали — убегал. В Гражданскую войну воевал почти на всех фронтах.

Практически Лисовский мало участвовал в работе газеты, лишь определял ее идеологическую стратегию. Единственной диктаторшей пребывала ответственный секретарь Рубинштейн.

Покинув «Красную газету», Лисовский оставался влиятельным и грозным партийным функционером и при необходимости мог оказывать сильное давление на ленинградские газеты. Его личное участие в журналистском шабаше при освещении события в «Англете» не доказано, его служебные и прочие знакомства не исключают заинтересованности в исходе «дела Есенина». Собранные нами крохи биографии Лисовского, по-видимому, лишь начало нового сюжета.

Не менее сложными путями удалось «собрать» хронику жизни Якова Рафаиловича Ельковича. Он возглавил «Красную» с 22 января 1925 по 1 января 1926 года, то есть именно при нем красногазетчики изощрялись в очернении Есенина. Статьи и заметки готовились срочно в номер, в них не мало путаницы, материалы не согласовывались со «Сменой», «Ленинградским рабочим» и другими здешними газетами — отсюда разноголосица в подаче фактов.

«Красная газета» первой поместила информацию о смерти Есенина 28 декабря 1925 года. На другой день критик Иннокентий Оксенов записал в своем «Дневнике»: «Вчера около 1 часа дня в “Звезде” я услыхал от Садофьева, что приехал Есенин, и обрадовался. Затем я поехал во Дворец Труда; заседание кончилось в 2,5 часа, и уорот я

купил “Красную” вечерку. Хорошо, что мне попался экземпляр с известием о смерти, иначе я в этот день до вечера ничего не знал бы» (Москва. 1995. № 9).

Пояснение: «*Красная газета* стала платной газетой с 1922 года, нейтральная информация в ней 28 декабря была помещена в части тиража. Оперативность работы Рубинштейн и К° – фантастическая и крайне подозрительная.

Протокол № 16 заседания бюро коллектива «Красной газеты» от 13 мая 1924 года гласит: «Секретариат редакции будет открываться вместо 12-ти часов – с 2-х часов». Такой порядок предложила сама Рубинштейн. Даже если в 1925 году секретариат «вечерки» вернулся к прежнему графику работы (с 12 час.), «Красная» никак не могла быть отпечатанной и переданной в киоски к 2 часам 30 минутам, когда ее приобрел Ин. Оксенов.

Заметим, «Правда» и другие газеты сообщили дату и время вскрытия 5-го номера «Англтера» – 28 декабря, 11 часов. При старой полиграфической базе, сложной организационно-технической практике выпуска газеты, необходимости ее транспортировки и т. п. за такой немыслимо короткий срок (2–2,5 часа) издание не могло дойти до читателя. Очевидно, Рубинштейн знала об убийстве Есенина уже поздно вечером 27 декабря (воскресенье) и подготовила заранее материал для печати.

28 декабря, когда еще не состоялась судмедэкспертиза тела поэта, «вечерка» известила о его самоубийстве, показала «Красные клыки» (так называлась стенная газета при редакции). Ложь тут же подхватили ТАСС, РОСТА, зарубежные агентства.

Появленному недосмотру Рубинштейн и цензуры «проскочила» статья Бориса Лавренева «Казненный дегенератами», *единственное честное слово* о свершившемся злодеянии в хоре фальшивых и трусивых голосов советских писателей. Лавреневу пришлось на собрании литераторов отстаивать свою точку зрения. Показательно: авторы материалов по скорбному поводу не были духовно близки Есенину.

Рубинштейн и Елькович в конце декабря 1925 года, при завершении работы XIV съезда РКП(б), прямо-таки свидетельствовали, защищая зиновьевскую «новую оппозицию». Елькович даже выставил охрану в типографии, где версталась «Красная газета», — до того ситуация обострилась.

1 января 1926 года подпись ответственного редактора была снята. Но он затеял своего рода сражение, когда ему приказали передать редакторство сталинскому посланцу И. Степанову-Скворцову. Последний, правда, формально руководил редакцией, практически же дело возглавил (официально с 24 февраля 1926 года) Петр Чагин, друг Есенина. И сразу тон отношения к памяти поэта изменился, посмертное над ним издевательство на время прекратилось. Кто знает, может быть, трагедии не случилось, если бы С. М. Киров и Петр Чагин приехали в Ленинград пораньше (из газетной хроники известно: Киров, назначенный новым партийным руководителем, прибыл в город 29 декабря).

Нельзя исключать того, что своевременно информированный Есенин бежал от суда в Ленинград под защиту по-доброму к нему относившегося Кирова-Кострикова, кстати, в отличие от многих заметных большевиков, весьма неплохого литературного критика, ценителя поэзии.

Вскоре П. И. Чагин, ставший главным редактором «Красной газеты», указал Рубинштейн на дверь. Через десять лет за троцкистско-террористическую деятельность ее арестуют и расстреляют.

Глава 13

ЧТО КНЯЗЕВ ДЕЛАЛ В МОРГЕ?

Пророчит поросенка на обед,
Но твердо знаю я, что этот поросенок
Подписывал стихотворенья — Фет.

Особенно любил поглумиться над православной верой —

в этом его пошлая фантазия не знала предела. Сравнивал усыпальницы Александро-Невской Лавры с общественными уборными («Красная газета»; 1927, 16 февраля), стишки на подобную тему сочинял охапками. Александр Куприн писал 20 января 1920 года: «Ужас и отвращение возбуждают во мне пролетарские народные поэты. Василий Князев печатает кощунственное «Красное Евангелие» <...> виршеплеты в хромых, дергающихся, эпилептических стихах издеваются над телом Христовым, над фигурой Распятого, над Его муками и над невинной Его кровью».

Другой конек Красного Звонаря (один из псевдонимов Князева) – рифмогромыханье о долгной вот-вот произойти «мировой революции». Особенно похвалялся своей «Песней Коммуны», которая представляла собой переиначенный текст английского гимна «Никогда, никогда, никогда англичане не будут рабами».

Продукцию неуемного куплетиста ценили лишь вульгарные критики, плохо представлявшие русскую жизнь и, как правило, плохо владевшие русским языком. Записной ругатель Есенина Лаборий Лелевич (Калмансон), бывший ревтрибунальец, обожал Василия Васильевича и однажды писал ему: «Не в припадке увлечения, а совершенно сознательно говорю, что после Демьяна Бедного и Маяковского Вы более, чем кто бы то ни было из наших поэтов, послужили первом революции...».¹

Большевистские идеи буквально кормили стихотворца. Он походил на рифмомашину, мгновенно откликавшуюся на политическое событие или уличный эпизод. Не успел осьнуть труп Ленина – вышел князевский сборник «Капля крови Ильича», случилось что-то на базаре – является стишок «На толкучке», исчезла из магазинов обувь – готов опус «Калошу мне, калошу».

В наши дни реанимировали Красного Звонаря, подчистили ему биографию, препарировали его стихотворение – получился поэт-бард, преогромный большевик. О том, насколько он дорожил коммунистической идеей, говорит его

одиссея с систематической неуплатой партийных членских взносов. Его, тогда сотрудника вечерней «Красной газеты», не хотела брать на учет ни одна из партячек. Он даже со-вался по этому поводу в 3-й Ленинградский полк ГПУ, но и там получил отказ.

Теперь пора ответить на вопросы: могли сострадать Князев трагической гибели Есенина? Что привело его в морг Обуховской больницы?

Есенина он органически терпеть не мог, иронически называл его боговидцем, выразителем идеологии, по его словам, «кресткульта» (крестьянской культуры), не успевшим «сделаться пахарем». Об этом свидетельствует князевская книжица «Ржаные апостолы (Клюев и клюевщина)», 1924.

Жаловать Есенина охальник не мог и потому, что он, окруженный «людьми заезжими», ненавидел все русское, такое дорогое для певца Руси. «Русской нации нет, — ерничал Князев, — а она — существует! Русского патриотизма нет, а он — существует!». Русофobia очевидна, перед нами типичный «перекати-поле», заявивший в указанной выше книжечке: «Проклятое, русское, неустанно философствующее, лежа на извечном обломовском диване, животное!». Заявление, похожее на бредятину психически больного человека.

Надеемся, понятно, что в мертвецкую Обуховскую больницы его позвало не сочувствие есенинской трагедии, а что-то другое. Что? На наш взгляд, приказ не допустить к лицезрению изуродованного тела Есенина «посторонних». Иного объяснения его появления в морге нет. Современники вспоминали о нем как о человеке, готовом выполнить любое грязное поручение. Он сторожил опасный «объект». Павел Лукницкий, очевидец есенинской трагедии, товарищ, близкий к «органам», писал: «Лицо его при вскрытии исправили, как могли, но все же на лбу было большое красное пятно, в верхнем углу правого глаза — желвак, на переносице — ссадина, и левый глаз — плоский: он вытек». Комментарии излишни.

Князев патологически завидовал славе Есенина, а еще больше его гонорарам. На его смерть откликнулся рифмо-

ванной тирадой, в которой сквозит не горечь утраты, а за-таенная личная обида за низкую цену своего рифмопроизводства: «Мы дарованье чтим. — // Истинных так немно-го...// Только... нельзя ль — живым // Впору давать помо-гу?» («Красная газета», 1926, 9 февраля).

Наконец, о «стороже» как «жертве» репрессий 30-х годов. Сегодня его изображают антисоветчиком, воителем против тоталитарного режима и проч. В действительности все проще. Падение влияния Троцкого и троцкистов было связано для него с потерей выгодной кормушки. После высылки «демона революции» за пределы СССР интерес к его стихофиглярничанью упал, содержать себя и семью (жена, сын) стало трудно. Принял оппозиционную позу, клял на всех углах Сталина, ни на минуту не сомневаясь в советской. Далее впервые приведем выдержки из протоколов его допросов следователями НКВД (архив ФСБ, дело № II – 34970).

Из доноса-записи высказываний Князева писателем Е. Л. (16 ноября 1936 года). «Я от мозга костей являюсь советским человеком»; «...во главе существующего режима <...> стоит глупый, злой азиат Сталин, который казнил всех подлинных революционеров, соратников Ленина, Зиновьева, Каменева и др.».

Из протокола допроса (4 апреля 1937 года): «**Вопрос:** — Дайте показания о характере вашей связи с Зиновьевым Г. Е. **Ответ:** — С Зиновьевым Г. Е. я познакомился в 1918 году в Смольном, один раз был у него дома. Выполнял поручения Зиновьева по своей литературной работе. Я всегда пользовался покровительством Зиновьева и работал под его руководством до 1924 года <...> **Вопрос:** — Дайте показания о вашей связи с Троцким. **Ответ:** — Осенью 1920 года по распоряжению Троцкого Л. Д. я был вызван в Москву, был принят им и от него лично получил предложение поехать с ним на Южный фронт. Во все время поездки я все время выполнял литературную работу в поезде Троцкого Л. Д.»²

К протоколу приложены изъятые у Князева документы:

телеграмма Троцкого, удостоверение № 45370 о службе его холуя в «Поезде Наркомвоена», личные записки Зиновьева о разрешении его подопечному иметь револьвер, о подарке ему велосипеда и т. д.

Князев болезненно следил за ходом антитроцкистской кампании в СССР, о чем говорят собранные им соответствующие вырезки из газет.

Если учесть, что ядро преступной группы, заметавшей следы злодеяния в «Англете», составили участники кровавых рейсов «Поезда Троцкого» (Яков Блюмкин, Георгий Устинов, Петр Подашевский и др.), сомневаться в характере порученного Князеву задания в морге не приходится. Он выполнял роль цепного пса у трупа Есенина.

Коль речь у нас зашла о чисто медицинских вопросах, пора сказать о причинах гибели Есенина с точки зрения судмедэксперта Александра Григорьевича Гиляревского (1855–1931).³ Многие утверждают, что именно он производил вскрытие тела покойного поэта, и в качестве дополнительного аргумента используют московский архивный акт за подписью доктора Голанта.

Иван Борисович Голант (под этим именем он фигурирует в современной литературе о Есенине). В 1926 году он опубликовал в «Клиническом архиве» (Л. Т. II. Вып. 2), наверное, самую грязную в истории психиатрии статью «О душевной болезни Есенина». В ней такие выражения: «величайший лирик пьянства», «...остается удивляться поистине пьяной любви поэта к зверям и всякого рода скоту», «...распад, расщепление личности» и т. п. (Есенина признавал абсолютно здоровым всемирно известный французский психолог Пьер Жане.)

Автор этих и многих других гнусностей приседал на цыпочки перед Леопольдом Авербахом, приятельствовал с небезызвестным рифмоплетом Александром Крученых, заполонившим своей антиесенинской «продукцией» (так он именовал жанр своих злобных брошюрок) нэпмановский книжный рынок. Но Бог с ним, с этим околовизи-

турным шулером, вернемся к Евгению Яковлевичу Голанту — никакой ошибки! — так его правильно именовать. Сей жулик от науки, оказывается, одно время обретался в Ленинградском педагогическом институте им. Герцена. Что примечательно — штатным доцентом вчерашний «профессор» утвержден 1 сентября 1929 года, когда троцкистские крысы побежали из своих насиженных нор в спасительные теплые углы. В Ленинграде жила сестра Голанта, тоже психиатр^{*}, — видимо, она и порадела братцу, — не исключено: редактировала его «трактаты» в «Клиническом архиве», собрание выпусков которого представляет почти всю русскую литературу сумасшедшем домом.

Отыскалось и небольшое «дельце» Е. Я. Голанта. В нем есть любопытная пометочка: «1918—1920 годы. Внешкольн. п/о, криминол.», что, очевидно, расшифровывается как занятие сим мужем в некоем специальном подотделе криминологией.

В 1933 году в пединституте им. Герцена Е. Я. Голант исполнял обязанности заведующего кафедрой педагогики, но студенты почему-то не замечали его ума и познаний и протестовали против его лекций (это во времена-то всеобщего послушания); в ту пору профессиональный лжец пропагандировал псевдонауку педологию, и на одном из собраний (2 апреля 1937 года) директор института Н. И. Стриевская, разгромив новомодный абстрактный зуд, сказала о Голанте: «...редко бывает в институте, мало и плохо работает». И добавила: «Поменьше бы каялись, побольше бы работали...»

Итак, перед нами типичный негодяй своего времени. За свои мерзости он наверняка «пострадал», позже за подлость реабилитирован.

После XIV съезда РКП(б) и особенно после 1929 года Князева, пропагандиста красного террора и мировой революции, выставили на задворки литературы, против чего

* Р. Я. Голант являлась сотрудникой Психоневрологической академии Государственного рефлексологического института по изучению мозга.

он горлодерски возмущался, кроя на всех углах Сталина. «Ваша судьба, — писал ему в тот период его друг Лелевич, — вызывает во мне целый взрыв возмущения. — И успокаивал: — ...Крепись! Классовая и неотделимая от нее историческая справедливость возьмет свое!» («Справедливость» сей «неистовый» ревнитель 20-х годов понимал как обязательное собственное господство.) По закону нравственно-го возмездия, в 1937 году пришел черед Красному Звонарю отвечать за рифмованные призывы к кровавому насилию и отрицание всего святого. Разумеется, позже нашлись духовные родственнички Князева-Шарикова и Лелевича-Швондера, реабилитировавшие своих предшественников.

Теперь, надеемся, понятно, почему в ночь с 28 на 29 декабря 1925 года Князев сторожил тело Есенина в морге Обуховской больницы на Фонтанке. Здесь-то он и сочинил пространное стихотворение (опубликовано в ленинградской «Новой вечерней газете»). Из этого опуса часто цитируют следующую строфу:

В маленькой мертвецкой, у окна,
Золотая голова на плахе.
Полоса на шее не видна —
Только кровь чернеет на рубахе.

Четверостишие обычно приводят как деталь — аргумент в пользу версии убийства Есенина. Меж тем все стихотворение говорит как раз об обратном. Не мог Князев разделять мнение о насильственной смерти поэта! Не для того он был приставлен цепным псом у заледенелого тела. Подпись под элегической балладой (*«Живший его стихами»*) насказьлицемерна. Никогда Князев не сочувствовал таланту Есенина и близких ему крестьянских поэтов — достаточно прочитать его пышущую к ним ненавистью книжку *«Ржаные апостолы...»* (1924), в которой он «стирает в порошок» Николая Клюева и его собратьев по перу и глумится над Россией.

«Все мы труп бесценный охраняем», — пишет странный ночной сиделец. «С какой целью?» — задаем мы резонный вопрос. Почему на роль сторожа выбран не какой-нибудь

служитель прозекторской (здесь работали *восемь человек*), а заботливо опекаемый партцарком Зиновьевым преданный ему бард?

Проверка показала: Князев действительно провел ночь в морге Обуховской больницы. В том же стихотворении он пишет: «*Вон Беляев... кровью залит весь...*» К трупу была прикреплена бумажка с фамилией страдальца. В ленинградской газетной хронике происшествий мы нашли заметку, сообщавшую о подростке Александре Беляеве, зарезанном трамваем в процессе его неудачной попытки вскочить на ходу на подножку. Так что Князев и вправду дежурил у тела убиенного Есенина.

Какой-то абсурд в стиле Гойи. Абсурд присутствует во всей «англете́ровской» истории: в контрольно-финансовых списках жильцов гостиницы фамилии Есенина нет, но его упорно в нее «поселяют»; ванны в 5-м номере нет (сохранилась инвентаризационная опись «Англете́ра», март 1926 года), но воспоминатели «затаскивают» в нее поэта да еще присочиняют для пущей убедительности скандальный сюжетец с подогреваемым без воды котлом; милиционер, вчерашний наборщик солидной типографии, прошедший комиссарскую выучку и экзамен секретно-оперативной школы, составляет полуграмотный «акт» и дает его на подпись явно *избранным* понятым; следственный фотограф почему-то устраняется, а на его месте в злосчастном 5-м номере тут как тут придворный кремлевский мастер Моисей Наппельбаум, влюбленный в Свердлова и Дзержинского и «кстати» пожаловавший из Москвы; тело поэта еще не остыло, нет еще результата судмедэкспертизы, а ленинградские газеты наперегонки сообщают о самоубийстве, наконец – исчезают многие важнейшие документы есенинского «дела», как будто речь идет о зауряднейшем несчастном, а не о европейски известном человеке, стихи которого уже при жизни переводились в *двадцати странах*!

Однако пора давать ответ на поставленный выше недоуменный вопрос, связанный с ночным доброхотом. Васи-

лий Князев сторожил тело Есенина *по чьему-то прямому приказу*, а не по своей воле и душевному порыву (такового у него просто не могло быть). Здесь «темные силы» явно перестарались с подстраховкой; Красному Звонарю надо было бы помалкивать о щекотливом поручении, а он, томимый зудом версификаторства и гонорара, раззвонил на весь Ленинград. Не ошибемся, если предположим, что Князев выполнял в ГПУ роли самого дурного свойства (о его подобной склонности пишет в мемуарах хорошо его знавший по работе в «Красной газете» литератор А. Лебеденко, приятель К. Федина).

Прослеживается связь Князева с чекистами-сексотами и даже непосредственно с ведомством ГПУ. 1 ноября 1924 года на заседании бюро коллектива 3-го Ленинградского полка войск ГПУ рассматривалось его заявление о восстановлении в партии (очевидно, как лицо «свободной профессии», он стоял на учете в этом полку). В тот день партторг Василий Егоров просьбу Князева отклонил — «*ввиду его неразвитости*» и потеря связи с организацией с 1922 года. Удивляться такой резкой оценке «горлана-главаря» не следует, он, самоучка, умел лишь бойко слагать звонкие рифмы, книг же читать не любил. Прижимистый в деньгах, подлогу не платил партвзносов. Из протоколов собраний сотрудников «Красной газеты», где он печатался, известно, что в феврале—августе 1924 года (полгода) сей зиновьевский певчий не заплатил в партийную кассу ни копейки, хотя только в феврале того же года его заработка составил 259 рублей 68 копеек, а это в ту пору месячный оклад советского чина губернского масштаба.

В протоколе № 100-б заседания комиссии РКП(б) Центрального района (1924 год) по идеологической проверке сотрудников «Красной газеты» о Князеве сказано: «*Недисциплинирован. Член партии с уклоном к рвачеству. В партии является балластом*». Позже, как видим, он пытается получить партбилет в чекистской организации, но и там ему это тоже не удалось.

Цель палачей и их порученца в морге Обуховской больницы – не допустить к осмотру тела поэта ни одного человека, ибо, повторяю, сразу же обнаружились бы страшные побои и – не исключено – отсутствие следов судмедэкспертного вскрытия. Поставленную перед ним кощунственную задачу негодяй выполнил – не случайно в 1926 году его печатали как никогда обильно. Иуда щедро получал свои заработанные на крови сребреники. Другого объяснения странного дежурства в мертвецкой стихотворца-зиновьевца трудно найти.

В одном из питерских архивов мы два года добивались «личного дела» Князева. Так и не добились...

В заключение сюжета о стороже изувеченного, как мы полагаем, тела Есенина две цитаты. Одна из стишка Князева «Откровение Муссолини», обыгравшего фразу итальянского фашиста о попечении Иисуса Христа над здоровьем близких. Автор – конечно же, пылкий интернационалист и безбожник, – потешаясь, заключает:

И доселе всякий знает
От Читы и до Ростова, –
На ослах лишь выезжает
Церковь кроткая Христова.

(Вечерний выпуск «Красной газеты», 1927, № 70)

В ответ красногазетчику по почте пришла следующая эпиграмма с примечательной анонимной подписью:

Циничен, подл, нахален, пьян
Средь подлецов, убийц и воров
Был до сих пор один Демьян –
Ефим Лакеевич Придворов.

Но вот как раз в Великий пост
Из самых недр зловонной грязи
Встает еще один прохвост –
«Поэт шпаны» – Василий Князев.

Не Есенин

Вероятно, подпись не случайна. Аноним, может быть, что-то знал о кощунственном задании Князева в мертвцевской Обуховской больнице.

В 1937 году Красного Звонаря расстреляли по статье 58-10. Реабилитирован в 1992 году. Жаль, что расхожая формула «антисоветская пропаганда» не комментировалась. Он всю жизнь был ярым советским пропагандистом, только в Кремле хотел видеть не Сталина и его окружение, а Троцкого, Каменева, Зиновьева и им подобных.

О чём думал заключенный Князев перед смертью, лежа в лагерной больнице на 208-м километре колымской трассы, нам не дано знать. Уверены в одном: вряд ли он вспомнил замученного Есенина...

Такой вывод – глубочайшее заблуждение, в котором десятки лет пребывали есениноведы. Сегодня со стопроцентной уверенностью можно сказать: Гиляревский не производил судмедэкспертизу тела поэта в Обуховской больнице. Элементарное сравнение обнаруженных нами подлинных актов (протоколов) вскрытия тел покойников доктором (1 января 1926 года – 26 сентября 1928 года, 4 книги) по стилю, стандарту, нумерации, почерку и т. д. доказывает ложь состряпанного кем-то «есенинского» акта.

...Чего только не писали в последние годы о Гиляревском: де, он причастен к утаиванию правды о смерти Фрунзе, что в свои пятьдесят пять лет он, бывший дворянин, выпускник Санкт-Петербургской военно-медицинской академии, пошел в прислужники ГПУ; на разные лады комментировался известный «есенинский» акт экспертизы, строились различные гипотезы... В архивные же святцы не заглядывали (это стоит много времени, нервов, а понынешним временам и средств). Оказалось: к загадочной кончине Фрунзе Гиляревский никак не причастен, родился он не в 1870 году (эта дата мелькала в печати), а 27 августа 1855 года, и к дню гибели Есенина ему уже было семьдесят с лишним лет (умер в 1931-м). Говорить о его сотрудничестве с ведомством Дзержинского нет ни малейших

оснований; подброшенная кем-то в архив «справка» — сплошная липа, а досужие толки о ней, с точки зрения историков судмедэкспертизы, — непрофессиональны и даже вульгарны.

Итак, перед нами

«АКТ

1925 год, 29 декабря, в покойницкой Обуховской б-цы было произведено вскрытие трупа гр-на Сергея Александровича Есенина, причем найдено: Покойному 30 лет, труп правильно развит, удовлетворительного питания, — общий фон покровов бледный, глаза закрыты, зрачки равномерно расширены; отверстия носа свободны; рот сжат; кончик языка ущемлен между зубами; живот ровный; половые органы — в норме; заднепроходное отверстие чисто; нижние конечности темно-фиолетового цвета, на голенях в коже заметны темно-красные точечные кровоизлияния. На середине лба, над переносьем, — вдавленная борозда длиною около 4 сант. И шириной $1\frac{1}{2}$ сант., под левым глазом — небольшая поверхностная ссадина; на шее над горлышком — красная борозда, идущая слева вверх и теряющаяся около ушной раковины спереди; справа борозда идет немного вверх к затылочной области, где и теряется; ширина борозды с гусиное перо; в нижней трети правого плеча имеется кожная рана с ровными краями длиною 4 сант.; в нижней трети левого предплечья имеется одна рана, идущая в горизонтальном направлении и 3 раны в вертикальном направлении, эти раны около 3-х сант. Каждая с ровными краями [неразборчиво]... не проникают толщу кожи. Других знаков повреждений не обнаружено. Кости черепа целы, под кожным лоскутом на месте вдавленной борозды в лобной области имеется небольшой кровоподтек. Мозговые оболочки напряжены; твердая оболочка мутноватая; мозг весит 1920 грамм; сосуды основания мозга в норме; в боковых желудочках небольшое количество прозрачной жидкости; вещество мозга на разрезах блестит, на разре-

зах быстро выступают кровяные точки. Положение брюшных органов правильное, брюшина гладкая, блестящая, в полости около 10 к. с. (кубических сантиметров) красноватой прозрачной жидкости; петли кишек красноватого цвета. Хрящи гортани целы. Кончик языка прикушен, в пищеводе следы пищевой смеси; в гортани и трохее — пенистая слизь, слизистая их розоватого цвета. Легкие лежат в грудной клетке свободно. Сердце с кулак покойного, в полостях его — жидккая кровь; на наружной оболочке сзади — значительное количество точечных кровоподтеков; клапаны и отверстия в норме; на внутренней поверхности аорты — несколько сероватых бляшек; на легочной плевре значительное количество точечных кровоподтеков; легкие пушисты, всюду проходимы для воздуха, с разрезов скабливается значительное количество пузырчатой кровянистой жидкости. В желудке около 300 к. с. полужидкой пищевой смеси, издающей не резкий запах вина; слизистая его красноватого цвета. Кapsула селезенки морщинистая. Печень темно-красного цвета. Кapsула ее гладкая, край закруглен. Почти темно-красного цвета. Кapsулы снимаются легко, рисунок на разрезе сохранен. В почечном канале ничего особенного.

Суд. Мед. Эксперт Гиляревский.
Понятые [подписи неразборчивы].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании данных вскрытия следует заключить, что смерть Есенина последовала от асфиксии, произведенной сдавливанием дыхательных путей через повешение. Вдавление на лбу могло произойти от давления при повешении. Темно-фиолетовый цвет нижних конечностей, точечные на них кровоподтеки указывают на то, что покойный в повешенном состоянии находился продолжительное время.

Раны на верхних конечностях могли быть нанесены самим покойным, и как поверхностные, влияния на смерть не имели.

В приведенной «дезе» отсутствуют необходимые официальные атрибуты (номер отношения милиции и т. д.), однако эта полуграмотная (с профессиональной точки зрения) бумажка не один год серьезно обсуждалась в печати.

Теперь сопоставьте подделку с подлинным актом Гиляревского на подобную тему:

«№ 6

Число 6.01.1926

№№ 3982 756

2-го отд. Милиции отношение за № 3982, протокол № 756 о смерти гражданина Виттенберга Виктора, повесившегося в доме № 5 по Демидову переулку. Труп отправлен в покойницкую больницы в память 25-го Октября.

Во 2-е отд. Л. Г. Милиции

7/1 3982 756

АКТ

1926 год, 7 дня января, судебно-медицинской эксперту Гиляревскому, вследствие отношения 2-го отд. ЛГМ от 7 января за № 3982, в секционной зале больницы в память 25-го Октября производил судебно-медицинское освидетельствование мертвого тела гр. Виттенберга Виктора, доставленного дворником дома № 5 по Демидову пер., где Виттенберг был найден повесившимся.

А. Наружный осмотр

1) Труп раздет; 2) возраст по наружному виду – 50 лет; 3) роста среднего, телосложения умеренного, питания также; 4) общий цвет конечных покровов мертвенно-бледный, на спине и ягодицах сплошные фиолетовые пятна, такие

* Настоящий акт впервые опубликовал (с сокращениями и разночтениями) и кратко прокомментировал исследователь гибели Есенина Эдуард Хлысталов. Здесь текст сфальсифицированного документа сверен с ксерокопией, напечатанной в сборнике «Смерть Сергея Есенина: Документы, факты, версии» (М.: Наследие, 1996. С. 392–394).

же пятна на нижних конечностях; 5) трупное окоченение выражено в верхних и нижних конечностях и жевательных мышцах – значительно; 6) волосы на голове русые с небольшой проседью, длиною до 10 сант., такого же цвета усы и небольшая бородка; 7) глаза полуоткрыты, зрачки равномерно расширены, роговицы тусклые, признак лярще явственно выражен, соединительная век с точечными красными пятнами розового цвета; 8) губы синеватого цвета, рот полуоткрыт, язык между зубами...»

Не будем утомлять читателей подробностями. «Наружный осмотр» включает 14 пунктов. «Внутренний осмотр» – 11. Затем следуют подписи Гиляревского и понятых (Симоненко и Субботин). Вероятно, Николай Родионович Симоненко являлся помощником врача. Далее идет «мнение» судмедэксперта: «На основании данных наружного осмотра и вскрытия трупа заключено, что смерть Виттенберга последовала от асфиксии (задушения)³ путем прекращения доступа воздуха в воздухоносные пути через сдавливание шеи веревкой, на что указывает присутствие на трупе странгационной борозды, имеющей прижизненный характер (см. п. 14), равно как обнаруженное при вскрытии полнокровие внутренних органов (в п. 17, 18, 19), характерное для смерти от задушения. Положение найденного по данным дознания трупа, а также отсутствие знаков борьбы на трупе дают основание заключить, что в данном случае было самоубийство через самоповешение, найденное при вскрытии. Найденное при вскрытии вдавление мозга (п. 26) представляет последствие старого воспалительного абсцесса (нарыв) и прямого отношения к смерти не имело.

Суд. Мед. Эксперт Гиляревский».³

Сравнение безграмотного сочинения «московского» акта (с точки зрения принятого тогда стандарта) с документом на подобную тему, написанным Гиляревским (про-

³ Дексика оригинала. – В. К.

шло всего 10 дней), убедительно доказывает: попавшая в поле зрения есениноведов фальшивка (кем и когда подброшенная?) не выдерживает критики. Терминология, стиль, форма «дезы» заставляют думать: Гиляревский не имел к ней никакого отношения.

Судьба вдовы судмедэксперта, Веры Дмитриевны Гиляревской (р. 1871), дочери русского адмирала Д. З. Головачева и дворянки Л. Е. Гессен, косвенно подтверждает, что у ее беспартийного мужа отношения с Советской властью были отнюдь не соглашательско-доверительными. 21 марта 1933 года Веру Дмитриевну, работавшую перед тем машинисткой в университете, как «социально чуждый элемент», постановлением Особого совещания при народном комиссаре внутренних дел СССР выслали в Воронеж. Дальнейшая ее судьба неизвестна. В ее следственном деле (№ 23/170, следователь Ленинградского УНКВД А. Повассер, бригадир Линде) привлекают два момента. Составлявший справку-донос участковый инспектор (подпись неразборчива) 2-го отделения милиции писал о «подопечной»: «Политически развита, поведение на дому: ведет себя скрытно, ни с кем не разговаривает...» Может, В. Д. Гиляревской было известно об использовании фамилии мужа в грязном деле. Есть слабая надежда получить ответ на этот вопрос в ее письмах (если они сохранились) к родственникам, эмигрировавшим в Италию и Францию (на допросе она говорила о переписке и даже называла адреса). Среди ее корреспондентов – племянник, князь Багратион-Мухранский Георгий Александрович (обосновался в Париже), с именами кровных потомков которого ныне связаны шумные толки о восстановлении в России монархии. Согласитесь, неожиданный поворот есенинского сюжета!

Продолжим медицинский аспект темы.

Позвольте, будут защищаться последователи версии самоубийства поэта, ведь фамилия Гиляревского стоит на «Свидетельстве о смерти», а оно выдавалось родственни-

кам усопшего, которые могли навести у врача какие-либо справки — и тогда...

Утверждаем: Гиляревский даже не подозревал об использовании своего имени во всей этой кощунственной акции. Заметьте, в газетах конца 1925 — начала 1926 года и много позже *фамилия судмедэксперта в связи с «делом Есенина» совсем не упоминается*. Он так и умер, не ведая о покушении на свою репутацию.

Глава 14 ТРАВЛЯ

Есенин не должен был появляться в Ленинграде, так как, повторяем, находился под судом и дал подписку о невыезде из Москвы. Город на Неве не был его любимым пристанищем. Рассчитывать на то, что Илья Ионов (Бернштейн) поручит ему руководство *русским журналом* — сказочка для наивных! Илья Ионович терпеть не мог отечественных изданий с русской национальной «закваской» (пример с «Русским современником»).

Доказано, что нога поэта не ступала в «Англете», все заявления на сей счет оказались на поверку лживыми. Мы уверены, что он находился в арестантской (проспект Майорова, 8/23), где его четверо суток допрашивали, возможно, пытали, а затем убили (читайте об этом далее) и притащили мертвое тело в гостиницу, где и совершилась кощунственная акция самоубийства.

Об убийцах чуть позже, сейчас же о том, что, кроме побега из СССР, могли инкриминировать Есенину. Перво-наперво антисоветскую пропаганду. Его высказывания «на каждом углу» (на эту тему говорил прозаик Андрей Соболь, распространялся Демьян Бедный). Литератор Степан Скиталец (Петров) вспоминал в 1921 году об одном из собраний литературных объединений пролетарских писателей: «Есенин долго слушал пролетарские речи и, наконец, попросил

слова. Все насторожились: к этому времени за Есениным уже укрепилась слава профессионального скандалиста».

«— Здесь говорили о литературе с марксистским походом, — начал он своим звенящим голосом, — никакой другой литературы не допускается! Это уже три года! Три года вы пишете вашу коммунистическую ерунду! Три года мы молчали! Сколько еще лет вы будете затыкать нам глотку?»

Интернациональные грезы о «мировой революции» давно покинули поэта. «Я тоже за Советскую власть, — говорил он критику Воронскому, — но я люблю Русь. Я — по-своему. Намордник я не позволю надеть на себя и под дудочку петь не буду. Это не выйдет».

Есенин все более остается недовольным «новой» пролетарской поэзией. На эту тему пишет статью «Россияне» (не закончена), в которой изливает оторопь по поводу пошлости современной действительности. «Не было омерзительнее времени в литературной жизни, в котором мы живем, — возмущается он <...> Уже давно стало явным фактом, что как бы ни хвалил и ни рекомендовал Троцкий разных Безыменских, — пролетарскому искусству грош цена <...> Крепко достается и «картофельному журналистику» Льву Сосновскому, преследовавшему поэта при жизни и после смерти.¹

Особенно шумная травля Есенина поднялась в периодической печати (некоторые издания, начиная с «Красной газеты», «Правды» и «Известий», мы назовем).²

Невиданная в мировой литературе ложь поднялась не только в русской, но и в мировой печати. Затем последовали журналы, сборники, книги. М. Горький советовал Троцкому или Бухарину (13 июля 1925 года) резко критиковать Есенина и «крестьянских поэтов» (Клычкова и др.) за их «деревнелюбовь» и «мужепоклонство», 18 января в «Правде» с фарисейской статьей выступил Лев Троцкий, позже закипел гневом Николай Бухарин («Злые заметки»). С резкой критикой выступили Луначарский и В. Маяковский. Большие черные опусы выпустили И. Беляев, П. Волынский,

Г. Горбачев, Г. Горшкова, В. Друзин, В. Князев, А. Крученых, Г. Лелевич, С. Родов, Н. Редкин, В. Покровский, В. Львов-Рогачевский, И. Эренбург, В. Фриче и многие другие (доль-гие годы вся эта литература находилась в спецхранилищах). Рюрик Ивнев и Олег Леонидов на грязной волне «избиения» Есенина через 81 день после его трагической гибели сочи-нили даже пьесу о поэте, которая была подвергнута критике в печати и не была поставлена.

Систематизируя разыскания о лицах, так или иначе свя-занных круговой порукой в создании мифа о самоубийстве Есенина, мы обратили внимание на часто мелькающий у многих из них адрес периода революции и Гражданской вой-ны: Белоруссия, точнее, города Могилев, Минск, Гомель и некоторые другие. В этих местах пересекались дороги, по-жалуй, главных исполнителей кровавого заговора.

Журналист Георгий Устинов, как уже упоминалось, ре-дактировал в Минске в конце 1917-го – начале 1918 года ежедневную газету «Советская правда». После того как крас-ные оставили Белоруссию, написал воспоминания, в кото-рых козырял своим знакомством со здешними видными за-чинщиками революционной смуты (Могилевский, Позерн, Ландер и др.). В редакцию «Советской правды» стекались многие из тех, кто ненавидел Российскую империю и лелеял мечту не только о свержении царя, но и своем куске добычи.

Из Минска родом фотограф Моисей Напельбаум (1869–1958), большой мастер своего дела, искусный ретушер.

Открыто нами и подлинное лицо критика и педагога Павла Медведева, на поверку оказавшегося в 1925 году от-ветственным организатором комсомола 3-го Ленинградс-кого полка войск ГПУ, в период революционных событий и в последующее время обретавшегося на Витебщине (здесь, кстати, провела свое детство Галина Бениславская). Точно выяснить круг обязанностей и места службы П. Медведе-ва — «медведя в очках» — трудно, но, по косвенным данным, в начале гражданской междуусобицы он служил солдатом 132-й пехотной дивизии Западного фронта, являлся членом

комитета (3-й созыв) 10-й армии. Шустрый товарищ находил выход своей энергии в печатании корреспонденций во фронтовых газетах; позже, перейдя на службу в ЧК–ГПУ, об этой стороне своей биографии помалкивал.

В 10-й армии служил стукач Георгий Колобов (кличка Почем Соль), позже лукавый знакомец Есенина. Как и Медведев, армейский активист, одно время член «Комитета спасения революции» на Западном фронте, был корреспондентом ряда газет. Возле Колобова мелькает и солдат Николай Савкин, злобный, мстительный недруг Есенина.

Читатель, возможно,помнит Леонида Станиславовича Петржака, в 1925 году начальника подотдела уголовного розыска при Ленинградском губисполкоме, ближайшего дружка главы губернской милиции Герасима Егорова. Оказывается, Петржак в молодости работал в Гомеле на заводе «Арсенал» – тоже из белорусских мест. Но еще интересней, что в Гомель по партийно-подпольным поручениям наезжала Анна Яковлевна Рубинштейн (об этом она пишет в своей «Автобиографии»). То есть имеются основания предполагать их давнее знакомство, скрепленное общими боевыми операциями. Попутно небезынтересно заметить в Гомеле в феврале 1917-го фигуру Якова Агранова, позже известного своими зверствами чекистского предводителя, которого судьба сводила на Лубянке с Есениным.

Наконец об осином гнезде Октябрьского переворота – городе Могилеве. Именно здесь Николай II сдался на милость масонов-генералов Алексеева, Рузского и других, именно здесь была разгромлена Ставка Верховного главнокомандующего и убит генерал Духонин – можно не продолжать: многие важнейшие революционные события проходили в Могилеве. Недаром знатный не понаслышке местную предгрозовую обстановку Ольминский считал, что «...Могилев был в то время третьим (после Петрограда и Москвы) центром, решавшим исход революции». Нельзя умалчивать о значительных красных силах, копившихся в этом районе. Могилев стал вторым Версалем для России.

Здесь выковывались биографии П. Н. Лепешинского, А. Ф. Мясникова и многих других «глашатаев» революции.

Несколько могилевцев пополнили ряды ярых есенинских нетопырей. Среди них Г. Лелевич, предпочитавший лирике Сергея Есенина фельетонную бойкость Василия Князева, классической русской литературе – пролеткультовскую трескотню. Из дневника ленинградского критика Ин. Оксенова узнаем, что Лелевич, комиссаривший в российской печати, вмешивался в содержательную направленность посмертных статей о поэте, стремясь возможно больше исказить его человеческое и творческое лицо. После XIV съезда РКП(б) карьера двадцатичетырехлетнего «неистового пропагандиста» мировой революции пошла на спад, и кончил он так же печально, как и многие его бывшие сообщники по «опертрайкам».

В могилевский реестр можно занести и Валентина Вольпина, автора пресловутой «Памятки» о Есенине. Он – напомним – неплохо знал местную литературную жизнь, с семнадцати лет – с 1908 года – печатаясь в газете «Могилевский вестник», участвуя в работе здешних революционных кружков. Окончательно говорить о сознательном антиесенинском характере выступлений Вольпина у нас нет достаточных оснований. Он в соавторстве составил библиографию для четвертого тома собраний сочинений поэта (1927), но приглядеться пристальнее к окружению этого человека, считающегося ныне нейтральной фигурой, не помешает.

Еще одна новость: мать сексата Эрлиха – Анна Моисеевна, как удалось установить, родилась в местечке Дубровны (Дубровно) Горецкого уезда Могилевской губернии. Разумеется, этот факт ни о чем не говорит, но, не сомневаемся, скажет, когда мы узнаем ближайший круг ее родственников и знакомых, повлиявших на формирование ее нравственно уродливого сына.

Софья Толстая наивно писала М. Горькому 6 мая 1927 года, надеясь на его посмертную моральную защиту Есени-

на: «Вы не можете себе представить. Сергей уже стал “фашистом”, по отзывам особенно ретивых».³ Честь своего мужа она защищала и перед Михаилом Калининым (29 мая 1929 года): «На имени Есенина [много. – В. К.] неверных истолкований, что трудно говорить в оглохшие уши <...> Одернуть Лебедева-Полянского...»⁴ Известно письмо (1937) Зинаиды Райх к Сталину, в котором она, не сомневаясь, называла убийцами Есенина и Маяковского «троцкистов». Stalin читал это письмо, подчеркнул строки о злодеях, но встретиться с корреспонденткой не смог; в 1939 году Зинаиду Райх зверски убили в ее собственной квартире.

И все же в Советской России находились литераторы, поднимавшие свой смелый и честный голос в защиту обогланного поэта. Пожалуй, первым из них следует назвать Бориса Лавренева. Кроме известной статьи «Казненный дегенератами»,⁵ ему принадлежит записка в «Красную газету», в которой он прямо говорит об убийстве Есенина и Маяковского (информация не была отправлена в редакцию). «К Есенинской славе немедленно потянулись со всех сторон грязные лапы стервятников и паразитов <...> За ними потянулись десятки мелких хищников...»

Отважно защищал личность и творчество Сергея Александровича Владимир Правдухин,⁶ пожалуй, впервые давший тонкий и правдивый анализ серии стихотворений «Москва кабацкая» (критик был репрессирован). Нельзя забывать доброжелательно относившихся к поэту Я. Брауна, Б. Волина, И. Грузинова, Н. Соловьева, П. Касаткина и еще немногих из тех, кто останавливал зарвавшихся пропагандистов «есенинщины», видевших в поэте худшие национальные черты русского народа. Прав был Николай Клюев, писавший 28 января 1922 года Есенину «Страшная клятва на тебе, смертельный зарок. Ты обречен на заклание за Россию».⁷

Среди «ласковых» врагов поэта издательский работник предшественника «Иностранной литературы» журнала

«Интернациональная литература», ответственный секретарь Анна Абрамовна Берзинь, распускавшая пустейшие слухи о том, как она безуспешно разыскивала его в Ленинграде.⁸ В 1938 году ее арестовали по «делу» ее мужа, «польского шпиона» писателя Бруно Ясенского, европейского коминтерновца. Берзинь поддерживала тесную связь с чекистами троцкистского толка. Из официального постановления: «...является участницей антисоветской правоцентристской организации».⁹ Допрашивавший ее чекист подчеркнул: *«А. Берзинь не допускала и мысли о том, чтобы правительство подбиралось с русскими фамилиями».*¹⁰ Привлекавшийся к «делу Берзинь» Г. Д. Державецкий-Розенбаум свидетельствовал, что «...она в свое время была связана крепко с рапповским периодом советской литературы, то есть когда [было. – В. К.] полное влияние группы Авербаха. <...> У нее было много знакомств среди работников НКВД. Она любила этим хвалиться». Жила на широкую ногу: имела комфортабельную квартиру, строила новые хоромы, имела дачу в Переделкине, автомобиль... Из протокола судебного заседания 452-го военного трибунала Белорусского особого военного округа (Минск) от 20 июля 1939 года: «Жена Бруно Ясенского – это была развращенная советская барыня...» Упрятали ее за решетку на пять лет (Коми), освободилась в 1956-м.

Есенин сторонился таких людей. «Он национален и умел писать только о русском, – отмечал Воронский, – в своем заветном слове “Россия” он слышал – “роса”, “сила”, “синий”. В статье “Быт и искусство” поэт говорил своим знакомым: “У собратьев моих нет чувства Родины во всем широком смысле этого слова, поэтому они так и любят тот диссонанс, который впитали в себя с удушивыми парами шутовского кривляния ради самого кривляния”».

В то же время он был далек от устаревающего уклада прошлой крестьянской жизни. «Жизнь, по-настоящему жизнь нашей Руси, – делился он с другом-поэтом Ширяевцем в 1920 году, – куда лучше застывшего рисунка ста-

рообрядчества. Все это, брат, было, вошло в гроб, — так что не нюхать эти колодовые останки». Он не прятал любовь к своей Родине, открыто говорил о ней. Инскрипты на книгах близким ему духом людям: «Николаю Хорикову за то, что он русский. Есенин» («Новый журнал», Нью-Йорк, 1972, кн. 10). «Евгений! Сокол, милый, люблю Русь. — Прости, но в этом я шовинист» (кн. «Ключи Марии»). «Александру Васильевичу Ширяевцу с любовью и расположением. Я никогда не любил Китежа, нет его и не было, — так же, как тебя и Клюева. Жив только русский ум, я его люблю и кормлю в себе» («Исповедь хулигана», 1921).

Есенинские песни о России широко известны: «О Русь — малиновое поле // И синь, упавшая в реку. // Люблю до радости, до боли Твою озерную тоску». Или: «Но более всего // Любовь к родному краю // Меня томила, // Мучила и жгла». Поэт резко критически относился к тем инородцам, которые заставляли русских жить по-своему, и молил: «Заштити меня, влага нежная, // Май мой синий, июнь голубой. // Одолели нас люди заезжие, // А своих непускают домой». Такая откровенная вера вызывала нескрываемую злобу «заезжих людей» — всех этих Сосновских, Родовых, Коганов и прочих Лелевичей. Его называли националистом, шовинистом, фашистом, антисемитом (слово «националист» до 1917 года вовсе не имело негативного оттенка; это понятие в положительном смысле употребляли Федор Достоевский, Михаил Меньшиков, Петр Струве, Иван Ильин, Николай Бердяев, Василий Розанов и другие). Ненавистники поэта думали иначе.

Александр Ревякин находил у Есенина «шовинистический патриотизм», Петр Смидович подглядел у него «антисемитизм». Сумбурный Петр Лавров был уверен: «...национальность <...> — случайная помеха социализма». Ему вторила некая Г. Горшкова. «Любовь Есенина к родине в наше время, — талдычила она, — ...в результате социологического анализа <...> является зовом назад. В этом узком патриотизме, быть может, сказалось на Есенине владение замк-

нугости крестьянской обстановки». ¹¹ Бегавший от одной партии в другую и в конце концов примкнувший к большевикам Д. Заславский настрочил большой труд «Евреи в русской литературе» («Еврейская летопись», СПб., 1923, вып. 1-й), где приговорил к жидоненавистникам чуть ли не всех русских писателей XIX века; в частности, он глаголел: «Гоголя, как и Пушкина, можно называть антисемитами». Забравшись на гребень власти, «заславские» начисто отвергли общепринятые успехи великой русской культуры. А почему не называют Маркса и Ленина ярыми антисемитами за их известные на эту «скользкую» тему статьи?..

А. Луначарский, Юрий Лурье (Ларин) и многие другие призывали к уничтожению русской истории и литературы, православия и вообще всех традиций земли русской.

В. Л. Львов-Рогачевский в книге «Русско-еврейская литература» (1922) приводит слова Акима Волынского (80-е годы), полностью уничтожающие роль «чужих» в нашей культуре: «...в русской литературе, — пишет он, — евреи до сих пор пока играли ничтожную роль». ¹² И такие трезвые голоса не единоки. Поэт-сионист Х. Н. Бялик цитирует известного еврейского писателя: «Галантливый и темпераментный В. Жаботинский находит даже, что евреи пока ничего не дали русской литературе». ¹³ Еврейский историк Сергей Дубнов замечал: «Читая его (еврейского поэта Фруга. — В. К.) русские стихи, я не замечал русского языка» («Одесские новости», 1916, 8 сентября). В том же духе высказывались поэты-сионисты (в прошлом) Х. Зингер, Я. Маршак, Л. Яффе и др.

Центром полемики 20-х годов стал вопрос о соотношении литературы и религии. Особенно в этом вопросе упражнялся Г. Покровский в книге «Есенин — есенинщина — религия» (1930). Поэт еще в 1916 году выражал тревогу о падении веры в народе: «Не в моего ты Бога верила, // Россия, родина моя! // Ты, как колдунья, дали меряла, // И был, как пасынок, твой, я».

После гибели Есенина Вера Инбер писала растерянно:

«Что сделать теперь со словом “национальный”? Почему Есенин возглавляет в наше железобетонное время целую нацию?» («Новый зритель», 1926, № 2). Да потому, что, проплутав по социальному бездорожью, испытав богооборческие порывы, увлечение имажинизмом и другими «измами», он вернулся к вселенским ценностям (любовь, семья, природа, «братья наши меньшие» и т. п.), в том числе осиливал и трудную дорогу к образу Иисуса Христа.

Глава 15

ОН НЕ ПИСАЛ «ДО СВИДАНЬЯ...»

До свиданья, друг мой, до свиданья.
Милый мой, ты у меня в груди.
Предназначенное расставанье
Обещает встречу впереди.
До свиданья, друг мой, без руки, без слова.
Не грусти и не печаль бровей, —
В этой жизни умирать не ново,
Но и жить, конечно, не новей.

Почти 80 лет эти погребальные строки воспринимаются десятками миллионов людей как удостоверение Сергея Есенина на самоказнь. Элегия бесконечно цитируется в учебниках, хрестоматиях, бесчисленных сборниках поэта. Она переведена на многие иностранные языки и непременно упоминается в зарубежных исследованиях о русской лирике. Меж тем до наших дней не изучена история появления в печати этого восьмистишия, не известны подлинные биографии лиц, имевших прямое или косвенное отношение к посланию, наконец, не дан стилистический анализ рукописи и не проведена ее независимая судебно-графологическая экспертиза.

«До свиданья...» впервые было опубликовано 29 декабря 1925 года в ленинградской «Красной газете» (вечерний

выпуск) в подборке материалов о смерти Есенина. Здесь стихотворение датировано 27 декабря, что не оставляло у читателей сомнений в есенинском самоприговоре. Но в так называемом оригинале дата отсутствует, в нем заметны исправления и расхождения со ставшим каноническим текстом.

Впервые стихотворение публично, под звуки оркестра московского Камерного театра, исполнила 4 января 1926 года артистка Алиса Коонен. Таким образом, в массовом сознании стала отштампovываться заранее спланированная злая легенда. По следам кровавого события ее упорно утверждали «неистовые» критики. Так, уже 5 января ненастник поэта Михаил Левидов писал, что «печальные строки Есенина звучат тягостной клеветой на нашу эпоху» («Вечерняя Москва», 1926, № 3). Начиналась антиесенинская вакханалия.

Молва прочно связала «До свиданья...» со стихотворцем-«имажинистом» Вольфом Эрлихом, которому якобы посвящена прощальная октава. Первыми об этом поведали в печати журналист Георгий Устинов и его жена Елизавета Алексеевна, якобы четыре дня опекавшие поэта в «Англете». Почти 80 лет есениноведы и самодеятельные следопыты умилялись этой трогательной историей, не удосуживаясь обратиться к документам, которые подтвердили бы их воспоминания.

Сегодня десятилетиями громоздившаяся пирамида лжи вокруг преступления XX века рухнула окончательно. Вывод следующий.

С целью избежания неправедного суда по иску партчленовника Левита и дипкурьера Рога (после конфликта в поезде «Баку – Москва») поэт намеревался бежать из СССР, но по приезде 24 декабря в Ленинград был арестован, подвергся допросам и пыткам и был убит. Затем варвары перетащили его мертвое тело в «Англете», где инсценировали самоповешение. Переезжать официально на постоянное жительство в город на Неве ему не имело смысла, так как он

дал подпись о невыезде из столицы, и его обязательно задержали бы и отправили на скамью подсудимых в Москву.

Повторимся: контрольно-финансовые списки квартиронтов «Англете́ра» доказывают: ни Есенин, ни чета Устиновых в декабре 1925 года в этом отеле не останавливались.

Недавно найденное нами «личное дело» Георгия (Жоржа) Устинова (мы об этом писали) позволило установить сенсационный факт, оказывается, 22 декабря 1925 года на заседании партколлегии Центральной контрольной комиссии при ЦК РКП(б) слушалось его заявление о восстановлении в партии (напомним, Есенин отправился в Ленинград 23 декабря). Согласно документам, Жорж в ту пору разошелся с женой и ютился в московской квартире (адрес известен) своего товарища по прошлой работе в «Известиях», троцкиста-сиониста Петра Подашевского (подробнее см. «Новый журнал», СПб., 2000, № 2). Между тем Устинов в опубликованных «Моих воспоминаниях...» утверждал, что ко времени декабрьского происшествия — «...я жил уже несколько месяцев в “Англете́ре”. Очевидно, под страхом смерти он отдал свое имя на создание мифа о самоубийстве поэта. В этом свете его мемуары несомненно лживы, в том числе и байки о «До свиданья...».

Со второго «очевидца» трагического события — Вольфа Эрлиха, сексата ЧК—ГПУ—НКВД — маска сброшена. И дело не столько в «специализации» осведомителя, сколько в его разоблаченных связях с сообщниками по замечанию следов преступления. Шапочное знакомство этого мерзавца и «поэта» было разукрашено в трогательную дружбу. Факты же такие фантазии опровергают. Когда в начале ноября 1925 года Сергей Александрович совершил свой загадочный «набег» в Ленинград, он даже не считал нужным встретиться с «Вовочкой». Обидевшийся полу приятель писал по этому поводу Есенину: «Хорош! Троє суток пробыть в Питере и не зайти, не известить».

Эрлих равнодушно прошел мимо трагедии, не посвятил «лучшему другу» ни одной стихотворной строки. Очевид-

но, потому-то он всегда избегал говорить о «До свиданья...», хотя именно эта псевдоэлегия десятки лет удерживала его на плаву известности. Патологически завистливый и мстительный, он не раз выражал в «эзоповских» стихах глубоко скрытую неприязнь к своему знакомому. Вот, к примеру, напомним, весьма многозначительные строфы одного из его опусов:

Я ничего не жду в прошедшем,
Грядущего я не ищу
И о тебе, об отошедшем,
Почти не помню, не грущу.

Простимся ж, русый! Мир с тобою!
Ужели в первый вешний день
Опять предстанет предо мною
Твоя взыскующая тень!

Эрлих был горазд на кощунственные аллегории. Он даже зафиксировал (мы об этом говорили) последнюю минуту жизни Есенина в своем стишке «Шпион с Марса» (1928): «Но, когда последний человечий// Стон забьет дикарской браны взрыв, // Я войду, раскачивая плечи, // Шупальцы в карманы заложив». Не так ли картинно входил Вольф Иосифович в камеру пыток, где перестало биться сердце русского мученика?..

Без настоящего отступления история фальшивого стихотворения «До свиданья...» будет несколько отвлеченной и недосказанной. Стихотворение это вызвало недоумение уже у очевидцев последствий трагедии. Художник Василий Сварог, рисовавший мертвого поэта, не сомневался в его убийстве и назвал восьмистишие «странным». Выражали недоумение и другие современники.

Чего только не писали о загадочной исповеди! Одни, ссылаясь на Устиновых, адресовали ее Эрлиху, другие — Николаю Клюеву, третья — литературоведу Виктору Мануйлову, четвертые... — и каждый по-своему умничал, не сообразуясь с элементарным здравым смыслом. А он под-

сказывает, — неужели перед «гробовым исходом» у Есенина не возникало других помыслов и порывов, кроме как поэтически раскланяться с неназванным дружком? Неужели ему более не с кем и не с чем было проститься? Почекуму, допустим, его предсмертные слова (предположим это) обращены не к дорогой его сердцу истерзанной России, не к его последней любви, актрисе Августе Миклашевской, наконец, не к Богу — сегодня доказано, что он — автор дерзкого «Послания “евангелисту” Демьяну [Бедному]», направленного в защиту Иисуса Христа (см. далее). Масштабы поэтического мира и личности Есенина настолько огромны, что невозможно поверить в эту частную бытовую скороговорку.

Почему-то все писавшие о стихотворении «До свидания...» не заинтересовались важнейшим исходным фактом: листок с «кровавыми» строками был передан в Пушкинский Дом 2 февраля 1930 года «через Г. Е. Горбачева», которому, в свою очередь, так называемый оригинал «подарили» литератор Владимир Измайлов. Последний, гласила молва, сразу же после смерти поэта побывал в гостинице и взял «на память» прощальное откровение.

Не стоит подробно говорить об Измайловой, малоизвестном беллетристе, влячившем тогда полуголодное существование и вряд ли подозревавшем о навязанной ему роли посредника. А вот на личности Горбачева остановимся подробнее, так как он выступал одной из ключевых фигур «англтеровского» злодеяния (полезно об этом напомнить).

Георгий Ефимович Горбачев (1897–1942) — заметный литературный критик 20-х – начала 30-х годов. Неистовый «красный Белинский», выносивший приговоры вульгарно-социологическою толка. Недавно в наши руки попал его «Личный листок» (под грифом «ЦК РКП(б-в). Учетно-распределительный отдел», 12 окт. 1925 года). «Дело» это хранилось за семью печатями. Извлечем из него вчера еще «совершенно секретное».

Горбачев родился, по его словам, «вне брака». «Имени и

фамилии мать (акушерка О. Ф. Ладытина. — *B. K.*), — признается он в «Автобиографии», — не называет. Усыновлен мужем тетки, штабс-капитаном морской артиллерии Е. П. Горбачевым». Род без матери.

Бездонным явился на свет, таковым и остался, если говорить о его отношении к судьбе России, всегда остававшейся для него мачехой.

Через пень-колоду окончил историко-филологический факультет Петроградского университета. В 1917-м прокнулся к группе межрайонцев-интернационалистов во главе с Юрием Лариным (Лурье), отцом будущей (с 1934 г.) третьей жены Н. И. Бухарина. В начале июля того же года Горбачев был арестован. «Сидел (в «Крестах». — *B. K.*) вместе с Крыленко», — горделиво сообщал он, подчеркивая свою близость с позже известным ревтрибуналцем и прокурором. В сентябре был освобожден Керенским под денежный залог. Указывал, что после революции работал воспитателем детской колонии в Пермской губернии, во что невозможно поверить, — скорее, всего, выполнял какое-то секретное поручение.

В 1919-м стал большевиком по рекомендации политического авантюриста Константина Аршавского (Сыркина) [по некоторым данным, причастен к «делу Есенина»] и Ивана Москвина, партийного дельца и масона советского времени (кстати, хорошо знавшего журналиста Устинова).

Горбачев сделал быструю карьеру комиссара — от учителя политграмоты до заместителя начальника Политуправления Петроградского военного округа и уполномоченного политотдела 7-й Армии. Принимал участие в подавлении Кронштадтского восстания (1921).

Рано занялся преподавательской работой: 25-летним уже поучал слушателей Военно-политической академии, позже преподавал и в других вузах. Критик-публицист крайне вульгарного толка, печатался в таких изданиях, как «Интернационал», «Солдат», «На страже», «Красная звезда».

да», «Горн», «Красная газета», и других. Активный рапповорец и заметный воитель «Литературного фронта».

Нередко обращался к поэзии Есенина, называя его «типичным деклассированным интеллигентом (вернее полуинтеллигентом, так как он был малокультурен)» («Современная русская литература», Л., 1928, стр. 53). Характеризуя позицию ленинградского журнала «Русский современник», стремившегося в пределах дозволенного сохранять национальные традиции, потешался над этим изданием (скоро закрытым) и над замученным поэтом: «Есенин мог бы предложить назвать этот журнал <...> «Гостиницей...» для убоявшихся большевизма, марксизма, пролеткультуры». («Два года литературной революции...» Л., 1926, стр.159). Рьяно поддерживал миф о «есенинщине», целя прежде всего в культуру русского народа.

Его ближайшие единомышленники и друзья – критик Г. Лелевич (Калмансон) и поэт А. Безыменский (при наездах в Москву Горбачев останавливался в его квартире), органически не терпели Есенина и постоянно нападали на его творчество при жизни, хулили его память после смерти.

В 1927 году, когда Троцкого изгнали из партии, «погорел» и Горбачев. Позже его не раз восстанавливали и вновь исключали. Протоколы таких партпроработок нам известны. В одном из протоколов (1928 год) сказано, что он «... давал адреса к Зиновьеву и Троцкому», то есть поддерживал нелегальные контакты со своими политхозяевами и кормильцами. Противостояние троцкистов и сталинистов тогда серьезно обострилось (вплоть до применения оружия). Из горбачевского досье № 416191/7: «Был раза 2 или 3 на квартире Зиновьева на 11-й роте, однажды давал адрес и [пароль] для прохода туда оппозиционерам из ЛГУ».

Теперь, когда портрет Горбачева впервые прояснился, поступление в 1930 году в Пушкинский Дом оригинала стихотворения «До свиданья...» вряд ли можно рассматривать как обычный канцелярский акт – тем более в то время он исполнял обязанности заместителя директора

Института новой русской литературы (ИНЛИ – именно так) – формальным его главой числился Луначарский. Отсюда резонно заключить: Горбачев таким образом, «на всякий случай», спрятал листок с «есенинским» стихотворением. Кстати, полагаем, рукопись стихотворения «До свиданья...» Вольф Эрлих не только не держал в руках, но и в глаза не видел. Ему, секстоту ГПУ на побегушках, не могли доверить столь опасно-сомнительный документ. «Красная газета» печатала элегию *по копии* (не исключено, в передаче по телефону), и тогда-то под ней появилась дата: «27 декабря». Попутно не лишняя деталь: в день поступления листка с «есенинскими» строками в ИНЛИ Эрлих находился в Ленинграде, что доказывается его сохранившимся письмом к матери в Ульяновск.

Итак, на сокрытие следов убийства великого русского поэта были брошены мощные «темные силы».

На наш взгляд, как уже упоминалось, руководил «дьявольиадой» начальник Секретной особой части (СОЧ) ленинградского ГПУ Иван Леонов, в 1920–1921 годах второй человек в московской городской ЧК, наверняка знавший Есенина по его приводам на Лубянку. Лишь недавно стало известно, что Горбачев хорошо знал Леонова, по крайне мере, с 1917 года, когда они оба баллотировались в думские депутаты по Василеостровскому району Петрограда от межрайонного Комитета объединенных социал-демократов-интернационалистов («Солдатская правда», 1917, № 36, июнь). К слову, тогда же и от того же Комитета выставляли свои кандидатуры Троцкий и Свердлов. Нелишне заметить, что секретарь СОЧ ленинградского ГПУ М. Никольский (помощник И. Леонова) в 1932 году давал партийную рекомендацию Вольфу Эрлиху.¹ Как видим, компания подобралась весьма темная и давно повязанная различными грязными делишками. В середине 20-х годов люмпен-интеллигенция давала бой традиционной русской литературе, ярким выразителем которой был Есенин. Особенно нетерпимым красным пылом отличался город трех революций, где были унич-

тожены или откуда бежали многие талантливые и совестливые писатели (после Гражданской войны население Петрограда с пригородами насчитывало всего около 600 тысяч человек). Неудивительно, что в 1925-м в качестве главного прикрытия убийства поэта использовалась местная литературная братия, как правило, имевшая чекистский опыт. Одну из ведущих скрипок в этом отлаженном оркестре играл Горбачев. Показательно, — он хорошо знал всех, кто заметал следы злодеяния. Поэтому-то в «англетеовской» истории так много неслучайных совпадений.

Когда 19 января 1926 года в «Правде» появилась фарсейская статья Троцкого Есенине, — в тот же день директор Лениздата, бывший каторжник Илья Ионов (Бернштейн), шурин всемогущего Зиновьева, виновный в преждевременной смерти Александра Блока, подписал приказ об утверждении Горбачева и прозаика Сергея Семенова членами редколлегии журнала «Звезда» (выгодные и хлебные места). Вскоре Семенов, крупный чекист в годы Гражданской войны, попадет в список гостей 5-го номера «Англете». Первым на него, как очевидца проживания поэта в гостинице, указал Георгий Устинов. Кстати, он великолепно знал Горбачева. Их подписи красуются рядом под декларацией непримиримого «Литературного фронта» («Горн», 1920, кн. V). Позже, в 1922 году, они, конечно же, встречались в «Петроградской правде», где Устинов недолго трудился заместителем ответственного редактора и где Горбачев частенько печатался.

А теперь, когда смрадная атмосфера вокруг стихотворения «До свиданья...» восстановлена, обратимся к рукописи. В 1957 году тайник Пушкинского Дома приоткрылся, и так называемый автограф стал доступен немногим исследователям.²

...Перед нами пожухлая серенькая страница из блокнота. «До свиданья, друг мой, до свиданья...» Неужели все-таки это *его* рука? Через лупу внимательно вглядываемся в каждую букву. Что это за пятно вверху, над расплывшимися строчками?.. Говорили, клякса, поставленная Есениным

в минуту нервного напряжения, когда он подводил грустный итог своей жизни. По официальной версии, в 5-м номере «Англтера» не нашлось чернил (невозможно поверить — в респектабельном отеле, обставленном мебелью красного дерева, украшенном заморскими коврами, роялями, дорогим фарфором и т. д., имевшем библиотеку и канцелярскую службу, чернилами можно было бы захлебнуться).

...Вновь присматриваемся к «кляксе». Непохоже. Нечаянный «ляп» не может содержать резко разнонаправленных линий и штрихов. Вглядываемся еще и еще раз, сомнений быть не может — перед нами искусное графическое изображение головы... свиньи; уши ее тонированы строго вертикально, а морда — горизонтально.

Загадка: над строками уходящего в иной мир человека (допустим такой вариант) почему-то красуется передняя часть головы животного. Сей «шедевр» вместе с нами воочию наблюдал литературовед, усмотревший нос «наподобие кабаньего», и позже растерянно заявивший: «Достаточно убеждая в своем искусственном происхождении, рисунок этот вместе с тем рождает и новую цепь загадок: чьей руке принадлежит, случайно ли совпал именно с этим текстом, а если нет, то каков его смысл?» («Русский альманах», СПб., 1997, 25 марта, № 1).

Экая невинность! Даже недоучка Эрлих понимал значение так нелюбимого им «дискуссионного» создания природы. Ему принадлежит примечательный в этом плане стишок с многозначительным названием «Свинья» (1929):

Припомни, друг: святые именины
Твои спрятать — отвык мой бедный век;
Подумай, друг: не только для свинины
И для расстрела создан человек.

«Святые именины», разумеется, Рождество Христово. Есенин был убит через день после святого праздника (*по старому стилю*) и накануне того же библейского события (*по новому летосчислению*). Через восемь лет после напи-

сания жутковатых строк их автора поставили к стенке... — свершилось возмездие за надругательства над святынями и сокрытие преступления XX века.

Вызвавшее такую бурную реакцию «До свиданья...» стало объектом изучения текстологов. Одним из первых внимательно всмотрелся в строчки и буквы стихотворения петербургский литератор Н. Астафьев («Наш современник», 1995, № 12).

Он обратил внимание, что стих «Милый мой, ты у меня в груди» в рукописи читается: «Милый мой, чти и меня в груди». Кто-то исправил «чи» на «у», устранив таким образом склонность лирического героя к собственному почитанию. Невозможно представить, чтобы Есенин написал такую несуразность! Трудно также поверить, что ему принадлежит чудовищно неуклюжий оборот — «Пред-на-значен-но-е расставанье» — полистайте его собрание сочинений — ничего подобного не встретите. Совершенный музыкальный слух поэта не мог допустить такой канцелярщины. Не в есенинском стиле и высказывание «...без руки, без слова». Кстати, до наших дней во многих сборниках можно встретить: «...без руки и слова», что говорит о небрежности текстологов и редакторов-составителей.

Отмеченные «недоразумения» существенны, но, пожалуй, не менее важно вслушаться в «прощальное слово». Оно кладбищенски заданно, его загробная музика никак не созвучна есенинской певучести. В стихотворениях о роковой смерти он, как правило, сопровождает унылый взгляд на будущее озорным, «хулиганским» мотивом, тем самым как бы снимая остроту отчаяния: «Друзья поставят серый камень. С веселой надписью в стихах»; «Любил он родину и землю, / как любит пьяница кабак»; «На рукаве своем повешусь» и т. п.

Пересуды 20—30-х годов о том, что поэт «накаркал» свою погибель, шли от плохого знания мировой лирики, нередко обращавшейся к трагической теме смерти. В ней у Есенина был замечательный предшественник, его духов-

ный учитель Иван Никитин, автор проникновенного рецензии «Вырыта заступом яма глубокая...» Тончайшие музыкально-ритмические нюансы есенинских «песен» образуют природно-органическую целостную систему. «До свиданья...» же с его диссонансами выпадает из нее — недаром многие опыты переложения стихотворения на музыку кончались неудачами.

Особая глава в истории «До свиданья...» — ее графологический анализ. Накануне убийства поэта Д. М. Зуев-Инсаров, специалист с большим дореволюционным стажем, провел экспертизу восьмилишня (и других произведений) и передал свои выводы есенинскому музею в Москве (вскоре закрылся). В 1927, 1929-м вышла книга графолога «Почерк и личность», в которой — в качестве приложения был напечатан разбор автографов «подопытного». В ряде случаев наблюдения небезинтересны и совпадают с личностными характеристиками поэта, но невольно «спотыкаешься» на тех умозаключениях Зуева-Инсарова, которые никак не соответствуют его же методике работы.³ Некоторые положения почерковеда вписываютя в тривиальную схему «есенинщины», дискредитируя графологию как научную дисциплину. Так, он договаривается (издание 1929 года) до по меньшей мере странных выводов: «Сердечности в натуре мало»; «Склонен к одиночеству» и т. п. Комментарии излишни. Подобные нравственно-поведенческие черты личности вне сферы графологии, а сам Зуев-Инсаров, глава целой школы этой области знания, никогда ранее не оперировал подобными определениями. Современные почерковеды обратили внимание на это противоречие («Чудеса и приключения», 1927, № 11/12). Для разгадки сей нелепицы может быть несколько подходов. Книга Зуева-Инсарова появилась в примечательном для нашей темы 1929 году, когда укрыватели преступления в «Англете» стали лихорадочно заметать следы злодеяния и создавать себе алиби (Вольф Эрлих поспешил издать фальшивые мемуары «Право на песнь», Георгий Устинов исчез из Москвы и затаился в глу-

хом местечке родного Нижегородского края, сексот ГПУ Лазарь Берман – лжегость 5-го номера «Англете́ра» – срочно подался в столицу; по грубо состряпанным уголовным «делам» попали за решетку бывший управляющий гостиницей чекист Василий Назаров и милиционер Николай Горбов, составитель (?) протокола обнаружения тела поэта в отеле).

Неожиданные метаморфозы произошли и с другими засуетившимися лицами. Такая возня-беготня вовсе не случайна: в начале ноября 1929 года за конспиративную связь с высланным из СССР Троцким расстреляли его прихвостня, чекиста-террориста Якова Блюмкина, одного из убийц Есенина. Весть о «ликвидации» спеша по «мокрым делам» быстро долетела до Ленинграда, и преступники бросились замечать следы.

Однако вернемся к Зуеву-Инсарову. Вряд ли он имел отношение к закулисной интриге: вероятно, его втянули в нее и «помогли» отредактировать текст экспертизы. На такую мысль наводит следующий настораживающий абзац зуево-инсаровской книги: «Исследование почерка Есенина, – пишет он, – сделано мною за несколько дней до его трагического конца (курсив мой. – В. К.) по просьбе ответственного редактора издательства “Современная Россия”, поэта Н. Савкина».⁴

Во-первых, известно, графолог, опытный профессионал, никогда не проводил экспертизу без согласия «объектов» (Л. Толстой, М. Горький, А. Луначарский и др.), а на сей раз разрешения не спросил. Во-вторых, выявление «за несколько дней до его трагического конца» цинично-бестактно, так как свидетельствует о тенденциозности и запланированности результатов исследования. В-третьих, почему он не заметил *рисунка головы свиньи* наверху листка?

Удивляют и другие «мелочи» – ничего не сказано о принадлежности стихотворения «До свиданья...» (по почерку) Есенину, не объяснено, каким неизвестным предметом (застреленной палочкой?) начертано стихотворение (в феше-

небельном отеле, выходит, не только отсутствовали чернила, но и обычной письменной ручки не нашлось), не указано на исправления в тексте (кому они принадлежат?).

Наконец, элементарная логика подсказывает: если автограф стихотворения «До свиданья...» появился у графолога «за несколько дней» до кончины поэта, значит, нужно было значительное время для его пересылки в Москву, производства экспертизы, отправки подлинника обратно в Ленинград с целью напечатания стихотворения в «Красной газете». Но ведь первая публикация здесь датирована 29-м декабря, и воспоминатели (Устиновы) пишут, что поэт вручил листок со стихотворением Эрлиху 27 декабря. Согласитесь, есть над чем призадуматься...

Вдогонку к графологическому сюжету несколько слов о Николае Петровиче Савкине, посреднике в передаче стихотворения «До свиданья...» и других есенинских рукописей Зуеву-Инсарову. Микроскопический стихотворец, издатель-делец, человек, далеко не безупречный нравственно. 17 сентября 1924 года Есенин писал сестре Екатерине: «Передай Савкину, что этих бездарностей я не боюсь, что бы они ни делали. Мышиными зубами горы не подточишь».⁵ Такая резкая оценка объяснялась тем, что Савкин распространял сплетни о поэте, угрожал ему.

В сравнительно недавнее время так называемый оригинал стихотворения «До свиданья...» подвергался экспертизе, но она была односторонне-тенденциозной, полностью игнорировала изложенные выше факты. На эту тему см. статью автора этой книги «Фальсификаторы» («Молодая гвардия», 2000, № 12).

Псевдоэлегия появилась на свет не случайно. Она не только закрепляла в сознании советских людей факт самоубийства поэта, но и постоянно использовалась в его посмертной моральной казни, названной «есенинщиной».

Занятый интригами на XIV съезде РКП(б), Троцкий о русской поэзии помалкивал и откликнулся на событие в «Правде» (1926, 19 января) спустя более трех недель после

трагедии. Обратимся к его «руководящему слову», помня, что оно немедленно послужило сигналом к прекращению следствия по «делу самоубийцы».

Никогда ранее Лев Давидович не писал о поэте в столь возвышенном тоне, до того снисходительно определяя его «мужиковствующим». Теперь, когда все более проясняется роль «демона революции» в организации кощунственного спектакля в «Англете», требуется внимательнее вчитаться в его статью «Памяти Сергея Есенина». От нее разит фарисейским душком. О такого рода психологических типах писал жене в 1917 году Г. В. Плеханов: «Как мало ты знаешь этих людей! Они способны подослать наемного убийцу, а после убийства проливать крокодиловы слезы».

Обратим внимание: Троцкий в статье дважды датирует смерть поэта 27-м декабря, хотя все советские газеты называли 28-е. И он, знаяший закулисную механику кровавого события, был прав: *Есенина убили поздним воскресным вечером 27 декабря*, а затем тело перетащили в гостиницу, где состоялась инсценировка самоповешения.

Свой «плач» Лев Давидович совершают, строя статью на мотиве крови, комментируя на разные лады именно стихотворение «До свиданья...»: «*Он ушел сам, кровью попрощавшись с необозначенным другом...*»; «*Кому писал Есенин кровью в свой последний час?*» и т. п. Как преступника обычно влечет на место преступления, так и Троцкого тянуло к стихотворению, которым он козыряет в качестве тузя в шулерской игре.

Главная мысль Троцкого: «*Поэт погиб потому, что был несроден революции*». Чтобы вывод выглядел основательней, некролог разукрашивается стилевыми кудряшками: «*Он ушел из жизни без обиды, без позы протеста — не хлопнув дверью, а тихо прикрыв ее рукой, из которой сочилась кровь*»; «*Есенин всегда, видимо, чувствовал себя — не от мира сего*». В этих разглагольствованиях не только «красовиность», но и заведомо продуманная ложь.

Поэт ушел из жизни мужественно, не склонив головы перед палачами. Ближе к правде Вольф Эрлих, автор алле-

гории «Шпион с Марса» (1928 года) [горделивый намек на сексотскую службу], в которой *далеко не лирический герой* подслушивает в соседнем помещении жаркую словесную перепалку, сопровождающую дракой («гром и звоны»), а затем «шпион» исповедуется (повторимся):

Но, когда последний человечий
Стон забьет дикарской браны взрыв,
Я войду, раскачивая плечи,
Шупальцы в карманы заложив.

Так ли картиною входил Эрлих в камеру, где был замушен Есенин, сказать трудно («Вова» частенько зарифмовывал сюжеты из своей потаенной биографии), но, согласитесь, стишок наводит и на такие размышления...

Троцкий в «Правде» внутренне спорит с автором «Страны негодяев», вернее, создает его искаженный портрет; под его пером предстает эдакий лирик-озорник и недотепа, всю жизнь готовившийся наложить на себя руки по причине своей «неотмирности», не нашедший себя «в культурных центрах Европы и Америки», не охваченный «неистовым патриотизмом своей эпохи», хотя и «не был чужд революции». Что ни фраза — извращение подлинного Есенина, которого мы открываем лишь в последние годы. Поэт огромной интуиции, он предчувствовал свою преждевременную гибель, так как остро ощущал неправду жестокой эпохи и свое одиночество в мире социально-классовых облав; сравнивая себя с загнанным волком, писал: «Как и ты — я, отвсюду гонимый, // Средь железных врагов прохожу». И не ошибался. Силы были слишком не равны — ведь это он, по словам Веры Инбер, возглавил «...в наше железобетонное время целую нацию», ведь это с ним связывали имя последнего русского национального поэта. Взвалив на себя столь тяжкую ношу, певец Руси сознавал гибельные последствия своей независимости — потому и говорил по адресу своих потенциальных убийц: «Это им не простится, за это им отомстят. Пусть я буду жертвой, я должен быть

жертвой за всех, за всех, кого непускают [домой]» (запись Галины Бениславской).

Есенин выступал патриотом России, а не искусственной троцкистской «эпохи», надуманной в «культурных центрах Европы и Америки».

На фоне трескучего рифмопроизводства есенинские певучие творения были укором «железным» конструкциям и становились социально опасными. Этого-то и боялся «Иудушка Троцкий» (выражение Ленина), спрятавший правду о преступлении в жалкие словесные завитушки.

Троцкий своей статьей открыл оголтелую компанию против «есенинщины» и сделал это вовсе не в заботах о литературе, а о себе самом и своих соратниках. Проиграв на XIV партийном съезде политическую драку Сталину, он, «раненый Лев», стал искать виновников своего поражения и нашел их в числе большевиков, не спешивших выражать свою любовь к «людям заезжим» (письмо Троцкого от 8 января 1926 года, сохранилась копия, – к Н. И. Бухарину). Когда Льва Давидовича в 1927 году исключили из ВКП(б), «Коля Балаболкин» (определение Троцкого) тоже прибег к подобному окольному приему... – написал свои антиесенинские «Злые заметки». В обоих случаях жертвой политической борьбы стал Есенин; и там и здесь фигурировало стихотворение «До свиданья...» в качестве чуть ли не справки о его «плохом» поведении. Вряд ли Бухарин знал о подоплеке происшествия в «Англете», но тайнопись духовно близкого ему товарища он угадывал безошибочно.

В отличие от прямолинейного «Коли Балаболкина», Троцкий, оставаясь в тени, всегда творил черные деяния «художественно», если такой эпитет вообще применим к его бес счетным варварским операциям. Сравнивая «вождя мировой революции» с пауком и москитом, Александр Куприн писал о нем как о насильственном организаторе организаторов убийств и делал вывод, «... что весь этот человек состоит исключительно из неутомимой злобы и что он всегда горит ничем неугасимой жаждой крови» (эссе «Троцкий»).

О том, как фиглярничал «Иудушка», можно судить по его внешне «отцовской» сентенции по отношению к покойному, которого «во имя будущего» революция «навсегда усыновит», и чудовищной лавине грязи, обрушившейся на его еще свежий гроб.

Такого потока презрения и ненависти, хлынувшего на убиенного со страниц многих газет и журналов, история никогда не знала. Если бы Троцкий искренно сочувствовал трагедии, он бы легко остановил антиесенинскую вакханалию. Нет, он равнодушно наблюдал *посмертную казнь поэта*, названную «есенинщиной».

Кто только не упражнялся в создании крайне негативного портрета автора «Анны Снегиной» — читай — образа русского народа: наркомы А. Луначарский и А. Семашко, члены партийного ЦК Л. Сосновский и Е. Ярославский, поэты В. Маяковский и А. Безыменский, критики Г. Лелевич и О. Бескин, медики И. Голант и В. Греневич — всех перечислить невозможно! Если собрать антиесенинские публикации только за два года после «англете́ровского» события, получится *несколько томов злобы*, замещанной на зоологическом неприятии русской культуры. К годовщине смерти поэта в московском музее его имени (вскоре закрылся) было сосредоточено 1500 статей о его личности и творчестве — и почти все вульгарные, и во многих из них упоминается пресловутое стихотворение «До свиданья...».

Злобствовали пигмеи. Великий Свифт был прав: «Когда в мире появляется настоящий гений, вы можете легко узнать этого человека по обилию врагов, которые объединяются против него».

Воистину неумной фантазией отличались газеты, причем провинциальные соревновались в подлости со столичными. Один пример из сотен: Есенин — «этот интернациональный тип цивилизованного дикаря, пещерного зверя в лайковых перчатках <...> серенький, как чижик...» («Смена», 1927, 25 января). Были и иные, честные и смелые голоса, но все они, за редчайшими исключениями (статьи кри-

тиков Я. Брауна, Ф. Жица, В. Правдухина), не доходили до печатных страниц. За правдивое и доброе слово о Есенине в ленинградской Капелле (6 января 1926 года) Борису Эйхенбауму грозила высылка в Тмутаракань; за мужественную статью «Казненный дегенератами» Борис Лавренев (по воспоминаниям В. Шершеневича) подвергся суду. Большинство же возмущений осталось в письмах. Софья Толстая – Максиму Горькому (1927 года, 6 мая): «...они совсем взбесились. Вы не можете себе представить, что пишут в провинции и что говорят на диспутах. И все это с легкой руки Сосновского и Бухарина. Сергей уже стал “фашистом” (!), по отзыву особо ретивых». Вс. Иванов – В. Полонскому (1926 года, 17 марта): «...мать моя, что написал [Петр] Коган о Есенине в “П[ечати] и рев[олюции]”, 1926, № 2]. Этакому критику язык каленым железом жечь!»

Кто же сочинил псевдоесенинские могильные строки, кто так мастерски их изобразил на листке бумаги?

Подозревается чекист-террорист Яков Блюмкин, единоверец Троцкого, в Гражданскую войну начальник охраны его фронтового карательного «Поезда». Из «Архипелага ГУЛАГа» Солженицына известно, что Блюмкин подделывал письма Бориса Савинкова – да так искусно, что даже «охотник за шпионами» журналист Владимир Бурцев не подозревал о фальсификации.

80 лет на имени Есенина лежала печать скверны. Сегодня она снята и всякому здравомыслящему человеку ясно, что только не информированные и бэзнравственные люди все еще верят в фальшивую и злобную легенду об «Англете».

Глава 16

ЗАЩИТНИК ОБРАЗА ХРИСТА

На Есенина заводилось *тринадцать уголовных дел*, — как правило, по доносам излишне любопытных и вертлявых человечков. Все эти происшествия теперь известны. Примечательная особенность большинства скандальных историй: он никогда не начинал ссор первым! Но его легко можно было «завести» — неосторожной репликой, кривой ухмылкой, обидным намеком, чем и пользовались его враги. Не раз попадал в «тигулевку», защищая честь друзей или знакомых — бросать их в беде он не умел. Они же его неоднократно подводили. К примеру, однажды после приятельской пирушки издатель Илья Ионов спасся от милиционеров бегством, бросив Есенина на «произвол судьбы».

Некоторыми конфликтами поэта занималась, по его словечку, «Тетка», то есть ГПУ. Понятно, Лубянка драчунами не интересовалась, а настораживалась, когда речь шла об антисоветчине, «контрреволюции» и тому подобных «зavarушках». В стычке Есенина с партчленом Левитом и дипкурьером Рога, по их наставлению, также сдержался, деликатно выражаясь, опасный по тому времени криминал. По счету то было тринадцатое — проклятое число! — официальное «делопроизводство», в итоге приведшее к трагедии.

Но существовала, как лишь недавно выяснилось, и четырнадцатая история, в которой он являлся главным героем, но роль которого уже после его кончины разыграл некий загадочный персонаж (о нем ниже). История эта связана с «агитками Бедного Демьяна», точнее, с одной из них, называвшейся «Новый завет без изъяна евангелиста Демьяна». Он печатался в апреле—мае 1925 года одновременно в «Правде», «Рабочей газете» и «Бедноте».

История русской поэзии не знает более мерзкой анти-

христианской хулы, нежели демьяновский «Новый завет...». Это неуклюжее собрание цинично-площадных куплетов (37 глав), оскорбляющих и унижающих православных людей (Россию и вообще людей русских). Несколько цитат из «бедного» рифмоплетения:

«Слушали Иисуса и объясняли вслух:// «Да ведь в нем нечистый дух!»; «Дрых он ночью и похрапывал днем,// Скреб голову, покрытую вшами и гнидами,// И питался диким медом и акридами»; «Как левиты взяли Иуду на пушку,// И как Иисус попал в ловушку»; «Молятся кресту ненастоящему.// По мне, впрочем, все равно,// В какое не тыкаться бревно» («Беднота», 1925, 15 апреля – 27 мая).

Демьяновский опус сопровождается грязно перетолкованными цитатами из «Ветхого Завета», развязными насмешками над проявлением религиозных чувств. Но все-таки главный пафос строчкогона не в осмеянии «чумазого Христа», а в *шутовском издевательстве над историей России, ее нравами, обычаями, верованиями*:

Русь была деревянною дурою,
Мракобесия злостного детищем,
Всесветным посмешищем,
И перед «гордым иноплеменным взором»^{*}
Щеголяла своим позором.

«Новый Завет...» – рифмованная иллюстрация воинственной ярославщины-губельманщины, активно тогда вбиваемой в лихие пролетарские головы. Нужно было обладать мужеством, чтобы восстать против антихристианской лавины. Есенин не вытерпел и дал поэтический бой кремлевскому богохульнику.

А разве мог автор «Ионии» и тому подобных «скифских» произведений выступать в защиту Христа? Мог. После зарубежного путешествия (1923) наступил резкий перелом его мировоззрения. «Я перестаю понимать, – писал он, –

^{*} Презрительно-ироническое перетолковывание одной из строк стихотворения Ф. И. Тютчева «Эти бедные селенья...». – Прим. В. К.

к какой революции я принадлежал. Вижу только одно, что ни к Февральской, ни к Октябрьской» (из письма к Александру Кусикову). Пришло трудное прозрение: «Не было омерзительнее и паскуднее времени в литературной жизни, чем время, в которое мы живем. <...> Уже давно стало явным фактом, как бы ни хвалил и ни рекомендовал Троцкий разных Безыменских, что пролетарскому искусству грош цена...» (статья «Россияне»).

Мучительно сложным было его возвращение к Богу. Процесс этот в связи с его трагической гибелью не завершился, но воскресение наступало несомненно. 1925-м годом отмечены, например, такие его покаянные строки: «Ты ведь видишь, что небо серое // Так и виснет и липнет к очкам. // Ты прости, что я в Бога не верую, // Я молюсь ему по ночам. // Так мне нужно. И нужно молиться, // И, желая чужого тепла, // Чтоб душа, как бескрылая птица, // От земли улететь не могла».

Сестра поэта вспоминала, как в ноябре 1925 года в связи с грозившим ему судом и другими неприятностями он с отчаянием искал утешения: «Екатерина, ты веришь в Бога?» — спросил Сергей. — «Верю», — ответила я. Сергей метался в кровати, стонал и вдруг сел, отбросив одеяло. Перед кроватью висело распятие. Подняв руки, Сергей стал молиться: «Господи, ты видишь, как я страдаю, как тяжело мне».¹ Известно, что Есенин не расстался с Библией (после смерти поэта Галина Бениславская передала книгу его сестре Шуре).

Очевидно, в мае 1925 года поэтический ответ Демьяну Бедному был готов. Он предложил его Петру Чагину для публикации в «Бакинском рабочем», но тот благоразумно не захотел ссориться с придворным кремлевским пийтом (об этом в 1965 году он рассказал есениноведу В. Субботину).

Ничего не оставалось делать, как распространить произведение в списках. Это, конечно, было опасно, но нельзя было и промолчать. Так в народ пошли отважные есенинские строки.

ПОСЛАНИЕ «ЕВАНГЕЛИСТУ» ДЕМЬЯНУ

Я часто размышил, за что Его казнили,
За что Он жертвовал своею головой?
За то ль, что, враг субботы,
Он против всякой гнили
Отважно поднял голос свой?
За то ли, что в стране проконсула Пилата,
Где культом Кесаря полны и свет и тень,
Он с кучкой рыбаков из местных деревень
За Кесарем признал лишь силу зата?
За то ль, что, разорвав на части лишь себя,
Он к горю каждого был милосерд и чуток
И всех благословлял, мучительно любя,
И маленьких детей, и грязных проституток?
Не знаю я, Демьян, в «Евангелье» твоем
Я не нашел ответа.
В нем много бойких слов,
Ох, как их много в нем,
Но слова нет, достойного поэта.
Я не из тех, кто признает попов,
Кто безответно верит в Бога,
Кто лоб свой расшибить готов,
Молясь у каждого церковного порога.
Я не люблю религию раба,
Покорного от века и до века,
И вера у меня в чудесное слаба.—
Я верю в знание и силу человека.
Я знаю, что, стремясь по чудному пути,
Здесь, на земле, не расставаясь с телом,
Не мы, так кто-нибудь ведь должен же дойти
Воистину к божественным пределам.
И все-таки, когда я в «Правде» прочитал
Неправду о Христе блудливого Демьяна,
Мне стыдно стало так, как будто я попал
В блевотину, низверженную спяниа.

*Пусть Будда, Моисей, Конфуций и Христос –
Далекий миф. Мы это понимаем,
Но все-таки нельзя, как годовалый пес,
На все и вся захлебываться лаем.*

*Христос – сын плотника – когда же был казнен
(Пусть это миф), но все ж, когда прохожий
Спросил его: «Кто ты?» – ему ответил Он:
«Сын человеческий», а не сказал: «Сын Божий».
Пусть миф Христос, пусть мифом был Сократ,
И не было Его в стране Пилата,
Так что ж, от этого и надобно подряд
Плевать на все, что в человеке свято?
Ты испытал, Демьян, всего один арест,
И ты скулишь: «Ох, крест мне выпал лютый!»
А что ж, когда б тебе голгофский дали б крест
Иль чашу с едкою цикутой? –
Хватило б у тебя величья до конца
В последний раз, по их примеру тоже,
Благословлять весь мир под тернием венца
И о бессмертии учить на смертном ложе?
Нет, ты, Демьян, Христа не оскорбил,
Ты не задел его своим пером нимало.
Разбойник был, Иуда был.
Тебя лишь только не хватало.
Ты сгустки крови у креста
Копнул ноздрей, как толстый боров.
Ты только хрюкнул на Христа,
Ефим Лакеевич Придворов.
Но ты совершил двойной и тяжкий грех
Своим дешевым балаганным вздором:
Ты оскорбил поэтов вольный цех
И скудный свой талант покрыл позором.
Ведь там, за рубежом, прочтя твои «стихи»,
Небось злорадствуют российские кликуши:
«Еще тарелочку Демьяновой ухи,
Соседушка, мой свет, пожалуйста, откушай!»*

*А русский мужичок, читая «Бедноту»,
Где образцовый блуд печатался дуплетом,
Еще отчаянней потягается к Христу,
Тебе же мат пошлет при этом.*

Это послание вряд ли можно назвать шедевром. Оно, по-видимому, писалось «на одном дыхании», как душевный протест, как своего рода ответный удар на пошлый антиправославный выпад.

Принадлежность антидемьяновской сатиры Есенину не признавалась почти 75 лет. Его авторство отвергала сестра Екатерина, заявившая 2 апреля 1926 года в «Вечерней Москве»: «...категорически утверждаю, что это стихотворение брату моему не принадлежит». Следом опровержение повторили «Известия» (3 апреля) и «Правда» (4 апреля).

Уже одно то, что Екатерина Есенина выступила с опровержением в газетах, свидетельствует о нажиме на нее — с чего бы она вдруг обратилась в редакцию без постороннего давления; поэта уже не было в живых, утверждать однозначно, что ее брат не является автором «Послания...», — по меньшей мере, глупо — она, естественно, не могла многого знать.

Сегодня не новость, что сын Есенина — Юрий (Георгий) был расстрелян, а его сестры и родственники подвергались серьезным репрессиям. И всюду следовала тень его несломленной личности. Так что неудивительно, что Екатерина Есенина «отказала» брату в авторстве «Послания...».

В народе же не сомневались в есенинском авторстве антидемьяновского памфleta. Его рукописные копии широко расходились по СССР. И сегодня живы люди, подтверждающие этот факт.

В 1926 году о мужественном поступке поэта сообщили берлинские и варшавские белоэмигрантские газеты, напечатавшие есенинские строки. И не ошиблись: наконец-то найден есенинский автограф «Послания»; специалисты подтвердили подлинность (см.: «Нева», 1999, № 10).

О том, насколько горячо заварилась «демьянова уха», свидетельствуют многие примеры. Демьяновское творение

вызвало протест в Великобритании, отказавшейся получать в официальном порядке «Правду» именно из-за публикации в ней стряпни «Ефима Лакеевича». На все подобные заявления он реагировал цинично-презрительно.

Есенинской защите Иисуса Христа сочувствовали тысячи людей, знакомых с поэмой по умножавшимся спискам стихотворения. За такое знакомство некоторые смелые читатели заплатили своей свободой и даже жизнями (см.: «Родники пармы», 1993, № 3 /7).

Пропаганда, раздувшая в печати истерию против «есенинщины», не могла допустить возвращения народной славы поэта. Идеологическая машина заработала, и на свет явился дотоле мало кому знакомый стихотворец, «заменивший» Есенина. Такая казенная судьба выпала Николаю Николаевичу Горбачеву (1888—1929). В роли автора «Послания “евангелисту” Демьяну» он утвердился настолько, что даже в одном из томов выходящего сейчас академического собрания сочинений Есенина имя горе-самозванца закрепилось. Поведаем о нем, основываясь на публикации в «Независимой газете» (1994, 29 апреля).

Н. Н. Горбачев учился на юридическом факультете Московского университета (диплома не получил). После Октября 1917 года воевал на стороне красных, занимал немаленькие должности: комполка, секретарь исполкома, уездный комиссар юстиции, инспектор Туркестанского фронта, начальник следственно-судебной части Заволжского военного округа, руководитель отдела военного совета Советской армии и флота Дальневосточной Республики, редактор редсовета военно-исторической Комиссии высшего военно-редакционного Совета Реввоенсовета.

Неужели человек с такой анкетой неожиданно переродился? Тискал пропагандистские статейки в «Коммунисте», «Красной звезде» и в других революционных газетах, где печатался и его будущий «противник» Демьян Бедный. Вдруг, преобразившись, сочинил антидемьяновское «Послание...». Поверить в такую метаморфозу невозможно!

В конце 1925 года, сразу после смерти Есенина, Горбачев внезапно оставляет свой солидный и выгодный пост и становится незаметным сотрудником «Крестьянской газеты». Юрист — комиссар — военспец, так сказать, опросился и обратился к земле-матушке — не слишком ли подозрительное превращение?..

Весной 1926 года чекисты вышли, уверяют, на след журналиста-храбреца. Любопытное совпадение: явно подневольное опровержение Екатерины Есениной появилось в газетах 2–4 апреля, то есть почва для провокации была подготовлена.

20 мая Горбачева вызвал на допрос следователь Секретного отдела ОПТУ Семен Гендин, благо, смутьян-стихотворщик жил по соседству, на Лубянке, — случайно ли? Но воиспеченный поэт скоро «раскололся» и признал себя виновным. Каким образом гэпэушные сыщики пронюхали о «сочинителе» «Послания...» — остается неясным. По его рассказу, записанному Гендином, опальное стихотворение ходило в списках безымянным; он якобы предлагал его для публикации в «Молодой гвардии», но фамилии сотрудника редакции не знает, читал, по его словам, журналистам «Красной звезды», но их имен не помнит. Забывчивый автор. На квартире объявившегося вдруг сатирика даже обыска не производилось.

Второй допрос «состоялся» 2 июля 1926 года. Горбачеву предъявили обвинение по 70-й и 72-й статьям УК РСФСР (высылка из СССР или тюрьма до трех лет).

За «распространение агитационной литературы контрреволюционного характера», «за связи с белой прессой» Особое совещание при Коллегии ОПТУ своим постановлением от 31 июля 1926 года отправило Горбачева в ссылку на три года, в Сибирь. Никто этого самозваного мученика там не видел, кроме Г. И. Мясникова, убийцы великого князя Михаила Романова, оппозиционера-троцкиста, бежавшего в 1927-м из СССР и позже тесно сотрудничавшего со Львом Давидовичем Троцким на почве нелюбви к

Сталину. Сей «свидетель», по его словам, виделся с Горбачевым мельком, запомнил его пенсне на носу, эдакого крепыша с «русским лицом средней России». (В 1945-м на блюдоательного воспоминателя расстреляли.)

Не прошло и четырех месяцев после ссылки Горбачева – его освободили, причем необычным способом. 5 ноября 1926 года зампред ОПТУ Ягода вырвал из настольного календаря листок и черкнул на нем подчиненным указание – освободить страдальца «всё». В тот же день (NB!) ОСО при Коллегии ОПТУ приняло соответствующее постановление. Без обыска, фактического следствия и без суда посадили «бедного человека» и не менее келейно, по-войскам, отпустили. Вышел на свободу и... исчез. В 1991 году реабилитирован, хотя никто об этом не просил.

Кандидатуру Горбачева на роль создателя «Послания...» ГПУ избрало крайне неудачно: слишком заметная красная фигура, особенно в военно-партийной журналистике! Да, как и многие «перьевые» работники, пописывал стишки и статейки (под псевдонимами «Егор Всезнайка», «Ковбой», «Конек Горбунок» и др.). В 1926-м, когда ему срочно понадобилась репутация поэта, появился сборник его (?) совершенно беспомощных виршей «К общей цели через артели...» под многозначительно-ироничным псевдонимом «Николай Посадский». Читателям предлагался зарифмованный «Примерный устав артели», героем которой выступал сапожник Сергей (NB!). Чтобы дать представление о бесконечной бездарности сочинителя, процитируем его восемь строк:

Сережа был весьма смышеный,
Трудолюбивый паренек
И, кроме грамоты мудреной,
Старался все узнать, что мог.
«Артель – вот наше в чем спасенье! –
Твердил кустарной он толпе. –
За нас вся власть, все учрежденья,
И вождь рабочих – ВКП!»

Весьма напоминает анекдотически известное: «Служил Гаврила хлебопеком...», то есть «Гаврилиаду» Ильфа и Петрова. Горбачевское кустарное рифмопроизводство отличается от есенинской лирики так же, как эфир медицинский от эфира небесного!

22 августа 1929 года Н. Н. Горбачев скончался «после продолжительной и тяжелой болезни», сообщала газета «Кустарь и Артель» (№ 59), где он сотрудничал, по уверению редакции, «в продолжении трех с половиной лет».

Информация требует проверки. Не исключено, что в 1929 году, когда троцкисты стали замечать следы своих кровавых провокаций, «убрали» и «Посадского» – подобных примеров сегодня известно множество.

Теперь можно уверенно сказать: «отнять» у Есенина дышащее гневом «Послание...» его врагам исторически не удалось.

Просчитался и Демьян Бедный. За свои богомерзкие стишкы он купался в деньгах и славе до той поры, пока в Кремле властвовали неистовые интернационалисты, издававшиеся над православной верой и русской историей. Его попытки в 1930 году вновь хорошо заработать, потешаясь над Христом и прошлым России (публикации стихотворных фельетонов «Слезай с печки» и «Без пощады»), встретили недовольство власти, менявшей свой политический курс. Сталин в личном письме резко одернул не знатного удержу (и совести) поэта и посоветовал ему больше не заниматься клеветой и не распространять «лишь грязь». Демьян Бедный примолк. Но в 1936 году вновь взялся за старые проделки, сварганив пьесу «Богатыри», в которой «огульно очернил богатырей русского былинного эпоса» (фраза из постановления Всесоюзного комитета по делам искусств при Совнаркоме СССР).

В 1938-м поэта-шута исключили из партии и Союза писателей. Он пытался выкарабкаться – не получилось.

После сего уместного отступления доскажем историю «врио» автора антидемьяновского «Послания...», «Николая

Посадского» — Горбачева. То, что его «дело» было шито белыми нитками, видно не только любителям острожетных книжонок, но даже и тем, кто вообще грамоте не разумеет.

Следователь-чекист Семен Гендин выполнил свою работу из рук вон плохо. Задание это он получил, очевидно, неслучайно. Еще будучи следователем московского городского ГПУ, он часто появлялся на разного рода литературных посиделках, торчал в «Доме Герцена» на Тверском бульваре. Любимым его занятием был отлов «русских шовинистов». 2 января 1926 года он послал начальству сводку наблюдений № 4, в которой, в частности, сообщал, что в писательском доме «...сейчас главным образом собирается литературная богема и где откровенно проявляют себя: Есенин, Большаков, Буданцев (махровые антисемиты), Зубакин, Савкин и прочая накипь литературы. Там имеется буфет, после знакомства с коим и выявляются их антиобщественные инстинкты, так как, чувствуя себя в своем окружении, ребята распоязываются».

Двадцать лет назад тело Есенина опустили в могилу, но осведомитель продолжал его пинать — как «старого знакомого» по так называемому «делу четырех поэтов» (1923). Даже начальник 5-го отделения ОПТУ Дерибас не выдержал и оставил на доносе резолюцию: «*Тов. Гендину. Покойников можно оставить в покое! А в чем конкретно выражаются их антисоветские инстинкты? Вообще, надо воду [литъ] прекратить и взяться всерьез за работу по руководству осведомлением*» (здесь и выше цитаты по публикации в «Новом мире», 1997, № 10).

Семен Григорьевич поусердствовал, результатом чего явился обыск (7 мая 1926 г.) на квартире Михаила Булгакова. У писателя арестовали рукопись «Собачьего сердца», дневник, список «Послания “евангелисту” Демьяну» и пародию Веры Инбер на Есенина.

Обнаруженное «Послание...» лишний раз подтвердило его нелегальное хождение, заставило быстренько «найти» автора. Подходящей кандидатурой оказался Горбачев, полагаем, перешедший в конце 1925 года на секретно-опе-

ративную работу «под крышей» корреспондента «Крестьянской газеты».

«Дело Булгакова» и «дело Горбачева» рассматривались параллельно все тем же Гендиным. 18 мая к нему поступило заявление Михаила Афанасьевича с просьбой возвратить рукописи; 22 сентября чекист его допрашивал, заставил заполнить анкету (сохранилась). В ходе встреч он наверняка интересовался, откуда и каким путем Булгаков получил крамольное «Послание...».

И в заключение о Гендине: он профессиональный провокатор, замешан в сокрытии следов убийства В. Маяковского (после смерти подменил принадлежавший ему браунинг на маузер, находившийся в руках киллера) (см.: Вал. Скорятин. «Тайна гибели Владимира Маяковского», М., 1998). Возмездие настигло гонителя русской литературы в 1938 году.

Военного журналиста избрали на роль козла отпущения по уже отработанной схеме. Ранее в истории убийства Есенина она неплохо сработала: военными газетчиками были лжесвидетель Георгий Устинов и укрывавший его Петр Подашевский, очевидец-самозванец, костромской журналист Дмитрий Ушаков, критик Георгий Горбачев, стихотворец Василий Князев и другие борзописцы, прятавшие следы злодеяния в «Англете».

За всеми этими суетливыми манипуляциями проглядывает физиономия Троцкого. Он, конечно, не мог допустить, чтобы такое общественно взрывчатое произведение, как антидемьяновское «Послание...», принадлежало популярному в народе поэту — да еще с такой легендарно-исторической судьбой! Не обязательно Лев Давидович сам нашел «подсадную утку», это могли сделать и другие, но, думаем, без его одобрения кандидатуры Горбачева не обошлось, тем более он не мог его не знать как бывший Председатель Реввоенсовета.

Не исключено: прочитав «Послание...», Демьян Бедный всполошился и побежал жаловаться Троцкому, благо, они

жили в Кремле рядышком. Над Есениным нависла еще одна гроза... Правда, по стечению обстоятельств, она прошла мимо поэта стороной. В сентябре 1925 года возникло новое «дело». И, если за защиту Христа формально-юридически судить было невозможно, то теперь представился удобный случай расправиться с Есениным окончательно.

Глава 17

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РАЗБОЙНИК

Наконец, нам остается ответить на самый главный и трудный вопрос: кто убил поэта?

...Однажды в Баку один из знакомцев Есенина пытался разрядить в него свой револьвер, но поэту удалось бежать и вооружиться для самозащиты. Такая предусмотрительность была не лишняя: грозивший самосудом человек слыл психопатом. Неудивительно, — в свое время петлюровцы изувечили его до полусмерти, выбили все зубы и выбросили на железнодорожные рельсы. Четырежды его находили пули «контры» (в июне 1918 года киевские эсеры, мстя за предательство, тяжело ранили его в голову), дважды его резали ножом — было отчего стать психом!

25 октября 1920 года тот же авантюристический товарищ «взял на поруки» Есенина, тогда в очередной раз попавшего в подстроенный чекистами капкан. Не раз встречались они в кафе, где растерявший нервы тип иногда пугал знакомых расстрелом, заполняя на их глазах подлинные бланки ОГПУ.

Читатель, конечно, уже догадался: речь идет о Якове Григорьевиче Блюмкине (1900–1929), известном чекисте-террористе, прославившемся убийством германского посла графа Мирбаха.¹⁴

Представим авантюриста подробнее. В «Краткой автобиографии» (2 ноября 1929 года) Блюмкин рассказывает:

«В 1908 году, восьми лет, я был отдан в бесплатное еврейское духовное начальное училище (1-ю Одесскую Талмуд-Тору). Училище я окончил в 1913 году <...> 13 лет я был отдан в училище, в электротехническую мастерскую. <...> Подлинно каторжные горькие условия жизни ремесленного ученика у мелкого предпринимателя в эту эпоху настолько общеизвестны, что на них не стоит останавливаться. В связи с ними скажу лишь только то, что именно к этому периоду моей жизни относится появление во мне – полуночные классового чувства, впоследствии облекшегося в революционное мировоззрение»*.

Международный разбойник, он всегда оправдывал свои многочисленные кровавые похождения необходимостью «пролетарской борьбы». По сути же – один из «беспечпортных бродяг в человечестве», как когда-то метко атtestовал таких «перекати-поле» В. Г. Белинский. Патологическая жажда власти и болезненное честолюбие – вот главные двигатели его преступной жизни.

В самом начале 1918 года вертлявый юнец командовал революционным «Железным отрядом», сформированным в его родной Одессе; позже комиссарил в 3-й армии (Румынский и Украинский фронты); с мая по июль того же года возглавлял – подумать только! – первый отдел ВЧК по борьбе с международным шпионажем. Последний факт умилителен: именно под его «руководством» германские и прочие шпионы заполонили Россию, о чем теперь можно прочитать в книгах (до недавнего времени они прятались в спецхранилищах), выходивших накануне Великой Отечественной войны. Неоспоримо: в 1914–1918 годах германская военщина и дипломатия всячески помогали «ленинской гвардии»; что ей справедливо аукнулось в 30-е годы.

Блюмкин разжигал революционный пожар в Персии, создавал Иранскую компартию, служил советником по раз-

* Здесь и ниже соответствующие цитаты приводятся по брошюре: Борис Леонов. Последняя авантюра Якова Блюмкина. М.: Отечество, 1993.

ведке и контрразведке в гоминьдановской армии, представлял ОГПУ в Монголии. Спецубийца часто использовался как знаток Востока, куда его направляли под видом торговца древними хасидскими рукописями и книгами. В апреле 1929 года такой «просветительской» деятельностью он, президент ОГПУ, занимался в Константинополе, где тайно встретился со своим кумиром-изгнаником Троцким. Они толковали о создании нелегальной организации, оппозиционной Сталину, об участии в ней Блюмкина-чекиста.

Политика политикой, но к золотому тельцу авантюрист-пройдоха льнул не менее. Перед арестом его чемодан и портфель были набиты долларами и советскими дензнаками. Бывший еще раньше в опале Лев Сосновский и его жена Ольга Даниловна после возвращения Блюмкина из-за границы посматривали на меркантильного товарища заискивающе-просительно и даже прямо говорили о ссуде. Яков Григорьевич великодушно одолживал есенинскому ненавистнику.

«Высылка Троцкого меня потрясла, — признавался в своих «показаниях» Блюмкин. — В продолжение двух дней я находился прямо в болезненном состоянии». За тайную связь с «архитектором революции» и попытки распространения в СССР его секретных шифрованных инструкций троцкистского холуя и арестовали. Перед тем, почувствовав опасность, он лихорадочно заметался, строчил и рвал «объяснительные», говорил что-то несуразное, часто щелкал спусковым крючком револьвера, пугая близких знакомых самоубийством. Выдавший его ОГПУ сотрудник журнала «Чудак» Борис Левин в своем доносе писал о нем как о душевнобольном.

Любовница Блюмкина, Лиза Горская, служившая, как и он, в иностранном отделе ОГПУ и лично «сдавшая» его на Лубянку, охарактеризовала дружка: «...трус и позер». Да, безжалостный расстрельщик многих невинных людей, он ужасно запаниковал перед своим смертным часом. О нравственном возмездии за пролитую чужую кровь он вряд ли

когда задумывался. Читать его «дело» нельзя без омерзения: чувствуется его животный страх перед своими вчерашними сослуживцами, он судорожно, в надежде на сохранение жизни, цепляется за «идею», выдает всех и вся, даже своего идола Троцкого.

Прервем лицезрение троцкиста-киллера и попытаемся, насколько сегодня возможно, с помощью собранных фактов доказать, что именно Блюмкин допрашивал, истязал и убил Есенина в пыточной дома № 8/23 по проспекту Майорова, а затем (не по его ли приказу?) тело перетащили по подвалльному лабиринту в соседний «Англетеर», повесили.

Заметьте, если мы правы, «дело английского шпиона» вел не какой-нибудь «обычный» чекист, а опытный «работник закордонной части ИНО» (иностранный отдела ОГПУ), как определял свою специализацию Блюмкин в «показаниях» Якову Агранову. Профессиональная направленность службы Якова Григорьевича сама по себе примечательна (вспомните есенинское: «...вероятно, махну за границу»). Но это, конечно, слабенький довод. Есть аргумент посущественней.

В 1920—1922 годах душегуб учился на восточном факультете Генштаба РККА, или, как сам он пишет, в Военной академии РККА. В свободные от повышения своего чекистского образования месяцы (если образованием можно называть практику безнаказанно убивать) он состоял в секретариате Троцкого, совершал вместе с ним кровавые рейсы в «Поезде наркомвоенмора» — и не рядовым бойцом, а начальником охраны колесного бронированного чудовища. Вот интересующие нас строки из его признания после ареста: «Так как я в свое время работал у Троцкого, занимался историей Красной Армии и, в частности, поезда Троцкого и так как Троцкому нужны были для автобиографии данные о поезде, то я *по памяти* (курсив мой. — В. К.) составил ему довольно точную справку о деятельности поезда». Темнил, нервничал, оказавшись в застенке. Нет, чтобы прямо написать: так, мол, и так — сопровождал предсе-

дателя Реввоенсовета в его террористических набегах на красно-серошинельную солдатню — жмется, недоговаривает, пытаясь отмежеваться от своего хозяина. Итак, Троцкий, Блюмкин, журналист Устинов, стихотворец Князев (кто еще?) из одной уголовно-политической шайки, составившей в 1925 году преступное антиесенинское ядро.

К преступной группе без натяжки можно присоединить и ответственного секретаря ленинградской «Красной газеты» А. Я. Рубинштейн. В доказательство этого Блюмкин дает нам еще одну «ниточку»: в своей «Краткой автобиографии» он пишет, что в начале Гражданской войны «...ездил на Восточный фронт к т. Смилге...». Заглядываем в газету «Красный набат» (1920. № 63), орган 3-й армии (Урал), основу которой, нелишне заметить, составили остатки бывшей 3-й армии, ранее действовавшей на Украинском и Румынском фронтах (здесь, напомним, Блюмкин комиссарил и служил в штабе). В указанном номере «Красного набата» изложена история газеты. С 10 сентября 1912 года ее редактировал И. Т. Смилга (1892–1938). Там же читаем: «Тов. Смилге не пришлось долго редактировать “Набат”: получив более ответственный пост, он сдал газету редакционной коллегии, в которую вошли тт. А. Рубинштейн, Н. Иконников и Л. Аронштам». Далее есть и уточнение: «С ноября 1918 года, с передачей руководства Политотделом областному комитету партии, его аппарат был значительно расширен. Привлечено много ответственных работников, уральских и приехавших из центра...» Затем второй по списку была названа А. Я. Рубинштейн.

Естественно и логично, тогда работник ПУРа Блюмкин, контролируя красную фронтовую печать, встречался с А. Я. Рубинштейн, выражаясь на современный лад, секретарем парторганизации штаба 3-й армии, с августа 1918 по март 1919 года фактическим редактором «Красного набата». Планируя «англете́ровское» кощунство, Троцкий и Блюмкин вспомнят Анну Яковлевну, и она, мы не сомневаемся, в том роковом для Есенина декабре обернется «те-

тей Лизой» и сыграет в «Красной газете» и в лживых мемуарах-сборниках об убитом поэте роль жены журналиста Г. Ф. Устинова.

Иной поворот «троцкистско-блюминского» сюжета. В 1923 году Блюмин начинает служить в иностранном отделе ОГПУ. В 1925 году Яков Григорьевич представлял Лубянку на Кавказе. А туда обычно летом приезжал сотрудник тайного ведомства Вольф Эрлих (иногда в компании с Павлом Лукнищким, Всееволодом Рождественским и другими вездесущими приятелями) – и по своей охоте, и как командир запаса войск пограничной и внутренней охраны ОГПУ. То есть Блюмин был для Эрлиха высоким начальством, и они могли встречаться по службе. Много раньше, осенью 1917 года, одесский авантюрист пристроился членом Симбирского Совета, ораторствовал в нем, и не исключено, пятнадцатилетний школьник «Вова», рано вкусивший революционный плод, мог слышать имя Блюмина и даже познакомиться с ним.

Новый зигзаг сюжета. 5 сентября 1924 года Есенин оказался в Баку, куда бежал после своего шумного разрыва с московскими богемниками-имажинистами. В здешней гостинице «Новая Европа» он встретил давнего знакомца чекиста Якова Блюмина, «гангстера с идеологией», тогда представлявшего Лубянку в Закавказье и инспектируявшего войска пограничной и внутренней охраны ОГПУ. У наделенного огромной властью авантюриста, вероятно, были и другие тайные задания.

Поначалу застольные беседы двух знакомцев текли мирно, но однажды... Слово есенинскому приятелю, сотруднику тифлисской газеты «Заря Востока» Николаю Вержбицкому: «...вдруг инспектор начал бешено ревновать поэта к своей жене. Дошло до того, что он стал угрожать револьвером. Этот совершенно неуравновешенный человек легко мог выполнить свою угрозу. Так оно и произошло. Ильин (ошибка мемуариста, действительная конспиративная фамилия Блюмина – *Исааков*. – *B. K.*) не стре-

лял, но однажды поднял на Есенина оружие, что и послужило поводом для скорого отъезда поэта в Тифлис в начале сентября 1924 года.

Об этом происшествии мне потом рассказывал художник К. Соколов. Сам Есенин молчал, может быть, не желая показаться трусом. <...> Через несколько дней Есенин вернулся в Баку за своими товарищами, получив от них уведомление о том, что Ильин куда-то отбыл.

Вторично приехав в Тифлис и остановившись в гостинице «Ориант», Есенин снова неожиданно столкнулся в коридоре с Ильиным. Это сразу испортило ему настроение» (Вержбицкий Н. Встречи с Есениным: Воспоминания. Тбилиси, 1961. С. 23).

«Сам Есенин молчал...» — пишет мемуарист. Весьма примечательная деталь, если знать, что после второй неприятной встречи с Блюмкиным поэт жил у Вержбицкого на квартире (ул. Коджерская, 15), о чем журналист упоминает в своей книге. Раз уж общительно-искренний Есенин помалкивал — значит, на то была серьезная причина. Скорее всего, конфликт вспыхнул все же не из-за «дамы сердца» Блюмкина (кстати, он был холост), а по мотивам куда более серьезным.

Некоторые мемуаристы (азербайджанец Гусейн Дадош и др.) рисуют напряженный бакинский эпизод несколько иначе: будто Есенин позволил отпустить по адресу блюмкинской пассии какую-то фривольность. Допускаем — в его лукавом пересказе сентябрьской стычки звучало нечто подобное. Он, не раз «стрелявший» на Лубянке «воробей», конечно же не хотел рассказывать всей правды, так как она могла ему выйти боком. Между прочим, тот же Вержбицкий подчеркивал: «В быту Есенин никогда не смаковал эротики, не любил сальных анекдотов...». Эту черту его натуры отмечают и другие современники. Нет, видимо, дело было куда сложнее.

Год назад поэт вернулся из поездки за границу «...не тем, что уехал» (выражение Л. Троцкого). Он решительно отказался от Великого Октября («...от революции остались

только хрен да трубка»), пересмотрел свое отношение к партийным вождям и прежним знакомым литераторам («Надоело мне это б... снисходительное отношение властей имущих, а еще тошней переносить подхалимство своей же братии к ним»), стал осторожнее в общении с «кожаными куртками» («...оставим этот разговор про Тетку» — так поэт вслед за Ивановым-Разумником называл ГПУ). (Все цитаты из письма Есенина от 7 февраля 1923 года к приятелю А. Кусикову.)

Чуть ли не смертельная распрыя с Блюмкиным-Исаковым не прошла для Есенина бесследно и ассоциативно переплавилась в стихотворение «На Кавказе», написанное вскоре после бакинского происшествия. Любаясь благодатным краем, он, очевидно, не случайно вспомнил о трагической судьбе Лермонтова («Он, как поэт и офицер, был пулей друга успокоен») и автора «Горя от ума» («И Грибоедов здесь зарыт, как наша дань персидской хмари...»), прорицавши увидел в нацеленном на него револьвере предупреждение о своем «последнем звонке»:

А ныне я в твою безгладь
Пришел, не ведая причины:
Родной ли прах здесь обрыдать
Иль подсмотреть свой час кончины!

И далее невольные житейско-образные контаминации несомненны:

Они бежали от врагов
И от друзей сюда бежали,
Чтоб только слышать звон шагов
Да видеть с гор глухие дали.
И я от тех же зол и бед
Бежал, навек простиась с богемой,
Зане созрел во мне поэт
С большой эпической темой.

Он не только пел замечательно талантливый Кавказ, но и мистически предчувствовал «...свой час прощальный».

Расстрел Блюмкина, считаем мы, послужил предупредительным сигналом для лишенной каких-либо нравственных основ преступной компании «чистильщиков», вольно или невольно исполнявших приказ Троцкого относительно подсудимого Есенина. Вольф Эрлих вдруг принял сочинять мемуары «Право на песнь», Георгий Горбачев поспешил передать листок со стихотворением «До свиданья, друг мой, до свиданья...» в Пушкинский Дом; бывшего коменданта «Англетера» Василия Назарова и бывшего участкового надзирателя 2-го отделения ЛГМ Николая Горбова в спешном порядке упрытывают в тюрьмы; недавний комсомольский комиссар чекистского полка Павел Медведев быстренько устраивается преподавателем пединститута, сексот ГПУ и рифмоплет Лазарь Берман суетливо подыскивает работу в Москве, военно-партийная красногазетчица Анна Рубинштейн неожиданно оставляет Дом профпросвещения и устремляется в аспирантуру Коммунистической академии, бывший директор Лениздата Илья Ионов, в то время заведующий издательством «Земля и фабрика», тоже бежит со своего поста, секретарь Ленсовета И. Л. Леонов, в прошлом второй дзержинец в Ленинграде, переходит (с 25 ноября 1929 года) на хозяйственную работу и т. д. Словом, причастные к сокрытию убийства Есенина проявили тогда удивительно своевременную и практическую прыть.

О крахе троцкистского холопа Блюмкина его ленинградские послушники, в основном околовалютные дельцы, могли своевременно узнать из первых рук. В октябре — самом начале ноября 1929 года его допрашивал М. А. Трилиссер, начальник иностранного отдела ОГПУ. Можно предположить, он по-свойски поделился информацией с братом Д. А. Трилиссером (1897–1934), в 1925 году руководителем административной группы Ленинградской областной рабоче-крестьянской инспекции (ОКИ). Кстати, «иностранный» чекист М. А. Трилиссер, член всемогущей коллегии ОГПУ, явно сочувствовал «диссиденту» Блюмкину и голосовал за его помилование, но *Сталин настоял на расстреле*.

Легко представить, как переполошились ненавистники Есенина, узнав о судьбе оруженося Троцкого. Так как в тайне «Англете́ра» множество хитросплетений и повторяющихся пересечений, нелишне повториться: рабоче-крестьянский ревизор Д. А. Трилиссер в 1930 году настойчиво «засаживал» милиционера Горбова в тюрьму.²

Не раз писали и говорили, что сразу же после гибели Есенина в «Англете́ре» видели Блюмкина. Недавно обнаружилась сравнительно новая и весьма существенная деталь. О ней подробнее.

Выяснилось, Блюмкин был не только специалистом по «мокрым делам», бичом врагов мировой революции, но и настоящим профессионалом по части подделки чужого почерка. В июле 1918 года, подготавливая покушение на германского посла Мирбаха, он искусно «изобразил» в фальшивом мандате ВЧК подпись Ксенофонтова, секретаря Дзержинского. Лиха беда начало. Позже самодеятельный графолог и не такие «липы» мастерил.

А. И. Солженицын, встречавшийся в лагере с зеком М. П. Якубовичем, в прошлом чекистом, передает в «Архипелаге ГУЛАГ» его воспоминание: «...в конце 20-х годов под глубоким секретом рассказывал Якубовичу Блюмкин, что это он написал так называемое предсмертное письмо Савинкова, по заданию ГПУ. Оказывается, когда Савинков был в заключении, Блюмкин был постоянно допущенное к нему в камеру лицо – он развлекал его вечерами. <...> Это и помогло Блюмкину войти в манеру речи и мысли Савинкова, в круг его последних мыслей».

После суда Борис Савинков «послал» за границу революционерам-эмигрантам открытые письма, в которых призывал их прекратить безнадежную борьбу с большевизмом. Многие адресаты, и даже «охотник за шпионами» и разоблачитель Азефа Владимир Бурцев, поверили в это раскаяние. Они не подозревали, что фальшивки сочинил и лично «нарисовал» Блюмкин. В мае 1925 года гэпэушки выбросили Савинкова из неогражденного окна камеры

во внутренний двор лубянской тюрьмы. Официально самоубийство объяснили пессимистическим настроением политического банкрота. Блюмкин на этот счет даже подделал прощальное письмо контрреволюционера — да так ловко, что в него опять-таки поверили.

Как знать, не рук ли Блюмкина опубликованное в «Красной газете» стихотворение «До свиданья, друг мой, до свиданья...», которое якобы написал Есенин, уйдя из жизни, как красиво выразится Троцкий «...без крикливой обиды, без позы протesta, — не хлопнув дверью, а тихо призакрыв ее рукою, из которой сочилась кровь»?..

Если Блюмкину было по силам овладеть буквой и духом савинковских писем, очевидно, ему не составляло большого труда начертать восемь «есенинских» строк «До свиданья...».

В раскрытии последней загадки «Англетера» должно помочь следственное дело Блюмкина октября — ноября 1929 года, хранящееся в бывшем Центральном архиве КГБ. Нам эти бумаги не удалось прочитать. Журнал «Отечественная история» (1992. № 4) печатал документальный очерк о чекисте-авантюристе, но нужной нам информации там не содержится.

Для нас были бы особенно важны те показания Блюмкина, в которых он называет своих сообщников-троцкистов по Ленинграду. Если среди них фигурируют К. Г. Аршавский, С. А. Гарин-Гарфильд, Г. Е. Горбачев, Я. Р. Елькович, В. В. Князев, П. П. Петров, А. Я. Рубинштейн, В. И. Эрлик и другие наши «знакомые», право назвать Блюмкина убийцей Есенина возрастет.

Есть и другие каналы недостающей пока информации, но они труднодоступны. Надеяться на официальную поддержку в разысканиях не приходится. Если сегодня многие тома следственного дела об убийстве С. М. Кирова остаются засекреченными, не надо удивляться, что так сложно распутывать «англете́ровский» клубок.

Есенина давно вели к гибели, с января 1920 года Лубян-

ка систематически занималась его «делами», а стукачи не выпускали его из своего поля зрения. Доброхот Марк Родкин (Роткин), подслушав в столовой-пивной разговор Есенина с друзьями, в ноябре 1923 года сигнализ в 46-е отделение милиции г. Москвы: «...когда они с неслыханной наглостью и цинизмом позволили себе оскорбить вождей русской революции, я понял, что это такие интелигенты и «литераторы», которые сознательно стараются при удобном случае дискредитировать и подорвать авторитет Советской власти и ее вождей...» (цит. по кн.: Сидорина Н. Златоглавый: Тайны жизни и гибели Сергея Есенина. М., 1995).

Доносчик Родкин имел безошибочное классовое чутье. Он мог бы потащить поэта в кутузку за такие его строки из поэмы «Страна негодяев»:

Пустая забава,
Одни разговоры.
Ну что же,
Ну что же вы взяли взамен?
Пришли те же жулики,
Те же воры
И законом революции
Всех взяли в плен.

Есенин взошел на Голгофу за любимую свою Россию. Но открыто убивать его временщики не посмели. Понадобилась грязная провокация. Так возникла фальсификация XX века. Наконец-то сделан решительный шаг к ее окончательному разоблачению.

Вряд ли «кожаный» Эрлих искренно скорбел о трагической гибели «друга», призрачную близость к которому он частенько подчеркивал как в устных разговорах, так и в своих фальшивых воспоминаниях «Право на песнь». Очевидно, он, человек своего «избранного» круга, считал Есенина «чужим», более того врагом своих идеалов. Заметая следы преступления, он выполнял свой долг «шпиона». Однако, нет-нет, в нем иногда вяло шевелился червячок вины перед убиенным:

Я ничего не жду в прошедшем,
Грядущего я не ишу
И о тебе, об отошедшем,
Почти не помню, не грущу.

Простимся ж, русый! Мир с тобою!
Ужели в первый вешний день
Опять предстанет предо мною
Твоя взыскующая тень!

(«Избранное», 1963)

«Взыскующая тень» настигла сексота-рифмоплета в 1937-м, когда его самого за троцкистские делишки «пригласили на казнь».

Глава 18

СЛОВО УБИЙЦЫ

Я, Титаренко Виктор Григорьевич, майор запаса, ветеран БАМа, решился, наконец написать для публикации услышанный мною более двадцати лет назад рассказ-исповедь об убийстве Сергея Есенина. Начну с того, что я прибыл в звании старшего лейтенанта железнодорожных войск на восточный участок БАМа, в поселок Ургал Хабаровского края Верхнебуреинского района, в то время маленькую глухую станцию. Уклад жизни был деревенский: жители держали коров, коз, свиней. Однажды вместе с четырьмя офицерами меня пригласил в свою рубленую баньку попариться ветвоенврач. Было это году в 1976–1977, точнее не скажу. Пришли и несколько местных жителей, и среди них один очень пожилой, на которого я сразу почему-то обратил внимание. Помылись, попарились, выпили как водится... Сразу же пошли задушевные беседы и откровенные разговоры. Я оказался в паре с этим самым пожилым человеком. Мы разговорились, и я ни с того ни с

сего поведал ему свою, тогда еще не слишком длинную жизнь. Разоткровенничался и он. А потом вдруг сказал:

— Знаешь, Витек, вот этой самой рукой я лично застрелил Сергея Есенина!

— Какого Есенина? — опешил я.

— Того самого — великого российского поэта.

— Так ведь он сам повесился, об этом во всех учебниках написано.

— Все это ерунда, слушай, как было в действительности... — И он начал свой долгий рассказ.

«Еще в кадетском корпусе я примкнул к меньшевикам: тогда в 17-м было столько партий, что разобраться, кто есть кто, было очень трудно. Вроде все за народ, за волю, за землю, за свободу слова и так далее... (и дальше он пошел говорить о политике, чего пересказать я не могу, да, наверное, это и не нужно. Короче, на собрании какого-то кружка он познакомился с Яковом Блюмкиным и стал его доверенным лицом и верным соратником, как он выразился). Вскоре закружилась Гражданская война, и мы с Блюмкиным оказались в личной охране товарища Троцкого. Еще в Гражданскую наша охрана была переведена в ВЧК, и по окончании войны мы стали чекистами.

В Питере в двадцатые годы выступала знаменитая певичка (он называл фамилию, но я не помню), и товарищ Троцкий был ее пламенным любовником. Однажды Троцкому доложили о том, что молодой Есенин — тоже ее тайный любовник. Это было для демона революции буквально громом с ясного неба. Он был обманут, возмущен, оскорблен. Терпеть такого Троцкий не пожелал и поручил это деликатное дело своему особо доверенному человеку Якову Блюмкину. Как мне объяснил Блюмкин, перед нами стояла задача весьма необычного характера: *Набить Есенину физиономию и кастрировать. Сделать это очень аккуратно, без общественной огласки*. Получив такое указание свыше, мы приступили к его исполнению. За Есениным немедленно было установлено негласное наблюдение. Все

держалось в строгом секрете. Никто, кроме нас двоих, не должен был ничего знать. В Питере была гостиница "Англетер", негласно подведомственная ЧК. Сюда мы и спланировали привести тайно Есенина, чтобы осуществить задуманное.

Зимним вечером мы с Блюмкиным пришли в гостиницу. Блюмкин хорошо знал Есенина раньше, поэтому, когда тот приехал в Питер, у Якова был повод обмыть эту встречу. В одном из номеров гостиницы мы втроем хорошо выпили, потом, вроде шутя, перевели разговор на женщин и начали Есенина подначивать, что он, мол, половой гигант, перед ним не устоит ни одна бабенка. Дай, мол, поглядеть на твое мужское достоинство, может, мы его отрежем и повесим в кунсткамере для потомков. Мы, вроде полуслыша, повалили его на кровать (диван или тахту называл старик – не помню). Задрали ему рубашку и начали расстегивать брюки. Несмотря на шутливый тон и выпитое в немальных количествах, Есенин, видно, понял нешуточность намерения и, лежа на кровати, схватил стоящий на прикроватной тумбочке старинный медный подсвечник и ударил им по голове ближе стоящего к нему Блюмкина. Тот свалился на пол. Сергей, полусидя, замахнулся подсвечником в мою голову. Я знал, что Есенин физически крепкий мужик, частенько участвовавший в драках и умеющий за себя постоять. Оставшись с ним один на один, я испугался, выхватил наган и выстрелил. Он мгновенно замер, потом упал на спину и захрипел, при этом выпустил подсвечник, который, падая, зацепил лежавшего на полу Блюмкина. Тот вдруг пришел в себя, вскочил на ноги, схватил подсвечник, валявшийся на полу, и ударил им Есенина в переносицу. Он хотел в горячке ударить еще раз, но я вырвал у него подсвечник, закричав: "Хватит! Посмотри, что мы наделали!.." Ведь команды убивать у нас не было, была команда по пьянке затеять драку, набить ему физиономию, намять хорошенько бока и, по возможности, тайно провести кастрацию, о которой он, когда пропрозвеет,

естественно, никому не скажет, опасаясь позора. Но теперь перед нами лежал труп, и не простого смертного, а скандально знаменитого российского поэта, хорошо известного и за рубежом.

Сначала мы растерялись: что делать? В любой момент в номер могли прибежать люди, слышавшие выстрел. Понесли для нас могли быть катастрофическими. Однако Блюмкин быстро сориентировался и принял решение: Есенина закатать в ковер — и на балкон. Если ворвутся чекисты, наша легенда такова: вот наши документы. У нас проходит оперативная встреча. Блюмкин как начальник захотел осмотреть мое табельное оружие. Доставая его из-за пояса, я зацепил курком за ремень, произошел самоизъявленный выстрел в пол. Все спокойно. Холодно? На несколько минут открывали балкон, чтобы выгнать дым и проветрить комнату.

Вынеся закатанное в ковер тело на балкон, поставив подсвечник на место, заправив постель (кстати, на покрывале крови не было, пуля осталась в теле), мы закрыли две комнаты и вышли из гостиницы. На улице мы договорились, что Блюмкин едет в ЧК, по спецсвязи вызывает Троцкого, объясняет ему создавшуюся обстановку и согласует наши дальнейшие действия. Я же возвращаюсь в гостиницу и кручуясь в фойе поближе к администрации, чтобы быть в курсе всех событий. В случае необходимости попытаюсь изменить ситуацию, неблагоприятную для нас. Но все было тихо.

Несколько часов прождал я возвращения Якова. Он вернулся спокойным и деловитым. Мы вышли на свежий воздух, подальше от посторонних ушей.

Лев Давидович был ошеломлен моим сообщением, потом подумал и сказал: “А это, наверное, даже к лучшему: нет человека — нет и проблем”. *И дал указание: инсциенировать самоубийство допившегося до ручки поэта Есенина.* Для этого пригласить в номер администрацию гостиницы и обязательно понятых, составить акты, протоколы, меди-

цинские заключения, проконтролировать быстрейшее "упакование" поэта в цинковый гроб. Мертвого Есенина должно видеть возможно меньше людей. Тело нужно срочно доставить в Москву. Сам же Троцкий *на следующий день* лично даст информацию в печать о самоубийстве неуравновешенного и психически надломленного поэта. Тем самым будет поставлена точка на попытках какого-либо расследования. В такой ситуации ни одна государственно-следственная структура этим делом заниматься не будет, а частное лицо, попытавшееся на свой страх и риск покопаться в деталях, может получить срок за недоверие к официальному заявлению: это политическая статья, чреватая тяжелыми последствиями.

Мы немедленно приступили к выполнению задуманного плана. Зайдя инкогнито в есенинский номер, мы быстренько стащили с балкона труп и размотали ковер. На улице был сильный мороз, и тело, пролежавшее на балконе более четырех часов, сильно замерзло. В попыхах закатывая убитого в ковер, мы не подумали о руках, что с нашей стороны было большой оплошностью. Одна рука у Есенина была согнута в локте и прижата к животу, а у второй локоть был поднят, а кисть прижата к затылку. Как мы ни пытались опустить руки, нам это никак не удавалось. Наконец, меня осенило: я достал перочинный нож, закатал рубашку на той руке, которая была прижата к поясу, и перерезал локтевые сухожилия, после чего с усилием вытянул эту руку вдоль туловища. Потом передал нож Якову, который повторил мой прием, а плечевой сустав просто вывернулся. Осмотрев комнату, мы не нашли, на чем повесить Есенина: ни в потолке, ни в стенах не было ни одного крюка. Правда, высоко под потолком проходила труба отопления, но достать ее со стула даже при моем нормальном росте было проблематично, не говоря уже о росте Есенина: метр с кепкой. Мы порвали полотенце и перевязали локтевые раны, чтобы не запачкать сукровицей рубашку, и засыпали место на груди, пропитанное кровью. Соорудив из

тумбочки и стула лестницу, подняли тело к трубе и попытались сделать из ремня подобие петли, чтобы затолкать в нее голову, но это у нас никак не получалось. Талия у низкорослого поэта была узенькая, и, естественно, ремешок в брюках соответствовал ее размерам. Нам же нужно было завязать один конец на трубе узлом, а на другом сделать узел и петлю: длины ремня не хватало. Не придумав другого варианта, мы просунули ремень под батарею и, выведя конец на другую сторону, застегнули его на пряжку. Получился обыкновенный круг без всяких петель и удавок. Кое-как мы просунули в него голову трупа и развернули ее так, чтобы не было видно следов от подсвечника. Несмотря на то, что подсвечник проломил Есенину лоб и переносицу, кровоподтеков почти не было, так как мы сразу выставили тело на мороз. Однако небольшой синяк был очень заметен, именно этим местом мы и постарались прижать тело к трубе. Трубы были раскаленные, и определить визуально неспециалисту, что это — синяк от удара или ожог, было бы проблематично. Потом мы тихо покинули номер и гостиницу.

Спустя некоторое время мы появились в гостинице уже официально и доложили администратору, что пришли по приглашению поэта Есенина к нему в гости. Мгновенно мы подняли страшный шум, вызвали администрацию гостиницы. Естественно, появились зеваки. Всем было продемонстрировано висящее тело и объяснено, что бедный поэт, надломленный жизнью, покончил жизнь самоубийством. Мы распорядились всем срочно покинуть номер, вызвать понятых с тем, чтобы приступить к расследованию. Я вывел собравшихся из номера и пошел искать понятых. У Блюмкина в ЧК были свои, зависящие полностью от него за свои старые грехи люди, которые и мать свою готовы заложить, только бы остаться в живых. Вот их-то и потребовал Яков. Было составлено два акта о смерти с разными исходами, два протокола обнаружения трупа и два медицинских заключения вскрытия тела. Это на ходу импровизировал Блюмкин. Один из них будет официаль-

но объявлен от имени правительства, другой как дезу можно через подставных лиц опубликовать в какой-нибудь оппозиционной газетенке. Она напечатает все это вроде как настоящую правду: мол, страшная и странная история произошла с Есениным (это сделают опять же преданные Блюмкину люди по нашим документам, но документы в руки им ни в коем случае не давать). После этого расследования газетенку можно сразу прихлопнуть как печатный орган, враждебный пролетарскому государству. Одна газета действительно напечатала «истинную правду» о смерти Есенина: Есенин перерезал себе вены в ванной петроградской гостиницы «Англетер» и погиб от потери крови, оставив предсмертную прощальную записку. Этой версии люди больше верили, чем официальной, может быть, из-за того, что газету тут же прикрыли.

Подчиненные Якова сделали документы — комар носа не подточит, организовали подписи таких светил, что у простых смертных не должно родиться никаких сомнений. Номер, в котором лежал мертвый Есенин, был под круглосуточной охраной, туда никого не пускали. В течение дня, пока готовился гроб и все необходимое, в номере колдовал преданный Блюмкину человек — похоронных дел мастер, который убирал с лица следы побоев и ретушировал ожог от отопительной трубы. Вечером в номер был занесен гроб со всеми атрибутами. Мы уложили Есенина в гроб, крышку забили, гроб вложили в обитый цинком ящик и вынесли из гостиницы. В утренних газетах было опубликовано правительственное сообщение, что трагически погиб большой русский поэт: покончил жизнь самоубийством. Мы с Блюмкиным провожали гроб до Москвы и передали его спецкоманде, занимавшейся похоронами государственных и высокопоставленных лиц.

Спустя какое-то время по Москве и по Питеру поползли слухи, что в смерти Есенина не все ясно... Думаю, что кто-то из доверенных Якова по пьянке сболтнул лишнее. Вскорости Блюмкин вызвал меня к себе: «Слушай, Николай, по-

ползли нехорошие слухи о смерти Есенина, ты, наверняка, слышал. Тебя не виню. Знаю, ты — могила, да и какой резон тебе болтать: рыльце у тебя в пуху не менее моего. Ну ладно, с трепачами я разберусь. А ты собирайся и завтра же отчаливай. Поедешь в Сибирь, там сейчас атаманчиков, колчаковцев, батьков, семеновцев и прочей шушеры много. Твоя задача — вспомнить свою голубую кровь и белую кость. Втереться в доверие к этим элементам и попасть к атаману Семенову. Это сейчас — реальная угроза нашим дальневосточным границам. Нам нужны в их стане свои глаза и уши, да и надо тебе быть подальше от этого есенинского дела. А я попытаюсь здесь дымок развеять, а угольки потушить”.

Потом я узнал, что особо доверенные Якову люди, участвовавшие в этом деле, в течение полутора отбыли в мир иной: кто по пьянке выпал с балкона, кто попал под трамвай, кто утонул и так далее... Мертвые всегда молчат.

Шел я к атаману Семенову два с половиной года... Где я только не побывал, кого не повидал, об этом можно рассказывать не один вечер. Наконец, прибыл я в Монголию в ставку атамана Семенова аккурат на Ивана Купала. Старший отряда, с которым я прибыл из красной России, доложил ему, что привел с собой преданного белого офицера, который, мол, желает бороться против красных и очистить матушку-Русь от всякой нечисти. Семенов лично вызвал меня. Когда он начал детально опрашивать меня по Питеру и по Москве о моей работе, я стал путаться. Появились неточности в ответах, и это насторожило атамана. Короче, через десять дней он вызвал меня к себе и после некоторых уточнений моих ответов заявил: «Я понял, что ты красный перебежчик и прибыл ко мне с целью шпионить. Я даю тебе шанс как бывшему белому офицеру честно перейти на мою сторону и передавать в центр дезу. Или ты согласен, или прощальная прогулка в степь». Выхода у меня не было, если бы я даже сумел вернуться в Россию, то там за Есенина меня бы все равно шлепнули. Я согласился. С тех пор я начал работать двойным агентом: гнал в Москву дезу, предостав-

ляемую мне Семеновым. По его приказу я был оставлен при штабе, так для него было надежнее: за мной постоянно следили.

Шло время... Уже канули в Лету Дзержинский, Менжинский, Фрунзе, Троцкий, Блюмкин, Ягода, Ежов... Начали мне приходить шифровки — срочно вернуться. Но я уже хорошо знал: кто возвращался, те уходили в небытие, и я всячески отговаривался, ссылаясь на то, что я — человек, приближенный к атаману, что мой отъезд вызовет его подозрения, и, как следствие, неминуем провал. Мы потеряли глаза и уши в стане врага. Меня на время оставляли в покое, потом опять вызывали, и я снова отговаривался ехать на убой. Потом началась Великая Отечественная, и про меня вообще забыли. Я посыпал дезу, но на нее редко отвечали, а иногда и невпопад. Я начал догадываться, что мне не доверяют. В мае 45-го кончилась война с Германией, а в августе Красная Армия вошла в Монголию и Китай. Мне надели на белые ручки наручники и дали на полную катушку 25 лет за измену Родине и добровольную работу в разведке противника. В этих краях я отсидел от звонка до звонка, ехать некуда, здесь и остался».

Вот и весь рассказ-исповедь моего случайного собеседника. Естественно, я ему не поверил, мало ли что взбредет в голову старомуному человеку по пьянке.

Прочитав в вашем журнале, что Есенин умер не своей смертью, что против этой привычной, со школы усвоенной официальной версии есть доказательные возражения и что в этой трагической истории замешан Яков Блюмкин, я вспомнил тот самый памятный для меня вечер в баньке и странное откровение моего случайного собеседника. Где-то глубоко в подсознании два десятка лет его рассказ как бы жил во мне, но в то же время для сознания, осмысления он был похоронен. Публикация в «ЧиП» всколыхнула уснувшую память, и рассказ как бы проявился из забытья. Я начал свое собственное расследование. Обратился к местным жителям, чтобы они помогли мне найти этого человека, если он еще жив, или хотя

бы узнать его фамилию. Надежда была: в первые годы строительства БАМа соответствующие органы информировали нас о контингенте населения поселка Ургал. Нам было известно, что 80% населения сидело в лагерях, причем в поселке остались и те, кто когда-то сидел, и те, кто их охранял. Все они все друг о друге знают, но, наученные горьким опытом, ничего о прошлом не говорят. Это неудивительно: ведь многие сидели именно за длинный язык. И все-таки тайком друг от друга кое-кто из местных старожилов назвал фамилию этого человечка, видимо, не я один слышал эту историю. Это Леонтьев Николай Леонидович, примерно 1899–1901 года рождения, окончил Петербургский кадетский корпус, меньшевик, какое-то время состоял в охране Троцкого, правая рука Блюмкина, сотрудник ЧК, ГПУ, ОГПУ в Москве и Петрограде, позже состоял в штате разведки и контрразведки атамана Семенова, осужден за измену Родине и работу на иностранную разведку, мог сидеть в Магаданлаге, Хаблаге, АмурБамлаге и Бурлаге. Я обращался в местные органы ФСБ с просьбой поднять архивы и дать мне возможность прочитать личное дело Н. Л. Леонтьева. Мне отказали. Его давно уже нет в живых, и тайна ушла с ним в могилу.

Мне 52 года, не знаю, сколько мне еще осталось жить. Время сейчас такое — нет ни в чем уверенности. Вот я и решил рассказать то, что давно знал. В последнее время стал как-то мучиться этим своим знанием...

«Чудеса и приключения» (2000, № 6).

Запись В. Г. Титаренко.

Глава 19 КОММЕНТАРИЙ К 18-Й ГЛАВЕ

Московский популярный журнал «Чудеса и приключения» («ЧиП») не раз обращался к теме загадочной гибели Сергея Есенина. Печатались здесь и статьи, доказываю-

щие факт убийства великого русского поэта. Одна из таких публикаций всколыхнула память майора запаса Виктора Титаренко, слышавшего более 20 лет назад жутковатое хмельное откровение старого и больного человека, который неожиданно признался: «...вот этой самой рукой я лично застрелил Сергея Есенина!». И затем недавний «выпускник» ГУЛАГа рассказал душеледенящую историю, произошедшую в конце декабря 1925 года в печально известной гостинице «Англетер».

Исповедь показалась тогда офицеру бредом сумасшедшего — настолько она расходилась с хрестоматийными представлениями.

Наступили иные времена. Многое из тайного прошлого стало явным — вот и решился 52-летний Титаренко поведать о давно услышанном. Запись воспоминаний преступника получилась ошеломляющей.

Если бы в какой-либо другой стране появилась сенсация, раскрывающая тайну гибели национального любимца, средства массовой информации захлебнулись бы от комментариев и разрисовали бы злодея от пяток до макушки. Ничего подобного в наших палестинах не случилось. Как говоривал Надсон: «Кричи, буди, никто не отзовется. // Уныние, бессилие кругом».

Исповедь негодяя поддается проверке, в том числе и документальной.

Зверёки оборвали жизнь замечательного лирика два нелюдя. Одного из них, чекиста-террориста Якова Григорьевича Блюмкина (1900—1929), международного разбойника, мастера «мокрых дел», давно подозревали в изувечестве. И вот — потрясающее подтверждение из первых рук.

Правда, существуют мнения лиц, близких к профессиональным владельцам секретов, что в дни есенинской трагедии Блюмкина в СССР не было. Лукавят господа. За день до вынесения приговора троцкистскому холую он сам писал в «Краткой автобиографии»: «Год (1925—1926) я работал в Наркомторге, в это время он организовывал сеть ос-

ведомителей в создаваемом тогда профсоюзе совторгслужащих.

Блюмкин вращался в кругу московской литературной богемы, сам пописывал и публиковал плохонькие стишки. На раннем этапе знакомства Есенин видел в нем воплощение «безумства храбрых», дарил ему свои книжки (автографы известны). Позже между ними наступило резкое охлаждение, доходившее до чуть ли не смертельных конфликтов.

Мимоходом: Блюмкин был мастером подделки чужих почерков. Говорят, он «рисовал» для наивных эмигрантов письма попавшего на Лубянку и якобы раскаявшегося террориста Бориса Савинкова (читайте по этому поводу «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына). Вполне возможно, что «Яша» сфальсифицировал и «До свидания...». Таковы контуры пугающего портрета одного из «мокрушников».

Имя другого мерзавца возникает впервые. 27 декабря 1925 года, поздним воскресным вечером, выстрелом из нагана поэта уложил Николай Леонидович Леонтьев (находившийся рядом Блюмкин нанес рухнувшему Есенину сильнейший удар в лоб – вероятно, рукойкой пистолета). Теперь, спустя 80 лет после трагедии, можно окончательно и уверенно сказать: именно таковы последние мгновения жизни великого певца России. В одном из архивов сохранилась фотография (оригинал!) его мертвого лица (снимок с пометкой: «Не выдавать!») – она подтверждает действия убийц: *над правым глазом заметно пулевое отверстие*.

Прежде чем прокомментировать записанное Титаренко признание варвара, приведем некоторые штрихи его биографии.

Николай Леонидович Леонтьев – почти ровесник Блюмкина; родился в Петербурге в семье потомственного почетного гражданина Леонида Васильевича Леонтьева (сведения о матери уточняются). Отец будущего вурдалака, хотя происходил из купцов, гордился своим древним дворянским родом: в нем – знаменитые воеводы, государственные мужи, ученые, литераторы, военачальники и пр.

Примерно в 1917 году Николай Леонтьев окончил кадетский корпус и, по моде тех бурных лет, ринулся в революцию. Познакомился с Блюмкиным, имя которого, как убийцы германского посла Мирбаха, пользовалось почетом у молодых задир (однажды смельчаку жал руку поэт Николай Гумилев). В годы Гражданской войны Леонтьев стал чекистом и вместе с Блюмкиным служил в личной охране Льва Троцкого, курсировавшего в карательно-пропагандистском «Поезде наркомвоена». Позже — сотрудник ОГПУ в Петрограде и в Москве. Когда поползли слухи о насильственной смерти Есенина, Блюмкин отправил подельника подальше от любопытных глаз в Сибирь — с целью внедрения в отряд белого атамана Семенова. Чекистского лазутчика там быстро раскусили, и он вынужден был скрыться в Москву дезинформацию. Затем «двойник» вместе со своими новыми хозяевами оказался в Монголии. В августе 1945-го Леонтьева-изменника арестовали, судили и сажали на «полную катушку» — 25 лет. Подлец оказался живучим зеком. Последние годы отбывал в лагере поселка Ургал Хабаровского края, где после освобождения осталася на поселении и где с ним встречался Виктор Титаренко.

Обратимся к записи его воспоминаний, чтобы отделить зерна от плевел.

Первая и главная оплошность Леонтьева — вздор о том, что у Троцкого и Есенина «ходила в любовницах» одна и та же ленинградская «певичка». Узнав-де о сопернике, темпераментный Лев пришел в ярость и приказал его хорошо-ненько отдубасить и проч. (но не убить). Сегодня, когда монографии «демона революции» и поэта расписаны чуть ли не по дням и по часам, верить леонтьевской глупой фанзии нелепо.

У Троцкого имелось немало куда более серьезных причин «проучить» Есенина: «контрик», на всех углах кроет Советскую власть, автор послания в защиту Иисуса Христа, в котором высмеян Демьян Бедный, надоел своими лихами о лапотной Руси, собрался от суда бежать за гра-

ницу, наконец, националист, позволяющий дерзкие выпады лично против него, «архитектора революции» («Не поеду в Москву, пока Россией правит Лейба Бронштейн... Он не должен править». Эти слова Есенина записал в Берлине литератор-эмигрант Роман Гуль).

Полезно помнить – в декабре 1925 года шел XIV съезд РКП(б); Сталин дал успешный бой оппозиционерам. Истеричный вчерашний «вождь» в таком повороте событий видел происки антисемитов, о чем просил подробнее приведать Николая Бухарина (сохранилась копия письма к нему). Разъяренный поражением, амбициозный «раненый Лев» набросился на Есенина, ставшего жертвой политических разборок.

Леонтьев сообщил, что он и его начальник Блюмкин спланировали привезти тайно Есенина в «Англтер», где и свершилось святотатство. Это *полуправда*, возникшая или по забывчивости, или, что вернее, из желания все-таки не разглашать действительного хода преступления. Воспоминатель говорил: поэта-де заманили в гостиницу в день его приезда в Ленинград (24 декабря) под предлогом «обмыть встречу».

Дело складывалось иначе. Когда Есенин приехал в город на Неве, троцкистские холуи его *сразу же арестовали* и четыре дня допрашивали. Полагаем, на последнем допросе «с пристрастием» поэт *оказал бурное сопротивление*; Леонтьев в него выстрелил, а Блюмкин добил, после чего мертвое тело по указанию Троцкого (по спецсвязи) перетащили в 5-й номер «Англтера», где состоялся кощунственный спектакль «самоповешения».

Леонтьев *намеренно все упростил*, так как раскрытие всей тайны убийства слишком не соответствовало официальной версии и грозило ему, недавно выпущенному из заключения, новым арестом и смертью. Скажи Леонтьев о незаконном аресте поэта и допросах его с негласной санкции Троцкого – подтвердилась бы история о подпольной организации противников Сталина. Членом этой банды,

по сути, и состоял Леонтьев, замешанный в большой и опасной политике, где скошенных голов не считают.

Блюмкинский прихвостень утверждает, что в 5-м номере «Англетера» он стрелял дважды: первый раз — в напавшего на него Есенина, второй выстрел — в пол — оказался случайным. И якобы никто в отеле не всполошился. Да, выстрелы прогремели, но не в «Англетере» — их бы обязательно услышали соседние жильцы, работники гостиницы, и прибежали бы на шум, — а в пыточной другого дома, где поэт подвергся экзекуции. Поэтому придумка Леонтьева о завернутом в ковер теле, вынесенном на балкон на «сильный мороз» (проверено: температура на улице была -5°), преследовала все ту же задачу — скрыть действительное место убийства. Однако ковер или какая-то дерюжка все-таки существовали, был и завернутый в него или в нее труп, но переносили его не на балкон — с целью скрыть злодеяние от возможных любопытных глаз, а перетащили из помещения, где состоялась казнь, в «Англетер», где произошла инсценировка самоповешения. И, вероятнее, мертвца транспортировали не Блюмкин и Леонтьев, а какие-то гэпэушные пьяные громилы. Их видели горничная и уборщица 5-го номера Варвара Васильевна, успевшая перед смертью признаться знакомой о запомнившейся ей жутковатой сцене, и дворник Василий Спицын, бросившийся к телефону звонить домой коменданту отеля Василию Назарову (по воспоминанию его вдовы, Антонины Львовны, ныне покойной).

Убийца укорачивает хронику бандитской операции, не называет фамилий задействованных в ней лиц, которые, по его словам, «и мать свою готовы заложить, только бы остаться в живых». Он и Блюмкин провожали гроб с телом Есенина в Москву. Возможно, но не в том вагоне, где находился скорбный груз, а тайно, в другом месте, чтобы не привлекать внимания прощавшихся с убиенным ленинградцев. Руководил отправкой вагона и грустной церемонией на вокзале директор Лениздата Илья Ионов (Бер-

штейн), в прошлом – убийца и каторжник с 11-летним стажем, шурин всемогущего Зиновьева, диктатора Ленинграда. Ионов, свидетельствуют современники, прежде временено свел в могилу Александра Блока.

Читателям «Чудес и приключений» может показаться фантасмагорией, что после неудачной попытки повесить покойника на трубе парового отопления, дегенераты (так назвал убийц Борис Лавренев), не найдя другого варианта, прикрепили его к... батарее, несколько возвышавшейся над полом. Вынули из брюк своей жертвы ремень, застегнули его на горле на пряжку, привязав остаток ремня к батарее. Петли сделать не удалось, так как есенинская талия была сравнительно узкой и ремешок для удавки оказался коротковатым. Они прижали лоб усопшего к раскаленной трубе, чтобы позже представить рану как ожог.

Подонки застирали кровь на рубашке замученного, привели комнату в беспорядок и удалились.

Позвольте, скажут, но ведь тело висело под потолком, на трубе парового отопления, об этом все знают! Знают из *ложивых газетных сообщений*. Как ни чудовищна картина, на этот раз Леонтьев не солгал.

Автор этих строк был в 1994 году шокирован и разочарован странным рассказом бывшего агента 5-й бригады активно-секретного отделения УГРО Георгия Евсеева (р. 1901), побывавшего 28 декабря 1925 года в «Англете».¹ Старик упорствовал: труп был прилеплен к батарее. Только сейчас стало ясно – не подвела служаку память.

От том, что петли на горле несчастного не было и не осталось странгуляционной борозды, свидетельствовал стихотворец Василий Князев, стороживший в морге заледенелое тело от «чужих» глаз: «В маленькой мертвецкой, у окна, // Золотая голова на плахе. // Полоса на шее не видна. // Только кровь чернеет на рубахе» (видно, ее все-таки застирали небрежно).

Нет никаких сомнений, что Леонтьев верно передает полученное Блюмкиным по спецсвязи и изложенное ему

соображение своего идола: «...Троцкий на следующий день (после гибели поэта. — В. К.) лично даст информацию в печать о самоубийстве неуравновешенного и психически надломленного поэта. Тем самым будет поставлена точка на попытках какого-либо расследования».

Так и произошло. Доказать личную причастность Троцкого к беспардонным сообщениям в центральных газетах трудно, но их оперативная «осведомленность» несомненна. Еще не состоялась судмедэкспертиза вскрытия тела Есенина, еще не успело сделать ни одного шага следствие, а газеты уже подвели итог и фарисейски объявили о самоубийстве поэта. Особенно усердствовали московская «Беднота» и ленинградская «Красная газета» (вечерний выпуск. Ее основателем был тот же Сосновский). «Красная» умудрилась сообщить о смерти поэта 28 декабря, что было бы технически невозможным, не зная троцкисты из редакции о его гибели 27-го. В этом желтом издании позже печатались первичные наиболее лживые статьи и заметки о происшествии в «Англете». Мимоходом вопрос к нашим оппонентам: почему Троцкий датировал смерть Есенина 27-м декабря («Правда», 1926, 19 января) — в то время как вся советская печать называла 28-е число? Догадаться нетрудно.

После есенинской трагедии многие ее укрыватели получили иудины сребреники — кто в виде выгодного служебного местечка, кто — досрочного выхода книги, кто — повышения в должности. Так организаторы убийства поощряли лжепонятых, свидетелей, мемуаристов и прочих христопродацев. Немало людей, причастных к утаиванию злодейства, не без помощи Блюмкина, по словам Леонтьева, «отбыли в мир иной: кто по пьянке выпал с балкона, кто утонул и так далее...». Когда в 1929 году Троцкого выслали из СССР, а Блюмкина за тайную связь с ним расстреляли, вся «англтеровская» муть заколыхалась, предупреждая возможные разоблачения. По надуманным предлогам судили и упрятали за решетку коменданта гостиницы На-

зарова и милиционера Горбова; многие кинулись создавать себе алиби или, как крысы с тонущего корабля, побежали в другие города и на новые места работы. Переполох был большой. Но, к сожалению, «дело Есенина» тогда не раскрылось. Некоторые так и прождали всю жизнь (лжесвидетели Лазарь Берман, Павел Мансуров и др.). Остатки совести заставили открыть «тайну “Англетера”» лишь одного Леонтьева.

Каков был последний геростратовский путь Николая Леонтьева — мы не ведаем. Знаем одно: он и Яков Блюмкин вошли в сатанинскую историю как самые гнусные ее бесы.

Скоро исполнится 80 лет, как не стало великого сына России, одной из центральных фигур многострадального XX века. Его имя наконец-то очищено от скверны. Перед нами как бы заново явился не только художник огромного таланта, но и мужественный человек, не склонивший головы перед палачами.

«Не умру я, мой друг, никогда», — писал он. И навсегда остался в нашей благодарной памяти.

«Это им не простится, — говорил он, — за это им отомстят. Пусть я буду жертвой, я должен быть жертвой за всех, за всех, кого непускают (домой). Непускают, не хотят, ну так посмотрим. За меня все обозлятся. Это вам не фунт изюма. К-а-к еще обозлятся. А мы все злые, вы не знаете, как мы злы, если нас обзывают. Не тронь, а то плохо будет. Буду кричать, буду, везде буду. Посадят, пусть сажают — еще хуже будет. Мы всегда ждем и терпим долго. Но не трожь! Не надо» (запись Галины Бениславской).

Он взошел на Голгофу с ясным пониманием своей обреченности и жертвенности. Это было не слабостью обессиленного человека, а подвигом. Об этом еще напишут и споют.

Глава 20

ПРИКАЗ ОТДАЛ ТРОЦКИЙ

Эта часть исследования вызовет наибольшее сопротивление и раздражение наших оппонентов.

За последние годы вышло немало книг о Троцком – этом «демоне революции» (И. Дойчер, Н. Васецкий, Д. Волкогонов и др.). Почти все они под флером академической объективности реанимируют труп главного революционного палача, бесконечно комментируют его бредовые проекты мирового пожара (идея «перманентной революции», заимствованная у торговца отечеством, агента кайзеровской Германии Гельфанд-Парвуса).

Давно стало общим местом наблюдение, что облеченные властью тираны и диктаторы нередко баловались искусством. Троцкий, в молодости переводивший на украинский язык басни Крылова, мнил себя большим эстетом в литературе. Некоторые его оценки творчества современников самостоятельны, не лишены наблюдательности и лихости ума. Например, он не принял натужно-уличной крикливости Маяковского, несмотря на весь его революционный пафос. Но Троцкий еще в детстве «ушибся» социологией и политикой – эта болезнь постоянно давала себя знать при анализе тончайших явлений литературы.

«Стиль – это класс, – пишет он, – и не только в искусстве, но прежде всего в политике». Для него агитки Демьяна Бедного – «явление совершенно небывалое, единственное в своем роде», Безыменский – «надежда» поэзии. От стихов Есенина, пишет Троцкий, «попахивает средневековьем», как и от всех произведений «мужиковствующих». Отстаивая интернациональную алгебру, он выходил из образной специфики художественного слова. Очевидно, сказывался иррационально-религиозный фактор, стоящий выше логических конструкций.

Есенина-человека Троцкий не любил, Есенина-поэта

вынужден был терпеть, так как самим фактом своего существования его нежнейшая лирика служила укором железобетонным словесным строениям Александровского, Алтаузена, Гастева, Кириллова — несть им числа! У Льва Давидовича, городского умника, была ампутирована способность проникнуть в крестьянскую стихию творчества Есенина, в чуждый ему нравственно-этический деревенский мир. Но он не мог не считаться с международным признанием дара русского поэта, с его громадной популярностью в народе.

От общих рассуждений перейдем к криминальному сюжету. Завязку его нужно искать в суде Краснопресненского района Москвы, куда через посредство прокурора в сентябре 1925 года по линии Наркомата иностранных дел обратились партчиновник Юрий Левит и дипкурьер Альфред Рога. Они требовали сурово наказать Есенина за скандал в вагоне поезда «Баку — Москва». Из опубликованных недавно заявлений истцов и объяснительной записки поэта видно, что конфликт навязан самими амбициозными «потерпевшими».

Дело принимало серьезный оборот. Не помогло заступничество Луначарского (его волновала прежде всего нежелательная огласка «дела» в белоэмигрантской печати). Кто-то более всемогущий отверг ходатайство наркома просвещения и поощрил раж судьи Липкина. Последний, узнав, что «хитрец» Есенин находится в психиатрической клинике, называвшейся туда, посыпал за притворцем чекистов.

Мы думаем, мнение Луначарского игнорировал Лев Троцкий. У него было немало причин проучить поэта. Во-первых, после заграничного путешествия поэт на всех углах «кроет» советскую власть (об этом говорил в Италии Андрей Соболь). Во-вторых, порядком надоел своим нескрываемым российским патриотизмом. Троцкий давно предал это чувство проклятию. Есенинская Русь противоречит любимому детищу Троцкого — мировой революции. И хотя поэт распевал с Дункан в Европе «Интернационал», доверять ему нельзя, его сольные концерты лишь бра-

вада и фронда. Чтобы иметь «право на песнь», его, это право, нужно заслужить верностью РКП(б).

Поэт уже давно стал внутренним эмигрантом, видите ли, пишет:

«Отдам всю душу Октябрю и Маю. Но только лиры милой не отдам».

Если партия потребует, дорогой товарищ, не только лиру, но и голову отдашь, — не таких обламывали! Еще не забыто, как кудрявенький деревенский солдатик-санитар читал стишкы вдовствующей императрице и великим княжнам.

Опекуна-чтеца, царского мажордома, полковника Ломана, в 1918 году хлопнули, а его «прихвостня» отпустили — и напрасно. Он тогда не случайно водил дружбу с Каннегисером, убийцей петроградского комиссара Урицкого. Каннегисера поставили к стенке, а приятеля его опять пожалели.

Есенин, мог полагать Троцкий, — социально опасный элемент. Недавно благодаря Дзержинскому и Агранову арестован есенинский закадычный дружок Ганин, тоже стихотворец.

Дурачок Ганин клюнул на наживку ГПУ — «князя» Вяземского, подговорившего его написать статью о своих взглядах и опубликовать ее в Париже. Деревенский карбонарий поверил, написал. Тут-то и взяли новоявленного публициста. Храбрец сошел с ума на допросах, но такого вольнодумца живым оставлять было нельзя. Расстреляли в марте 1925 года.

А Есенин тогда почувствовал неладное, сбежал; вероятно, вспомнил, как Ганин однажды в кабаке предлагал ему шутя пост министра просвещения в новом правительстве. Хороши шуточки! Партия будет с корнем выдирать инакомыслие. Недавно бахвалился, что у него сохранилась телеграмма Льва Каменева, в которой тот в феврале 1917-го благодарил великого князя Михаила за отречение от престола. Хвастун бросил тень на единство наших рядов.

Два года назад вся американская печать шумела, ка-

кой постыдный скандал учинил «отщепенец» Есенин в доме поэта Мани-Лейба. Неймется.

В ноябре 1923 года кучку «мужиковствующих» рифмоплетов – опять во главе с Есениным – прорабатывали общественным товарищеским судом (председатель Сосновский) в Союзе писателей. Скандалисты сумели тогда выкрутиться, и не в первый раз. Но, видно, побывки на Лубянке Есенину не пошли впрок.

Троцкому многое известно о его антисоветских проделках, он, наивный деревенщина, и не подозревает, что глаза и уши партии везде, даже в постели. Его подруга, Галина Бениславская, по своей дури, кое-что рассказала Льву, сыну Троцкого, об откровениях Есенина, когда разводила амуры. Неоднократно Льва Давидовича информировал об опасной болтовне Есенина Яков Блюмкин. Говорят, он в Баку однажды чуть не застрелил говоруна, когда тот сказал лишнее. Перепуганный оратор тогда сбежал в Тифлис.

Так мог думать Троцкий – мы ничего лишнего не присочинили, есть *документальный материал для более резкого внутреннего монолога «вождя»*.

Врага Есенина не устраивала его поэзия последних лет, о чем сам «архитектор революции» и напишет в статье, напечатанной в «Правде» 19 января 1926 года: «Поэт погиб потому, что был несрoden революции».

Троцкий внешне выступал чуть ли не радетелем Есенина. После его возвращения из-за границы даже хотел его «приручить», предлагая ему возглавить новый литературный журнал. Тогда они не смогли договориться. Поэт тоже был не лыком шит, иногда публично говорил о своей, так сказать, лояльности к всесильному «вождю революции». На самом деле все было намного острее и сложнее.

Исследователи убедительно доказали, что прототипом интербродяги Чекистова в есенинской поэме «Страна негодяев» (убийственное название!) послужил Троцкий, как и литературный персонаж, одно время живший в городе Веймаре.

Не исключено, что до Троцкого могла дойти фраза Есенина, сказанная в Берлине писателю-эмигранту Роману Гулю (опубликовано): «Не поеду в Россию, пока ею правит Троцкий-Бронштейн. <...> Он не должен править».

Поводом для арестов поэта не раз служили доносы юрких, вертлявых лиц: 1920-й, сентябрь – А. Рекстен, Шейкман; 1923-й, сентябрь – М. Роткин (Родкин); 1924-й, январь – Ю. Эрлих; 1924-й, февраль – Л. Майзель, М. Крымский; 1924-й, март – братья Нейман.¹

Поэт осуждал культ генералов в искусстве, переждавший идеологический таран и примитивизм. «Уже давно стало непреложным фактом, – писал он, – как бы ни хвалил и ни рекомендовал Троцкий разных Безыменских, что пролетарскому искусству грош цена...» («Россияне». 1923). Так и случилось.

Он органически не умел лгать, не скрываясь, прямо говорил: «...мы в русской литературе не хозяева...» (из письменного показания поэта в милицию от 21 ноября 1923 года). И опять оставался прав – отрицать им сказанное могут только невежды и фарисеи.

Есенин не хотел быть пасынком на своей родной земле, с болью осознавал себя «чужестранцем». Его подруга Галина Бениславская записала вgorячах сказанную им фразу: «Поймите, в моем доме не я хозяин, в мой дом я должен стучаться, а мне не открывают». Как непохожи эти выстраданные слова на убеждение Вольфа Эрлиха: «Мой дом – весь мир...» (из сборника «Необычайные свидания друзей». Л., 1937). Несомненно, абстрактный Эрлих был Троцкому ближе, чем земной Есенин.

Все вышесказанное приближает нас к выводу: стремление Луначарского предотвратить судебный процесс над поэтом перечеркнуло Троцкий.

Допустим, гипотеза верна, возразят наши оппоненты, но при чем тут убийство? И будут не одиноки. Огорчим возражателей – доказательства есть, мы их специально приберегли, чтобы комплексно, разом выставить улики против

главного вдохновителя бандитской расправы над поэтом. И это, надеемся, только начало «допросов истории».

Прежде всего обратим внимание: 19 января 1926 года в своей статье о Есенине Троцкий пишет: «Больше не могу, — сказал 27 декабря побежденный жизнью поэт, — сказал без вызова и упрека...» И далее: «Только теперь, *после 27 декабря* (курсив мой. — В. К.), можем мы все, мало знавшие или совсем не знавшие поэта, до конца оценить...» — и прочая кудрявая красивость: «...каждая почти строка написана кровью пораненных жил», «сорвалось в обрыв незащищенное “человеческое дитя”!». Никогда автор этих крокодиловых слез не писал прежде о Есенине в таком возвышенно- сентиментальном стиле.

Дело тут, конечно, не в грустном поводе, а в другом: Вольф Эрлих как раз к выходу «Правды» успел оформить в Ленинграде «Свидетельство о смерти» Есенина. Справка ЗАГСа Московско-Нарвского района датируется 16 января 1926 года. Той же датой помечено письмо Эрлиха к матери, Анне Моисеевне, в Симбирск: «...живу в Москве с тех пор, как привез сюда Сергея (Есенина. — В. К.). Нет! Надвдня выезжал в Питер». В другом, более позднем письме (не датировано) к тому же адресату Эрлих, посетовав, как говорилось, на своюссору с Михаилом Фрёманом из-за растранных тем общих денег, лежавших на счету в издательстве «Радуга», сообщает: «Зимой я был несколько раз в Москве, а после смерти Есенина прожил там без малого 2 мес[яца]» (известно, секстот ГПУ в это время встречался в столице с Галиной Бениславской, но где жил — остается тайной).

Ловкий делец явно хлопотал, приводя в порядок «дело Есенина». 16 января 1926 года, дата оформления «Свидетельства о смерти» поэта, вернее «Справка», зарегистрировавшаяся Эрлихом (в ней значатся его фамилия и адрес, есть автограф) — не случайна. Очевидно, выполнив очередное срочное задание, он тут же укатил в Москву для отчета (возможно, письмо к матери он начинал писать в

Ленинграде 16 января, когда заходил в ЗАГС, а закончил его, приехав в столицу). Необходимость в оперативном оформлении «Справки» объясняется тем, что она, по-видимому, потребовалась, как мы замечали, бывшей жене Есенина Зинаиде Райх, прибывшей тогда в Ленинград вместе с Вс. Мейерхольдом. Это косвенно подтверждает запись в «Дневнике» Корнея Чуковского от 25 января 1926 года: «Неделю тому назад я был у Мейерхольда». Пожалуй, Чуковский точен: вероятней всего, Зинаида Райх получила необходимую ей «Справку» — для суда о наследовании права на есенинские гонорары — 18 января, в понедельник, или несколько позже.

Примечательна спешка Эрлиха: он расписался в «Справке» 16 января (в субботу!) и ринулся в Москву. Это объясняется очень просто: на 18 января назначался вечер памяти Есенина в МХАТе, где должен был зачитать руководящее слово Троцкого артист Качалов, и ничего не должно было смущать организаторов лицемерного зрелища.² Все сошло превосходно. Позже Эрлих ликовал. В письме (без даты) он сообщал мамаше о своем предстоящем путешествии — «вплоть до Америки». Двадцатитрехлетняя «шестерка» ГПУ вдруг разбогатела. Вряд ли Троцкий тогда встречался с ним, но предположить его окольное милостивое внимание к «Вове» вполне возможно.

Однако вернемся, по крайней мере, к ошибочной дате Троцкого — «27 декабря», как он фиксирует время смерти «такого прекрасного поэта». Что за абсурд? Его верный холуй, журналист Георгий Устинов, якобы трогательно опекавший Есенина в «Англете», пишет (существуют газетные и иные варианты редакций его лживоспоминаний): «Умер он в пять часов утра (28 декабря 1925 года)». О том же сообщали, ссылаясь на медицинские данные, не только ленинградские, но и московские издания. «Красная газета» (вечерний выпуск, понедельник, 28 декабря 1925 года, № 313): «Сегодня в Ленинграде умер поэт Сергей Есенин». Утренний выпуск «Красной газеты» (в номере за 29 декабря

1925 года) в редакционной заметке информирует: «Вчера в Ленинграде умер Сергей Есенин...» «Ленинградская правда» (1925. 29 дек. № 300): «Вчера утром покончил жизнь самоубийством один из крупнейших современных поэтов, Сергей Александрович Есенин». Примечательное исключение в «Правде» (28 дек. № 296. С. 11): «Всероссийский Союз писателей с глубочайшей скорбью извещает о трагической кончине Сергея Есенина, последовавшей *в ночь на 28 декабря* в Ленинграде...» (курсив мой. – В. К.).

Не будем утомлять читателей: *все* газеты датировали кончину поэта 28 декабря, лишь Троцкий – 27 декабря. Как это объяснить? Вероятно, занятый ходом интриг на XIV съезде РКП(б), он не читал последних декабрьских газет или читал невнимательно (смерть Есенина в печати тех дней освещалась скромно, съездовская тема вытеснила все другие). Полученное же 27 декабря известие (шифрованная телеграмма? условный звонок?) о «часе Х» в Ленинграде отпечаталось в памяти и сохранилось в статье.

Троцкий не ошибся по сути. Повторимся: именно 27 декабря, поздним вечером, в воскресенье, коменданта «Англете́ра» В. М. Назарова, по воспоминаниям его вдовы, срочно вызвали на службу, где он находился вплоть до следующего дня.

Весьма возможно, прочитав в «Правде» статью Троцкого о Есенине, облегченно вздохнул участковый надзиратель 2-го отделения ЛГМ Н. М. Горбов. Он, как ниже будет засвидетельствовано, поклонялся Троцкому и находился в зависимости от его ленинградских единомышленников. На следующий же день после появления фарисейского монолога Троцкого в «Правде», 20 января 1926 года, заведующий столом дознания И. В. Вергей (2-е отделение милиции) закрыл так и не начавшееся следственное «дело Есенина». Возник следующий документ, точнее – резолютивная часть заключения (впервые опубликовано Э. Хлысталовым):

«...На основании изложенного, не усматривая в причинах смерти гр. Есенина состава преступления, полагал бы:

Материал дознания в порядке п. 5 ст. 4 УПК направить народному следователю 2-го отделения гор. Ленинграда — на прекращение за отсутствием состава преступления.

Завстолом дознания Вергей (подпись-автограф)

Согласен: нач. 2-го отд. ЛГМ (Хохлов)».

Кратко прокомментируем послушность милиционеров-лицемеров. Иван Васильевич Вергей (р. 1891), судя по сохранившимся архивным материалам, отличался дисциплинированностью. Родом он из местечка Макаричи Мозырского уезда Минской губернии (еще один земляк наших многих «героев»). Одолел четыре класса училища. Как и тысячи других, в 1923 году устремился в поисках выгодной карьеры в Петроград. В 1935 году был уволен, как гласит архивная милицейская карточка, «на инвалидность». Мы в его нетрудоспособности позволим усомниться. В этом году, после убийства С. М. Кирова, в среде подобных Вергею наступила подлинная паника, — и кадровые перетряски происходили неспроста.

О начальнике 2-го отделения ЛГМ А. С. Хохлове мы уже рассказывали. В прошлом ростовщик, он привык к выгодным сделкам. Партиец с ноября 1919 года, он умел выполнять приказы. Когда 22 декабря 1925 года он принимал «дела» 2-го отделения ЛГМ от прежнего неугодного начальника П. Ф. Распопова, последний передал ему по акту текущую «Книгу входящих и исходящих телефонограмм». Было бы интересно ее полистать, но, увы, как и многие другие документы, она была уничтожена.

Следователь нарсуда 2-го отделения Бродский (Гилевич) Давид Ильич (р. 1895) не приступал к производству дознания. Жил он с супругой Брониславой Семеновной в 24-й квартире по соседству с родственниками в доме по улице Марата, 16. Мы об этом говорим не только для дальнейших поисков, а в связи с поистине бесценной для нас деталью: Бродскому прислуживала Анна Леоновна (Леонтьевна) Леонова (р. 1880), уверены — сестра известного читателям И. Л. Леонова, заместителя начальника Ленин-

градского ГПУ (полезный штришок: в одном из «личных дел» отчество чекиста – Леонович). Его «некрасивые поступки», как мы помним, критиковал, выйдя из Первого исправдома, милиционер Н. М. Горбов.³

Сочинитель фальшивого «есенинского» протокола в интересующий нас период был «на дружеской ноге» с сослуживцами-троцкистами, вероятно, находился в зависимости от них. Есть тому и подтверждения. 16 июля 1926 года Горбов делал доклад на партийном собрании коллектива 2-го отделения ЛГМ (18 человек) по поводу организационного отчета ЦК ВКП(б). Оратор, разумеется, не мог обойти проблему троцкистско-зиновьевской «новой оппозиции» в Ленинграде. Присутствующим явно не понравилась «левизна» докладчика. Он не ответил на заданные острые вопросы, прояснившие точку зрения «уклониста». В протоколе записано: «...тов. Горбов только дал ответ на первый вопрос, на второй и третий – дать не мог».

Участвовал и председательствовал на собрании «оторг-коллектива № 29» Павел Сергеевич Силин (р. 1900), тот самый, который 11 апреля 1927 года, как уже говорилось, дал совершенно секретную негативную «Характеристику» на Горбова, подозревая его в незаконном владении «лишними» домами. Силин, видимо, терпеть не мог прытких и крепко спаянных троцкистов. 7 октября 1926 года он резко говорил о них на очередном партийном собрании и, в частности, заметил: «...в Москве на ячейке “Авиаприбор” появление тт. Троцкого, Зиновьева, Пятакова, Радека и ряда других оппозиционеров послужило сигналом для начала открытого выступления» (из протокола собрания). Коммунисты решили «положить конец» всем раскольникам.

Иной взгляд имел Горбов. Когда в ноябре 1927 года сотрудники 2-го отделения ЛГМ проголосовали за исключение Троцкого и Зиновьева из партии (конечно, не без указания свыше), Горбов остался им верен. С ним были солидарны милиционеры Т. В. Варврук, М. Д. Гвай, В. Д. Свенцицкий и некоторые другие. Мы присматривались к компании

смельчаков, дерзнувших «свое суждение иметь». Картина предстала банальная — все они «одного поля ягода»!

Фрондеров, как тогда водилось, пригласили 29 ноября 1927 года на заседание бюро коллектива и заставили показаться и проявить классовое чутье. Дело принимало нешуточный оборот (дискуссии 1925—1926 годов завершились), и все милиционеры-фракционеры дали обратный ход. Сохранилось покаянное заявление примкнувшего к ним «нашего» протоколиста. В рамках развиваемой в этой главе темы документ (машинопись, автограф) небезынтересный:

«В бюро коллектива при 2-м отделении ЛГМ от кандидата партии ВКП(б) Горбова Николая.

15 ноября на экстренном собрании коллектива по поводу исключения из партии ВКП(б) Троцкого и Зиновьева, после прений, я поднял руку за преждевременное исключение, то есть до съезда партии. Считаю, что это была с моей стороны ошибка. Я никогда оппозиции не сочувствовал и активно не работал, поэтому прошу голос мой, данный на собрании коллектива за неправильное исключение Троцкого и Зиновьева из партии, снять. И я всецело присоединяюсь к большинству решения коллектива за то, что ЦК партии исключил Троцкого и Зиновьева правильно.

28/XI-1927 г. Н. Горбов.

Заявление участкового надзирателя говорило о начале пересмотра им своей партийной позиции и, естественно, хозяев. Прежние, понимал он, могли завести его «не в ту степь».

Поможем нашим современникам, обратившись к вчера еще сверхсекретным обзорам Ленинградского ГПУ за 28—30 декабря 1925 года, то есть за дни, особенно нас волнующие, понять ситуацию. Информация предназначалась для особо доверенных работников губернского комитета РКП(б) и представляла собой «...отклики рабочих и служащих и настроений б/п (беспартийных) в связи с дискуссией на XIV съезде РКП(б)». Ценность «голосов из народа» в их непричесанности, в реальной, можно сказать,

рентгеновской картине напряженных, судьбоносных для страны дней.

Даем отрывки из записей, сделанных «слушачами».

Рабочий фабрики «Красное знамя» Трачум: «Правильно ЦК Зиновьева осадил, нечего ему свою личную диктатуру проявлять». «Пролетарский завод» (бывший Обуховский). Некто: «Зиновьев и Сафаров (Вольдин Г. И., идеолог убийства Николая II, одно из первых лиц партийной элиты Ленинграда. – В. К.) хотят создать в ЦК, чего у нас не должно быть». Слухи: «Прибыло 80 человек из Москвы для ареста губисполкома». Некий студент Я. Л. О.: «Зиновьев с сатрапами (Лилина, Ионов, Евдокимов) свил себе прочное гнездо в Ленинграде...» Рабочий кожеобрабатывающего завода Антипов: «Зиновьев <...> в день смерти Ленина пустил пропаганду и объявил себя президентом России, а я охотно сейчас бы еще раз повоевал с подлецами». Беспартийный поэт Геннадий Фиш: «Зиновьев – компилятор; в наши дни компилятор может быть председателем треста, но не вождем Коминтерна. Зиновьев всегда трус, всегда увертывался от опасности – даже в Кронштадтскую волынку, когда Ленинград спас Троцкий». Рабочий Путиловского завода Чигалев: «Раз начали ругаться – что-нибудь выйдет у них между собою и нам опять придется бить друг друга, как били в 19-м году». Рабочий завода «Красный путоловец» Кудрявцев: «Наша ленинградская делегация... забыла бедняков». Беспартийная учетчица Екатерина Саговская: «Теперь т. Троцкий сидит и посмеивается – в партии будет раскол». Работник гослитографии табачного треста Лихтенштейн: «Если Троцкий и Сафаров – порядочные люди, то они должны были бы застрелиться...»

Информационный отдел ГПУ поработал основательно. К примеру, только обзор суждений о внутренней жизни СССР за декабрь 1925 года составляет более 500 сообщений.

Чекистская сводка мнений советских обывателей говорит больше о настроениях той напряженной поры, чем

все газеты, вместе взятые. Цензура не давала просочиться в печать ни одному правдивому слову о ходе московской партийной драки. На этот счет имелось следующее строгое указание:

«Всем Гублитам, Облитам, Крайлитам, Главлитам и поллитредакторам при ведомствах и типографиях.

Главлит сообщает к исполнению, что без санкции и разрешения редакционной комиссии XIV партсъезда никакие материалы XIV партсъезда (как издания отдельных речей, резолюций, а равно и бюллетеней съезда) издаваться не могут.

За начальника Главлита Мордвинкин.

28/XII-1925 г.

№ 2087».

На фоне драматического поворота в жизни страны судьба Есенина лишь капелька в пучине народного горя. Во многом его трагическая доля явилась отражением борьбы двух ведущих политических сил, в которой он занимал особое место. Указующий перст в «Правде» тогда еще всемогущего Троцкого есть в известной мере демонстрация власти. Его слово повлекло за собой странные сюжеты и превращения.

Ленинградская «Новая вечерняя газета» (1926. № 18) 19 января — одновременно с «Правдой»(!) — поместила изложение «есенинской» статьи Троцкого. Удивительная заинтересованная оперативность, а главное — осведомленность. Мы не забыли: в той же «Новой» 24 декабря 1925 года, в день прибытия поэта в Ленинград, «Товавакня» — «Товарищ Василий Князев» — напечатал загадочный фельетон «ВОДСВИ-ЖЕ со звездою путешествуют!», а Александр Флит — не менее таинственный «дневник» «Хороший гусь». И вот еще одно, думается, вовсе не случайное совпадение. Кто-то в «Новой вечерней газете» был негласно связан с Троцким или его ближайшим помощником. Такой контакт

* Имеются варианты расшифровки заголовка фельетона.

мог поддерживать Я. Р. Елькович, заместитель заведующего агитотделом губкома партии, официальный редактор «Новой». Помалкивавший на XIV съезде Троцкий заговорил на Пленуме ЦК, когда речь зашла о перестановке руководящих редакционных кадров в Ленинграде, и заступился за Ельковича и других близких ему по духу идеологов.

Не исключено, Лев Давидович держал связь с бывшим ревтрибуналцем Иваном Ильичом Тютиковым (р. 1899), тогда сотрудником «Красной газеты» и одновременно цензором «Новой вечерней газеты», человеком крайне сомнительной биографии (при проверке партстажа в августе 1926 года Контрольная комиссия указала на фальшивость его личной анкеты). Может быть, с Троцким контактировал и другой цензурный надсмотрщик «Новой», уполномоченный Гублита Корыхалов. Но пока это гипотезы, требующие проверки.

19 января – число рубежное. Оно круто повернуло житейские судьбы некоторых отдавших свое имя в качестве лжесвидетелей происшествия в «Англете». Один из них – прозаик Сергей Александрович Семенов, о котором уже шла речь. Мы вспомнили его в связи с троцкистским зигзагом темы, о чем говорит следующее его собственноручное заявление:

«Зав. редсектором Ленгиза от Семенова Сергея.

Согласно переговоров с заведующим Ленгизат. И. И. Ионовым, прошу о направлении меня для работы с *сего 19 января* (курсив мой. – В. К.) в журнале «Звезда» в качестве 3-го члена редколлегии.

Ионов: согласен (подпись).

Пом. зав[едующего]
Ленотгиза Лихницкий (подпись).

19 января 1926 г.».

Еще один весьма показательный документ:

«Тов. Горбачева и Семенова исключить из штата сотруд-

ников Ленотгиза с 15 апреля на основании договора, заключенного с журналом «Звезда».

21 мая 1926 г. Управделами Славуцкий».

В гору пошел товарищ Семенов, бывший комиссар, «организатор провинциального пролетариата», как он сам пишет в «Личной карточке» (1 февраля 1926 года). В «Автобиографии» (1928) с гордостью сообщает: «Дрался три года. Был ранен, контужен, принял под Кронштадтом ледяную ванну и демобилизовался с испорченным правым глазом». Далее: «Лично для меня Октябрь 1917 года был безудержным прыжком в ослепительную, грохочущую жизнь». Человек в ту пору небезызвестный, напомним, за фронтовые и творческие заслуги его почитали Подвойский и Луначарский.

На перемещение Семенова можно было бы и не обратить внимания, если бы не «сигнальная» дата — 19 января и не менее привлекающая нас оговорка «Согласно переговоров с заведующим Ленгиза т. И. И. Ионовым...» О чем они говорили в день выхода директивного слова Троцкого о Есенине? О нелегких житейских тяготах Семенова, о его годовой отлучке с редакционной работы для лечения туберкулеза и ноющих фронтовых ранах? Возможно. Заметим, имя литератора еще не фигурировало в есенинской трагической хронике, заказанная (не Ионовым ли?) Валентину Вольпину «Памятка» еще не была готова (в ней впервые будет сказано о Семенове — госте 5-го номера «Англете́ра»).

Понятно, реставрировать диалог 19 января 1926 года шурина Г. Е. Зиновьева и знакомца А. В. Луначарского невозможно, но сама моментальность повышения карьеры писателя заставляет задуматься. Творческое хитросплетение фамилий «Семенов» и «Горбачев» из того же ряда загадок.

Журнал «Звезда» как источник первых вестей о самоубийстве Есенина тоже прелюбопытен. Биография Георгия (Григория) Ефимовича Горбачева, уже достаточно нами представленного троцкиста и «литфронтовца», еще будет

предметом дальнейшего исследования есениноведов. Они обязательно прочтут пока нам недоступные протоколы его допросов в 1937 году (архив ФСБ, Москва) и сделают соответствующие комментарии. Ограничимся одной лишь строчкой в адрес Горбачева из протокола заседания ленинградской областной Контрольной комиссии от 6 апреля 1928 года: «...давал адреса к Зиновьеву и Троцкому...» В июле 1917 года с вдохновителем переворота Троцким он, как уже говорилось, сел в «Кресты» за попытку остановить наступление русской армии против кайзеровской Германии. Не ошибемся, дружба их продолжалась и в 1925 году.

Вряд ли обо всем этом подозревал С. А. Семенов, сентиментальный комиссар, совершивший 19 января 1926 года нелегкий для него «прыжок» к сраму.

Уголовный характер политики Троцкого известен. Масон и агент австро-венгерского правительства, предатель интересов России, награбивший после 1917 года астрономическую сумму денег (читайте «Золото партии» Игоря Бунича) на нужды своего семейства и мировой революции, не гнушался никакими средствами для достижения цели. В своей книге «Их мораль и наша» (1938) («их» — сталинистов, «наша» — троцкистов) социально-классовый гуманист приравнивал большевиков к секте иезуитов и писал: «Так, даже в самом остром вопросе — убийство человека человеком — моральные абсолюты оказываются совершенно непригодны. Моральная оценка, вместе с политической, вытекает из внутренних потребностей борьбы».

Философия гангстера с идеологией. В период революции и Гражданской войны наркомвоенмор воплощал эту философию по «высшей мере».

И все-таки Троцкий вряд ли отдавал приказ убить Есенина; вполне может быть, он лишь санкционировал его арест в Ленинграде, дабы «проучить» поэта-скандалиста, уклонившегося от суда. Причем, полагаем, санкция последовала полуофициальная, адресовалась она одному из его ближайших оруженосцев. Последний на допросах бурно реа-

гировавшего поэта, возможно, переусердствовал, что и привело к трагическому финалу. Как разворачивались, на наш взгляд, события дальше?

Объявить Есенина убитым в кабацкой драке, подбросив его тело в темный переулок, было опасно. Не забудем, шел XIV съезд РКП(б), Ленинград слыл городом оппозиции Сталину – не только слыл, но шумными провокациями и разного рода демонстрациями (вплоть до применения оружия) заявлял о поддержке Зиновьева и К°. Позволить, чтобы русский поэт погиб в гнезде оппозиционеров, было для них невыгодно. Stalin мог бы воспользоваться ситуацией (хотя сам Есенин его не интересовал), докопаться до истины и приобрести лишний веский козырь для уже физической расправы со своими политическими противниками. Вот почему и созрел план организации кощунственного спектакля с самоповешением московского беглеца. Кто лично был инициатором этого театра-злодействия – сегодня сказать трудно. Кровавая машина была пущена в ход. Ее обслуживали в основном верные Троцкому люди, доказавшие свою преданность ему еще в Гражданскую войну. Бывшему наркомвоенмору пришлось подумать, прежде чем назначить устроителей небывалого кошмара. Сообщники скоро нашлись. Далее мы впервые приводим факты, добытые с большими трудностями, и «припрятанные» нами аргументы.

1. *Георгий Феофанович Устинов*, журналист. Темная лошадка в сокрытии следов убийства Есенина. Избран на роль лжеопекуна поэта в «Англете», так как был удобной фигурой для создания нужного мифа (приятель поэта и т. д.). В свою очередь, Устинов чуть ли не первый сочинил о своем военном начальнике книжечку «Трибун революции» (написана в 1918 году, издана в 1920 году), в которой поднял Троцкого до небес: «джентльмен революции», «пламенная карающая десница революции», «горьковский Данко», «пламенный революционный трибун», «экстракт организованной воли» – какими только эпитетами не награждал холопа своего господина!

Брошюра Устинова — сплошное суесловие с реверансами. Биографию своего хозяина автор героизирует до не-приличия.

Устинов — слепой фанатик и честолюбец — не знает и не хочет знать исторической правды, он всецело во власти того, кто его пригрел, дал ему возможность уверовать в свой художественный и публицистический талант.

Книжечка о Троцком создавалась в 1918 году, когда Устинов сопровождал наркомвоенмора в специальном поезде, наводившем ужас на красноармейцев своими расстрельными рейсами. Журналист выполнял в «Поезде Троцкого» обязанность ответственного секретаря газеты «В пути» (она выходила в 1918—1922 годах). Взглянем на ее страницы.

Первый номер. 8 сентября 1918 года. Передовая статья «Дружно!»: «Они погибают!.. Никакие ухищрения, никакие подкупы, никакие обманы не помогут русским и иноземным купцам и помещикам сломать власть рабочих и крестьян». Тирада Устинова.

Третий номер. 10 сентября 1918 года: «Революционное Бородино» (о взятии красными Казани). Подпись: «Г. У.», то есть Георгий Устинов. Печатаются приказы, телеграммы и статьи Троцкого.

Четвертый номер. 15 сентября 1918 года. Вопль Устинова «У последней черты»: «Черносотенно-меньшевистский и белогвардейско-меньшевистский стан переживает последние минуты». Далее о расстрелах царских министров, грядущей не завтра-послезавтра мировой революции и т. п. В следующих выпусках «В пути» призывают расстреливать дезертиров, отступников революции.

В одном из ее номеров (1919) читаем: «...Казачество... прелюбопытнейший вид самостоятельных разбойников. Общий закон культурного развития их вовсе и не коснулся, это своего рода зоологическая среда. <...> Стомиллонный русский пролетариат даже с точки зрения нравственной не имеет права здесь на какое-то великодушие. Мы

говорили и говорим: очистительное пламя должно пройти по всему Дону и на всех них навести страх и почти религиозный ужас. <...> Пусть последние их остатки, словно евангельские свиньи, будут сброшены в Черное море!»

Рядом с Устиновым в походной типографии торчал Товавакня — товарищ Василий Князев, его будущий сообщник по клевете на замученного Есенина. Князев, очевидно, гордился личным приглашением предреввоенсовета помочь обеспечить художественную завесу вокруг поезда. И он, как и Демьян Бедный, исправно отрабатывал доверие, печатая «В пути» рифмованные тирады. К примеру, «Красноармейскую песню» (1919. № 27. 6 апр.):

Враг кровавою расправой
Мнит покончить с голытьбой.
Левой — правой, левой — правой —
Марш, товарищи, на бой.

В том же газетном номере пыщущая звериной злобой к старой России статья Троцкого «Издыхающая контрреволюция». Он же 14 сентября 1919 года (№ 94) обрушивается на командарма 2-й Конной армии Филиппа Миронова, позже расстрелянного по его личному указанию.

Троцкистская инквизиция на колесах летела к триумфу, оставляя за собой горы мужицких трупов. Люмпен Устинов был повязан с Троцким одной кровью и позже, когда последнему понадобится буйная голова Есенина и сокрытие его казни, — «Жорж» не осмелится восстать против преступления.

«Мы должны, — писал Троцкий, — превратить Россию в пустынью, населенную белыми неграми, которой мы дадим такую тираннию, которая не снилась никогда даже жителям Востока. Путем кровавых бани мы доведем русскую интеллигенцию до полного отупления, до идиотизма, до животного состояния...». Есенин мешал исполнению плана антихриста и сознавал уготованную ему незавидную судьбу:

И первого
Меня повесить нужно,
Скрестив мне руки за спиной,
За то, что песней
Хриплой и недужной
Мешал я спать
Стране родной.

Продолжаем реестр представителей «страны негодяев».

2. *Анна Яковлевна Рубинштейн*, она же «тетя Лиза», нареченная женой Устинова, она же Елизавета Алексеевна (Елизавета Александровна, Надежда Николаевна), ответственный секретарь ленинградской вечерней «Красной газеты».

Более подходящей кандидатуры на роль заботливой и сердобольной хранительницы покоя Есенина в гостинице трудно было придумать. В 1924 году ее уже «поселяли» в «Англете» (постоянно жила в «Астории») для выполнения какой-то, как мы предполагаем, антибританской акции.

В декабре 1925 года опыт (очевидно, удавшийся) повторили. Порученное ей задание – обеспечить информационное прикрытие убийства Есенина – она выполнила далеко не безупречно, но в предновогодней и предрождественской суете, в напряженном ажиотаже завершившегося XIV съезда РКП(б) все сошло с рук. Люди поверили ее сумбурной писанине от имени «тети Лизы», «искупавшей» поэта в ванне 5-го номера, которой, согласно инвентаризационной описи, как мы уже знаем, там вовсе и не было, «носившей» туда свой самовар, хотя в этом не было никакой необходимости.

Статья-воспоминание о последних четырех днях Есенина, написанная, по нашему мнению, за Устинова, истерично- сентиментальна, что выдает, как уже замечалось, автора-женщину. Назойливое стремление утвердить читателей в мысли, что поэт остановился именно в 5-м номере, а его заботники в 130-м, подвели ее: «есенинская» комната, как выяснилось, выглядела бутафорской, одной из са-

мых неприглядных, соседствовавшей с жилыми углами «дяди Васи», дворника Спицына, и другими малозаметными работниками «Англетера»; 130-й номер, смежный с таинственным 131-м, не фигурировавшим обычно в списках жильцов, лишь укрепляет уверенность в спланированности проведенной операции.

Провокация-дезинформация раскрывается сравнительным анализом статей и заметок в «Красной газете» и в других ленинградских изданиях – договориться о единой системе подачи фактов журналисты-лжецы и контролировавшие печать цензоры и политредакторы не успели.

Почему выбор Троцкого пал на Рубинштейн, в чем мы абсолютно уверены? Причина в их давних военно-партийных связях. Троцкий несколько раз приезжал на совещания ответственных работников 3-й армии, и Рубинштейн, очевидно, представляла их газету (например, 24 апреля 1918 года в Вятке, там же в конце апреля – начале мая). «Красный набат» освещал шумные рейсы «Поезда Троцкого», писал о влиянии бронированного штаба на колесах на идеологию газеты (1920. № 63 (458). 7 марта). Дороги «трибуна революции» и журналистки-комиссарши могли пересекаться и в других горячих точках революционной России. Он не мог не оценить организаторский неистовый пыл этой фурии, личную ему преданность.

Рубинштейн сохранила верноподданничество Троцкому до конца своей авантюрной биографии. Проживая в ленинградской «Астории» (1-й Дом Советов), она, несомненно, общалась с расположившимися там же многими троцкистами и, конечно же, с первой женой Троцкого – А. Л. Соколовской-Бронштейн и ее дочерьми. На последний факт ей особо укажут следователи-энкавэдэшники, допрашивая ее в 1936 году.

10 мая на вопрос: «От кого вы получали информацию о семье Троцкого?» – она ответит: «Кроме Невельсона, я информации о семье Троцкого не получала ни от кого. (Невельсон Ман, участник Февральской и Октябрьской рево-

люций в Петрограде; в период Гражданской войны был на партийной работе, занимал должности от комиссара полка до начальника политотдела дивизии. В январе 1928 года сослан, находился в заключении в политизоляторах – Тобольском, Верхнеленском и других. Он являлся мужем дочери Троцкого – Нины, умершей от чахотки. – В. К.) Признаю, что полученная от Невельсона информация о смерти за границей Зинаиды Бронштейн – дочери Троцкого носила политический характер и предназначалась для распространения среди партийных кругов с целью показать жестокую расправу руководства ВКП(б) и Сталина со своим политическим противником Троцким и месть его семье. Об этом назначении полученной мной информации для меня было очевидно из того факта, что Невельсон является родственником семьи Троцкого» (справка от 17 июня 1996 года архива ФСБ, публикуется впервые. Стиль ответа сохранен).

В показаниях Рубинштейн примечательны два обстоятельства: первое – смерть Зинаиды Бронштейн от психического заболевания она использует в качестве повода для политической истерии; второе – семейно-бытовая интимность ее связи с предметом обожания. Она могла выполнить любое его преступное задание, что и сделала, печатая в «Красной газете» заведомую ложь.

Общение Рубинштейн с Маном Невельсоном, мужем Нины Бронштейн, заставило нас внимательнее присмотреться к жильцам «Астории» (1-го Дома Советов). Контрольно-финансовый список высокопоставленных квартирантов подтвердил наши предположения: здесь в 1925 году удобно расположилось семейство Троцкого по первому браку. Бывшая его жена Александра Львовна Соколовская-Бронштейн (1872–?) занимала номер 315/316 (4 комнаты). Служила в Смольном (удостоверение № 20/4648 от 22 сентября 1924 г.). Рядом, в номере 317/318, обитали ее дочь Нина, студентка, и ее сестра Соколовская Мария Львовна, работавшая (кем?) по адресу: улица Комиссаровская, 15 (напомним, в доме № 16 по той же улице рас-

полагались штаб и партячейка 3-го Ленинградского полка войск ГПУ, где витийствовал комсомольский вожак и одновременно сексот тайного ведомства П. Н. Медведев).

Троцкий давно оставил свою первую семью, но отношения с ней сохранил, видимо, помогал своей прежней подруге жизни материально, может быть, иногда звонил, справлялся о здоровье и пр.

Когда-то он познакомился с Александрой Львовной не только на сердечной, но и на общей идеальной почве. Можно с уверенностью сказать, что и в 1925 году их партийно-деловые связи не оборвались и, весьма возможно, время от времени она выполняла какие-то его поручения. В книге И. Дойчера «Троцкий в изгнании» (М., 1991) сказано, что со своим бывшим мужем она «...переписывалась до самой смерти» (арестована в 1935 году, находилась в Тобольском политизоляторе, дальнейшая ее судьба неизвестна). В исследовании (весьма конъюнктурном) Н. Васецкого об «архитекторе революции» о той же прежней семейной парочке читаем: «Жизнь развела их, но они сохранили идеальную связь и дружбу».

Естественно, Анна Яковлевна Рубинштейн («Астория», № 128), заметная военно-идеологическая особа в Ленинграде, фанатичная троцкистка, по-свойски заходила к Бронштейнам (об этом ей напомнят на допросе в 1936 году). Если к тому добавить, что буквально рядом с Соколовской-Бронштейн, в номере 319-м, жила помощница Рубинштейн по «Красной газете» – Дебора Исааковна Кантор, появление в здешних апартаментах комиссарши-красногазетчицы не вызывает сомнений, тем более что ради своей сотоварки она выгнала из редакции некоего Соловьевенка (написание фамилии требует уточнения). О последнем факте мы узнаем из протокола заседания партбюро «Красной» от 13 мая 1924 года.

Несколько раньше, 28 марта того же года, на подобных же идеологических посиделках Рубинштейн настояла изгнать из журналистского коллектива Наумова, заменив его

«членом РКП» (протокольная запись) Саррой Борисовной Раскиной. Заглядываем в журнал постоянных «Астории» — в номере 129-м, оказывается, жила приглянувшаяся Рубинштейн подруга. Поистине прав Петр Чагин, главный редактор «Красной газеты», после окончания XIV съезда РКП(б) говоривший на одном из собраний редакционного коллектива: «До 26-го года здесь была какая-то новгородская вольница». То есть Рубинштейн и К° по своей прихоти распоряжались судьбами людей, выбрасывали с работы неугодных «чужих», выписывали себе баснословные гонорары и т. п. — все это под демагогические пересуды о «единстве партии».

Итак, выявленное троцкистское гнездо в «Астории» и ряд других прозвучавших фактов доказывают несомненное радение Рубинштейн своему высокому кумиру. По его приказу она могла не только облить грязью гроб Есенина, но и совершить любое подлое дело. О чем она думала, когда ее поставили к стенке в Соловках, мы не знаем, но имя замученного и оболганного поэта она вряд ли вспомнила.

3. *Василий Васильевич Князев*, сын тюменского купца, владельца двух магазинов, стихотворец-фельетонист, псевдоним *Красный Звонарь*, богохульник, сторожил тело Есенина в ночь с 28 на 29 декабря 1925 года в Обуховской больнице.

О подоплеке его странной охранной миссии уже говорилось — покрыватели убийства Есенина не могли допустить даже внешнего осмотра трупа случайными людьми: настолько он, вероятно, после пыток был обезображен.

А. Я. Рубинштейн отлично знала Князева, его вирши периодически публиковались в «Красном набате», 2 ноября 1919 года он соревновался в лихости со стихами Демьяна Бедного.

Сохранившиеся протоколы собраний красногазетчиков помогают представить личность поэта-ремесленника: анархист по натуре игнорировал так называемую партийную работу, частенько устраивал в редакции «бузу», выби-

вал где только возможно гонорары за свои рифмованные отклики на злобу дня.

Мемуарные и другие источники говорят: постоянно льнул к Г. Е. Зиновьеву, бывал у него дома, получал от него различные подарки и моральную поддержку; охотно, за мзду, выполнял сомнительные поручения; когда зиновьевская команда была вытеснена с высоких постов, ругал на всех перекрестках Сталина не столько по соображениям идеологическим, сколько из-за потери кормушки. Систематически делал вырезки из газет, в которых критиковался его идол. Арестован в марте 1937 года. Хлебнул лиха, которое раньше накликивал на других, призывая к беспощадному террору. Расстрелян. Реабилитирован в 1992 году.

Троцкий вряд ли лично просил Князева «постеречь» бренное тело Есенина в мертвяцкой Обуховской больнице, но назвать его имя в качестве помощника в замечании следов преступления мог: ведь он сам в 1920 году пригласил Красного Звонаря в бригаду «Поезда наркомвоенмора». Князев счел, очевидно, за честь обеспечить главковерха свежерифмованной продукцией, курсировал (сколько времени – нам неизвестно) в ощетинившемся пушками и пулеметами карательном «штабе» Троцкого.

Так одно за другим сковалось уголовное звено Устинов–Рубинштейн–Князев. Но оно было слабоватым для обеспечения масштабной акции прикрытия святотатства. Для участия в криминальной акции первый гангстер России пригласил других действующих лиц.

4. *Петржак Леонид Станиславович*, родился в 1891 году в Краноставском уезде Люблинской губернии (Польша); отец – мельник, мать – домохозяйка; два года учился в начальном училище. Исполняя обязанность начальника губернского уголовного розыска, вместе с Г. А. Гольцикером, руководителем Активно-секретного отделения (АСО) того же ведомства, высыпал в «Англетер» 5-ю бригаду агентов во главе с инспектором-орденоносцем П. П. Громовым.

Дальнейшее известно. То, что не ГПУ и милиция непосредственно занимались «делом Есенина», а таинственное АСО, наводит на мысль об особых полномочиях Петржака. Факт совмещения им службы в УГРО с должностью заместителя начальника иностранного отдела Ленинградского военного округа это подтверждает.

Троцкий не мог не знать ловкого подпольщика-конспиратора. В 1919–1921 годах он черпал необходимую ему секретную информацию из рук заведующего осведомлением, затем начальника агентуры ВЧК Петржака. Понятно, между ними наверняка установились доверительные отношения. В декабре 1925 года Лев Давидович, как нам представляется, лично попросил «об услуге» Леонида Станиславовича, который не мог отказать, тем более что Троцкий знал о неблаговидных страстишках бывшего подопечного (ранее он был осужден за должностное преступление; читатели, надеемся, не забыли о громких финансовых махинациях Петржака и его начальника, главы губернской милиции Г. С. Егорова, раскрытых ГПУ).

Всех недовольных скопостью информации о связях Троцкого и Петржака просим запастись терпением: изложенные здесь информационные крохи собирались несколько лет — тайна сия до сих пор велика есть!

5. *Леонов Иван Леонтьевич*, в 1925 году начальник Секретно-оперативной части (СОЧ) Ленинградского ГПУ, заместитель Станислава Адамовича Мессинга, первой здешней «кошаной куртки».

Напоминаем: участковый надзиратель Н. М. Горбов, выйдя в 1930 году из тюрьмы, письменно заявил, что его пребывание за решеткой объясняется тем, что он «критиковал некрасивые поступки» Леонова.

Служебное досье Леонова нам недоступно (а оно многое бы прояснило), но имеются, как мы уже замечали, серьезные детали. В то время, когда он был начальником Особого отдела и одновременно заместителем председателя Московской ЧК (1920–1921), на Лубянку попадал Есе-

нин (например, как уже говорилось, в августе 1921 года по делу о «Зойкиной квартире»), то есть поэт вполне мог быть в поле зрения Леонова. Несомненно, Троцкий по долгу службы знал второго человека в столичной ЧК, не исключено, давал ему секретные поручения и, допускаем, проникся к нему доверием после их исполнения. Он же мог заметить в мае 1917 – марте 1918 годов Леонова – члена президиума Василеостровского Совета Петрограда (позже члена коллегии ЧК северной коммуны, а затем председателя Иваново-Вознесенской ЧК). Плотная закрытость чекистской архивной информации мешает говорить на интересующую тему подробнее. Но то, как Леонов успешно раскрутил в декабре 1925 – январе 1926 годов маховик лжи вокруг «дела Есенина» с помощью, конечно же, известных ему «своих» сектотов (Л. В. Берман, В. В. Васильева, В. В. Князев, П. Н. Лукницкий, П. Н. Медведев, В. М. Назаров, П. П. Петров, И. П. Цкирия, В. И. Эрлих и др.), может свидетельствовать об отклике Ивана Леонтьевича на сигнал Льва Давидовича.

Есениноведы утверждают, что, возможно, сохранились шифротелеграммы, летевшие из Ленинграда в Москву и обратно. Выскажем наше соображение: такие шифротелеграммы существовали, но они носили, скорей всего, неофициальный характер, потому что расширение сферы допуска к подобным документам увеличивало риск утечки сверхсекретной информации. Вряд ли «есенинские» материалы регистрировались традиционным путем, все шло «по-домашнему»: условный звонок, келейная конспиративная встреча и прочее в том же роде. Нелегальные квартиры А. Я. Рубинштейн под видом москательной лавки и прачечной лишь подтверждают наше предположение.

Существовал, очевидно, тайный оперативно-организационный треугольник по сокрытию убийства Есенина: «человек Троцкого» (он-то и был убийцей поэта) – Петрjak–Леонов. Первый из них и осуществлял всю оперативную связь со своим хозяином в Москве и с двумя рас-

порядителями – назовем их так – в Ленинграде. Петржак, по-видимому, отвечал за первую, очень важную стадию операции: задать изначально надежный и ложный ход возможного последующего – уже официального – расследования. Милицию и даже ГПУ оттеснили на задний план, на первом этапе им отводилась роль пассивных статистов, что с помощью Г. С. Егорова и И. Л. Леонова было исполнено. У нас, кстати, нет уверенности, что об этой закулисной возне знал начальник Ленинградского ГПУ С. А. Мессинг, по имеющимся данным вовсе, кажется, не благоволивший к Троцкому и троцкистам.

На втором этапе псевдорасследования, когда АСО УГРО сделало свое черное дело, подключился к операции Леонов, «чистильщик» грязных следов; его ищечки срочно создавали официальную легенду о самоубийстве поэта, брали под свою опеку его приехавших в Ленинград родственников, распускали слухи, контролировали «Англетер», заботились о фальсификации документов – возни хватало.

Наладив «машину лжи», «человек Троцкого», дабы лишний раз не маячить в городе, поспешил отбыть с докладом в столицу, поручив дальнейшую связь Эрлиху. Потому-то последний так часто в январе-феврале 1925 года вояжировал между Москвой и Ленинградом.

ГПУ, прежде всего в лице Леонова, «приняло» тело поэта в 5-м номере «Англетера» от 5-й бригады АСО УГРО.

6. Далее, на наш взгляд, в вакханалию вмешался чекист *Павел Петрович Петров (Макаревич)*, прятавший свою гэпэушную физиономию под личиной кинорежиссера Севзапкино. Человек именно его профессиональных знаний и конспиративного опыта и выступил режиссером «постановки». Авторитетный для коменданта «Англетера» Назарова «член партии» свое задание, однако, выполнил плохо. Доверившись громилам, перетащившим труп по подвальному лабиринту из дома, как мы доказываем, следственной тюрьмы ГПУ по проспекту Майорова, 8/23, Петров не проверил подготовленный для открытого обозрения

5-й номер. В результате возникло немало недоуменных вопросов: почему веревка обвивала горло несчастного лишь полтора раза и не было петли; как Есенин, истекающий кровью, смог с порезанными ладонями и другими ранами соорудить на столе столь сложную пирамиду и взобраться под потолок; что за страшный вдавленный след над переносицей (официальная версия – ожог); наконец, куда исчез пиджак покойного??? Кстати сказать, видевший его Оксенов растерянно записал в «Дневнике»: «...вдоль лба виднелась багровая полоса (ожог – от накаленной трубы парового отопления, о которую он ударился головой?), рот полуоткрыт, волосы, развившиеся страшным нимбом вокруг головы. <...> Когда надо было отправить тело в Обувочку, не оказалось пиджака (где же он? Так и неизвестно)». И далее: «В гробу он был уже не так страшен. Ожог замазали, подвели брови и губы».

Начинавший тогда сексотскую службу молоденький стихотворец Павел Лукницкий свидетельствует: «Есенин мало был похож на себя. Лицо его при вскрытии исправили, как могли, но все же на лбу было большое красное пятно, в верхнем углу правого глаза – желвак, на переносице – ссадина, и левый глаз – плоский: он вытек» (Встречи с Анной Ахматовой. Т. 1. 1924–1925. Paris: Ymcas-Press, 1991).

Мы часто преувеличиваем качество змеиного ума некоторых чекистов. В истории с Есениным садисты действовали напролом. Парадоксально, но факт: *нет ни одного убедительного доказательства самоубийства поэта!*

Итак, выполнив преступное задание, домоуправ-гэпэушник Ипполит Цкирия передал «дело» Петрову, разыгравшему дальнейший жуткий сценарий.

«Сценарист» мог заочно или лично познакомиться с Троцким. Косвенно это подтверждается следующим образом. Ленинградский Гублит, как уже говорилось, возглавлял И. А. Острецов. Встречавшийся с ним Корней Чуковский в своем «Дневнике» записал такой монолог амбициозного цензора: «Недавно я запретил одну книгу по химии,

иностранный книга в русской переделке. Книга-то ничего, да переделка плохая. Получаю письмо от Троцкого: «*Тов. Острецов. Мы с вами многоссорились, надеюсь, что — это в последний раз.*

Струдом, но можно предположить: если глава местной цензуры часто переписывался с Троцким, значит, в какой-то форме с последним мог иметь дела и Петров, ранее служивший под началом Острецова.

Возможны и другие каналы связи. Кинорежиссер-чекист родом с Могилевщины, где начинал свою революционно-подпольную работу. С тем же краем во многом перекликается и деятельность председателя Реввоенсовета Троцкого — так что их встречи не исключаются. Любопытно: в есенинской «Стране негодяев» один из героев говорит Чекистову-Лейбману, за которым — это известно — угадывается «демон революции»: «*Все равно в Могилеве твой дом*». Разумеется, строчка с подтекстом, но здесь важно видеть не земляческую, а духовную близость. Интуиция не подводила Есенина: к примеру, начальником личной охраны Троцкого был П. Р. Севрюк, уроженец тех же мест.

Еще мелочь: Петров по совместной работе знал заведующего коммерческой частью Севзапкино'Я. П. Чудновского. Последняя фамилия не пустой звук для биографов «вождя». Вместе с ним в Америке до 1917 года занимался партийной журналистикой Георгий Исаакович Чудновский. Возможно, кинокоммерсант не седьмая вода на киселе соратнику Троцкого по эмиграции (инициалы имени и отчества не должны смущать, тогда перекрашивались тысячи вчерашних конспираторов).

Обнаружилась тоненькая ниточка знакомства Петрова с журналистом Г. Ф. Устиновым, прихвостнем Льва Давидовича. В сохранившемся протоколе (1925) приема новых членов в ленинградский профсоюз РАБИС их фамилии (с инициалами) стоят рядом. Вряд ли это случайное совпадение. Тайная работа и того и другого требовала определенной легализации документов. Кстати, обоим в за-

очном приеме в РАБИС отказали, назначив незнакомцам испытательный срок.

Продолжаем реестр негодяев.

7. Илья Ионович Ионов (*Бернштейн*), директор Ленгиза. В его тесном знакомстве с Троцким сомневаться не приходится — достаточно прочитать протокол (1937) «репрессивных» допросов Ионова в архиве ФСБ. Не случайно он укрывал под сенью издательства от возможных неприятностей причастных к «англете́ровской» истории А. Я. Рубинштейн, П. Н. Медведева, С. А. Семенова, щедро, печатал под маркой Госиздата В. В. Князева, И. И. Садо́фьева, М. А. Фромана, В. И. Эрлиха и других.

Ионов всегда мгновенно и горячо откликался на смерть сотоварищей Троцкого по эмиграции в США и другим его подпольным делишкам. Пал от руки мстителя Володарский — Ионов сочиняет ему рифмованный некролог. Погибает Урицкий — он первый спешит на Марсово поле и произносит поминальную речь.

Мало известен и такой факт: на том же кладбище похоронен Семен (Самуил) Восков (1888–1920), сотрудничавший в Америке вместе с Троцким в эмигрантской газете «Новый мир». Ионов посвятил Воскову стихотворение «Памяти пролетария» (каковым тот никогда не был).

Критик Оксенов записал в «Дневнике» слова, будто бы сказанные Есениным: «...таких, как Ионов, я люблю». Может быть, зависевший от издателя поэт и обронил когда-нибудь такую фразу. Но мы находим у него о том же человеке и другие, холодные и резкие отзывы. Прекраснодушный Оксенов по-детски растерялся, увидев в «Англете́ре» изуродованное лицо Есенина, но, увы, не задумался, куда мог исчезнуть из 5-го номера пиджак покойного. А мог бы. Не хватило мужества и зоркости, как и у многих «почитателей» поэта. Также недоставало Оксенову и мудрости увидеть подоплеку отношений двух совершенно разных по духу и культуре людей.

Сочувствие Ионова есенинской беде было официаль-но-

показным, отдавало нарочитостью. О такого рода фарисеях писал жене в 1917 году затравленный большевиками Г. В. Плеханов. «Как мало ты знаешь этих людей! Они способны подослать наемного убийцу, а после убийства проливать крокодиловы слезы» (Год на родине. Т. 1. Париж, 1921). У Ионова не нашлось ни одного доброго слова памяти поэта на партийных собраниях Ленгиза, состоявшихся 29 декабря 1925 и 2 января 1926 годов (протоколы сохранились). Внешне шурина Г. Е. Зиновьева, если верить воспоминаниям Павла Лукницкого (к ним следует относиться весьма осторожно), больше всех хлопотал при прощании с гробом Есенина, даже занял у какой-то женщины денег на билет одному из пассажиров печального вагона. Но — обратите внимание! — провожали гроб в Москву, кроме Софии Толстой-Есениной и Василия Наседкина, Илья Садофьев и Вольф Эрлих. Двух последних — отбросим сомнения — снарядил Ионов по подсказке некоего режиссера официальных похорон (спустя несколько дней он и сам отправился в Москву, передав, согласно сохранившемуся приказу, директорские обязанности Полыковскому). Выходит, от имени ленинградских литераторов присматривали за ходом событий — секретный сотрудник ГПУ «Вова» и «постукивавший» в ту же тайную дверь Садофьев.

Раньше, обращаясь к последней фамилии, мы подозревали ее носителя в укрывательстве убийства, — теперь появились новые доказательства. Так думать позволяет письмо (от 13 июля 1964 года) литератора Леонида Ильича Борисова к собрату по перу Владимиру Викторовичу Смирненскому (он сберег листочек из похоронного венка на гробе Есенина, маленькая эта реликвия цела доныне). Цитируем: «...Садофьева не вижу, — говорят (наши, живущие в доме), что ему трудно стало выходить, — он стал, как слон, и голова у него подобна бурдюку бараньему. Не люблю, простите, сего господина; немало зла сделал он много лет назад — и Вагинову [Константин Константинович Вагинов (Вагенгейм, 1900—1934), поэт, участник литературной

группы обэриутов. Репрессирован явно по доносу И. И. Садофьева. – *B. K.*, и мне отчасти, – балда этот Садофьев изрядный...»

Мы вовсе не отвлеклись от Троцкого, -- наоборот, приблизились к нему, обращаясь, казалось бы, к далеким от него именам. Прослеживать дорожку в его логово неимоверно трудно. В его дебри приходится проридаться по почти заметенным следам.

8. «Наследил» в есенинской истории и *Георгий Ефимович Горбачев*, уже известный нам персонаж. Сей товарищ не просто знал Троцкого, но и давно с ним сотрудничал. Их дорожки постоянно пересекались. Председатель Реввоенсовета Троцкий в годы Гражданской войны наверняка выслушивал отчеты Горбачева, политинспектора Петроградского военного округа, в 1921 году – заместителя начальника Политического управления 7-й армии. В 1926–1928 годах, в период все нараставшей борьбы Сталина с троцкистами, у Льва Давидовича, пожалуй, не было в Ленинграде более преданного сторонника, чем Георгий Ефимович. Причем воинственного, упрямого, использовавшего нелегальные средства для утверждения идей разжигателя мировой революции.

22 июля 1932 года областная Контрольная комиссия в очередной раз исключила Горбачева из партии. Тогда в его характеристике записали: «...состоял активным членом троцкистско-зиновьевской оппозиции...», один из организаторов «Литфронта», «...являвшегося отражением троцкистской теории в литературе... – объективно агентурой контрреволюционного троцкизма...». В протоколах допросов Горбачева следователями НКВД, которые остались нам недоступными, кондово-партийной фразеологии наверняка поменьше, а конкретных фактов побольше. Протоколы те, по данным архива ФСБ, целехоньки и находятся в Москве, в тайниках той же службы.

Эти подробности нас интересуют в связи с подделанным кем-то стихотворением «До свиданья, друг мой, до

свиданья...». Фальшивка, на наш взгляд, готовилась не в Ленинграде, а в Москве, в «конторе» Троцкого. Полагаем, в «Красной газете», опубликовавшей эту элегию, так называемый оригинал и глаза не видели – да в нем Анна Яковлевна Рубинштейн, ответственный секретарь «Красной», и не нуждалась.

Почему «До свиданья...» оказалось в руках Горбачева и почему именно в феврале 1930 года он передал «от Эрлиха» листок в Пушкинский Дом? По-видимому, Троцкий в свое время через надежного человека, не доверяя мальчишке «Вове», переслал так называемый есенинский автограф Горбачеву. Скорей всего, таким посланцем выступал небезызвестный Яков Блюмкин. (3 ноября 1929 года его расстреляли за личную связь с Троцким в Константинополе. На допросах в обмен на обещанное помилование он выдал всех сообщников-троцкистов, в том числе ленинградских.)

Когда весть о расстреле Блюмина дошла до Горбачева, последний занервничал: а вдруг на коллегии ОГПУ, помимо троцкистских нелегальных делишек, вскрылось и убийство Есенина. Может быть, поэтому Горбачев «на всякий случай» поспешил передать в феврале 1930 года рукопись псевдоесенинского «До свиданья...» в Пушкинский Дом? Он благоразумно не привлек к этой акции Эрлиха, хотя тот в феврале того же года находился в Ленинграде, что устанавливается по датам его писем к матери в Ульяновск. Возможно, оформлял регистрацию фальшивки сексот ГПУ Павел Медведев, в то время сверхштатный сотрудник Пушкинского Дома, которому также было из-за чего волноваться. Факт появления на свет столь важного документа не разглашался, что само по себе характеризует обоих «деятелей» и говорит о тайне операции.

Соображение о том, что Троцкий видел элегию-подделку, как бы подтверждается его фарисейским варьированием в «Правде» факта существования «До свиданья...». Читаем: «Он ушел сам, кровью попрощавшись с необозначенным другом...», «Кому писал Есенин кровью в свой последний час? Может быть,

он перекликнулся с тем другом, который еще не родился, с человеком грядущей эпохи...»; «каждая почти строка написана кровью пораненных жизн». Невольно рождается ощущение: если бы «До свиданья...» вообще не существовало, его надо было выдумать для украшения руководящей статьи автора, вдруг так нежно полюбившего Есенина.

Высылка из СССР Троцкого и расстрел Блюмкина заставили засуетиться и Эрлиха, принявшегося за мемуары о Есенине. К тому времени тема, можно сказать, увяла, книжка понадобилась автору в качестве оправдания. Обратим внимание, в конце 1929 года Эрлих собирался встретить Новый год с родителями в Ульяновске и писал матери: «В феврале выходит отдельной книжкой «Софья Перовская», в апреле — книга о Есенине»; в том же письме (без даты): «...сдам книгу о Есенине и буду ждать корректуры».

Поэма «Софья Перовская» успела выйти в 1929 году, воспоминания «Право на песнь» появились, как и планировалось, весной 1930 года. Все эти выкладки убеждают: Эрлих подхлестнул к мемуарам расстрел троцкиста Якова Блюмкина 3 ноября 1929 года. Видно, он лихорадочно созывал «Право на песнь», стремясь в брошюрке отмыться от есенинской крови. В ней он впервые опубликовал *текст телеграммы Есенина от 7 декабря 1925 года (о найме квартиры) на свое имя*. Каков заботник и скромник! Более пяти лет хранил такой важный документ и помалкивал. Г. Е. Горбачев всплошился, устроил возню с псевдоесенинским «До свиданья...», Эрлих с помощью друзей-чекистов соорудил телеграмму.

Тираж эрлиховской гнусной стряпни 4200 экземпляров — достаточный для реабилитации струхнувшего сочинителя. Воспоминания пропитаны ядом плохо скрытой ненависти автора к Есенину и заметным писетом к Троцкому (в заголовке книги использовано его выражение из статьи в «Правде»). В то время как последний подвергался в СССР анафеме, Эрлих — и тут оставался подлецом! — сделал его любимцем поэта, то есть превратил Есенина... в

троцкиста! По тому времени довольно вероломный удар по репутации Есенина. В его уста Эрлих вкладывает следующий монолог: «Ты знаешь, я ведь ничего не понимаю, что делается в этом мире! Но я знаю: раз такие большие люди говорят, что так надо, значит, это хорошо. Ты подумай только: Троцкий! Сталин!» Каков автор шельмца: «подсунул» Есенину Троцкого, а для собственного спокойствия и Сталина не забыл!

Эрлих выполнял в «Праве на песнь» две сверхзадачи – отвести от себя и от Троцкого любые возможные подозрения. В результате тайный ненавистник поэта превращается в друга, явный могущественный враг – в любимца. Эрлиховский Есенин говорит: «Знаешь, есть один человек... Тот, если захочет высечь меня, так я сам штаны сниму и сам лягу! Ей-Богу, лягу! Знаешь – кто? – Он снижает голос до шепота: – Троцкий...»

Ложь беспардонная, но целенаправленная: уничтожить в обществе малейший намек на причастность Троцкого к гибели Есенина. Попутно поражается и другая мишень: поэт-то, оказывается, обожал нынешнего врага-изгнанника, а раз так – нечего печалиться о троцкисте. Ловкий ход! Есенин был добит новейшим для той поры идеологическим оружием. Когда в 1937 году троцкиста Эрлиха допрашивали старший лейтенант Г. и оперуполномоченный НКВД Т. (их фамилии нам известны), вопроса о судьбе Есенина не возникало – грехов за подследственным и без того хватало.

Эрлих приписал Есенину чуть ли не любовь ко Льву Давидовичу, что уже мы опровергли. Добавим на прощание сексотом один красноречивый штрих из берлинской эмигрантской газеты «Руль» (1923. 21 февраля). Здесь излагается известный «американский» конфликт поэта в доме переводчика Мани-Лейба (М. Л. Брагинского). После чтения острых для публики мест из «Страны негодяев» гостя связали и бросились избивать. Он отчаянно сопротивлялся, пишет «Руль», «...стал... проклинать Троц-

кого». Эту сцену видел бывший эсер и знакомый Есенина по сотрудничеству в петроградских газетах «Дело народа» и «Знамя труда» Вениамин Левин, человек большого такта, готовый тогда, по его словам, «с документом в руках» опровергнуть «этот просто невежественный выпад» против поэта. Троцкий, конечно, скоро узнал о случившемся, а в декабре 1925 года наверняка вспомнил об этом эпизоде.

Лжет Эрлих. Есенин никогда не выпрашивал «право на песнь» у своего губителя. Это бесило диктатора, и, когда ему доложили о новом скандале поэта с Левитом и Рога осенью 1925 года, в его иезуитской голове, очевидно, созрел сатанинский план уничтожения непокорного поэта.

Троцкого явно могли раздражать и некоторые произведения Есенина, в которых автор в эзоповской манере позволял себе личные против него выпады. Так, «трибун революций» мог узнать себя в поэме «Страна негодяев» в образе комиссара Чекистова, «гражданина из Веймара», приехавшего в Россию «укрощать дураков и зверей». Он презрительно говорит красноармейцу Замарашкину, в лице которого представлен политически наивный крестьянский люд:

Я ругаюсь и буду упорно
Проклинать вас хоть тысячи лет,
Потому что...
Потому что хочу в уборную,
А уборных в России нет.
Странный и смешной вы народ!
Жили весь век свой нищими
И строили храмы Божии...
Да я б их давным-давно
Перестроил в места отхожие.

Станислав Куняев убедительно доказал, что прототипом Чекистова был *Троцкий*, одно время живший в эмиграции в городе *Веймаре*. Хорошо известны его многочисленные тирады об «отсталости» русского народа.

В «Стране негодяев» «гражданин из Веймара» разглагольствует:

А народ ваш сидит, бездельник,
И не хочет себе ж помочь.
Нет бездарней и лицемерней,
Чем ваш русский равнинный мужик!
Коль живет он в Рязанской губернии,
Так о Тульской не хочет тужить.
То ли дело Европа!
Там тебе не вот эти хаты,
Которым, как глупым курам,
Головы нужно давно под топор...

Рязанская губерния упомянута Чекистовым-Троцким вряд ли случайно. Автор поэмы, певец Руси, как бы ведет внутренний спор с чужим ему по духу «европейцем».

Вряд ли стоит касаться опосредованной или иной связи с Троцким разных мелких сошек, привлеченных к «англете́ровской» истории. Заметим лишь – не мешало бы проследить возможные контакты с «демоном» Д. М. Зуева-Инсарова, чекиста-графолога, автора книги «Почерк и личность», в которой поносится Есенин и чуть ли не вся русская словесность. Поделка-то эта (тираж 5 тысяч экз.) вышла в «троцкистском» 1929 году...

Не затрагиваем мы подробно «английского» сюжета, связанного с гибелью поэта. Эдуард Хлысталов расследовал этот неожиданный узел и пришел к заключению, что убийцы и их покровители негласно распускали слухи о безвыходности положения московского беглеца, уличенного в сотрудничестве с разведкой Великобритании, куда он собирался бежать. Как ни диковатой покажется эта тема, она имеет некоторое основание – не забудем, трагедия произошла в доме, где в 1924 году размещалась, если мы не ошибаемся, консульская английская миссия, а сама гостиница не случайно называлась «Англете́р». Троцкий же по части Туманного Альбиона был неплохо подкован личным своим советником г-ном Хиллом, британским развед-

чиком (см. книгу: Н а и т л и Ф. Шпионы XX века). Учитывая не стихавшую в 1925–1926 годах компанию в советской печати по поводу напряженных отношений Англии и СССР, версия о Есенине-шпионе в глазах Троцкого, политика-авантюриста, выглядела пикантной. Он всегда питал слабость к «художественному» оформлению кровавых акций (вспомним приглашение стихотворца Василия Князева к участию в рейсах «Поезда наркомвоенмора»).

Существенная деталь, косвенно подтверждающая «английский» вариант побега Есенина: его «делом», вероятней всего, занимались служившие в ГПУ именно по иностранному отделу Л. С. Петржак (одновременно глава Ленинградского уголовного розыска) и непосредственный убийца поэта (о нем ниже), кстати, несомненный знакомец И. Л. Леонова, второй местной «кожаной куртки». Нелишне сказать, виновники нависшей над Есениным судебной расправы Ю. Левит и А. Рога обратились в прокуратуру через НКИД.

Оставляя Москву, Есенин простился со всеми родными и близкими ему людьми, а Софье Толстой написал: «*Уезжаю. Переведи квартиру на себя, чтобы лишнего не платить*». Человек, решивший переселиться всего-навсего в другой город (с какой стати?), так бы не «сжигал мосты». Это еще раз подсказывает: явно намеченный им нелегальный маршрут был заграничный.

Исследователям-есениноведам, уверен, не мешает полистать английские газеты декабря 1925 – января 1926 года. В них может мелькнуть информация из Ленинграда, которая поможет приблизиться к истине.

Еще раз обратимся к уже цитированному письму Есенина к П. И. Чагину от 27 ноября 1925 года. Он в завуалированной форме объясняет свое пребывание в психиатрической клинике: «Все это нужно мне, может быть только для того, чтоб избавиться кой от каких скандалов. Избавлюсь, уляжу... и, вероятно, махну за границу. Там и мертвые львы красивей, чем наши живые медицинские соба-

ки». Собаки тут, конечно, ни при чем. Речь, очевидно, идет о тех псах, которые его систематично травили в печати, таскали в «тигулевку» и т. п.

Интересен нам и такой штрих: в 1923 году Есенин возвратился из своего заграничного путешествия через Ригу. Не намеревался ли он покинуть Советы по уже знакомому пути?..

Подытожим главное: группу мерзавцев, укрывавших следы преступления в «Англете», составили члены «Поезда Троцкого» (Георгий Устинов, журналист, редактор походной газеты «В пути», Петр Подашевский, сотрудник «Известий», скрывавший Устинова у себя на квартире в декабре 1925 года – январе 1926 года, Василий Князев, стихотворец, печатающийся в «Красной газете», сексот ГПУ, Даниил Саркис, бывший секретарь партийной организации Московско-Нарвского района Ленинграда (до 18 января 1926 года), в годы Гражданской войны состоявший в охране «Поезда наркомвоена»). В эту же путевую группу можно отнести журналистку А. Я. Рубинштейн, Г. Бергман и других, печатавшихся в газете «В пути».

Наконец, еще одно важное обстоятельство: многие из злодеев, вертевшихся вокруг Троцкого и выполнявших его подлую волю в «Англете», в 1917 году баллотировались вместе с ним в депутаты районных Дум Петрограда – это уже знакомые нам Константин Аршавский, Георгий Горбачев, Генрих Клаас, Людмила Быстрова, Ян Берзин, Георгий Сафаров, Иван Леонов и др. («Солдатская правда», 1917, июнь, № 36).

Сегодня имя Сергея Есенина очищено от скверны. Перед нами предстал великий русский поэт, певец России, ее гордый гражданин, не склонивший головы перед палачами.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВАМ

Глава 2

КОМЕНДАНТ «АНГЛЕТЕРА» НАЗАРОВ И МИЛИЦИОНЕР ГОРБОВ

¹ Центральное государственное историко-политическое архивное управление документов правительства Российской Федерации (быв. ЦГА ИПТД), фонд № 759347.

² Там же (быв. ЦГА ИПДТ), фонд № 759347.

³ Там же (быв. ЦГАИПТД), Биография Николая Горбова, № 533435, л. 9.

⁴ ЦГА (СПб.), ф. 33, оп. 5, ед. хр. 866, л. 35 об.

⁵ Центральное государственное историко-политическое архивное управление документов правительства Российской Федерации (СПб). – «Личное дело» Дмитрия Михайловича Тейтеля (р. 1899 г.), ф. 7, св. 584, ед. хр. 11838, л. 3.

⁶ Центральное государственное историко-политическое архивное управление документов правительства Российской Федерации, пр. 1318, оп. 3, ед. хр. 32 (1926–1928 годы), л. 22–29. – См. там же «Анкету» Н. М. Горбова (§ 9). Сохранился также протокол опроса Н. М. Горбова Ленинградской областной партийной комиссией (л. 7). Данные на «личные дела» начальника уголовного розыска Леонида Петржака, его заместителя Г. А. Гольцикера, главы Административного управления губисполкома Егорова см. в справке Управления архива ФСБ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (№ 158 от 29 марта 1995 г.).

⁷ «Уголовное дело» на Егорова, Петржака и Гольцикера см. в ленинградском Управлении внутренних дел РФ. «Дело № 1649» (1929–1952 гг.). – ЦГА, ф. 7384, оп. 10, ед. хр. 1614, начиная с листа № 7.

Глава 3

ВТОРАЯ «КОЖАНАЯ КУРТКА» ЛЕНИНГРАДА

¹ «Трудовой список» заместителя начальника Ленинградского ГПУ И. Л. Леонова; ЦГА, ф. 7384, оп. 10, ед. хр. 1614.

² Записки И. Л. Леонова с просьбой о бланках профессиональных удостоверений различных учреждений. См.: ЦГАЛИ (СПб.). Севзапкино, ф. 83, оп. 3, ед. хр. 6 (1924–1926). Имеются компрометирующие сведения, л. 51.

³ ЦГА, ф. 7384, оп. 10, ед. хр. 1614 (Ленсовет) (1927–1929 гг.). См также: ЦГА, переписка (рассекречено) с ОГПУ ЛВО о районировании пограничной зоны, о фельдсвязи, о штатах полномочного представительства (1926–1927 гг.) – ЦГА, ф. 198, оп. 6, ед. хр. 137, л. 36–81.

⁴ Записка заместителя полномочного представителя ОГПУ И. Л. Леонова об анкетных листах сотрудников. – ЦГА, ф. 198, оп. 6, ед. хр. 137, л. 48 и т. д.

Глава 5

ПОДРУГА С ЛУБЯНКИ

¹ РО ИРЛИ (РАН), ф. 697, ед. хр. 35, л. 11. Письмо Галины Бениславской Вольфу Эрлиху (26 марта 1926 г.).

² РО ИРЛИ (РАН), ф. 817, ед. хр. 52, л. 4.

Глава 6

ФАНТОМАС ИЗ САЛОНА ГАРИНОЙ-ГАРФИЛЬД

¹ ЦГА ЛИ, ф. 31, оп. 2, ед. хр. 484, л. 143, 528 и др. Обращения в губернскую цензуру (Гублит) по поводу утверждения программы работы кинотеатра «Павильон де Пари».

² ЦГА ЛИ, ф. 83, оп. 1, ед. хр. 221, л. 316–317.

³ Там же, л. 96 об.

⁴ ЦГА, ф. 7384, оп. 12, ед. хр. 60, л. 100–100об. Вопросные бланки членов Ленсовета (1925).

⁵ ЦГА ЛИ, ф. 283, оп. 5, ед. хр. 5. Из «Анкеты» С. А. Гарина-Гарфильда.

⁶ ЦГАЛИ, ф. 283, оп. 5, ед. хр. 5 л. 62. Из «личного дела» Гарина-Гарфильда.

⁷ Справка о Петрове-Бытове и его семье Управления ФСБ по СПб и Ленинградской области от 17 июня 1996 года.

Глава 7 ОН ПРИКРЫВАЛ УБИЙСТВО ПОЭТА

¹ Российский архив социально-политических документов (РАСПД), Москва, ф. 6, ед. хр. 2465.

² ЦГА, ф. 1963, оп. 180, ед. хр. 3031. Контрольно-финансовые отчеты «Англете́ра» (1925).

³ ЦГА, ф. 3185, оп. 1, ед. хр. 1995, л. 40, Проспект Майорова, 8/21, Домоуправ И. П. Цкирия.

⁴ ЦГА, ф. 1963, оп. 180, ед. хр. 3049, л. 46 (материалы о сексоте ГПУ Льве Рубинштейне).

⁵ ЦГА, ф. 3185, оп. 1, ед. хр. 2148, л. 39. Данные об инвентаризации гостиницы «Англете́р» на 15 марта 1926 года.

⁶ ЦГА, Там же, л. 8–9.

⁷ ЦГА, ф. 1963, оп. 180, ед. хр. 3038 (списки жильцов «Англете́ра», 1926 года).

⁸ Лукницкий П. Н. Встречи с Анной Ахматовой. Т. 1. 1924–1925, Paris, IVCA-Press, 1991. С. 314.

⁹ Смерть Сергея Есенина: Документы, факты, версии. М., «Наследие», 1996. С. 379.

¹⁰ ЦХИДНИ, ф. 6, ед. хр. 2465, л. 38, 57.

¹¹ ЦХИДНИ, ф. 6, ед. хр. 2465, л. 64.

¹² Устинов Георгий. Годы восхода и заката. – Памяти Есенина. М. Всероссийский Союз поэтов, 1926. С. 87.

¹³ ЦХИДНИ, ф. 6, ед. хр. 2465, л. 29.

¹⁴ ЦХИДНИ, ф. 613, оп. 1, ед. хр. 33, л. 115.

¹⁵ Там же, ф. 6, ед. хр. 2465, л. 31.

¹⁶ Там же, ф. 6, ед. хр. 2465, приложение.

¹⁷ Там же, л. 9.

¹⁸ Клейнборт Л. М. Очерки народной литературы. Факты, наблюдения, характеристики. 1880–1923. Л.: Сеятель, 1924. С. 95.

¹⁹ ЦХИДНИ, ф. 6, ед. хр. 2465, л. 38.

²⁰ Там же, л. 38 об.

²¹ Клейнборт Л. М. Указ. соч. С. 97.

²² ЦХИДНИ, ф. 6, ед. хр. 2465, л. 53.

²³ Макина М. А. Из истории писательских взаимоотношений 1920–1930-х годов (по архивным материалам И. М. Касаткина). – «Русская литература», 1979, № 4. С. 143.

²⁴ ЦХИДНИ, ф. 17, оп. 100, ед. хр. 41835, л. 3.

²⁵ Там же, ф. 6, ед. хр. 2465, л. 29.

²⁶ Там же, л. 58.

²⁷ Там же, л. 33.

²⁸ Там же, л. 37.

²⁹ Там же, л. 46.

³⁰ С. А. Есенин. Материалы к биографии. М., 1992. С. 255–264.

³¹ ЦХИДНИ, ф. 6, ед. хр. 2465, л. 33.

³² Там же, ф. 17, оп. 100, ед. хр. 41835, л. 12.

³³ Там же, ф. 6, ед. хр. 2465, л. 58-58 об.

³⁴ Там же, ф. 17, оп. 100, ед. хр. 41835, л. 4.

³⁵ Там же, ф. 6, ед. хр. 2465, л. 38 об.⁴

³⁶ Там же, ф. 17, оп. 100, ед. хр. 41835, л. 14.

³⁷ Устинов Г., Бесядовский К. Современная Румыния. Высший военный редакционный совет. М., Госиздат, 1923.

³⁸ ЦХИДНИ, ф. 6, оп. 100, ед. хр. 2465, л. 52.

³⁹ Там же, л. 65.

⁴⁰ Там же, л. 57.

⁴¹ ЦХИДНИ, ф. 6, ед. хр. 2465, л. 58 об.

⁴² Там же, л. 73.

⁴³ Там же, л. 84.

⁴⁴ Смерть Сергея Есенина: Документы, факты, версии. М.: Наследие, 1996. С. 16.

Глава 8

ЛЖЕСВИДЕЛИ

¹ ЦГА, ф. 3185, оп. 1, ед. хр. 1995. Трест коммунальных домов. И. П. Цкирия. – Там же: ед. хр. 2367 (автографы, письма).

² Справка архива Управления ФСБ (СПб.) о сотруднике ГПУ–НКВД И. И. Ханесе (23 июля 1994 г.) № 10/32-П-10662.

³ ЦГА, ф. 3185, оп. 1, ед. хр. 709, л. 13. Трест коммунальных домов. Данные о В. В. Васильевой, горничной и уборщице № 5 гостиницы «Англетер».

⁴ Подробнее о Михаиле Фромане (Фракмане) см.: «Писатели Ленинграда. Библиографический справочник». Л., 1982. – См. также: И. М. Басалаев. Записки для себя. Тетрадь 1-я (1926). – ОР РНБ, ф. 1076, оп. 1, ед. хр. 21.

⁵ О секретном сотруднике ГПУ–НКВД Павле Лукницком см. информацию генерала-перебежчика Олега Калугина в сб.: «Госбезопасность и литература на опыте России и Германии». М.: «Рудомино», 1994. С. 74.

⁶ Неопубликованные материалы о поэте Вс. Рождественском см.: ЦГА, ф. 1963, оп. 180, ед. хр. 4138а, л. 4. – Там же: ед. хр. 4120. – В сб. «Цех поэтов», Берлин, 1923. С. 68. – Письма (8) В. Рождественского к М. Фроману (Фракману): ОР РНБ, ф. 1246, оп. 1, ед. хр. 245. Письма (49) (1927–1962) Вс. Рождественского Мих. Фроману. РО РНБ, ф. 1976, оп. 1, ед. хр. 314.

⁷ Письмо В. А. Рождественского В. В. Луизову см. в сб. «Литературный Ростов. Памяти Сергея Есенина...» Ростов-на Дону, 1926. С. 60.

⁸ ЦГА ИПТД, ф. 7, оп. 2, св. 185, ед. хр. 1834. – Павел Николаевич Медведев – ответственный секретарь комсомола 3-го Ленинградского полка войск ГПУ.

⁹ П. Н. Медведев – председатель собрания коллектива войск ГПУ. – (Ленинград, Союз Совработников) [2 января 1925 г.]. – ЦГА ИПТД, ф. 7, оп. 2, ед. хр. 1859. – См.

также «личное дело» П. Н. Медведева (№ 117, 1931 г.: ЦГА, 4331, оп. 19, ед. хр. 297).

¹⁰ В 1940 году ленинградский писатель Герман Матвеев публично отозвался об Н. А. Брыкине на писательском собрании: «Дурак с партийным билетом».

¹¹ Заявление Н. А. Клюева в Президиум губернского исполнкома (1924) см.: ЦГА, ф. 3185, оп. 1, ед. хр. 2367, л. 12 (машинопись).

¹² Илья Ионович Ионов (Бернштейн), издатель. – См. его «личные дела» № 557081, № 95404 (ЦГА ИПТД). – См. также: «Пролетарские писатели. Антология пролетарской литературы». М., 1924. С. 296–297. Полезен сборник: В. Невский. Материалы для автобиографического словаря социал-демократов, вступивших в рабочее движение за период от 1880 до 1905 годов. Вып. 1-й. П-д, 1923. – Переписка Ионова с Горьким (1918–1932). Архив А. М. Горького. М. Горький и советские писатели, т. X, кн. 1-я. – См. также: Секретная переписка Ленотгиза и «Прибоя» (1926–1928), ЦГА ИПТД, ф. 1125, оп. 2, ед. хр. 11.

¹³ ЦГА, ф. 1963, оп. 180, ед. хр. 3704, л. 391. об. – 392. – Биографические материалы о Павле Мансурове.

¹⁴ Письмо Павла Мансурова к О. И. Синьорели о Есенине (10 августа 1972 г.). – «Минувшее» (Париж), 1989, № 8.

¹⁵ Анкета С. А. Семенова: ЦГАЛИ, ф. 35, оп. 2, ед. хр. 632 (1926).

¹⁶ «Трудовая книжка» (1926) С. А. Семенова. – ОР РНБ, ф. 685, ед. хр. 591 (Личные документы (1919–1941 гг.)).

Глава 10 РЕЖИССЕР КРОВАВОГО СПЕКТАКЛЯ

¹ ЦГА, ф. 1863, оп. 180, л. 12. Павел Петрович Петров (Макаревич). Род. в 1895 г. в г. Чериков Могилевской губ. Из автобиографии: по данным домовой книги, служил в Политконтроле ГПУ (ул. Комиссаровская, 7/15, кв. 8). См.

также: В. А. Жучкевич и др. Города и села Белорусской ССР. Историко-биографические очерки. 1959. С. 167.

² ЦГА, ф. 1963, оп. 180, ед. хр. 3031, л. 995–996. – О работе П. П. Петрова в Политконтроле ГПУ см. также: ЦГА, ф. 1963, оп. 180, ед. хр. 3018, л. 44 (1924). Адрес проживания: Комиссаровская, 7/15. Вместе с П. П. Петровым проживали сотрудники ГПУ Мина Бомбан, Клара Аусткали, Н. А. Ширяева-Крамер и др. Тот же адрес проживания отмечается у Петрова П. П. и в 1927 г.: ЦГА, ф. 1983, оп. 180, ед. хр. 3061, л. 135. Кинорежиссер «Совкино»; в июне 1927 г. исполнял обязанности временно исполняющего должность секретаря Гублита. – См.: ЦГАЛИ, ф. 31, оп. 2, ед. хр. 47. Там же переписка Гублита с Политконтролем ГПУ.

³ Саржина Мария Семеновна, прислуга Петрова П. П.: ЦГАЛИ, ф. 83, оп. 3, ед. хр. 8 (1925–1927).

⁴ П. П. Петров-Бытов. Режиссер «Севзапкино» (ул. Красных зорь, 10). – См.: ЦГА, ф. 1963, оп. 180, ед. хр. 3025, л. 2, л. 529 об. – 530. – Там же: ед. хр. 3018, л. 44 (автограф). – Там же; л. 63 об. – Далее: ед. хр. 3483. – См.: ЦГА, ф. 1963, оп. 180, ед. хр. 3061. – См.: ЦГАЛИ, ф. 83, оп. 3, ед. хр. 8 (1925/1926).

⁵ Данные о Макаревиче А. М., отце Петрова (Макаревича) П. П.: – Памятная книжка Могилевской губернии (Горецкий уезд) [1908 г.]. П. П. Петров активно участвовал в революционной работе в Витебской губернии. – «Известия Витебского революционного Совета», 1917, № 14 (14 ноября). – Сотрудник Политконтроля ГПУ. – ЦГА, ф. 1963, оп. 180, л. 5, 64–120 (1923).

⁶ О К. Г. Радзишевском см.: – ЦГАИПТД. «Дело № 95414 (старый номер 791026/1), л. 2. Заместитель начальника Политического управления Красной Армии, служил в Агитотделе губисполкома ВКП(б) (секретарь губотдела А. Я. Рубинштейн).

⁷ Запрос заместителя начальника Петроградского ГПУ И. Л. Леонова об изготовлении бланков Общества работников

искусств (РАБИС) для чекистов. Обращение к П. П. Петрову (Макаревичу): ЦГА, ф. 1963, оп. 180, ед. хр. 4113, л. 332 об. –333 (1923–1924).

⁸ К. Г. Аршавский служил в агитотделе Ленинградской организации ВКП(б).: ЦГАИПТД, «дело № 95414», член коллектива Севзапкино, возглавлял редакцию местной газеты «Кино».

⁹ Об аресте Петрова (Бытова П. П.) 2 сентября 1952 г. см. справку Управления ФСБ (СПб). Имеются данные о членах его семьи.

¹⁰ Григорий Козинцев. Переписка. 1922–1927. М., 1998.

Глава 11 НЕУДАВШИЙСЯ ПОБЕГ

¹ Н. Н. Никитин. Письма к Берте Ароновне Файвуш: ОР РНБ, ф. 1000, ед. хр. 45, л. 15 и 15 об.

² Там же, ф. 355, оп. 1, ед. хр. 54. Письма В. В. Смиренского к Л. И. Аверьяновой.

³ РО РНБ, Письмо Н. Н. Никитина к Б. А. Фабвуш. Письма к ней же: ОР РНБ, ф. РО РНБ, ф. 3355, оп. 1, ед. хр. 54.

⁴ В связях с ГПУ Илью Садофьевым обличал литератор Владимир Смирнский.

⁵ ЦГА, ф. 1963, оп. 180, ед. хр. 3038 (о доме № 8/23 по просп. Майорова, 8/23, управдом П. П. Петров (Макаревич)).

⁶ Список жильцов «Англетера»: ЦГА, ф. 1963, оп. 180, ед. хр. 3031.

⁷ «Личное дело» И. П. Цкирия: ЦГА, 3185, оп. 1, ед. хр. 1995, л. 15 («Анкетный лист»).

⁸ ЦГА, ф. 3185, оп. 9, ед. хр. 1995, л. 15. «Анкетный лист» И. П. Цкирия.

⁹ Служебный формуляр И. П. Цкирия: ЦГА, ф. 3185, оп. 1, ед. хр. 1995, л. 170 (1925–1928).

¹⁰ «Москва», 1995, сентябрь. С. 177.

¹¹ Лаганский (Магазинер) Еремей Миронович. Анкета для словаря современников. Автограф. ОР РНБ, ф. 103, ед. хр. 88 (фонд Г. Г. Бродерсена).

¹² Павел Лукницкий. Глазами очевидца («Аврора», 1982, № 2, С. 42).

¹³ ОР РНБ, ф. 474 (Медведев П. Н. Альбом № 2). Тихонов Н. С., л. 20–21.

¹⁴ Из автобиографии Н. Тихонова (от третьего лица): «...просто он вычеркнул многочисленные факты, о которых рано или вовсе не должно говорить в собственной автобиографии» (1920-е годы). – ОР РНБ, ф. 474, л. 20–21.

¹⁵ Сам Н. Тихонов называл своего отца по матери – латышем, по другим данным, отец – шотландского происхождения.

¹⁶ ЦГА, оп. 180, ед. хр. 3018, л. 23 об. (2 апреля 1924 г.). ул. Комиссаржевская, 11/25. Н. Тихонов: «Категория А»; Л. 16 об. (кв. 20). Указано: Тихонов Семен Семенович. Рабочий 1-й государственной табачной фабрики. Союз пищевиков (№ 1089). Удостоверение фабрики № 1089 (24 марта 1924 г.). Мать – Тихонова Екатерина Давыдовна; сестра – Тихонова Антонина Семеновна.

¹⁷ М. С. Наппельбаум. От ремесла к искусству. М.: Планета, 1972. С. 80.

Глава 12

БЕСТИЯ ИЗ «КРАСНОЙ ГАЗЕТЫ» И ДРУГИЕ

¹ ЦГАЛИ (СПб.), ф. 16, св. 632, ед. хр. 10518, л. 36. Об официальной расклейке стенных газет.

² ЦГА, ф. 31, оп. 52, ед. хр. 36, л. 19 (15 октября 1925 г.). Ленгублит. Цензор «Красной газеты» С. М. Рымшан.

³ ЦГАЛИ (СПб.), ф. 31, оп. 2, ед. хр. 32 (1925–1927), л. 32, 21 июля 1926 г.

⁴ Список обслуживающих английское бюро объединения НКИД «Англете́ра». – ЦГА, ф. 1963, оп. 180, ед. хр. 3024, л. 292.

⁵ ЦГА, ф. 1963, оп. 1а, ед. хр. 691, л. 88. О прачечной А. Я. Рубинштейн (Садовая, 83); там же, л. 23. – См. также: владелица прачечной Устинова Анна Яковлевна: ЦГА, ф. 1963, оп. 180, ед. хр. 5226 (ул. Некрасова, 30, л. 14 об.).

⁶ ЦГА, ф. 1963, оп. 180, ед. хр. 3024 (о проживании в «Англете» Зеленович-Рывкиной).

⁷ ЦГА, ф. 1963, оп. 1а, ед. хр. 691, л. 88. Прачечная А. Я. Рубинштейн (Садовая, 83). С. 23. Там же: Рубинштейн Елизавета Александровна. – См. далее: владелица прачечной Устинова Анна Яковлевна: ЦГА, ф. 1963, оп. 180, ед. хр. 5226 (1925–1926 гг.).

⁸ ЦГА ИПТД, ф. 461665/3, л. 3 (1930–1933 гг.). «Личное дело» А. Я. Рубинштейн. Институт истории Ленинградского университета. О психическом заболевании ее отца. – См. также: А. Я. Рубинштейн. Анкета сотрудника Госиздата (20 мая 1927 г.).

⁹ ЦГАЛИ, ф. 35 (Лениздат), оп. 2, ед. хр. 1122–1163. О проживании А. Я. Рубинштейн в «Астории» (1926), кв. 128.

¹⁰ ЦГА, ф. 1963, оп. 180, ед. хр. 3024 (1925 г.). В «Астории» проживали С. Я. Аллилуев, И. П. Петерс, М. И. Лисовский, В. М. Примаков и др.

¹¹ Автобиографии и «личные дела» А. Я. Рубинштейн см.: ед. хр. 3024, оп. 180 (1924–1925 гг.), л. 2119–2120. – См. также: Весь Ленинград, 1925. С. 342. – Протоколы опроса А. Я. Рубинштейн (11 июня 1931 г.). – ЦГАЛИ, ф. 1273, св. 35, ед. хр. 1967, л. 2. (Биография А. Я. Рубинштейн).

¹² ЦГА ИПТ, «Дело № 148991. НД-706», л. 8. Арест А. Я. Рубинштейн (сентябрь 1936 г.), № 270, п. 10. В комиссии партконтроля при ЦКК ВКП(б) «дело А. Я. Рубинштейн» возглавляли Беллин, Абрамович, Козловский, Залман, Лозинский и др.

¹³ ЦГА, ф. 1963, оп. 180, ед. хр. 5226, л. 149. В 1925 г. В. И. Эрлих живет по ул. Некрасова, 29/33 (?) (№ 30).

¹⁴ ЦГА ИПТД, ф. 4665 (1930–1933). «Личное дело» А. Я. Рубинштейн. Институт истории Ленинградского университета. 1930–1933 гг.: ЦГА ИПТД, ф. 46165, л. 2.

¹⁵ Там же, л. 45.

¹⁶ Там же, л. 4–5.

¹⁷ Там же.

¹⁸ У московского есениноведа Эдуарда Хлысталова хранится письмо шифровальщика ГПУ (автор не разглашает данных о чекисте), распространявшего слухи о Есенине – «английском шпионе». См.: Эдуард Хлысталов. 13 уголовных дел Сергея Есенина. По материалам секретных архивов и спецхранов. М., 1994.

¹⁹ ЦГА ИПТД, ед. хр. 461665/3 (1933). Об А. Я. Рубинштейн, аспирантке Коммунистической академии, работавшей над диссертацией «Гед и гедизм».

²⁰ ЦГА ПТД, ф. 194, оп. 1, ед. хр. 275, л. 3 (22 декабря 1925). Доклад М. Лисовского о «желтой» «Красной газете» и отрицательной характеристике в ней А. Я. Рубинштейн.

²¹ Там же, л. 52. О выступлении Антонова против позиции А. Я. Рубинштейн на собрании партактива типографии им. Володарского.

²² О работе А. Я. Рубинштейн в редакции газеты «Красный набат» см.: 1918, № 63. Агитпроп отдела III Армии с ноября 1918 г.

²³ Краткие исторические данные о политработе в 5-й Армии в связи историей «Красного набата» Фейерабенда, начальника разведки Красной Армии, см. «Красный набат», 1918, 63 (458).

²⁴ О выступлении В. В. Князева в «Красном набате» см., например, его стихотворение (под псевдонимом «Красный звонарь») [1919, 14 августа], «Благовест» («Поверьте, братья...»).

²⁵ ЦГА ИПТД, секретно, ед. хр. 148991. Дело НД – 706. Комиссия при ЦК ВКПб. Об аресте 2 сентября 1936 г. А. Я. Рубинштейн [№ 270, п. 10].

Глава 13

ЧТО КНЯЗЕВ ДЕЛАЛ В МОРГЕ?

¹ Письмо Г. Лелевича В. Князеву (б/д). РО ИРЛИ (РАН), ф. 584, ед. хр. 32, л. 3.

² Допрос В. В. Князева 19 марта 1937 г. «Дело № 23230», ед. хр. П-34970. Справка Управления архива ФСБ (СПб.).

³ Судмедэксперт А. Г. Гиляревский. Протоколы вскрытия мертвых тел. Книга 1-я. 6 января 1926 г. Экспертиза тела Виктора Витенберга. Лист 17. Мэрия Санкт-Петербурга. Архив судмедэкспертизы. — О Гиляревском А. Г. см. также справку ЦГА от 6 декабря 1988 г. (№ 280).

⁴ ЦГА, ф. 4331, оп. 34, ед. хр. 94 (Ленинградский педагогический институт им. А. И. Герцена). Общее собрание коллектива института от 2 апреля 1937 г. Критика директором института Н. И. Стриевской профессора Голанта.

Глава 14

ТРАВЛЯ

¹ Лев Сосновский. Развенчайте хулиганство. «Комсомольская правда», 1927, № 216, 19 сентября.

² Травля С. А. Есенина в печати:

— «Красная газета», 1925, 29 дек.

— «Правда», 1925, 29 дек.

— «Известия», 1925, № 297.

— «Красная газета», 1925, 31 дек.

— «Огонек», 1926, № 1.

— «Последние новости» (Париж), 1926, 26 января, № 1772.

— «Накануне» (Берлин), 1926, 11 июня.

— «Смена» (Кострома), 1926, 9 января.

— «Наша газета», 1926, № 7.

— «Рабочая Москва», 1926, 25 октября.

— «Северная правда» (Кострома), 1920, 13 января.

— «Труд», 1926, 29 декабря.

- «Звезда» (Минск), 1925, 30 декабря.
- «Советская Сибирь», 1925, 30 декабря.
- «Забой» (Луганск), 1925, № 23/24.
- «Юный коммунист», 1926, № 13.

³ Письмо Софии Толстой Максиму Горькому (1927).

⁴ Письмо Зинаиды Райх Михаилу Калинину от 29 мая 1929 года.

⁵ Борис Лавренев. «Казненный дегенератами», «Красная газета», 1925, 29 декабря.

⁶ Владимир Правдухин. «Сибирские огни» (статья «Сергей Есенин»). 1926, № 1/21, с. 174–193.

⁷ Поэт Николай Клюев о Есенине как жертве борьбы за возрождение России. Письмо от 22 января 1922 г. — «Вопли», 1988, № 2, с. 278.

⁸ Об антисоветской троцкистской деятельности А. А. Берзинь см. статью Куняева «Умоляю вас о помощи...» — «Наш современник», 1993, № 6, с. 157.

⁹ Там же, с. 157.

¹⁰ Там же.

¹¹ Г. Горшкова. Опыт социологического анализа творчества Сергея Есенина. — В кн.: Есенин. Жизнь. Личность. Творчество. М., 1926 («Любовь Есенина к родине в наше время является зовом назад. В этом узком патриотизме, быть может, больше всего сказалось влияние замкнутости крестьянской обстановки...» (с. 209)).

¹² В. Л. Львов-Рогачевский. Русско-еврейская литература. М., 1922, с. 50.

¹³ Там же, с. 49.

Глава 15

ОН НЕ ПИСАЛ «ДО СВИДАНЬЯ...»

¹ РО ИРЛИ (РАН), ф. 697, ед. хр. 53. 1930 г., л. 4. Рекомендация бывшего сотрудника Секретной особой части (СОЧ) ГПУ М. Никольского кандидатом в члены ВКП(б) Вольфу Иосифовичу Эрлиху.

² Рукопись стихотворения «До свиданья, друг мой, до свиданья...», приписываемого С. А. Есенину, РО ИРЛИ (РАН). Фонд 817, ед. хр. 14.

³ О несоответствии графолого-психологического анализа почерка Есенина его нравственным и этическим качествам читайте: Ирина Данченко. Графология есть наука весьма практическая. «Чудеса и приключения», 1993, № 12.

⁴ Д. М. Зуев-Инсаров. Почек и личность (способ определения характера по почерку). М., 1929, с. 79.

⁵ Сергей Есенин в стихах и жизни, из письма С. Есенина Екатерине Есениной от 17 сентября 1924 года.

Глава 16 ЗАЩИТНИК ОБРАЗА ХРИСТА

¹ Сергей Есенин в стихах и жизни (ГЛМ, рукопись). Екатерина Есенина. Воспоминания. С. 384.

² Из биографии Н. Н. Горбачева. Николай Посадский. К общей цели через артели. М., 1926.

Глава 17 МЕЖДУНАРОДНЫЙ РАЗБОЙНИК

¹ О Я. Блюмкине см.: Алексей Велидов. Похождения террориста. Одиссея Якова Блюмкина. М., 1998.

² Ленинградская областная организация ВКП(б). Контрольная комиссия Смольнинского района. Дело по обвинению тов. Горбова Николая Михайловича. Коллектив 2-го отделения ЛГМ. «Обвиняется [в] получении взятки. Приговорен лишением свободы на два года (30.VII–30.IX 1930 г.). Ленинградская областная комиссия ВКП(б). Выписка из заседания партколлегии Смольнинского района от 26 сентября 1930 г. Присутствовали: Трилиссер (брать из-

вестного заместителя начальника ОГПУ, Изак, Венгрис, Сондак, Николаев и др.).

Глава 19 КОММЕНТАРИЙ К 18-Й ГЛАВЕ

¹ Георгий Петрович Евсеев, бывший в 1925 году агентом 5-й бригады Активно-секретного отделения Уголовного розыска Административного отдела Ленинградского Губисполкома (АОЛГИ). В 1994 г. подтвердил, что мертвый Есенин был прикреплен к батарее парового отопления. Рапорт начальника 5-й бригады Петра Прокофьевича Громова не разыскан.

Глава 20 ПРИКАЗ ОТДАЛ ТРОЦКИЙ

¹ Эдуард Хлысталов. 13 уголовных дел Сергея Есенина. По материалам секретных архивов и спецхранов. М.: Русланд, 1994.

² Спешка В. И. Эрлиха взять фальшивую справку о смерти Есенина 16 января 1926 г. в ЗАГСе Московско-Нарвского района (а не Центрального, как полагалось) объясняется также тем, что секретарь партийной организации Московско-Нарвского района Ленинграда Даниил Арутюнович Саркис (1898–1938) с 18 января 1926 г. был уволен с работы, что заставило его срочно отдать соответствующий приказ. В годы Гражданской войны состоял в охране «Поезда Троцкого»; выступил с речью на XIV съезде РКП(б) с осуждением позиции Сталина и его сторонников. Выступление Саркиса печаталось в «Ленинградской правде».

³ Справка о сотрудниках 2-го отделения ЛГМ и уголовного розыска Главного управления внутренних дел г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области № 1/158 (29 марта 1995 г.). О Горбове Н. М. см. также: ЦГА, ф. 33, оп. 6, ед. хр. 104,

л. 148 (1922). См. также «Дело Горбова Н. М.» от 19 октября 1927 г. Выписка из протокола № 139 заседания контрольной комиссии Центрального городского района. Здесь же характеристика Горбова Н. М.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. Поэт не жил в «Англете́ре»	3
Глава 2. Коменданта́ «Англете́ра» Назаро́в и милиционер Горбов	22
Глава 3. Вторая «ко́жаная куртка» Ленинграда.....	48
Глава 4. Сексот ГПУ «с волчье́й головой»	52
Глава 5. Подруга с Лубя́нки	63
Глава 6. Фантомас из салона Гариной-Гарфи́льд.....	70
Глава 7. Он прикрывал убийство поэта.....	77
Глава 8. Лже́свидетели.....	105
Глава 9. Чеки́сты в белых хала́тах.....	155
Глава 10. Режиссер кровавого спектакля.....	159
Глава 11. Неудавши́йся побег.....	171
Глава 12. Бе́стия из «Красной газеты» и другие.....	184
Глава 13. Что Князев делал в морге?.....	205
Глава 14. Травля.....	221
Глава 15. Он не писал «До свиданья...».....	230
Глава 16. Защи́тник образа Христа.....	249
Глава 17. Международный разбойни́к	261
Глава 18. Слово убийцы	273
Глава 19. Комментарий к 18-й главе	282
Глава 20. Приказ отдал Троцкий.....	291
Примечания к главам	331

Серия «ТАЙНЫ ВЕЛИКИХ»

Виктор Кузнецов

**СЕРГЕЙ ЕСЕНИН.
КАЗНЬ ПОСЛЕ УБИЙСТВА**

Ответственный за выпуск *С. З. Кодзова*

Редактор *Н. Н. Сотников*

Корректор *Л. С. Самойлова*

Верстка *Ю. Л. Каптен*

Дизайн обложки *И. А. Андреев*

Подписано в печать 20.11.05.

Формат 84 × 108 $\frac{1}{32}$. Печать офсетная.

Бумага газетная. Гарнитура «NewtonC». Уч.-изд. л. 16,53.
Усл. печ. л. 18,48. Изд. № 05-0314-ТВ. Доп. тираж 3000 экз.
Заказ № 1928

Издательский Дом «Нева»
199155, Санкт-Петербург, ул. Одоевского, 29

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов
в полиграфической фирме «Красный пролетарий»
127473, Москва, Краснопролетарская, 16

Издательский Дом «Нева» представляет

в серии

ТАЙНЫ ВЕЛИКИХ

А. БУШКОВ

СТАЛИН. КОРАБЛЬ БЕЗ КАПИТАНА

Новый взгляд на роль Сталина в российской истории!

1917 год... Октябрьская революция. Солдаты и матросы штурмуют то ли Зимний, то ли его винные подвалы... Нахлынувшая волна народного негодования смывает всех подряд, независимо от происхождения и убеждений.

На капитанский мостик Российского государственного корабля поднимается величайший диктатор XX века Иосиф Сталин. Есть ли в его революционной биографии факты, которые он хотел бы скрыть? Был ли он все-таки агентом царской охранки? Почему во время Октябрьских событий Сталин старался оставаться в тени, на трибунах не красовался и зажигательных лозунгов в массы не бросал?

Александр Бушков верен своему оригинальному методу: он развенчивает всевозможные мифы о Сталине и ломает устоявшиеся стереотипы. Выводы, которые он делает, даже любителям исторических сенсаций могут показаться парадоксальными, иногда – шокирующими.

СТАЛИН. СХВАТКА У ШТУРВАЛА

Послереволюционные годы... В стране нет ни власти, ни законов, ни порядка. Поистине Вторая российская Великая Смута. Неописуемый хаос в стране, отягощенный тяжелейшими последствиями Первой мировой войны, и как следствие – Гражданская война и большевистский террор... И все это на фоне ожесточенной борьбы с оппозицией.

Что должен был делать в этих условиях Сталин? Править «железной» рукой или все-таки идти на компромиссы? Насколько цели, поставленные «красным императором», оправдывали средства? Рассказывая читателю о деятельности Сталина на посту руководителя государства, о его партийных проблемах и о его личной жизни, Бушков создает образ человека решительного, но не уверенного в себе, не лишенного обычных человеческих слабостей, но не имевшего права на ошибку...

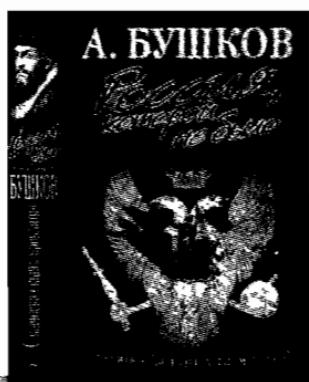
Издательский Дом «Нева» представляет

проект

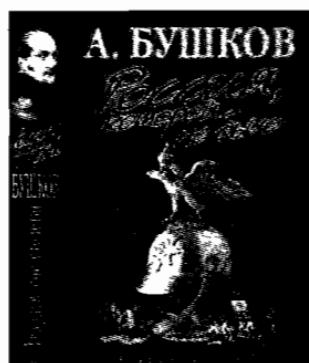
Александра БУШКОВА

ЗАГАДКИ ИСТОРИИ

РОССИЯ, КОТОРОЙ НЕ БЫЛО 1

РОССИЯ, КОТОРОЙ НЕ БЫЛО 2

СЛАВЯНСКАЯ КНИГА ПРОКЛЯТИЙ

Мы плохо знаем историю своей страны. Речь идет не об официальной истории, которая полна «белых пятен» и неразгаданных тайн, которая грешит подтасовкой фактов, невежественной трактовкой и вечным политическим окрасом. Речь идет о нашей истинной истории.

Рассказ о России со времен Крещения Руси и до конца Петровской эпохи в исполнении А. Бушкова звучит необычно и наверняка у многих вызовет гнев и крайнее раздражение, потому что он посягает на устоявшиеся представления. Эта книга – эталон непредвзятого добросовестного исторического исследования и спорить с ней будет трудно.

ГВАРДЕЙСКОЕ СТОЛЕТИЕ

Этот период в истории России можно датировать предельно точно: с 28 января 1725 года, когда умер Петр Великий, до 14 декабря 1825 года, когда картечь Николая I положила конец блистающему и кровавому, веселому и жуткому, романтичному и нас kvозъ обыденному Гвардейскому Столетию.

Книга А. Бушкова посвящена не только царствующим особым того времени, но и трубадурам гвардейской вольности, последним, кто попытался воспользоваться старинной привилегией гвардии решать судьбу трона и того, кто на нем восседает...

Издательский Дом «НЕВА»

представляет лучшие произведения классической и современной литературы

По вопросам размещения рекламы в книгах обращайтесь по телефону (812) 303-8534

Издательский Дом «НЕВА»

ОФИС

199155, Санкт-Петербург, ул. Одоевского, д. 29

тел.: (812) 303-8530, 303-8534

по факс: (812) 303-8531

E-mail: mail@id-neva.spb.ru; office@id-neva.spb.ru

Мы приглашаем вас к сотрудничеству и предлагаем следующий комплекс услуг:

- Оптовые поставки книг
- Гибкую дисконтную систему
(в т. ч. возможность товарного кредитования)
- Проекты по продвижению новинок (специальные акции)
- Маркетинговую поддержку розничных продаж
- Услуги по транспортировке

Отделы оптовых продаж:

В Санкт-Петербурге

196084, ул. Киевская, д. 22/24-б, офис 100

тел.: (812) 746-7203, 746-7180

факс: (812) 746-7135

e-mail: opt@id-neva.spb.ru

В Москве

129075, Звездный бульвар, д. 23, стр. 12

тел.: (095) 215-3221, 215-1285, 216-2918

Добавочные №№: 199, 344, 345

e-mail: savenkova@id-neva.spb.ru

Книга почтой:

Это простой, надежный и удобный способ доставки.

Закажите понравившуюся книгу прямо себе домой!

Для этого передайте заказ нашим менеджерам

любым доступным способом:

по телефонам (812) 746-7212, 746-7203, 746-7180

по факсу (812) 746-7135

по электронной почте: postbook@bk.ru

письмом: 195271, Санкт-Петербург, а/я 226, Петровой К. В.

Издательский Дом «НЕВА» предлагает вам ознакомиться
с прайс-листом и планом выхода новых книг на нашем сайте:

www.id-neva.spb.ru

ЕСЕНИН

ТАЙНЫ ВЕЛИКИХ

Автор книги В. И. Кузнецов представляет новые сенсационные факты, касающиеся гибели Сергея Есенина и убедительно доказывающие убийство великого русского поэта, а также нарушительство над его жизненной и творческой судьбой. Представленные доказательства дают возможность правильно рассставить акценты в «деле» Есенина и тем самым покончить с беспрецедентной фальсификацией истории его смерти.

* Почему официальная версия в самоповешении поэта в «Англете» отмечается автором как несостоятельная?

* Какие материалы, касающиеся смерти Есенина, скрывали и продолжают скрывать архивы КГБ – ФСБ и МВД?

* Какое отношение к «делу» Есенина имело ГБУ и конкретные

ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИН
OZON.RU убил

ISBN 5-7654-4497-0

24916061

НЕВА